

Собственная книга пиратов. Подлинные рассказы о самых знаменитых морских разбойниках

Чарльз Эллмс

The Pirates Own Book

Charles Ellms

The Project Gutenberg eBook of The Pirates Own Book

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Pirates Own Book

Автор: Чарльз Эллмс

Дата выхода: 1 апреля 2004 [eBook #12216]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Л. Барбером и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА "СОБСТВЕННАЯ КНИГА ПИРАТА"

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Собственная книга пирата", автор Чарльз Эллмс.

Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Л. Барбером и группой онлайн-распределенной корректуры Проекта Гутенберга

СОБСТВЕННАЯ КНИГА ПИРАТОВ

Подлинные рассказы о самых знаменитых морских разбойниках.

Автор: Чарльз Эллмс.

Первоначально опубликовано в 1837 году

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ДАТСКИЕ И НОРМАНДСКИЕ ПИРАТЫ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ПОДВИГИ КАПИТАНА ЭВЕРИ

ИСТОРИЯ ПИРАТОВ ДЖОАССАМИ

ОЧЕРК О ВОЖДЕ ДЖОАССАМИ - РАХМА-БЕН-ДЖАБИРЕ

ЖИЗНЬ ЛАФИТТА, ПИРАТА ЗАЛИВА

ЖИЗНЬ КАПИТАНА РОБЕРТСА

ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ГИББСА

ИСТОРИЯ И КАЗНИ ИСПАНСКИХ ПИРАТОВ

ЖИЗНЬ БЕНИТО ДЕ СОТО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА. РОБЕРТ КИДД

КРОВАВАЯ КАРЬЕРА И КАЗНЬ ВИНСЕНТА БЕНАВИДЕСА

ЖИЗНЬ КАПИТАНА ДЭВИСА

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛАЙСКИХ ПИРАТОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КОНДЕНТА

ЖИЗНЬ КАПИТАНА. ЭДВАРД ЛОУ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ЭДВАРДА ЛОУ ЭДВАРДА АНГЛИИ

ИСТОРИЯ ПИРАТОВ ЛИННА

ИСТОРИЯ ПИРАТОВ ЛАДРОНА

ЖИЗНЬ КАПИТАНА ЛЬЮИСА

ЖИЗНЬ, КАРЬЕРА И СМЕРТЬ КАПИТАНА. ТОМАС УАЙТ.

ЖИЗНЬ, ЗЛОДЕЯНИЯ И КРОВАВАЯ СМЕРТЬ ЧЕРНОЙ БОРОДЫ

ПОДВИГИ, АРЕСТ И КАЗНЬ КАПИТАНА ЧАРЛЬЗА ВЕЙНА. ЧАРЛЬЗА ВЕЙНА

ПИРАТЫ ЗАПАДНОЙ ИНДИИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗНЬ КАПИТАНА. ДЖОН РАКАМ

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ АННЫ БОННИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ГЕРОИЗМ МЭРИ РИД

ИСТОРИЯ АЛЬГЕРИНСКИХ ПИРАТОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, СУД И КАЗНЬ КАПИТАНА ГОУ

ПЕСНЯ ПИРАТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сознании мореплавателя с именем пирата связан суеверный ужас; и мало найдется тем, которые интересуют и возбуждают любопытство человечества больше, чем отчаянные подвиги, нечестные поступки и дьявольская карьера этих чудовищ в человеческом обличье. Пиратская команда, как правило, формируется из отчаянных и беглецов всех времен и народов. Пират, в силу опасного характера своего занятия, когда он не плавает по океану, великой магистрали народов, выбирает для своего убежища самые одинокие морские острова или скрывается у берегов рек, заливов и лагун густо заросших лесом и необитаемых стран, чтобы в случае преследования скрыться в лесах и горных теснинах внутренних районов. Острова Индийского океана, восточное и западное побережья Африки, а также Вест-Индия были их пристанищем на протяжении веков; Суда, курсирующие по Атлантическому и Индийскому океанам, часто захватываются ими, пассажиры и команда убиваются, деньги и наиболее ценная часть груза расхищаются, судно уничтожается, таким образом, стираются все следы их несчастной судьбы, а друзья и родственники остаются оплакивать их потерю от бедствий стихии, когда они были хладнокровно убиты своими товарищами, которые, практически приняв максимум, что "мертвецы не рассказывают сказки", позволяют себе безнаказанно продолжать свою дьявольскую карьеру. Пират по-настоящему любит женщин и вино, а когда не занимается грабежом, то сходит с ума от опьяняющих напитков и проводит время в разврате, распевая старые песни с припевками вроде

"Осуши, осуши чашу, каждая бесстрашная душа,
Пусть мир вилает, как хочет:
Пусть рычат небеса, пусть воет дьявол,
Сливай, сливай глубокую чашу и наполняй".

Таким образом, часы отдыха проходят в диких и экстравагантных забавах среди высоких лесов пальм и пряных рощ Торридской зоны, а также среди ароматных и прекрасных цветущих овощей этого региона. Ему приходится по вкусу фрукты, а в качестве спутниц - неискушенные дочери Африки и Индии. Можно было бы предположить, что его дикая карьера будет одной из самых приятных.

Но опасения и предчувствия разума под влиянием угрызений совести очень сильны, и каждый человек, будь то цивилизованный или дикарь, имеет в своей конституции моральное чувство, которое тайно осуждает его, когда он совершает зверский поступок, даже если он находится в ситуации, которая ставит его выше страха перед человеческим наказанием, ибо

"Совість, мучитель души, невидимый.

Яростно бьет острым бичом внутри;

Суровые указы могут держать в трепете наши языки,

Но уму нашему какие эдикты могут дать закон?

Даже ты сам в своей груди расскажешь

О преступлениях своих, и совесть твоя будет адом".

С именем пирата также связаны представления о богатом грабеже, шкатулках с зарытыми драгоценностями, сундуках с золотыми слитками, мешках с диковинными монетами, спрятанных в одиноких, глухих местах или зарытых на диких берегах рек и неизведанных морских побережьях, у скал и деревьев с таинственными знаками, указывающими, где спрятаны сокровища. А так как он неизменно скрывает и закапывает свою добычу, да и из-за опасной жизни, которую он ведет, будучи часто убитым или захваченным в плен, он никогда не может снова посетить это место, огромные суммы остаются зарытыми в этих местах и безвозвратно теряются. В поисках часто участвуют люди, которые трудятся в предвкушении того, как они выловят лопатой и киркой золотые слитки, бриллиантовые кресты, сверкающие среди грязи, мешки с золотыми дублонами и сундуки, тесно заставленные мойдодырами, дукатами и жемчугом; но хотя таким образом прячутся огромные сокровища, редко случается, чтобы хоть одно было найдено.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно универсальному праву народов, грабеж или насильственное разграбление в "открытом море"

animo furandi

является пиратством. Смысл выражения "открытое море" охватывает не только воды океана, находящиеся вне видимости суши, но и воды на морском побережье ниже отметки низкого уровня воды, будь то в пределах территориальных границ иностранного государства или внутреннего государства. Блэкстон говорит, что главное море или открытое море начинается от отметки низких вод. Но между отметкой высокой воды и отметкой низкой воды, где приливы и отливы, общее право и Адмиралтейство имеют

divisum imperium

то есть попеременная юрисдикция: одна - на воде, когда море полноводно, другая - на суше, когда оно отливает". Несомненно, здесь он имеет в виду воды океана на морском побережье, а не в бухтах и заливах. Лорд Хейл говорит, что море - это либо то, что находится в теле страны, либо вне его. То, что лежит вне тела страны, называется главным морем или океаном. Таким образом, применительно к штатам Американского союза "открытое море" может означать ту часть океана, которая омывает морское побережье и находится вне тела

любой страны, согласно общему праву; а применительно к иностранным государствам - любые воды на их морских побережьях, ниже отметки низкого уровня воды.

Пиратство - это преступление против всеобщего закона общества: по словам сэра Эдварда Коука, пират - *это hostis humani generis*. Поскольку, таким образом, он отказался от всех благ общества и правительства и низвел себя до дикого состояния природы, объявив войну всему человечеству, все человечество должно объявить войну ему; так что каждое сообщество имеет право по правилу самообороны наложить на него то наказание, на которое в естественном состоянии имел бы право каждый человек за любое посягательство на его личность или личное имущество. По различным законам Англии и Соединенных Штатов пиратством считаются и другие правонарушения. Так, если подданный любой из этих наций совершает враждебный акт против своего соотечественника в открытом море под прикрытием поручения любой иностранной державы, этот акт является пиратством. Так, если капитан какого-либо судна или моряк убежит с судном или товарами или добровольно отдаст их пирату, или если какой-либо моряк насильственно наложит руки на своего командира, чтобы помешать ему сражаться в защиту судна или товаров, переданных в его распоряжение, или устроит бунт на судне, то по законам Соединенных Штатов и Англии эти преступления являются актами пиратства. В Англии по статуту 8 Георгия I, с. 24, торговля или общение с известными пиратами, или насильственная высадка на любое торговое судно (хотя и без захвата или уноса) и уничтожение любого товара на борту объявлены актами пиратства; и по статуту 18 Георгия II. с. 30, любой прирожденный подданный или житель, который во время войны совершает какие-либо военные действия на море против любого из своих подданных или помогает врагу в этом деле, подлежит наказанию как пират. Согласно статуту Георга II. с. 25, выкуп любого нейтрального судна, захваченного капитаном частного военного корабля, объявляется пиратством. Актом Конгресса от 30 апреля 1790 года установлено, что если кто-либо в открытом море или в любой реке, гавани или заливе, не подпадающих под юрисдикцию какого-либо штата, совершит убийство или грабеж, или любое другое преступление, которое, будучи совершено в пределах графства, по законам Соединенных Штатов каралось бы смертью, то такой преступник считается пиратом. Согласно Акту Конгресса 1820 г., с. 113, если любой гражданин Соединенных Штатов, состоящий в экипаже любого иностранного судна, или любое лицо, состоящее в экипаже любого судна, полностью или частично принадлежащего любому гражданину Соединенных Штатов, будет заниматься иностранной работоторговлей, то он будет признан пиратом. Несмотря на выражение, использованное в этом законе, вопрос, говорит канцлер Кент, остается нерешенным: будет ли акт участия в работоторговле считаться пиратством в рамках кодекса международного права. В Англии парламентским актом, принятым 31 марта 1824 года, работоторговля также объявлена пиратством. Была предпринята попытка заключить конвенцию между Соединенными Штатами и Великобританией, в которой должно быть оговорено, что обе страны должны рассматривать работоторговлю как пиратство; но эта попытка до сих пор не увенчалась успехом. Во времена Ричарда III, согласно законам Оберона, все неверные считались пиратами, а их имущество подлежало конфискации в любом месте. По праву народов, захват товаров пиратами не лишает их фактического владельца. По гражданским законам Испании и Венеции, корабли, отнятые у пиратов, становились собственностью тех, кто их захватывал. Пиратство повсеместно преследуется и карается смертью, и пираты не могут получить никаких прав путем завоевания. Для целей юрисдикции в делах о пиратстве не имеет значения, кто или где совершил пиратское преступление. Пират, являющийся таковым по праву народов, может быть судим и наказан в любой стране, где его можно найти; ведь он считается находящимся вне защиты всех законов. Но если закон какого-либо правительства объявляет пиратством преступление, совершенное на борту одного из собственных судов; такое преступление будет наказываться

исключительно государством, принявшим этот закон. В Англии это преступление раньше могло быть рассмотрено только адмиралтейскими судами, которые рассматривали дела без присяжных по методу, основанному на гражданском праве. Но в соответствии со статутом Генриха VIII. с. 15 было принято постановление о том, что пиратство должно рассматриваться комиссарами, назначаемыми лордом-канцлером, причем обвинение сначала рассматривается большим жюри из двенадцати человек, а затем разбирается другим жюри, как в общем праве. Среди комиссаров всегда есть несколько судей общего права. В Соединенных Штатах пиратов судят в окружном суде Соединенных Штатов. Пиратство известно с глубокой древности; ведь в ранние века каждое небольшое морское государство было склонно к пиратству, а мореплавание было опасным. Эта привычка была настолько распространена, что к ней относились с безразличием, и, будь то купец, путешественник или пират, чужака принимали на правах гостеприимства. Так, Нестор, накормив Ментора и Телемаха обильным пиром, замечает, что пир окончен, и пора пригласить гостей к их делам. "Кто вы, - спрашивает престарелый принц, - купцы, направляющиеся в какой-нибудь порт, или просто авантюристы и пираты, которые скитаются по морям без всякой цели и живут грабежом и разорением?"

ДАТСКИЕ И НОРМАНДСКИЕ ПИРАТЫ

Саксы, народ, предположительно происходящий от кимбров, объединивший рыболовство и пиратство, в ранний период начали свои опустошительные набеги в Германском океане; берега Галлии и Британии на протяжении многих веков были открыты для их грабежей. Примерно в середине пятого века нелюдимый Вортигерн, тогдашний король Британии, принял роковое решение обратиться к этим выносливым воинам с просьбой избавить его от назойливых набегов пиктов и шотландцев; следствием этого стала экспедиция Хенгиста и Хорсы. Мы упоминаем об этой памятной эпохе не из-за ее политического значения, как бы велико оно ни было, а из-за ее влияния на пиратство; ведь успех подобных предприятий, похоже, настроил все северные народы на морскую войну. Датчане, норвежцы и шведы, благодаря своим превосходным знаниям в области мореплавания, больше всего отдавались ей; и на каком бы побережье их ни заносило ветром, они свободно расправлялись со всем, что попадалось им на пути. Канут Четвертый тщетно пытался подавить эти незаконные беспорядки среди своих подданных, но они были настолько раздражены его ограничениями, что убили его. Когда король Швеции был захвачен датчанами, всем его подданным было разрешено вооружаться против врага, грабить его владения и продавать свои призы в

Рибнице и Гольнице. Это оказалось плодородным рассадником пиратов, которые стали настолько грозными под именем "жертв Бродерса", что несколько князей были вынуждены вооружиться против них и повесить некоторых из их вождей.

Даже женщины Севера заразились духом эпидемии и с гордостью предали себя опасностям морской жизни. Саксо-Грамматик рассказывает интересную историю об одной из них. Альвильда, дочь Синарда, готского короля, чтобы избавиться от насилия, наложенного на ее склонности браком с Альфом, сыном Сигара, короля Дании, приняла образ жизни морехода; переодевшись мужчиной, она села на судно, команда которого состояла из других молодых женщин с испытанной храбростью, одетых таким же образом. В одном из первых плаваний она высадилась в месте, где компания пиратов оплакивала потерю своего командира; чужеземцы были так очарованы воздухом и приятными манерами Альвильды, что единодушно выбрали ее своим предводителем. Благодаря этому подкреплению она стала настолько грозной, что принц Альф был послан в бой с ней. Она выдерживала его атаки с большим мужеством и талантом; но во время сильного боя в Финском заливе Альф взял на abordаж ее судно и, убив большую часть команды, захватил капитана, а именно ее саму, которую, однако, он не знал, потому что она была в чехле, закрывавшем ее лицо. Сняв шлем, принц был приятно удивлен, узнав в ней свою возлюбленную Альвильду; похоже, что теперь его доблесть порекомендовала ему прекрасную принцессу, так как он уговорил ее принять его руку, женился на ней на корабле, а затем приобщил ее к своему богатству и трону.

Карл Великий, хотя и представлялся великодушным и гуманным от природы, в своем экстравагантном рвении к распространению тех догматов, которые он сам принял, был вынужден насаждать их по всей Германии острием меча; его убийства и истребления на этой почве позорят человечество. Более воинственные язычники, приплывшие в Ютландию, откуда ушли саксы, были приняты с добротой и получили возможность наказывать своего гонителя, преследуя его побережье. Приморские города Франции особенно сильно разорялись пиратами, которых называли "норманнами", или людьми Севера; именно благодаря тому, что к ним присоединились многие недовольные, в провинции, которая с тех пор называется Нормандией, этот район получил свое название. Карл Великий, разгневанный таким нахальством, помимо укрепления устьев великих рек, решил построить себе флот, что и сделал: он состоял из 400 самых больших галер, известных в то время, некоторые из них имели по пять или шесть весел. Его люди были, однако, крайне невежественны в морском деле, и в процессе обучения их, он был внезапно призван на юг, вторжением сарацин.

Авильда, женщина-пират.

Другой отряд норманнов, несколько лет спустя, в том же духе эмиграции и жажда, возможно, отомстить за своих обиженных предков, ворвался в провинции Франции, которые вырождение потомства Карла Великого и раздоры, царившие там, сделали дело не очень сложным. Людовик Дебоннер использовал все средства, чтобы поддерживать с ними хорошие отношения; ежегодно уговаривал некоторых из них стать христианами, а затем отправлял их домой, так нагрузив подарками, что выяснилось, что они приходят креститься

снова и снова, только ради подарков, как рассказывает Дю Шен. Но при последующем разделе империи между непослушными сыновьями Людовика пираты не преминули воспользоваться общей неразберихой; почти каждое лето они отважно выходили в море на своих легких кораблях, плыли вверх по Сене, Сомме или Луаре и опустошали лучшие части Франции, почти не встречая сопротивления. В 845 году они подошли к Парижу, разграбили его и собирались напасть на королевский лагерь в Сен-Дени; но, получив большую сумму денег от Карла Лысого, они отступили оттуда и, используя новые средства, которые им предоставили, разорили Бордо, и к ним присоединился Пипин, король Аквитании. Через несколько лет после этого они вернулись в большом количестве. Париж снова был разграблен, а великолепное аббатство Сен-Жермен-де-Пре сожжено. В 861 году Вайланд, знаменитый нормандский пират, возвращаясь из Англии, расположился на зимние каникулы на берегах Луары, опустошил страну вплоть до Турени, разделил женщин и девушек между своими командами и даже уводил детей мужского пола, чтобы воспитать их в своей профессии. Карл Лысый, не имея возможности изгнать его, нанял вольного разбойника за 500 фунтов серебра, чтобы тот вытеснил своих соотечественников, которые досаждали в окрестностях Парижа. Получив эту субсидию, Вайланд с флотом в 260 парусов отправился вверх по Сене и напал на норманнов на острове Ойзель: после долгого и упорного сопротивления они были вынуждены капитулировать и, заплатив 6000 фунтов золота и серебра в качестве выкупа, отбыли к своим победителям. Приобретенные таким образом богатства сделали хищническую жизнь настолько популярной, что пираты постоянно увеличивались в числе, так что под предводительством "морского короля" по имени Эрик они спустились по Эльбе и Везеру, разграбили Гамбург, проникли далеко в Германию и, одержав две битвы, отступили с огромной добычей. Усиленные со всех сторон, пираты еще долго продолжали опустошать Германию, Францию и Англию; одни проникли в Андалусию и Гетрурию, где разрушили процветающий город Луни; другие, спустившись по Днепру, проникли даже в Россию.

Священник, сброшенный с крепостных стен аббатства.

Тем временем датчане предпринимали несколько попыток
поселиться

в Англии, и, соблазненные ее плодородием, побуждали их попытать счастья в различных экспедициях, которые иногда были полностью успешными, а в другое время - фатально гибельными. В конце концов, после нескольких лет борьбы, их успех был настолько убедительным, что король Альфред был вынужден на время оставить свое королевство, как мы все знаем, на их разорение. Они сразу же перешли в Ирландию и разделили ее на три государства: Дублин достался Олафу, Уотерфорд - Ситриху, а Лимерик - Йивару. Эти меры рассеяли силы врага, и, воспользовавшись удобным случаем, Альфред вышел из отступления, обрушился на них, как молния, и учинил над ними великую резню. Этот принц, слишком мудрый, чтобы истребить пиратов после того, как он их победил, отправил их заселять Нортумберленд, который был опустошен их соотечественниками, и этой гуманной политикой заручился их привязанностью и услугами. Затем он вновь захватил Лондон, украсил его, снарядил флоты, сдержал датчан в Англии и не позволил другим высадиться. За двенадцать лет мира, последовавших за пятьюдесятью шестью битвами, этот великий человек составил свой свод законов, разделил Англию на графства, сотни и десятины и основал Оксфордский университет. Но после смерти Альфреда берега посетили новые стаи пиратов, среди которых самыми грозными были датчане, которые более века сеяли запустение и несчастья по берегам Темзы, Медузы, Северна, Тамара и Эйвона, хотя их неоднократно склоняли к этому весомыми взятками, взимаемыми с помощью деспотичного и унижительного налога, называемого

Данегельт

и которые, как и в большинстве других случаев, продолжались еще долго после того, как он выполнил свое намерение.

В конце IX века один из сыновей Рогнвальда, графа Оркадского, по имени Горольф, или Ролло, зачавший к берегам Норвегии с пиратскими набегами, был в конце концов побежден и изгнан Гарольдом, королем Дании. Он бежал в поисках безопасности на скандинавский остров Содере, где, найдя множество разбойников и недовольных беглецов, обратился к их страстям и сумел поставить себя во главе их. Вместо того чтобы снова помериться силами со своим государем, он принял более мудрую политику, подражая своим соотечественникам, и заработал свое состояние, грабя более богатые места Южной Европы. Первая попытка этой могущественной шайки была предпринята в Англии, где, обнаружив, что Альфред слишком силен, чтобы с ним можно было справиться, он отступил к устью Сены и воспользовался состоянием, в котором находилась Франция. Однако Горольф не ограничивал свои амбиции добычей; он хотел постоянно наслаждаться некоторыми из прекрасных стран, которые он разорял, и после многих заключенных и нарушенных договоров получил в качестве вотчины голландскую Нормандию из земель Карла Простого, а также Гизлу, дочь французского монарха, в жены. Так простой пират основал семью, которая за несколько лет дала государям Англии, Неаполя и Сицилии и разнесла славу об их талантах и доблести по всему миру.

Европа также не была открыта для грабежей только северных пиратов. Некоторые азиатские мусульмане, захватив Сирию, немедленно вторглись в Африку, а их последующие завоевания в Испании способствовали их проникновению во Францию, где они разграбили преданную им страну, не встретив существенных препятствий. Владея всеми островами Средиземноморья, их корсары оскорбляли берега Италии и даже угрожали разрушением Восточной империи. Пока Алексей был занят войной с Пацинаксом на берегах Дуная, Захас, сарацинский пират, рыскал по Архипелагу, построив при содействии умелого смирнийца флотилию из сорока бригантин и нескольких легких быстроходных лодок, укомплектованных такими же авантюристами, как он сам. Захватив несколько близлежащих островов, он утвердился в Смирне, которая была центром его новоприобретенных владений. Здесь его удача некоторое время процветала, и Солиман, султан Никеи, сын великого Солимана, искал его союза и женился на его дочери, около 1093 года н.э. 1093. Но в следующем году молодой Солиман, убедившись, что его тесть положил глаз на его владения, собственной рукой пронзил Захаса в сердце. Успех этого вольного разбойника показывает, что восточные императоры больше не могли защищать или даже помогать своим островам.

Морское дело оживилось, морская наука быстро совершенствовалась, и преимущества хищнических экспедиций, особенно если они сопровождались и маскировались торговлей, побуждали людей семейных и состоятельных заниматься этим ремеслом. В первую очередь это были венецианцы и генуэзцы, среди которых частные авантюристы, побуждаемые духом предприимчивости, оснащали вооружение и добровольно поступали на службу к тем государствам, которые считали нужным их содержать; или же они занимались такими грабительскими планами, которые могли окупить их труды и расходы. Примерно в то же время в историю вошли роксоланы, или русские, дебютировавшие в образе пиратов, жадных до добычи и жаждущих разграбления Константинополя - жажда, которую 900 лет еще не удовлетворили. Спустив сотни лодок по реке Бористен, русские мародеры предприняли четыре отчаянные попытки разграбить город кесарей менее чем за два столетия и, похоже, были отбиты только благодаря ужасным последствиям знаменитого греческого пожара.

Англия в это время мало занималась пиратством; у нее не было ничего, достойного названия военно-морского флота; однако Кёр де Лев дал Европе морские законы; ее моряки по мастерству считались выше своих современников; а король Иоанн постановил, что те иностранные корабли, которые отказываются спустить свои флаги под британские, в случае захвата должны считаться законными призами. При Генрихе III, хотя Хью де Бург, губернатор Дуврского замка, разгромил французский флот, залив известью глаза своих противников, военно-морские силы ослабли настолько, что норманны и бретонцы оказались слишком сильны для Чинк-Порт и вынуждены были искать помощи в других портах королевства. Вкус к грабежам стал настолько общим и заразительным, что теперь разрешалось снаряжать каперы, которые быстро превращались в самых жестоких пиратов. Более того: во время разборок между Генрихом и его баронами в 1244 году Синк-Порт, проявлявший безразличие к королевским требованиям, открыто встал на сторону восставших дворян и, по приказу Симона де Монфора, сжег Портсмут. После этого, забыв о мотивах, побудивших их вооружиться, они приступили к совершению различных актов пиратства и, не считаясь ни с чем, кроме своих личных интересов, распространяли свое насилие не только на суда всех стран, имевших несчастье оказаться на их пути, но даже совершали самые неоправданные опустошения имущества своих собственных соотечественников. Это не ограничивалось только судами Синк-Порта; пример и прибыль слишком стимулировали неугомонных; одна дерзкая ассоциация на побережье Линкольншира захватила остров Эли и сделала его местом для грабежа всех прилегающих стран. Некий Уильям Маршалл укрепил маленький остров Ланди в устье Северна и натворил столько бед своими пиратствами, что в конце концов пришлось снарядить эскадру для его усмирения, что и было сделано, и он был казнен в Лондоне; однако этот пример не удержал других людей от подобных действий. Однако государь не обладал достаточными военно-морскими средствами, чтобы подавить бесчинства больших хищных эскадр, и их опустошения продолжали позорить имя англичан в течение двадцати лет, когда доблесть и примирение галантного принца Эдуарда привели их к той покорности, которую не смог добиться его королевский родитель.

Крестовые походы, эти "харум-скарум" экспедиции, возможно, оказали влияние на борьбу с пиратством, хотя у сброда, составлявшего большинство из них, было так же мало принципов, как и у худших из вольных разбойников. С тех пор как Петр Отшельник зажег Европу, все сословия и народы устремились на Восток, так что немногие суда были заняты иначе, чем перевозкой пестрых групп, стремившихся к берегам Палестины; одни из религиозного рвения, другие из неистового фанатизма, третьи из желания отличиться, четвертые ради многочисленных привилегий, которые приобретали крестоносцы, а остальные и большая часть - ради добычи и грабежа, которые им предстояли. Вооружение, снаряженное не менее чем в девяти последовательных попытках, в основном было снаряжено с такой поспешностью и невежеством, и с таким малым выбором, что естественно было ожидать губительных задержек, кораблекрушений и окончательного поражения. Тем не менее, в результате того, что такое невероятное количество людей отправилось в чужие страны, цивилизация продвинулась вперед, хотя огромные средства для ее продвижения были похоронены на Востоке; и те, кто утверждает, что никакой пользы от этого не было, не могут отрицать, что таким образом были устранены по крайней мере некоторые беды. Монтескье говорит, что Европа тогда нуждалась во всеобщем потрясении, чтобы научить ее, кроме вида контрастов, теоремам общественной экономики, наиболее способствующим счастью. И очевидно, что, несмотря на то, что эти безрассудства растратили население Европы, растратили ее сокровища и заразили нас новыми пороками и болезнями, все же крестовые походы уменьшили рабство феодальной системы, увеличив власть короля и силу общин; кроме того, они вызвали очень большую активность в торговле: таким образом, укротив свирепость духа людей, увеличив ценность сельского хозяйства благодаря безопасности,

которой оно пользовалось, и заложив основу для постоянного процветания.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ПОДВИГИ КАПИТАНА ЭВЕРИ

Содержащие рассказ о захвате им одного из кораблей великого Могола, груженного сокровищами, и интересную историю колонии пиратов на острове Мадагаскар.

В его время приключения капитана Эвери стали предметом всеобщего обсуждения в Европе. Говорили, что он женился на дочери Великого Могола, которая была захвачена на индийском корабле, попавшем в его руки, и что он собирается стать основателем новой монархии - что он дал поручения от своего имени капитанам своих кораблей и командирам своих войск и был признан ими как их принц. Вследствие этих сообщений было решено снарядить сильную эскадру, чтобы захватить его и его людей, а в другой раз было предложено пригласить его домой со всеми его богатствами, предложив помилование его величества. Однако вскоре выяснилось, что эти сообщения были беспочвенными, и он действительно голодал, не имея ни шиллинга, в то время как его представляли как обладателя миллионов. Чтобы не истощать терпение и не ослаблять любопытство читателя, кратко расскажем о фактах из жизни Эвери.

Он был уроженцем Девоншира (Англия) и в раннем возрасте отправился в море; дослужившись до должности помощника на торговом судне, он совершил несколько плаваний. До заключения Ризвикского мира, когда существовал союз Испании, Англии, Голландии и других держав против Франции, случилось так, что французы на Мартинике вели контрабандную торговлю с испанцами на континенте Перу. Чтобы предотвратить их вторжение в испанские владения, нескольким судам было приказано крейсировать у этого

побережья, но французские корабли были слишком сильны для них; поэтому испанцы решили нанять иностранцев, чтобы действовать против них. Соответственно, некие купцы из Бристоля снарядили два корабля по тридцать пушек, хорошо укомплектованных и снабженных всеми необходимыми боеприпасами, и приказали им отплыть в Корунну, чтобы получить приказ.

Капитан Гибсон командовал одним из этих кораблей, а Эвери, судя по всему, был его помощником в 1715 году. Он был парнем скорее хитрым, чем смелым, и, войдя в доверие к самым смелым людям на корабле, рассказал об огромных богатствах, которые можно было приобрести на испанском побережье, и предложил бежать с кораблем. Едва это предложение было сделано, как оно было согласовано и приведено в исполнение в десять часов вечера следующего дня. Капитан Гибсон был из тех, кто очень любит свою бутылку, и большую часть времени проводил на берегу; но в ту ночь он остался на борту, что, однако, не помешало их замыслу, поскольку он принял свою обычную дозу и лег спать. Люди, не участвовавшие в конфедерации, тоже легли спать, и на палубе не осталось никого, кроме заговорщиков. В условленное время подошла длинная шлюпка другого корабля, и Эвери, окликнув ее обычным способом, получил ответ: "Ваш пьяный боцман на борту?" - таково было условленное между ними слово. Эвери ответил утвердительно, и лодка подошла к борту с шестнадцатью крепкими парнями, которые присоединились к приключению. Они задраили люки, затем тихонько отдали якорь и без шума и суеты вышли в море. В бухте стояло несколько судов, кроме голландца с сорока пушками, капитану которого предложили немалое вознаграждение за то, чтобы он отправился в погоню за Эвери, но он отказался. Когда капитан проснулся, он позвонил в колокольчик, и Эвери с другим заговорщиком, войдя в каюту, застал его еще полусонным. Он поинтересовался: "Что с кораблем? Ведет ли его? Какая погода?", полагая, что был шторм и корабль сорвало с якорей. "Нет, нет, - отвечал Эвери, - мы в море, ветер попутный, погода хорошая". "В море!" - сказал капитан: "Как это может быть?" "Пойдемте, - ответил Эвери, - не пугайтесь, одевайтесь, и я открою вам секрет. Вы должны знать, что теперь я капитан этого корабля, а это моя каюта, поэтому вы должны выйти; я направляюсь на Мадагаскар, намереваясь сделать свое состояние и состояние всех хабрецов, присоединившихся ко мне".

Капитан, немного придя в себя, начал понимать его слова. Однако испуг его был столь же велик, как и прежде, и Эвери, поняв это, пожелал ему ничего не бояться: "Ибо, - сказал он, - если у тебя есть желание стать одним из нас, мы примем тебя; и если ты будешь трезв и займешься делом, возможно, со временем я сделаю тебя одним из своих лейтенантов; если же нет, вот лодка, и ты сойдешь на берег". Гибсон принял последнее предложение, и, когда вся команда была созвана, чтобы узнать, кто желает сойти на берег с капитаном, нашлось всего пять или шесть человек, которые решили сопровождать его.

Эвери продолжил плавание на Мадагаскар, и, судя по всему, по пути он не захватил ни одного судна. Прибыв в северо-восточную часть острова, он обнаружил на якоре два шлюпа, которые, увидев его, снялись с канатов и выбросились на берег, а все люди высадились и спрятались в лесу. Это были два шлюпа, с которыми люди бежали из Ост-Индии, и, увидев корабль Эвери, они решили, что он был послан за ними. Подозревая, кто они такие, он послал на берег нескольких своих людей, чтобы сообщить им, что они друзья, и предложить союз для их общей безопасности. Люди шлюпа, хорошо вооруженные, расположились в лесу и поставили дозорных, чтобы наблюдать, не высадутся ли корабельные люди, чтобы преследовать их. Дозорные, заметив двух или трех человек, идущих к ним без оружия, не стали им противостоять. Узнав, что это друзья, дозорные препроводили их к основной массе, где и передали свое послание. Сначала они испугались, что это уловка, чтобы заманить их в

ловушку, но когда посланцы заверили их, что их капитан тоже сбежал со своим кораблем и что несколько их людей вместе с ним встретят их безоружными, чтобы посоветоваться об их общей выгоде, доверие было установлено, и они были взаимно довольны, так как это прибавило им сил.

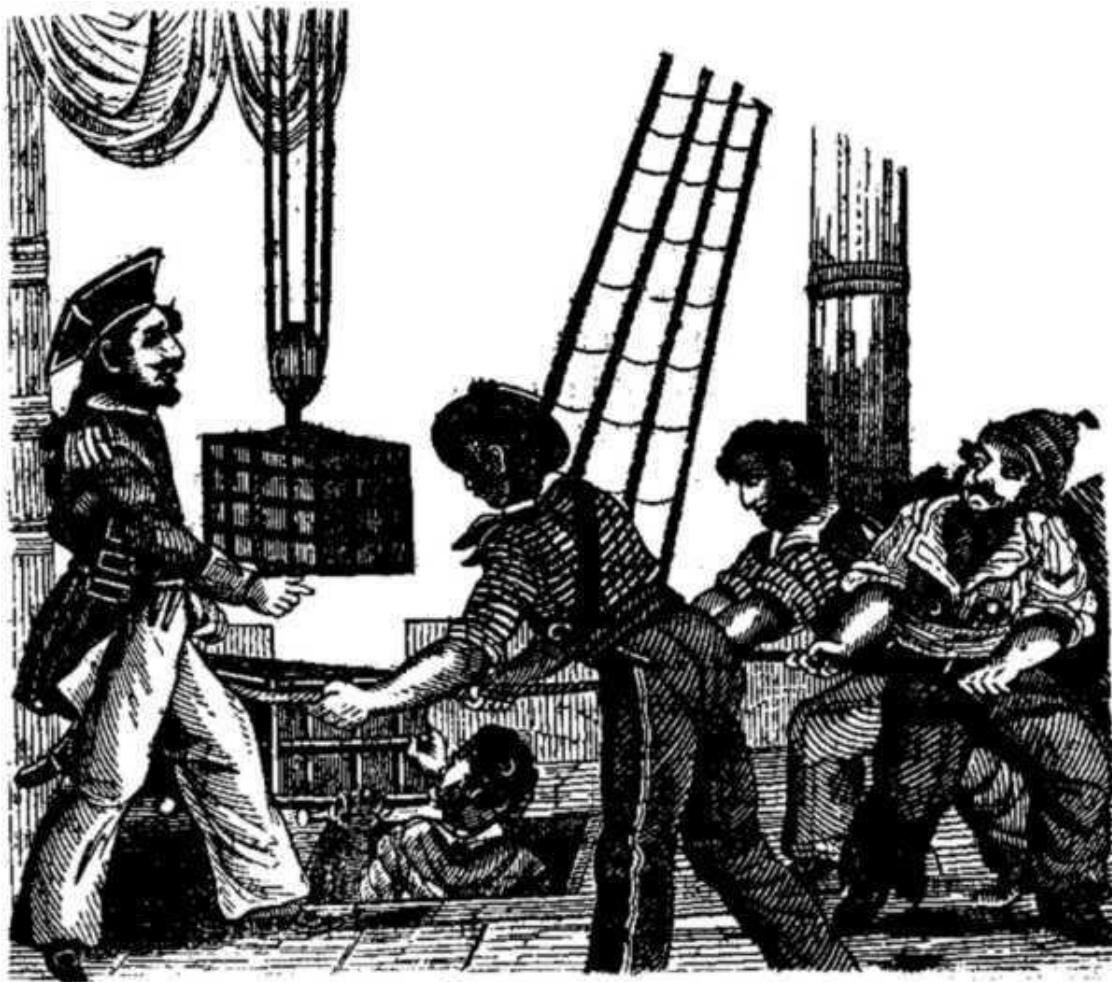
Посоветовавшись, что лучше предпринять, они постарались сойти со шлюпов и поспешили подготовить все необходимое, чтобы отплыть к аравийскому побережью. Возле реки Инд человек на мачте заметил парус, за которым они бросились в погоню; приблизившись к нему, они обнаружили, что это высокое судно, и оно может оказаться ост-индским. Однако она оказалась лучшим призом: когда по ней открыли огонь, она подняла могольские флаги и, казалось, стояла на защите. Эвери стрелял только на расстоянии, когда некоторые из его людей начали подозревать, что он не такой герой, каким его считали. Однако шлюпы атаковали, один с носа, а другой с четверти корабля, и таким образом взяли его на абордаж. После этого корабль заиграл своими красками. Это был один из кораблей Великого Могола, и на нем находилось несколько величайших особ при его дворе, среди которых, как говорили, была одна из его дочерей, отправлявшаяся в паломничество в Мекку; они везли с собой богатые подношения, чтобы преподнести их в святилище Магомета. Хорошо известно, что восточные народы путешествуют с большой пышностью, так что эти люди имели с собой всех своих рабов и слуг, большое количество сосудов из золота и серебра и огромные суммы денег, чтобы покрыть свои расходы на суше; поэтому добыча, которую они получили с этого корабля, была почти неисчислимой.

Капитан Эвери на корабле Великого Могола.

Взяв сокровища на борт своих кораблей и лишив свой приз всего ценного, они позволили ему отчалить. Как только Могол получил эти сведения, он пригрозил послать могучую армию, чтобы истребить англичан из всех их поселений на индийском побережье. Ост-Индская компания была сильно встревожена, но нашла способ успокоить его негодование, пообещав разыскать разбойников и отдать их в его руки. Шум, который это вызвало во всей Европе, породил слухи о величии Эвери.

Тем временем наши искатели приключений с максимальной пользой для себя вернулись на Мадагаскар, намереваясь сделать это место местом хранения всех своих сокровищ, построить небольшой форт и держать там несколько человек для его охраны. Однако Авери расстроил этот план и сделал его совершенно ненужным.

Капитан Эвери принимает три сундука с сокровищами на борт своего корабля.

Прокладывая курс, Эвери послал к каждому из шлюпов по шлюпке с просьбой, чтобы вожди поднялись на борт его корабля для совещания. Они повиновались, и, собравшись, он высказал им мысль о необходимости сохранить добытое имущество в безопасном месте на берегу, заметив, что главная трудность заключается в том, чтобы доставить его на берег; добавив, что, если один из шлюпов будет атакован в одиночку, они не смогут оказать серьезного сопротивления, и поэтому его нужно либо потопить, либо взять со всем находящимся на борту имуществом. Со своей стороны он заявил, что его корабль настолько силен, так хорошо укомплектован и так быстроходен, что он не считает возможным, чтобы какой-либо другой корабль смог захватить или одолеть его. Поэтому он предложил, чтобы все их сокровища были запечатаны в трех сундуках, чтобы у каждого из капитанов были ключи, и чтобы их не открывали, пока все не соберутся; чтобы сундуки были помещены на борт его корабля, а затем спрятаны в каком-нибудь безопасном месте на суше.

Это предложение показалось столь разумным и отвечающим общему благу, что на него без колебаний согласились, и все сокровища сложили в три сундука и перевезли на корабль Эвери. Погода была благоприятной, и они оставались все трое в компании в течение этого и следующего дня; тем временем Эвери, разговаривая со своими людьми, предположил, что теперь у них на борту есть то, чего достаточно, чтобы сделать их всех счастливыми; "и что, - продолжал он, - должно помешать нам отправиться в какую-нибудь страну, где нас не знают, и жить на берегу до конца наших дней в изобилии?" Вскоре они поняли его намек и с готовностью согласились обмануть людей на шлюпах и уплыть со всей добычей; это им удалось сделать в темноте следующей ночи. Читатель может легко предположить, каковы

были чувства и негодование двух других экипажей утром, когда они обнаружили, что Эвери скрылся со всем их имуществом.

Эвери и его люди поспешили в Америку и, будучи чужаками в этой стране, договорились разделить добычу, сменить имена и каждому по отдельности устроиться на новом месте и жить в достатке и почете. Первой землей, к которой они подошли, был остров Провиденс, тогда еще недавно заселенный. Однако им пришло в голову, что величина их судна и сообщение о том, что одно из них сбежало с Гройна, могут вызвать подозрения; поэтому они решили избавиться от своего судна в Провиденсе. Приняв это решение, Эвери, притворившись, что его судно было снаряжено для каперства и, не добившись успеха, он получил от владельцев приказ распорядиться им с наибольшей выгодой, вскоре нашел купца. Продав свой корабль, он тут же приобрел небольшой шлюп.

На нем он и его спутники высадились в нескольких местах Америки, где, ничего не подозревая, рассеялись и поселились в стране. Однако Эвери тщательно скрывал большую часть драгоценностей и других ценных вещей, так что его богатство было огромным. Прибыв в Бостон, он почти решил поселиться там, но, поскольку большая часть его богатства состояла из бриллиантов, он опасался, что не сможет распорядиться ими в этом месте, не будучи схваченным как пират. Поразмыслив, он решил отплыть в Ирландию и через некоторое время прибыл в северную часть этого королевства, а его люди рассеялись по нескольким местам. Некоторые из них получили помилование короля Вильгельма и поселились в этой стране.

Однако богатство Эвери теперь оказалось малоприспособным и вызывало у него большие опасения. Он не мог выставить свои бриллианты на продажу в этой стране, не попав под подозрение. Поэтому, размышляя над тем, как лучше поступить, он решил, что в Бристоль может найтись человек, которому он мог бы довериться. Так он и решил, и, отправившись в Девоншир, послал к одному из своих друзей, чтобы тот встретился с ним в городе под названием Бидефорд. Когда он отвязался от него и других притворных друзей, они согласились, что самым безопасным планом будет отдать его вещи в руки богатых купцов, и не спрашивать, как они к ним попали. Один из этих друзей сказал ему, что знаком с некоторыми, кто очень подходит для этой цели, и если он даст им хорошие комиссионные, то они добросовестно выполнят это дело. Эвери понравилось это предложение, тем более что он не мог придумать другого способа решить это дело, поскольку не мог выступать от своего имени. Соответственно, купцы нанесли Эвери визит в Бидефорд, где он, после решительных заявлений о своей чести и честности, передал им свои вещи, состоящие из бриллиантов и нескольких золотых сосудов. Дав ему немного денег на пропитание, они удалились.

Он сменил имя и тихо жил в Бидефорде, так что на него никто не обращал внимания. Вскоре все его деньги были потрачены, а от купцов не было никаких вестей, хотя он неоднократно писал им; наконец они прислали ему небольшую сумму, но ее не хватило, чтобы оплатить долги. Короче говоря, денежные переводы, которые они ему присылали, были настолько мизерными, что он с трудом мог существовать. Поэтому он решил частным образом отправиться в Бристоль и лично побеседовать с купцами, где, вместо денег, он встретил отвратительный отпор; когда он попросил их свести с ним счета, они заставили его замолчать, угрожая раскрыть его характер; таким образом, купцы оказались такими же хорошими пиратами на суше, как и он на море.

Был ли он напуган этими угрозами или увидел другого человека, который узнал его, неизвестно; однако он немедленно отправился в Ирландию и оттуда очень настойчиво просил своих купцов о снабжении, но безрезультатно; так что он оказался в состоянии нищеты. В этой крайности он решил вернуться и отдаться на милость этих честных бристольских купцов, пусть последствия будут какими угодно. Он взошел на борт торгового судна и добрался до Плимута, откуда пешком отправился в Бидефорд. Он пробыл там всего несколько дней, когда заболел и умер; он не стоил столько, чтобы купить себе гроб!

Теперь мы вернемся назад и расскажем нашим читателям о двух других шлюпах. Обманувшись в предположении, что Эвери обогнал их ночью, они держали курс к месту встречи; но, прибыв туда, к своему печальному разочарованию, не обнаружили никакого корабля. Теперь им предстояло посоветоваться, что лучше всего предпринять в их отчаянном положении. Их запасы были почти исчерпаны, на берегу можно было найти и рыбу, и птицу, но у них не было соли, чтобы вылечить их. Так как они не могли прожить на море без соли, они решили устроить свое жилище на суше. Сделав палатки из парусов и используя другие материалы шлюпов по назначению, они расположились лагерем на берегу. Удачным обстоятельством было и то, что у них было много боеприпасов и стрелкового оружия. Здесь они встретились с некоторыми из своих соотечественников; и поскольку отступление получилось коротким, мы расскажем нашим читателям, как они оказались в этом месте.

Капитан Джордж Дью и Томас Тью получили от губернатора Бермудских островов поручение отплыть к реке Гамбия в Африке, чтобы с помощью Королевской африканской компании захватить французскую факторию, расположенную на этом побережье. Во время сильного шторма Дью не только повалил мачту, но и потерял из виду своего спутника. После этого он вернулся на доработку. Вместо того чтобы продолжить плавание, Тью направился к мысу Доброй Надежды, обогнул его и поплыл к Бабель-Мандебскому проливу. Там он встретил большой корабль с богатым грузом, прибывший из Индии и направлявшийся в Аравию. Хотя на его борту, помимо моряков, находилось триста солдат, Тью отважился напасть на него и вскоре сделал своим призом. Сообщается, что за один этот приз каждый человек получил около трех тысяч фунтов стерлингов. Пленники сообщили, что в том же направлении должны пройти еще пять кораблей, Тью хотел напасть на них, но ему помешали уговоры квартермейстера и других. Разногласия закончились решением покинуть море и обосноваться в каком-нибудь удобном месте на берегу; был выбран остров Мадагаскар. Однако Тью и еще несколько человек через некоторое время отправились на Род-Айленд и добились помилования.

Туземцы Мадагаскара - негры, но отличаются от гвинейцев длиной волос и чернотой лица. Они разделены на небольшие народы, каждый из которых управляется своим князем, ведущим непрерывную войну друг с другом. Пленных, взятых на войне, они отдают в рабство завоевателям, продают или убивают, в зависимости от желания. Когда пираты впервые поселились среди них, их союз был очень желанным для этих князей, и те, к кому они присоединялись, всегда добивались успеха в своих войнах, поскольку туземцы не умели пользоваться огнестрельным оружием. Они несли с собой такой ужас, что одно появление нескольких пиратов в армии обращало в бегство все противостоящие силы.

Благодаря этому они за короткое время стали очень грозными, а пленных, которых они брали на войне, использовали для возделывания земли, а самых красивых женщин брали в жены; они не довольствовались одной, а женились на стольких, скольких могли удобно содержать. Естественным результатом стало то, что они разошлись, каждый выбрал для себя удобное место, где жил по-княжески, окруженный своими женами, рабами и иждивенцами. Не прошло много времени, как столкнувшиеся интересы побудили их также выхватить меч друг

против друга, и они появились во главе своих войск на поле боя. В этих гражданских войнах их численность и сила значительно уменьшились.

Слуга, возвысившийся до состояния господина, обычно становится тираном. Эти пираты, неожиданно возведенные в достоинство мелких князей, пользовались своей властью с самым бесцеремонным варварством. Наказанием за самый незначительный проступок было привязывание к дереву и немедленное простреливание головы. Негры, вконец измученные постоянным притеснением, решили истребить их за одну ночь; осуществить это было нелегко, поскольку они теперь были сильно разделены как по привязанностям, так и по месту жительства. Однако, к счастью для них, одна негритянка, которая была к ним неравнодушна, пробежала двадцать миль за три часа, и, предупредив их об опасности, они объединились и вооружились, чтобы выступить против негров еще до того, как последние собрались. Это небольшое спасение сделало их более осторожными и побудило принять следующую систему политики:...

Убедившись, что страх не является достаточной защитой и что самый храбрый человек может быть убит трусом в своей постели, они старались разжечь войны между негритянскими принцами, в то время как сами отказывались помогать какой-либо из сторон. Естественно, что побежденные бежали к ним за защитой и увеличивали свою силу. Когда же войны не было, они разжигали частные распри и побуждали их мстить друг другу; более того, они даже учили их, как застать врасплох своих противников, и снабжали их огнестрельным оружием, с помощью которого они могли быстрее и эффективнее расправляться с ними. В результате убийца был вынужден бежать к ним за защитой со своими женами, детьми и родственниками. Из интереса они стали настоящими друзьями, поскольку их собственная безопасность зависела от жизни их защитников. К этому времени пираты стали настолько грозными, что ни один из негритянских принцев не осмеливался напасть на них в открытой войне.

Капитан Тью нападает на корабль из Индии.

Придерживаясь такой системы политики, за короткое время каждый вождь значительно увеличил свой отряд, и они разделились, как многие племена, чтобы найти землю для обработки, выбрать подходящие места для строительства жилья и возведения оборонительных гарнизонов. Опасения, которые их будоражили, всегда были очевидны в их общей политике, так как они соревновались друг с другом в строительстве безопасных мест и использовали все меры предосторожности, чтобы предотвратить возможность внезапной опасности либо от негров, либо друг от друга.

Описание одного из таких жилищ покажет страхи, которые будоражили этих тиранов, и окажется занимательным для читателя. Они выбрали место, заросшее лесом, недалеко от реки, и возвели вокруг него вал или ров, такой прямой и крутой, что на него невозможно было взобраться, особенно тем, у кого не было лестниц. Через этот ров был один проход в лес; жилище, представлявшее собой хижину, было построено в той части леса, которую князь считал наиболее безопасной, но так укрытой, что ее нельзя было обнаружить, пока не подойдешь к ней. Но величайшая изобретательность была проявлена при строительстве прохода, ведущего к хижине, который был настолько узким, что по нему могли идти не более одного человека, и был устроен таким замысловатым образом, что представлял собой совершенный лабиринт; путь шел туда и обратно с несколькими небольшими переходами, так что человек, не знакомый с ним, мог пройти несколько часов, не найдя хижины. По бокам этих тропинок были воткнуты в землю остриями наружу большие колючки, которые росли на деревьях в этой стране; а сама тропинка, как уже говорилось, была серпантинной, и если бы человек попытался подойти к хижине ночью, он непременно натолкнулся бы на эти колючки.

Пират и его мадагаскарская жена.

Так, подобно тиранам, они жили, страшась и боясь всех, и в таком состоянии их застал капитан Вудс Роджерс, когда отправился на Мадагаскар на корабле "Делисия" с сорока пушками, намереваясь купить рабов. Он зашел в ту часть острова, где уже семь или восемь лет не было видно ни одного корабля, и встретил там пиратов, которые жили на острове более двадцати пяти лет. В живых оставалось всего одиннадцать человек, окруженных многочисленным потомством детей и внуков.

При виде судна их охватил ужас, они решили, что это военный корабль, посланный для их задержания, и удалились в свои тайные жилища. Но когда они обнаружили на берегу некоторых из команды корабля, не проявлявших никаких признаков враждебности, и

предложивших им купить рабов, они осмелились выйти из своих жилищ в сопровождении принцев. За то время, что они провели на острове, их плащи так износились, что их величествам было по локоть. Нельзя сказать, что они были оборванными, но у них не было ничего, что могло бы их прикрыть, кроме звериных шкур в их естественном состоянии, даже башмаков или чулок; так что они напоминали изображения Геркулеса в львиной шкуре; заросшие бородой и волосами на теле, они выглядели самыми дикими фигурами, какие только может представить себе человеческое воображение.

Продажа рабов, которыми они владели, вскоре обеспечила их более подходящей одеждой и всем остальным необходимым, которое они получали в обмен. Между тем, они стали очень знакомыми, часто заходили на борт и охотно осматривали внутренности корабля, очень фамильярно разговаривали с людьми и приглашали их на берег. Их целью было заставить корабль врасплах ночью. У них было достаточно людей и лодок, чтобы осуществить задуманное, но капитан, подозревая их, держал на палубе такую сильную стражу, что они сочли напрасной попытку. Когда некоторые из них сошли на берег, они задумали захватить корабль, но капитан, заметив их знакомство, запретил кому-либо из своих людей разговаривать с пиратами и разрешил только одному доверенному лицу купить их рабов. Так он покинул остров, оставив пиратов наслаждаться своей дикарской властью. Один из них был водником на Темзе и, совершив убийство, бежал в Вест-Индию. Остальные все были прашниками, и среди них не было ни одного, кто умел бы читать или писать.

Сокровища капитана Эвери.

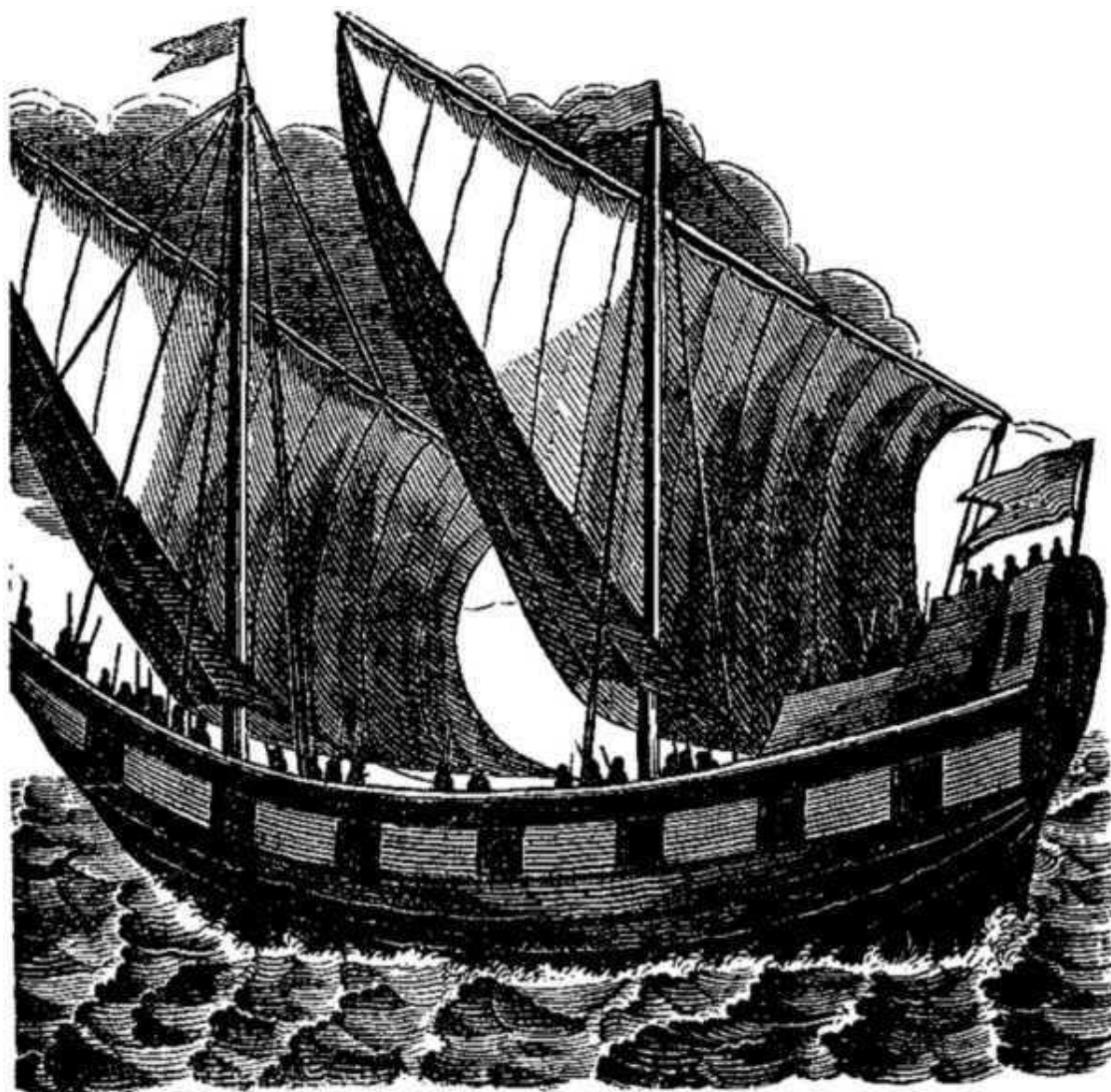
УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПИРАТОВ ДЖОАССАМИ ИЗ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА.

Содержит описание их главного города, Рас-эль-Хима, и рассказ о захвате нескольких европейских судов и варварском обращении с их экипажами... С интересными подробностями о нескольких экспедициях, отправленных против них, и их окончательном подчинении войскам английской Ост-Индской компании.

Линия побережья от мыса Муссенндом до Бахрейна, на аравийской стороне Персидского залива, с незапамятных времен была занята племенем арабов, называемых джоассами. Все они, судя по их местоположению, занимались морским промыслом. Одни торговали на своих небольших судах в Буссоре, Бушире, Маскате и даже в Индии; другие ежегодно рыбачили на своих лодках на жемчужных берегах Бахрейна; еще большее число нанималось в качестве матросов для плавания на каботажных судах Персидского залива.

Поняв, что местное положение позволяет им собирать богатый урожай, грабя суда, проходящие по этой великой магистрали народов, иоасаеи начали свою пиратскую карьеру. Первым объектом их преследования стали небольшие каботажные суда в заливе, которые из-за своей беззащитности вскоре стали легкой добычей; пока, ободренные успехом, они не направили свои взгляды на более трудные предприятия и, вкусив сладость грабежа и приумножив свое богатство, решили попытаться одержать более многообещающие победы.

Примерно в 1797 году одно из военных судов Ост-Индской компании, десятипушечный корабль "Вайпер", стоял на якоре на внутренних дорогах Бушира. В тот же момент в гавани стояли на якоре несколько лодок джоассамитов; но поскольку до сих пор они воевали только с так называемыми туземными судами, а британского флага либо боялись, либо уважали, британские корабли не предпринимали против них никаких враждебных мер. Командиры этих судов обратились к персидскому агенту Ост-Индской компании с просьбой о поставке пороха и пушечной дроби для их плавания, и поскольку этот человек не подозревал об их намерениях, он снабдил их приказом командиру на борту о необходимом количестве. Капитан "Гадюки" в это время находился на берегу, в доме агента, но приказ был предъявлен офицеру на борту, порох и дробь были доставлены, а шлюпки взвешены и поставлены под паруса. Экипаж "Гадюки" в этот момент завтракал на палубе, а офицеры - внизу, как вдруг двое из дау открыли по ним канонаду, пытаясь также подняться на борт.

Джоассами-доу пустились в погоню.

Офицеры, выскочив на палубу, созвали команду в каюты и, перерезав ванты, подняли парус на корабль, чтобы иметь преимущество в маневрировании. Теперь между небольшим крейсером и четырьмя дау, вооруженными большими пушками и набитыми людьми, завязалась настоящая битва. Во время схватки лейтенант Каррутерс, командир корабля, был ранен шаром в поясницу; но, обвязав поясницу платком, он продолжал держаться на палубе, пока шар, попавший ему в лоб, не свалил его. Мистер Солтер, мичман, на которого было возложено командование, продолжал сражаться с решительной храбростью и после упорного сопротивления отбил их, прогнал на некоторое расстояние в море и впоследствии благополучно вернулся на якорную стоянку.

Прошло несколько лет, прежде чем раны от первого поражения достаточно затянулись, чтобы предпринять вторую попытку нападения на суда под британским флагом, хотя против небольших судов в заливе по-прежнему велась постоянная война. В 1804 году крейсер Ост-Индской компании "Флай" был захвачен французским капером у острова Кенн в Персидском заливе; но прежде чем враг взял его на абордаж, он вошел в мелководье у этого острова и затопил правительственные депеши и некоторые сокровища, которыми они были обременены, на глубине около двух с половиной сажений, сделав отметки для их извлечения, если это возможно, в какой-то будущий период. Пассажиры и команда были доставлены в Бушир, где их отпустили на свободу, и, купив по подписке деревенскую лодку, они снарядили ее и отправились в плавание вниз по заливу, направляясь в Бомбей. По пути вниз, так как они думали, что будет возможно вернуть правительственный пакет и сокровища, затонувшие у Кенна, они направились к этому острову и после долгих усилий успешно вернули первый, который, по их мнению, имел первостепенное значение, так как депеши были из Англии в Бомбей, они отплыли с ними по пути туда, без потери времени.

Недалеко от устья залива они были захвачены флотилией лодок Джоассами после некоторого сопротивления, в ходе которого несколько человек были ранены, и доставлены в их главный порт Рас-эль-Хима. Здесь они задержались в надежде получить выкуп, и во время пребывания в городе их показывали жителям как диковинку: на памяти людей подобных существ здесь не встречалось. Дамы из Джоассами были настолько щепетильны в своих расспросах, что не могли успокоиться, не выяснив, в каком отношении необрезанный неверный отличается от истинно верующего.

Когда эти несчастные англичане пробыли несколько месяцев во владениях арабов, а надежды на их выкуп не было, было решено предать их смерти и таким образом избавиться от ненужных врагов. Однако стремление сохранить жизнь побудило их предложить план хотя бы временного ее продления. С этой целью они сообщили начальнику пиратов о том, что затопили у острова Кенн большое количество сокровищ и что им известны приметы этого места, по пеленгам предметов на берегу, с достаточной точностью, чтобы извлечь их при наличии хороших ныряльщиков. Поэтому они предложили выкупить свою свободу, добыв эти деньги для своих похитителей; и в случае выполнения их обещания они торжественно обещали получить их.

Вскоре они отплыли на место, сопровождаемые ныряльщиками, привыкшими к этому занятию на жемчужных берегах Бахрейна, и, бросив якорь в точно взятых точках пеленга, приступили к работе. Первые спустившиеся водолазы были настолько успешны, что все члены команды последовали за ними по очереди, так что судно в одно время было почти полностью оставлено на якоре. Поскольку все люди были заняты сбором золотого урожая, наступил благоприятный момент для побега, и пленные англичане уже были на своих местах,

чтобы одолеть немногих на борту, перерезать трос и пустить парус. Их действия были либо замечены, либо заподозрены, так как водолазы поспешно поднялись на борт, и таким образом план был сорван. Как и было обещано, они получили свободу и были высажены на острове Кенн, где, однако, не было никаких возможностей для их немедленного бегства. В то же время пираты, высадившись на остров, начали поголовную резню жителей, в которой освобожденные пленники, опасаясь, что их могут включить в число жертв, бежали в расщелины и укрытия в скалах. Во время своего убежища здесь они питались той пищей, которую им подбрасывал случай; под покровом ночи они выходили на улицу, чтобы украсть козу и притащить ее в свое убежище. Когда пираты завершили свое кровавое дело, убив или изгнав всех прежних обитателей острова, они покинули его сами, прихватив с собой сокровища, собранные ими в море и на берегу. Теперь англичане решились выйти из своих укрытий и подумать о том, как спастись. В минуту отчаяния удача закинула их на обломки лодки у берега, которую еще можно было починить. В ходе поисков в заброшенном городе были найдены другие материалы, которыегодились им, а также достаточное количество досок и бревен для строительства плота. Они были построены за несколько дней, и партия погрузилась на них двумя отделениями, чтобы переправиться на персидский берег. Один из этих плотов был потерян при попытке, и все, кто был на его борту, погибли; плот же с оставшейся частью партии достиг суши.

Выбравшись на сушу, они отправились пешком в сторону Бушира, следуя вдоль береговой линии ради деревень и воды. Говорят, что в этом пути им пришлось испытать невероятные трудности и лишения всех видов. Никто не знал языка страны в совершенстве, а дорог и мест питания - еще меньше; у них не было ни одежды, ни денег, и они постоянно подвергались грабежам и набегам, какими бы бедными они ни были. Поэтому их пища часто была скудной и всегда худшего сорта; они не имели ни убежища от палящего солнца днем, ни от ледяных росов ночью.

Индийские матросы, сипаи и слуги, которых на момент отплытия оставалось немного, поочередно покидали корабль; и даже европейцев бросали в пути, самым трогательным образом прощаясь со своими товарищами, которым оставалось лишь ожидать, что их вскоре постигнет та же участь. Упоминается один случай, когда они оставили одного человека, который не мог идти дальше, на расстоянии всего лишь мили от деревни; когда они вернулись туда на следующее утро, чтобы привести его, то не нашли ничего, кроме его изуродованных костей, так как ночью его сожрали шакалы. Однако пакет, будучи легким, все же несли по очереди и сохранили его, преодолев все препятствия и трудности; с ним они достигли острова Бушеап, на который переправились на лодке с материка. Здесь их задержал шейх, но в конце концов он предоставил им лодку для перевозки себя и депеш в Бушир. Оттуда они отправились в Бомбей, но из всей компании в живых остались только двое. Мистер Джоул, офицер торгового судна, и английский матрос по имени Пенмел вместе с сумкой с письмами и депешами.

В следующем году два английских брига, "Шеннон" капитана Бэбкока и "Триммер" капитана Каммингса, совершали рейс из Бомбея в Буссору. Оба они были атакованы несколькими лодками у островов Полиор и Кенн, и после небольшого сопротивления только со стороны "Шеннона", были захвачены, а часть команды каждого из них жестоко предана мечу. Капитан Бэбкок, замеченный одним из арабов за выстрелом из мушкета во время поединка, был схвачен ими на берегу; после совещания о его судьбе было решено, что он должен лишиться руки, с помощью которой было совершено это сопротивление. Она была отсечена от тела одним ударом сабли, и не было предпринято никаких мер, чтобы перевязать рану или предотвратить смертельное кровотечение. Однако у самого капитана хватило ума подумать о

собственной безопасности, и, когда рядом с ним оказалось топленое масло, он попросил его подогреть и, пока оно было теплым, опустил в него кровоточащий обрубок руки. Это помогло уменьшить истечение крови и в конечном итоге спасти жизнь, которая в противном случае, скорее всего, была бы потеряна. Затем все члены экипажа были взяты в плен и доставлены в один из аравийских портов, откуда они постепенно рассеялись и сбежали. Сами суда были дополнительно вооружены, на одном из них было установлено двадцать пушек, укомплектованы арабскими экипажами и отправлены из Рас-эль-Химы в крейсерство по заливу, где они совершили множество пиратских нападений.

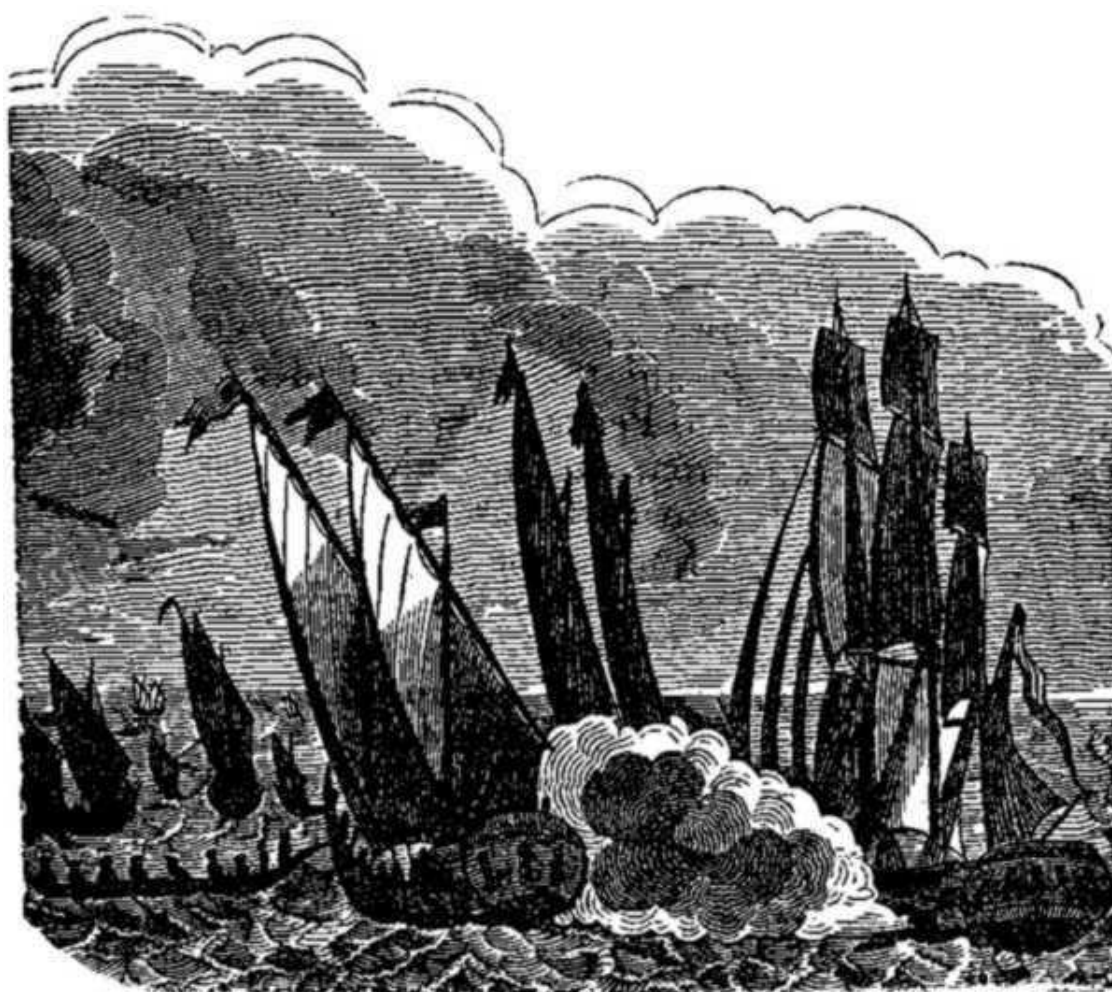
В 1808 году, когда силы джоасамовцев постепенно увеличились и они, преисполнившись гордости за победу, стали совершать многочисленные и отчаянные нападения на британский флаг. Первое из них было совершено на корабль "Минерва" из Бомбея во время его плавания в Буссору. Нападение было начато несколькими лодками (ведь они никогда не ходят поодиночке), и энергичное сопротивление в беглом бою продолжалось с перерывами несколько дней подряд. Однако наступил благоприятный момент для абордажа; корабль был перебит и захвачен среди всеобщей резни. Капитан, как говорят, был разрублен на части и выброшен за борт; только второго помощника и плотника пощадили, вероятно, чтобы воспользоваться их услугами; а армянка, жена лейтенанта Тейлора, находившегося в Бушире, была припасена, вероятно, для еще больших страданий. Но впоследствии она была выкуплена за большую сумму.

Пираты отбивают руку капитану Бэбкоку.

Через несколько недель после этого "Сильф", один из крейсеров Ост-Индской компании, весом в шестьдесят тонн и с восемью пушками, сопровождал миссию сэра Хартфорда Джонса из Бомбея в Персию; когда он отделился от остальной части эскадры, его атаковала в заливе целая флотилия лодок. Они надвигались со всей угрожающей враждебностью; но поскольку командир, лейтенант Грэм, получил приказ от бомбейского правительства не открывать огонь ни по одному из этих судов, пока не будет обстрелян сам, корабль едва ли был готов к бою, и даже не были подняты цвета, чтобы сообщить, к какой нации он принадлежит. Приблизившись, дау перекинули свои длинные нависающие носы через борт "Сильфиды" и, осыпав палубу камнями, сбили и ранили почти всех, кто стоял на ней. Затем они взяли корабль на абордаж и сделали его легким призом, не успев сделать ни одного выстрела, и, по своему обыкновению, предали мечу всех, кого нашли живыми. Лейтенант

Грэм упал, покрытый ранами, в носовой люк своего судна, где его затащили некоторые члены команды в кладовую, в которой они спрятались, и забаррикадировали дверь ломом изнутри. Таким образом, крейсер полностью перешел во владение противника, который поднял на нем парус и с триумфом унес его в свой порт вместе со своими лодками. Вскоре, однако, коммодор эскадры на фрегате *Neried* появился в поле зрения, и, увидев это судно в компании с дау, решил, что оно является призом для пиратов. Соответственно, она бросилась за ними в погоню, и, подойдя к бригу, арабы сели в лодки и бросили его. Погоня за дау была продолжена, но безуспешно.

Нерядовой фрегат преследует флотилию иоасамеевских дау.

Эти повторные нападения открыли глаза правительству Ост-Индии, и в Бомбее была собрана экспедиция. Морские силы состояли из фрегата *La Chiffone*, капитан Уэйнрайт, коммодор. Крейсер "Каролина" с тридцатью восемью орудиями; восемь крейсеров Ост-Индской компании, а именно "Морнингтон", "Тернат", "Аврора", "Принц Уэльский", "Ариэль", "Наутилус", "Вестал" и "Фьюри", а также четыре больших транспорта и бомбардирский крейсер "Стромболи". Флот отплыл из Бомбея в сентябре и после долгого перехода достиг Маската, где оставался много дней, чтобы освежиться и согласовать свои дальнейшие планы; они отплыли и вскоре достигли Рас-эль-Хима, главного порта пиратов в заливе. Здесь эскадра бросила якорь поблизости от города, и войска были высажены под прикрытием

кораблей и лодок. Жители города собрались толпой, чтобы отразить захватчиков; но твердый строй, регулярные залпы и неуклонное наступление войск на острие штыка преодолели все препятствия и умножили груды убитых. Затем был отдан приказ о всеобщем поджоге, и войскам было позволено устроить всеобщее разграбление. Город был подожжен во всех частях, и около шестидесяти лодок и шлюпок, а также захваченный корабль "Минерва", лежавший тогда на дорогах, были сожжены и уничтожены.

Таким образом, осаждающие понесли незначительные потери и собрали немного добычи, хотя считалось, что большая часть сокровищ и ценностей была вывезена в глубь страны. Победная карьера была внезапно прервана сообщением о приближении большого отряда войск из внутренних районов, и хотя их не было видно, это идеальное подкрепление заставило осаждающих отступить. Высадка произошла утром при свете дня; и хотя флот оставался на якоре в течение всего дня, на берегу все еще можно было видеть, как собираются отряды, выставляя свои знамена, размахивая копьями и стреляя из мушкетов со всех точек; так что завоевание было едва ли настолько полным, насколько можно было бы пожелать, поскольку еще не было продемонстрировано никакого формального акта покорности. Экспедиция отплыла к Линге, небольшому порту джоасамеев, и сожгла его дотла. Теперь силы были разделены: большая часть войск была отправлена в Маскат за припасами или сочтена ненужной, а некоторые суда отправлены на отдельные службы по блокированию проходов и т. д. Оставшаяся часть блокадной эскадры, состоявшая из фрегата "Ла Шифон", четырех крейсеров "Морнингтон", "Тернат", "Наутилус" и "Фьюри" и двух транспортов, с пятьюстами войсками из Линга, направилась в Люфт, другой порт Джоассами. Поскольку канал здесь был узким и труднодоступным, корабли были поставлены на якорную стоянку, и на берег был послан вызов, поскольку жители не оставили свой город, а находились на своих оборонительных постах, в большом и сильном замке с множеством батарей, редутов и т. д. К вызову отнеслись с пренебрежением, войска были высажены на берег с полковником Смитом во главе; во время формирования на берегу произошла небольшая стычка с теми жителями города, которые убежали в замок. Затем войска двинулись к крепости, которая, по описаниям, имела стены толщиной в четырнадцать футов, пробитые петлями, и только один вход через небольшие ворота, хорошо укрепленные железными прутьями и засовами самым прочным образом. С помощью гаубицы, взятой для этого случая, предполагалось взорвать эти ворота и взять их штурмом; но когда они достигли их, а ряды открылись, и люди попытались окружить замок, чтобы в то же время искать другой вход, их так быстро и неожиданно отстреливали из отверстий в петлях, что произошло всеобщее бегство, гаубица была брошена, даже не успев выстрелить, и офицеры и войска искали укрытия, ложась за грядами песка и небольшими буграми, расположенными непосредственно под стенами замка. Ирландский офицер, выскочивший из своего укрытия и призвавший некоторых своих товарищей последовать за ним, чтобы попытаться спасти гаубицу, был убит во время этого предприятия. Остальные, кто даже поднял голову, чтобы оглядеться, были убиты мушкетным огнем сверху; таким образом, все войска пролежали в укрытии до тех пор, пока темнота ночи не позволила им выбраться на берег, где они высадились после захода солнца, причем враг не сделал ни одного нападения на них из форта. Начальнику в замке был послан второй вызов с угрозой обстрелять город с ближайшей стоянки, если он не подчинится, и после этого не было оказано ни малейшего сопротивления. С рассветом все взоры были устремлены на крепость, когда, к удивлению всей эскадры, на вершине ее стен был замечен человек, размахивающий флагом Британского союза. Это был лейтенант Холл, командовавший "Яростью", которая была одним из ближайших к берегу судов. Ночью он в одиночку сошел на берег, взяв в руки юнион-джек, и в одиночку подошел к воротам крепости. Крепость уже покинуло большинство жителей, но несколько человек еще оставались там. Они разбежались при

приближении человека, приняв его за глашатая тех, кто должен был прийти следом. Как бы то ни было, замок был полностью покинут, и британский флаг развевался на его стенах этим смелым офицером, к удивлению и восхищению всего флота. После этого город и укрепления были взяты под контроль. Обойдя дно залива, экспедиция вернулась в Маскат.

Когда флот отплыл отсюда, его силы были пополнены войсками, принадлежащими имауну Маската, предназначенными для помощи в восстановлении места под названием Шеназ на побережье, захваченного Джоасами. По прибытии в это место была отправлена повестка, предписывающая форту сдаться, и, получив отказ, с кораблей и лодок был произведен обстрел, но без особого эффекта. На следующее утро все войска были высажены на берег, и на берегу был сформирован регулярный лагерь с песчаными батареями и другими необходимыми для осады сооружениями. После нескольких дней бомбардировки, в ходе которой по крепости, в которую бежали жители после сожжения города, было выпущено около четырех тысяч пуль и снарядов, стало известно, что прорыв возможен, и замок был взят штурмом. Сопротивление было отчаянным; арабы сражались до тех пор, пока могли орудовать мечом, и даже пробивали копьями обломки башен, в руинах которых они остались безвозвратно погребенными. Потери убитыми и ранеными составили более тысячи человек. Несмотря на то, что цель этой экспедиции можно назвать неполной, поскольку ничто иное, как *полное* истребление их расы, не могло обеспечить спокойствие в этих морях, тем не менее, эффект, произведенный этой экспедицией, был таков, что заставил их благоговеть или бояться британского флага в течение нескольких лет после этого.

Бесстрашие лейтенанта Холла.

В конце концов, в 1815 году их лодки начали заселять вход в Красное море; а в 1816 году их численность на этом побережье настолько возросла, что эскадра, которой командовал вождь по имени Амир Ибрагим, захватила в пределах видимости от Моча четыре судна, направлявшихся из Сурата в этот порт, богато нагруженных и шедших под британским флагом, а экипажи были уничтожены.

Эскадра, состоящая из корабля Его Величества "Челленджер" капитана Брайджеса и крейсеров Ост-Индской компании "Меркурий", "Ариэль" и "Вестал", была направлена в главный порт джоасамеев, Рас-эль-Хима. Из Бушира экспедицию сопровождал великий восточный путешественник мистер Бекингем. По прибытии в Рас-эль-Химу было выдвинуто требование вернуть четыре суратских судна и их груз, или взамен этого - двенадцать недостающих рупий. Кроме того, командир пиратской эскадры, Амир Ибрагим, должен быть передан для наказания. Требование было направлено письмом, и, получив ответ, капитан Брайджес решил сойти на берег и побеседовать с вождем пиратов. Мистер Бекингем попросил меня сопровождать его на берегу в качестве переводчика. Я с готовностью

согласился. Около девяти часов мы вместе покинули корабль и потянулись прямо к берегу, издавая по пути звуки и постепенно мелея с шести до двух саженой, в четверти мили от берега, где на якоре стояли четыре больших буксира, выстроенных в линию, головой к морю, на каждом из них было установлено по несколько пушек, и они были полны людей. Высадившись на берег, мы обнаружили, что по всей его длине выстроилась шеренга вооруженных людей, у некоторых были мушкеты, но большая часть была вооружена мечами, щитами и копьями; большинство из них были неграми, которых Джоасамеи щадили в своих войнах, рассматривая их скорее как собственность и товар, чем как врагов. Нам разрешили пройти через эту линию, и, когда мы сообщили о своем желании увидеть вождя, нас провели к воротам главного здания, расположенного почти в центре города, и нас встретил пиратский вождь в сопровождении пятидесяти вооруженных людей. Я предложил ему магометанское приветствие мира, на которое он ответил без колебаний.

Вождь Хасан бен Рахма, которого мы видели, был маленьким человеком, на вид лет сорока, с выражением хитрости во взгляде и чем-то особенно язвительным в улыбке. Он был одет в обычную арабскую одежду, с кашемировым платком, тюрбаном и алым бенишем персидской формы, чтобы отличить его от своих последователей. Они были одеты в самые простые одежды. Один глаз у него был ранен, но остальные черты лица были хороши, зубы красиво белы и ровны, а цвет лица очень смугл.

Город Рас-эль-Хима стоит на узком песчаном участке, обращенном к северо-востоку, выходящем северо-западным краем в открытое море, а юго-восточным - к ручью, который впадает в него с юго-запада и служит безопасной гаванью для лодок. Вокруг него не было сплошной оборонительной стены, хотя в нескольких местах виднелись круглые башни и части стен, вероятно, когда-то соединенные в линию, но не восстановленные после разрушения. Самые сильные точки обороны, похоже, находятся в крепости у северо-восточного угла и в двойной круглой башне недалеко от центра города; в каждой из них установлены пушки, но все остальные башни, похоже, служат лишь укрытием для мушкетеров. Остальная часть города состоит из обычных зданий из неотесанного камня и хижин из камыша и длинной травы, между которыми выются узкие аллеи. В настоящее время в городе насчитывается не менее десяти тысяч жителей. Считается, что в настоящее время (1816 г.) они имеют шестьдесят больших судов, выходящих из их собственного порта, с экипажами от восьмидесяти до трехсот человек на каждом, и сорок других судов, принадлежащих другим портам. Их силы, сконцентрированные, вероятно, составят не менее ста лодок и восьми тысяч боевых людей. После нескольких бесплодных переговоров был дан сигнал взвеситься и приблизиться к городу. Затем последовал сигнал вступить в бой с противником. Эскадра спустилась почти в линию, под легким парусом и с ветром прямо на корму, или на берег; "Меркурий" был на носу правого борта, "Челленджер", следующий в порядке, в центре, "Вестал" следовал в той же линии, а "Ариэль" завершал дивизион.

В это же время со стороны мыса Муссундум была замечена большая флотилия малых судов; но они избежали столкновения, держась ближе к берегу, и в конце концов перевалили через бар и вышли на заднюю воду за городом. Эскадра продолжала идти по прямой линии к четырем стоящим на якоре дау, постепенно мелея с глубины нашей якорной стоянки до двух с половиной саженой, где якоря ручьев были брошены под ногами, с пружинами на тросах, так что каждое судно легло широкой стороной к берегу. Теперь вся эскадра открыла огонь по четырем шлюпкам. Эти лодки были полны людей, размахивавших оружием в воздухе, их общее число превышало, вероятно, шестьсот человек. Некоторые выстрелы из нескольких длинноствольных орудий эскадры достигали берега и зарывались в песок; другие падали

через нос и рядом с корпусами лодок, в которые они были направлены; но все канонады не достигали цели, так как мы находились в миле от берега.

На всех фортах были вывешены арабские флаги; толпы вооруженных людей собрались на берегу, неся большие знамена на шестах и танцуя вокруг них с оружием в руках, как бы сплавиваясь вокруг священного штандарта, так что на всем протяжении не было видно никаких признаков покорности или завоевания. После того как все остальные отступили, "Ариэль" продолжал делать около пятидесяти выстрелов, но с тем же успехом, что и раньше, и таким образом закончилось это многословное соглашение и бескровное сражение, к которому оно в конце концов привело.

В 1818 году эти пираты стали настолько дерзкими, что совершили вторжение в Индийский океан, грабили суда и города на островах и побережьях. Против них был послан флот, который перехватил их у острова Ашлола и тремя отрядами направился на запад, после чего загнал их обратно в залив. Корабли "Эдем" и "Психея" столкнулись с двумя транквилизаторами, и их так сильно преследовали, что они были вынуждены бросить небольшое захваченное судно, которое они держали на буксире. В один из дней "Тетес" преследовали семнадцать судов, но им удалось оторваться благодаря превосходной мореходности. Крейсера встречались с джоассами семнадцать раз и постоянно перегоняли их с места на место.

В конце концов, в 1819 году они стали таким бичом для торговли, что против них отплыла грозная экспедиция под командованием генерал-майора сэра У. Гранта Кейра. Она прибыла к главному городу в декабре и приступила к действиям. В своих депешах генерал Кейр сообщает.

Имею честь сообщить, что город Рас-эль-Хима после шестидневного сопротивления был взят сегодня утром силами под моим командованием.

18-го числа, после завершения моих приготовлений в Маскате, "Ливерпуль" отплыл к месту встречи в Кишме; 21-го числа мы соединились с флотом Персидского залива и 24-го ноября бросили якорь у острова Ларрак.

Поскольку представлялось вероятным, что до соединения кораблей, задержанных в Бомбее, пройдет значительное время, я счел весьма выгодным воспользоваться всей информацией, которую можно было получить о силе и ресурсах пиратов, с которыми нам предстояло иметь дело.

Не было потеряно времени на необходимые приготовления к высадке, которая была произведена на следующее утро без сопротивления в заранее выбранном для этой цели месте, примерно в двух милях к западу от города. Войска были сформированы на перешейке, соединяющем полуостров, на котором расположен город, с соседней страной, и весь день был занят установкой палаток на берегу, чтобы укрыть людей от дождя, высадкой инженеров, инструментов, мешков с песком и т.д., а также приготовлениями к началу наших подходов на следующий день. Утром 4-го числа нашим легким войскам было приказано выступить вперед при поддержке пикетов, чтобы вытеснить противника с берега в девятистах ярдах от внешнего форта, который, как ожидалось, должен был служить хорошим укрытием для людей. Все легкие роты под командованием капитана Бэкхауса двинулись вперед и с большой доблестью вытеснили арабов из финиковой рощи и с берега под стены форта, за ними последовали пикеты под командованием майора Молесворта, которые заняли позиции на песчаном берегу, в то время как европейские легкие войска вели перестрелку впереди. Противник поддерживал острый огонь из мушкетов и пушек; во время этих передвижений

майор Моулсворт, галантный офицер, был убит. Войска удерживали позицию в течение дня, а ночью закрепились в трехстах ярдах от самой южной башни и возвели батарею из четырех орудий, а также мортирную батарею.

Погода стала неблагоприятной для высадки запасов, необходимых для осады, но утром 6-го числа эта важная задача была выполнена, и мы смогли открыть по форту огонь из трех восемнадцатифунтовых орудий, пары гаубиц и шестифунтовых орудий, которые также были установлены на батарее справа, что сыграло на оборону башен и почти заглушило огонь противника, который в течение всего нашего продвижения проявлял немалую решительность в противостоянии и изобретательность в отражении наших атак, в 8 часов вечера прошел вдоль всего фронта наших укреплений, незаметно подкрался к мортирной батарее и вошел в нее через бруствер, перебив передовых дозорных. Занимавшая ее часть была вынуждена отступить, но, получив немедленное подкрепление, атаковала нападавших, которые были выбиты из батареи с большими потерями. Ближе к утру противник повторил свои атаки, но был решительно отбит. В течение седьмого числа были предприняты все усилия, чтобы высадить и поднять оставшиеся орудия и мортиры, что и было сделано в течение ночи. Они были немедленно установлены на батарее вместе с двумя двадцатичетырехфунтовыми орудиями, высаженными с "Ливерпуля", а утром все орудия открыли огонь по форту и вели его почти без перерыва до захода солнца, когда сообщили, что прорыв в куртине почти осуществим, а башни почти неприступны. Были приняты срочные меры для штурма, и войска получили приказ выдвинуться к укреплениям к рассвету следующего утра. Отряд двинулся вперед около 8 часов и вошел в форт через бреши, не сделав ни одного выстрела, и вскоре выяснилось, что противник эвакуировался. Город был взят, и оказалось, что он почти полностью опустел, только восемнадцать или двадцать мужчин и несколько женщин остались в своих домах.

Далее экспедиция направилась против пиратского города Рампс, расположенного в восьми милях к северу от Рас-эль-Химы, но жители оставили город и укрылись в крепости Зях, которая находится в верховьях судоходного ручья почти в двух милях от морского побережья. В этом месте находилась резиденция Хусейна бен Аллея, шейха, имевшего большое значение среди племен джоассами, человека, который благодаря своим талантам и беззаконным привычкам, а также силе и выгодному положению форта мог при первом же удобном случае попытаться возродить пиратство. Уменьшить власть этого вождя стало желанной целью.

18 декабря войска высадились в Рас-эль-Химе на лодках флота под командованием майора Уоррена, с 65-м полком и фланговыми ротами первого и второго полков, и в полдень прибыли в четырех милях от места назначения. Эта операция была сопряжена со значительными трудностями и риском из-за сильного прибоя, бьющего в берег, что привело к потере боеприпасов, а также к тому, что несколько лодок были расстроены и затоплены.

Шейх Рампс.

В половине третьего пополудни, освежив людей, (говорит майор Уоррен) мы начали наш марш, и, перейдя вброд ручей или заднюю воду, заняли позицию на закате, к северо-востоку от форта, неприятель обстреливал нас, когда мы проходили, несмотря на то, что наш гонец, которого мы ранее послали вызвать шейха, все еще находился в этом месте; Я не терял времени, чтобы продвинуть наших стрелков и пикеты так далеко вперед, как только мог, не подвергая их слишком сильному обстрелу со стороны противника, которого я обнаружил под

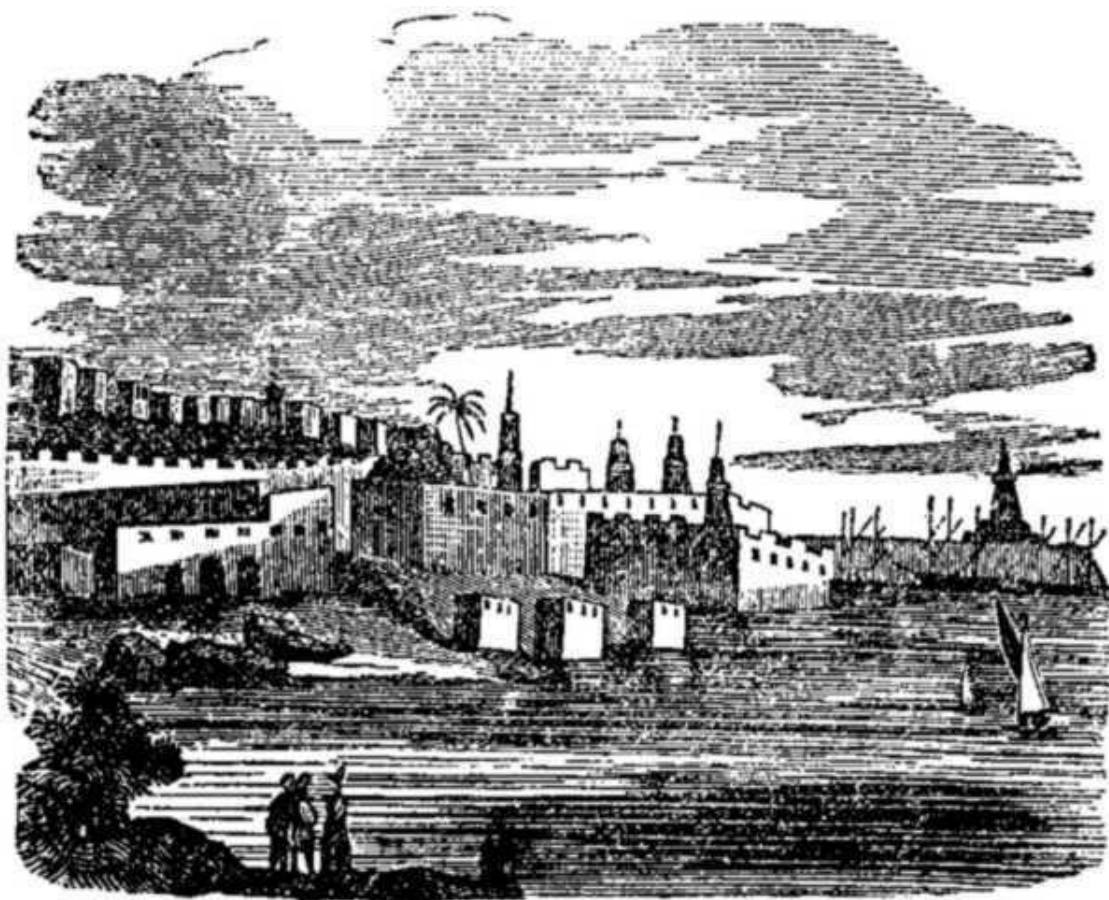
надежным прикрытием в финиковых рощах перед городом. Капитан Кок с легкой ротой своего батальона в то же время был отправлен на запад, чтобы отрезать отступление противника с этой стороны.

На рассвете следующего утра, сочтя необходимым оттеснить неприятеля еще дальше, чтобы ближе рассмотреть его оборону, я двинул вперед стрелковую роту 65-го полка, и после значительного сопротивления противника мне удалось заставить его отойти на некоторое расстояние; но не без того, чтобы оспаривать каждый дюйм земли, которая была хорошо рассчитана на сопротивление, будучи пересечена через каждые несколько ярдов берегами и водотоками, возведенными для целей орошения, и покрытыми финиковыми деревьями. На следующее утро стрелки, поддерживаемые пикетами, снова были вызваны в бой и вскоре заняли позицию в трех-четыре сотнях ярдов от города, который вместе с основанием холма был полностью окружен, так что бегство кого-либо из гарнизона стало практически невозможным. Это преимущество было достигнуто ценой тяжелых потерь. Два двадцатичетырехфунтовых орудия и два двенадцатифунтовых, высадка которых была затруднена из-за трудностей сообщения с флотом, откуда мы получали все наши припасы, были доставлены на берег, мы высадились вечером, и, несмотря на каменистую почву, выступили на следующее утро при свете дня.

Однако, зная, что семьи врага все еще находятся в городе, и руководствуясь соображениями гуманности, необходимо было предпринять какие-то усилия, чтобы спасти невинных от участи, которая ожидала виновных; для этого была предоставлена возможность: гарнизону предложили обеспечить безопасность их женщин и детей, если они будут высланы в течение часа; Но очарованный вождь, то ли полагая, что его форт на холме не достанет наш выстрел, то ли в тщетной надежде выиграть время путем проволок, не ответил на наше сообщение, задержав нашего гонца; мы открыли огонь в половине восьмого утра, и такая точность была в этом деле, что через два часа мы поняли, что прорыв скоро станет возможным. Я как раз отдавал приказ о штурме, когда был вывешен белый флаг; и враг, после небольшой задержки в сборе из разных кварталов, вышел без оружия, с Хусейном бин Аллеем во главе, в количестве трехсот девяноста восьми человек; в половине первого пополудни британские флаги были подняты на холме форта и в доме шейха. Женщины и дети в количестве четырехсот человек были в то же время собраны в безопасном месте и отправлены на борт флота вместе с мужчинами. Служба была короткой, но тяжелой; враг защищался с большим упорством и умением, достойным лучшего дела.

От двух пленных, захваченных у джоассами, они узнали, что награбленное складывается в общий запас и распределяется вождем, но в каких пропорциях, они сказать не могут; воды, как правило, очень мало. На берегу ловится много рыбы, которой и питаются. Было несколько лошадей, верблюдов, коров, овец и коз, большую часть которых они взяли с собой; в целом они были худыми, так как песчаная равнина почти не дает растительности, за исключением нескольких фиников и ореховых деревьев какао. Пираты, покинувшие Рас-эль-Химу, расположились лагерем примерно в трех милях в глубине острова, готовые в любой момент отступить в пустыню. Шейх Рампса - пожилой человек, но выглядит умным, и, как говорят, именно он во всех случаях осведомляется о передвижениях различных племен пиратов на побережье. Когда ему сказали, что желание Компании - положить конец их пиратству и сделать из них честных людей, поощряя их к торговле, он, кажется, сильно пожалел, что эти намерения не были озвучены, так как они были бы приняты с большой готовностью. Румпс является ключом к Рас-эль-Химе, и благодаря своей силе защищен от сильных бандитов, населяющих горы, а также от арабов-бедуинов, которые являются их врагами. В Рас-эль-Химе был размещен британский гарнизон из двенадцати сотен человек и

сторожевой корабль. Остальные места прислали знаки покорности, поскольку, изгнанные из своих крепостей на краю моря, они вынуждены были сражаться внутри с внутренними враждебными племенами.

Пиратская твердыня.

ВАРВАРСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РОМАНТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ВОЖДЯ ДЖОАССАМИ, РАХМА-БЕН-ДЖАБИРА.

Город Бушир на берегу Персидского залива расположен на низком песчаном полуострове, отходящем от общей линии побережья и образующем с двух сторон бухты. Одна из этих бухт в 1816 году была занята флотом некоего араба по имени Рахма-бен-Джабир, который более двадцати лет был ужасом залива, самым успешным и самым терпимым пиратом, пожалуй, из всех, когда-либо обитавших на море. По происхождению этот человек был уроженцем Грейна, расположенного на противоположном побережье, и племянником тамошнего губернатора. Его сограждане, однако, имели все основания объявить его вне закона из отвращения к его профессии; но в Бушире он нашел ту помощь и защиту, в которой ему отказали его собственные горожане. С пятью или шестью судами, большинство из которых были очень большими и укомплектованными экипажами от двух до трех сотен человек каждый, он выступил в путь и захватил все, что посчитал достаточно сильным, чтобы унести в качестве приза. Его последователи, числом в две тысячи человек, содержались за счет грабежа призов; а поскольку большинство из них были купленными им самим африканскими рабами, а остальные в равной степени подчинялись его власти, в порыве гнева он иногда так

же расточительно расходовал их жизни, как и своих врагов, которых он не довольствовался тем, что убивал только в бою, но хладнокровно убивал, после того как они покорялись. Известен случай, когда он посадил множество членов своей команды, употреблявших мятежные выражения, в бак на борту, в котором они обычно хранили воду, и, закрыв его сверху, несчастные задохнулись, а затем были выброшены за борт. Этот вождь мясников, подобно знаменитому Джеззару из Акко, отличался большой простотой в одежде, манерах и быту; когда бы он ни выходил на улицу, посторонний человек не мог бы отличить его от толпы сопровождающих его лиц. Он довел эту простоту до степени нечистоты, которая была отвратительна, поскольку его обычной одеждой была рубашка, которую никогда не снимали, чтобы постирать, с того момента, как она была впервые надета, и до тех пор, пока она не изнашивалась; никаких подштанников или каких-либо покрытий для ног, и большой черный плащ из козьей шерсти, обернутый жирным и грязным платком, называемым кефеа, свободно наброшенным на его голову. Как ни печально известны были жизнь и характер этого человека, его не только лелеяли и обхаживали жители Бушира, которые его боялись, но и вежливо принимали и уважали всякий раз, когда он посещал британскую фабрику. Однажды (рассказывает мистер Бэкингам), при котором я присутствовал, его послали за джентльменами-медиками с флота и крейсеров компании, чтобы дать им возможность осмотреть его руку, которая была тяжело ранена. Сначала рана была нанесена виноградными пулями и осколками, и в течение нескольких дней рука представляла собой сплошное месиво из крови, в то время как самого человека с трудом можно было узнать, что он жив. Однако постепенно он поправился без хирургической помощи, и кость руки между плечом и локтем была полностью раздроблена, фрагменты постепенно срослись, и получилась необычная картина: передняя часть руки и локоть соединены с плечом плотью, кожей и сухожилиями, без малейшего остатка кости. Когда этого человека пригласили на фабрику для демонстрации его руки, ему самому позволили сесть за стол и выпить чаю, так как было время завтрака, а некоторые из его последователей заняли стулья вокруг него. Все они были настолько отвратительно грязными, насколько можно себе представить; некоторые из них не стеснялись искать паразитов на своих шкурах, которых было великое множество, и бросать их на пол. Фигура Рахмах-бен-Джабира представляла собой скудное туловище с четырьмя длинными членами, изрезанными и изрубленными, пронзенными ранами от сабель, копий и пуль, во всех частях, в количестве, возможно, более двадцати различных ран. Кроме того, у него было свирепое и уродливое от природы лицо, которое теперь стало еще более уродливым из-за нескольких шрамов на нем и потери одного глаза. На вопрос одного из присутствовавших английских джентльменов, произнесенный ободряющим и фамильярным тоном, не может ли он и сейчас расправиться с врагом своей бескостной рукой, он достал из пояса рубашки кривой кинжал, или ямбеа, и, положив левую руку, которая была здорова, на локоть правой, Он крепко схватил кинжал в сжатый кулак и потянул его назад и вперед, одновременно вращая им и говоря, что не желает ничего лучшего, чем перерезать столько горл, сколько он сможет эффективно вскрыть своей хромой рукой. Вместо того чтобы быть потрясенным таким жестоким пожеланием и таким диким торжеством от того, что он все еще обладает властью убивать беззащитных жертв, я не знал, как описать свои чувства стыда и печали, когда громкий рев смеха вырвался из всего собрания, когда я осмелился выразить свое несогласие с общим чувством восхищения таким человеком.

Рахма-бен-Джабир, вождь жоасамов.

Этого варварского пирата в 1827 году постигла судьба, характерная для всего хода его жизни. Его агрессивные действия объединили против него арабов Бахрена и Ратифа, они блокировали его порт Даман, из которого Рахма-бен-Джабир, оставив в форте гарнизон под командованием своего сына, отплыл на хорошо оборудованном бунгало, чтобы попытаться собрать конфедерацию своих друзей в свою поддержку. Потерпев неудачу, он вернулся в Даман и, несмотря на блокирующие порт лодки, сумел посетить свой гарнизон и сразу же

высадился обратно, взяв с собой своего младшего сына. По прибытии на борт своего бунгало он был принят своими сторонниками с салютом, который решительно указал на его присутствие и сразу же привлек внимание его противников, одна из лодок которых, которой командовал племянник шейха Бахрена, приступила к его атаке. Завязалась отчаянная борьба, и шейх, обнаружив через некоторое время, что потерял почти весь свой экипаж в результате обстрела лодки Рахмаха, удалился за подкреплением. Получив их, он немедленно вернулся к поединку в одиночку. Бой возобновился с удвоенной яростью; наконец Рахмах, получив сообщение (так как долгое время был слеп), что его люди быстро падают вокруг него, собрал остатки команды и приказал сблизиться и схватиться со своим противником. Когда это было сделано, и он обнял своего сына, его подвели с зажженным факелом к магазину, который мгновенно взорвался, разнеся на куски его собственную лодку и поджег лодку шейха, которую сразу после этого постигла та же участь. Шейх Ахмед и несколько его последователей спаслись на других лодках, но только один из отважной команды Рахмаха был спасен; предполагается, что в этом героическом поединке погибло около трехсот человек.

ЖИЗНЬ ЛАФИТТА, ЗНАМЕНИТОГО ПИРАТА МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА.

С историей пиратов Барратарии и рассказом об их участии в обороне Нового Орлеана, а также об их смелой отваге под командованием генерала Джексона во время сражения 8 января 1815 года. За эту важную службу они были помилованы президентом Мэдисоном.

Жан Лафитт родился в Сен-Малое во Франции в 1781 году и вышел в море в возрасте тринадцати лет; после нескольких плаваний по Европе и к берегам Африки он был назначен помощником на французский ост-индский корабль, направлявшийся в Мадрас. На обратном пути они столкнулись с сильным штормом у мыса Доброй Надежды, который повалил грот-мачту и нанес другие повреждения кораблю, что заставило капитана отнестись к Маврикию, куда он прибыл в целостности и сохранности; на выходе между Лафиттом и капитаном произошла ссора, он бросил корабль и отказался продолжать плавание. В то время у этого острова снаряжалось несколько каперов, и Лафитт был назначен капитаном одного из них; после плавания, во время которого он грабил суда других народов, кроме английских, и таким образом занимался пиратством, он остановился у Сейшельских островов и взял груз рабов для Маврикия; но, будучи преследуем английским фрегатом до самого экватора, он оказался в очень затруднительном положении; на борту его корабля не было достаточно провизии, чтобы доставить его обратно во французскую колонию. Поэтому он задумал смелый проект - отправиться в Бенгальский залив, чтобы получить провизию с борта нескольких английских кораблей. На своем корабле в двести тонн, с двумя пушками и двадцатью шестью людьми,

он атаковал и захватил английскую вооруженную шхуну с многочисленной командой. Посадив на шхуну девятнадцать человек из своей команды, он принял командование над ней и отправился в плавание к побережью Бенгалии. Там он столкнулся с "Пагодой", судном английской Ост-Индской компании, вооруженным двадцатью шестью двенадцатифунтовыми пушками и укомплектованным ста пятьюдесятью людьми. Ожидая, что противник примет его за лоцмана Ганга, он предпринял соответствующие маневры. Пагода не проявила никаких подозрений, и тогда он внезапно бросился со своими храбрыми последователями на ее палубу, опрокинул всех, кто им противостоял, и быстро захватил корабль. После весьма успешного плавания он благополучно прибыл на Маврикий, принял командование кораблем *La Confiance* с двадцатью шестью пушками и двумястами пятьюдесятью людьми и отплыл к берегам Британской Индии. У Санд-Хедс в октябре 1807 года Лафитт столкнулся с кораблем "Королева Ост-Индии" с экипажем около четырехсот человек и сорока пушками; он задумал завладеть им. Никогда не было более неравного противостояния; даже высота судна по сравнению со слабым капером увеличивала шансы против Лафитта; но трудности и опасности не только не обескуражили этого бесстрашного моряка, но и послужили дополнительным стимулом к его блестящей храбрости. Зарядив команду несколькими словами надежды и пыла, он сманеврировал и перебежал на борт противника. В таком положении он получил залп с близкого расстояния; но он ожидал этого и заставил своих людей лечь плашмя на палубу. После первого обстрела все они поднялись и с верфей и верхушек бросили бомбы и гранаты в носовую часть "Индиамана". Эта внезапная и непредвиденная атака вызвала большой хаос. В одно мгновение смерть и ужас заставили их покинуть часть судна возле мизен-мачты. Лафитт, наблюдавший за всем происходящим, воспользовался решающим моментом, поднял оружие, и сорок человек из его команды приготовились подняться на борт с пистолетами в руках и кинжалами, зажатыми между зубами. Едва оказавшись на палубе, они бросились на испуганную толпу, которая отступила в кубрик и пыталась там защищаться. Тогда Лафитт приказал подняться на борт второму подразделению, которое возглавил сам; капитан "Индиамана" был убит, и все были сметены в одно мгновение. Лафитт зарядил пушку виноградом и направил ее на место, где собралась толпа, угрожая истребить ее. Англичане, сочтя сопротивление бесплодным, сдались, и Лафитт поспешил прекратить бойню. Этот подвиг, доселе не имевший аналогов, прогремел на всю Индию, а имя Лафита стало наводить ужас на английскую торговлю в этих широтах.

Лафитт на борту корабля "Королева Ост-Индии"

Поскольку британские суда теперь ходили по Индийскому океану под сильными конвоями, дичи стало мало, и Лафитт решил посетить Францию; обогнув мыс Доброй Надежды, он вошел в Гвинейский залив и в бухте Бенин взял два ценных приза, нагруженных золотой пылью, слоновой костью и пальмовым маслом; с этой добычей он благополучно добрался до Сен-Малоэ. После недолгого пребывания в родных местах он снарядил бригантину с двадцатью пушками и ста пятьюдесятью людьми и отплыл в Гаудалупу; среди Вест-Индских островов он взял несколько ценных призов; но во время его отсутствия в плавании остров был захвачен англичанами, и он отправился в Картахену, а оттуда в Барратарию. После этого периода поведение Лафитта на Барратарии не отличается дерзостью и смелостью, присущими его прежней карьере; но он собрал огромные суммы добычи, а поскольку ему приходилось иметь дело с купцами Соединенных Штатов и Вест-Индии, которые часто были должны ему крупные суммы, и осторожность, необходимая для основания и управления колонией пиратов и контрабандистов в самом сердце цивилизованной нации, заставляла Лафитта как можно больше скрывать свой настоящий характер.

Лафитт и его команда очищают палубу "Индиамана".

Как мы уже говорили, в период захвата Гаудалупы англичанами большинство каперов, заказанных правительством этого острова и находившихся в то время в плавании, не имея возможности вернуться ни на один из Вест-Индских островов, направлялись в Барратарию, чтобы взять там запасы воды и провизии, поправить здоровье экипажей и избавиться от своих призов, которые не могли быть допущены ни в один из портов Соединенных Штатов, поскольку в то время мы находились в мире с Великобританией. Большинство комиссионных, выданных каперам французским правительством в Годадуле, истекли через некоторое время после провозглашения независимости Картахены, и многие из каперов отправились в этот порт, чтобы получить от нового правительства комиссионные на крейсерство против испанских судов. Получив соответствующие поручения, они надолго блокировали все порты, принадлежавшие роялистам, и захватили множество пленных, которых доставили в Барратарию. Под этим названием понимается часть побережья Луизианы к западу от устья Миссисипи, расположенная между заливом Бастьен на востоке и устьем реки или залива Ла-Фурш на западе. Недалеко от моря находятся озера, называемые Большим и Малым Барратарийскими озерами, сообщающиеся друг с другом несколькими крупными заливами с большим количеством ответвлений. Есть также остров Барратария, на оконечности которого находится место под названием Храм, которым он обязан нескольким курганам из раковин, насыпанных там индейцами. Название Барратария также дано большому бассейну, который простирается по всей длине кипарисовых болот, от Мексиканского залива до трех миль выше Нового Орлеана. Эти воды впадают в залив двумя входами в залив Барратария, между которыми лежит остров Гранд-Терр, шесть миль в длину и от двух до трех миль в ширину, идущий параллельно побережью. В западном входе находится большой проход Барратария, в котором от девяти до десяти футов воды. В этом проходе, примерно в двух лигах от открытого моря, находится единственная безопасная гавань на побережье, и, соответственно, именно эту гавань часто посещали пираты.

Пираты

которые так хорошо известны под именем барраярцев.

В Гранд-Джерре каперы публично продавали с аукциона грузы своих призов. Со всех концов Нижней Луизианы люди прибегали в Барратарию, ничуть не заботясь о том, чтобы скрыть цель своего путешествия. Самые респектабельные жители штата, особенно те, кто жил в деревне, имели привычку покупать контрабандные товары, прибывающие из Барратарии.

Правительство Соединенных Штатов направило экспедицию под командованием коммодора Паттерсона, чтобы разогнать поселение мародеров в Барратарии; ниже приводится выдержка из его письма военному секретарю.

Сэр... Имею честь сообщить вам, что я отбыл из этого города 11 июня в сопровождении полковника Росса с отрядом из семидесяти человек 44-го пехотного полка. 12-го числа я добрался до шхуны "Каролина" из Плакемина и соединился с артиллерийскими судами в Бализе 13-го числа, вечером 15-го отплыл от юго-западного прохода и в половине восьмого утра 16-го числа достиг острова Барратария, обнаружив в гавани несколько судов, на некоторых из которых были видны карфагенские цвета. В 2 часа пираты выстроили свои суда, в количестве десяти штук, включая призы, в боевую линию у входа в гавань, и делали все приготовления, чтобы предложить мне сражение. В 10 часов, при легком и переменном ветре, сформировали боевой порядок из шести канонерских лодок и тендера "Си Хорс", на котором было установлено одно шестифунтовое орудие и пятнадцать человек, и шлюпки, на которой была установлена одна двенадцатифунтовая карронада; шхуна "Каролина", набрав слишком много воды, не смогла переправиться через бар. В половине десятого часа я заметил несколько дымов вдоль берегов как сигналы и в то же время белый флаг, поднятый на борту шхуны в форте, американский флаг на грот-мачте и карфагенский флаг (под которым ходят пираты) на ее топ-лифе; ответил белым флагом на моем грот-мачте; В 11 часов обнаружили, что пираты расстреляли две свои лучшие шхуны; спустили свой белый флаг и дали сигнал к бою; подняли большой белый флаг с надписью "Помилование дезертирам"; услышав, что на берегу находится несколько человек из армии и флота. В четверть одиннадцатого два катера сели на мель и были пропущены, согласно моим предыдущим приказам, четырьмя другими, которые вошли в гавань, укомплектованные моей баржей и шлюпками, принадлежащими севшим на мель судам, и проследовали внутрь, к моему большому разочарованию. Я увидел, что пираты покинули свои суда и разбегаются во все стороны. Я немедленно отправил шлюпку и две баржи с небольшими лодками в погоню за ними. В меридиане овладел всеми их судами в гавани, состоящими из шести шхун и одной фелуки, крейсеров и призов пиратов, одного брига, приза и двух вооруженных шхун под карфагенским флагом, обе в боевой линии, с вооруженными судами пиратов и, очевидно, с намерением помочь им в любом сопротивлении, которое они могут оказать мне, поскольку их экипажи были в каютах, из пушек выбиты пули, а спички зажжены. В то же время полковник Росс высадился на берег и со своей командой занял их жилище, состоящее из сорока домов разного размера, плохо построенных и крытых листьями пальметто.

Когда я увидел, что враг выстроил свои суда в боевую линию, я был уверен, что, судя по их количеству и очень выгодной позиции, а также количеству людей, они сразятся со мной; я сожалею, что они этого не сделали, ибо в этом случае я мог бы более эффективно уничтожить или взять в плен их и их лидеров; но для меня большое удовлетворение, что я выполнил цель своего предприятия, не потеряв ни одного человека.

На судах противника было установлено двадцать пушек разного калибра, и, как я узнал впоследствии, от восьмисот до тысячи человек всех наций и цветов кожи.

Рано утром 20-го числа "Каролина", стоявшая на якоре на расстоянии около пяти миль, подала сигнал о "странном парусе в поле зрения к востоку"; сразу после этого она снялась с

якоря и со всеми парусами пустилась в погоню за странным парусом, обозначавшим Гранд-Терре; в половине восьмого часа погоня отнесла ее ветром от берега, чтобы спастись; послали лейтенанта Спеддинга с четырьмя шлюпками, укомплектованными и вооруженными, чтобы помешать ей пройти гавань; в 9 часов утра... Погоня открыла огонь по "Каролине", который был возвращен; каждое судно продолжало стрелять во время погони, когда их длинные орудия могли дотянуться. В 10 часов погоня села на мель у бара, в это время "Каролина" из-за мелководья была вынуждена оттащить ветром от берега и отказаться от погони; открыли огонь по погоне через остров с орудийных судов. В половине десятого вечера она спустила свои флаги и была захвачена. Это оказалась вооруженная шхуна "Ген. Боливер"; сев на мель, она сломала оба штыря руля и ушла в воду; с нее сняли вооружение, состоявшее из одного длинного латунного восемнадцатифунтовика, одного длинного латунного шестифунтовика, двух двенадцатифунтовиков, стрелкового оружия и т. д., а также двадцать один пакет с сухими товарами. Днем 23-го числа отплыл со всей эскадрой, всего семнадцать судов, но за ночь одно сбежало, и на следующий день прибыл в Новый Орлеан со всей эскадрой.

В разное время англичане пытались напасть на пиратов в Барратарии, надеясь захватить их призы и даже вооруженные суда. Из этих попыток англичан достаточно упомянуть, что 23 июня 1813 года, когда два капера стояли на якоре у острова Кэт, британский военный шлюп бросил якорь у входа в проход и послал свои лодки, чтобы попытаться захватить каперы; но они были отбиты со значительными потерями.

Так обстояли дела, когда 2 сентября 1814 года на побережье напротив прохода появился вооруженный бриг. Он выстрелил из пушки по судну, собиравшемуся войти в проход, и заставил его сесть на мель; затем он взял галс и вскоре встал на якорь у входа в проход. Нелегко было понять намерения этого судна, которое, начав враждебные действия при первом появлении, теперь, казалось, объявило о дружеском расположении. Тогда мистер Лафитт отправился в лодке осмотреть судно, отважившись зайти так далеко, что не смог скрыться от пиннаса, посланного с брига и направлявшегося к берегу с британскими цветами и флагом перемирия. В этой пиннасе находились два морских офицера. Один из них был капитан Локьер, командир брига. Первый вопрос, который они задали, - где мистер Лафитт? Он не пожелал представиться и ответил, что человек, которого они спрашивают, находится на берегу. Затем они передали ему пакет, адресованный г-ну Лафитту, Барратария, с просьбой позаботиться о нем и передать его в руки г-на Лафитта. Он убедил их направиться к берегу и, как только они приблизились настолько, что оказались в его власти, дал о себе знать, порекомендовав им в то же время скрыть дело, по которому они пришли. На берегу собралось около двухсот человек, и среди экипажей каперов на Гранд-Терре раздался общий крик, что этих британских офицеров следует взять в плен и отправить в Новый Орлеан как шпионов. Лафитт с большим трудом отговорил толпу от этого намерения и в целости и сохранности доставил офицеров в свое жилище. Он предусмотрительно решил, что бумаги, содержащиеся в пакете, могут иметь важное значение для безопасности страны и что офицеры, если за ними будут хорошо следить, не смогут получить никаких сведений, которые могли бы обернуться во вред Луизиане. Теперь он ознакомился с содержимым пакета, в котором обнаружил прокламацию, адресованную жителям Луизианы полковником Эдвардом Николсом, состоящим на службе у Его Бриттского Величества и командующим сухопутными войсками на побережье Флориды. Письмо от него же мистеру Лафитту, командиру Барратарии; официальное письмо от почтенного У.Х. Перси, капитана военного шлюпа "Гермес", адресованное Лафитту. Ознакомившись с этими письмами, капитан Локьер подробно остановился на них и предложил ему поступить на службу к Его Бриттскому Величеству в звании капитана и получить в командование 44-пушечный фрегат. А

также всех тех, кто находился под его командованием или на кого он имел достаточное влияние. Ему также предложили тридцать тысяч долларов, подлежащих выплате в Пенсаколе, и настоятельно рекомендовали не упускать такую возможность обрести состояние и уважение. Когда Лафитту потребовалось несколько дней на обдумывание этих предложений, капитан Локьер заметил ему, что в обдумывании не может быть необходимости, поскольку он француз и запрещен американским правительством, а предложения, очевидно, исключают колебания. Но на все его великолепные обещания и дерзкие инсинуации Лафитт ответил, что через несколько дней даст окончательный ответ; его цель в этой задержке - выиграть время, чтобы сообщить об этом гнусном проекте чиновникам правительства штата. Когда Лафитту представился случай ненадолго отлучиться, люди, предложившие отправить британских офицеров пленниками в Новый Орлеан, в его отсутствие захватили их и заключили обоих вместе с командой пиннасы в надежном месте, оставив у дверей караул. Британские офицеры послали за Лафиттом, но тот, опасаясь восстания экипажей каперов, счел целесообразным не встречаться с ними, пока не убедит их капитанов и офицеров отказаться от мер, на которые они, похоже, были настроены. С этой целью он представил последним, что, помимо позора, который на них обрушится, если они будут обращаться как с пленными с людьми, пришедшими под флагом перемирия, они потеряют возможность узнать о проектах англичан против Луизианы.

Рано утром следующего дня Лафитт приказал освободить их из заточения и проводил на борт своей пиннасы, извинившись за задержание. Теперь он написал капитану Локьеру следующее письмо.

Капитану Локьеру.

Барратария, 4 сентября 1814 года.

Сэр... Неразбериха, царившая в нашем лагере вчера и сегодня утром, о которой вы имеете полное представление, не позволила мне точно ответить на вопрос о цели вашей миссии; даже в данный момент я не могу доставить вам удовлетворения, которого вы желаете; однако, если бы вы могли предоставить мне две недели, я был бы полностью в вашем распоряжении по истечении этого срока. Эта задержка необходима для того, чтобы я мог привести в порядок свои дела. Вы можете связаться со мной, отправив лодку к восточной точке перевала, где меня можно будет найти. Вы внушили мне больше доверия, чем адмирал, ваш начальник, мог бы сделать сам; только с вами я хочу иметь дело, и от вас я также буду требовать в свое время вознаграждения за услуги, которые я могу вам оказать. Ваш, и т. д.

Л. ЛАФИТТЕ.

Цель написания этого письма заключалась в том, чтобы, показавшись склонным согласиться с их предложениями, дать время сообщить о случившемся чиновникам правительства штата и получить от них указания, как действовать в обстоятельствах, столь критических и важных для страны. Соответственно, 4 сентября он написал мистеру Бланку, одному из представителей штата, отправив ему все бумаги, доставленные ему британскими офицерами, и письмо, адресованное его превосходительству, губернатору штата Луизиана Клейборну.

Губернатору КЛЕЙБОРНУ.

Барратария, 4 сентября 1814 года.

Сэр... В твердой уверенности, что ваш выбор на должность первого магистрата этого штата был продиктован уважением ваших сограждан и был сделан по заслугам, я с уверенностью обращаюсь к вам по делу, от которого может зависеть безопасность этой страны. Я предлагаю вам восстановить в этом штате нескольких граждан, которые, возможно, в ваших глазах утратили это священное звание. Я предлагаю вам их, однако, таких, каких вы могли бы пожелать найти, готовых приложить все усилия для защиты страны. Этот пункт Луизианы, который я занимаю, имеет огромное значение в нынешнем кризисе. Я предлагаю свои услуги по его защите; и единственная награда, которую я прошу, - это прекращение проскрипции против меня и моих сторонников, путем акта забвения, за все, что было сделано до сих пор. Я - бродячая овца, желающая вернуться в стадо. Если вы досконально ознакомитесь с характером моих проступков, я покажусь вам гораздо менее виновным и по-прежнему достойным исполнять обязанности добропорядочного гражданина. Я никогда не плавал ни под каким флагом, кроме флага Карфагенской республики, и мои суда в этом отношении совершенно исправны. Если бы я мог доставить свои законные призы в порты этого штата, мне не следовало бы прибегать к незаконным средствам, из-за которых я подвергся запрету. Я отказываюсь говорить больше на эту тему, пока не буду иметь честь получить ответ вашего превосходительства, который, как я убежден, может быть продиктован только мудростью. Если ваш ответ не будет отвечать моим горячим желаниям, я заявляю вам, что немедленно покину страну, чтобы избежать обвинения в сотрудничестве с вторжением, которое не может не произойти, и быть уверенным в оправдании моей совести.

Имею честь быть

Вашим превосходительством и т. д.

Ж. ЛАФИТТЕ.

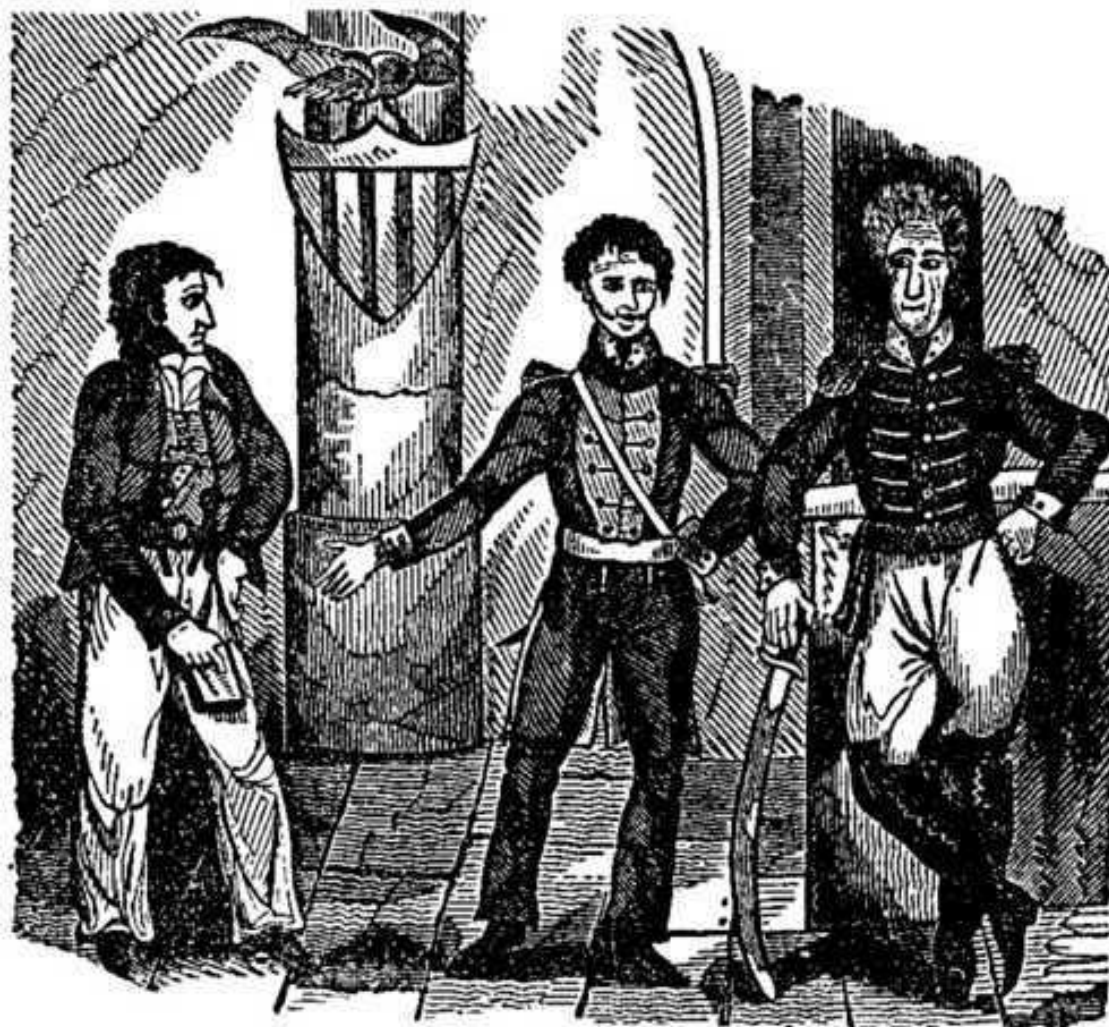
Содержание этих писем делает честь суждениям Лафитта и свидетельствует о его искренней привязанности к американскому делу. Получив этот пакет от Лафитта, г-н Бланк немедленно изложил его содержание губернатору, который созвал недавно сформированный комитет защиты, председателем которого он был; а г-н Ранчер, предъявивший пакет Лафитта, был отправлен обратно с устным ответом, в котором Лафитту предлагалось не предпринимать никаких действий, пока не будет определено, что целесообразно сделать; в послании также содержалось заверение, что тем временем против него не будет предпринято никаких шагов за его прошлые преступления против законов Соединенных Штатов.

По истечении оговоренного с капитаном Локьером времени его корабль вместе с двумя другими снова появился на побережье и продолжал стоять перед перевалом несколько дней. Но он сделал вид, что не заметил возвращения военного шлюпа, который, устав от бесцельного ожидания, вышел в море и исчез.

Получив от генерала Джексона гарантию безопасного проезда из Барратарии в Новый Орлеан и обратно, Лафитт немедленно отправился в город, где имел беседу с губернатором Клейборном и генералом. После обычных формальностей и любезностей Лафитт обратился к губернатору Луизианы почти со следующими словами. Я предложил вам защищать ту часть Луизианы, которой я сейчас владею. Но не как преступник, я буду ее защитником. В этом доверии, которое вы мне внушили, я предлагаю вернуть в штат многих граждан, находящихся сейчас под моим командованием. Как я уже отмечал ранее, занимаемая мною должность имеет огромное значение в нынешнем кризисе. Я предлагаю не только свои услуги по его

защите, но и услуги всех, кем я командую; и единственная награда, которую я прошу, - это прекращение проскрипции против меня и моих сторонников путем акта забвения всего, что было сделано до сих пор".

"Мой дорогой сэр, - сказал губернатор, который вместе с генералом Джексоном был восхищен его чувствами, - ваши похвальные пожелания будут переданы в совет штата, а я посоветуюсь с моим августейшим другом, присутствующим здесь, по этому важному делу и пришлю вам ответ завтра". Когда Лафитт удалился, генерал попрощался; когда мы встретимся снова, я надеюсь, это будет в рядах американской армии. Результатом конференции стало издание следующего приказа.

Интервью между Лафиттом, генералом Джексоном и губернатором Клейборном.

Губернатор Луизианы, информированный о том, что многие лица, причастные к преступлениям, совершенным ранее против Соединенных Штатов в Барратарии, выражают готовность в условиях нынешнего кризиса записаться в армию и выступить в поход против врага.

Настоящим он приглашает их присоединиться к штандарту Соединенных Штатов и уполномочен заявить, что если их поведение на поле боя заслужит одобрение генерал-майора, то этот офицер объединится с губернатором в просьбе к президенту Соединенных Штатов о предоставлении каждому участнику похода и действия свободного и полного помилования". Эти общие приказы были переданы в руки Лафитта, который распространил их среди своих разрозненных сторонников, большинство из которых с готовностью приняли

условия помилования, которые предлагали. Через несколько дней множество храбрых мужчин и искусных артиллеристов, чьи услуги во многом способствовали безопасности захваченного штата, перешли под знамена Соединенных Штатов и своим поведением заслужили высочайшее одобрение генерала Джексона.

ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.

ПРОКЛАМАЦИЯ.

"Среди многих зол, порожденных войнами, которые с небольшими перерывами поражали Европу и распространяли свои опустошения на другие части земного шара в течение периода, превышающего двадцать лет, рассеяние значительной части жителей разных стран в горе и нужде не было ни наименьшим вредом для человеческого счастья, ни наименее суровым испытанием человеческой добродетели.

"Уже давно было установлено, что многие иностранцы, спасаясь от опасностей своего дома, и некоторые граждане, забыв о своем долге, совместно создали на острове Барратария, недалеко от устья реки Миссисипи, заведение для тайной и незаконной торговли. По решению правительства Соединенных Штатов это заведение было разрушено и уничтожено, и, получив возможность установить всех преступников, оставалось только ответить на требования правосудия, назначив им примерное наказание.

"Но с тех пор стало известно, что преступники проявили искреннее раскаяние; что они отказались от преследования худшего дела ради поддержки лучшего, и, в частности, что они проявили при защите Нового Орлеана несомненные черты мужества и верности. Преступники, отказавшиеся стать сообщниками врага в войне на самых соблазнительных условиях приглашения; и оказавшие помощь в отражении его враждебного вторжения на территорию Соединенных Штатов, больше не могут рассматриваться как объекты наказания, но как объекты великодушного прощения.

"Поэтому Генеральная Ассамблея штата Луизиана с большим удовлетворением отметила, что она искренне рекомендует этим преступникам воспользоваться полным помилованием; И в соответствии с этой рекомендацией, а также принимая во внимание все другие чрезвычайные обстоятельства дела, я, *Джеймс Мэдисон*, президент Соединенных Штатов Америки, издаю настоящую прокламацию, предоставляя, публикуя и объявляя о свободном и полном помиловании всех преступлений, совершенных в нарушение любого акта или актов Конгресса указанных Соединенных Штатов, касающихся доходов, торговли и судоходства, или касающихся сношений и торговли Соединенных Штатов с иностранными государствами, в любое время до восьмого дня января нынешнего тысяча восемьсот пятнадцатого года, любым лицом или лицами, которые являются жителями Нового Орлеана и прилегающей страны, или жителями упомянутого острова Барратария и прилегающих мест; *При условии*, что каждый человек, претендующий на это полное помилование, чтобы получить на него право, должен представить письменное свидетельство от губернатора штата Луизиана, в котором говорится, что этот человек помогал в обороне Нового Орлеана и прилегающей страны во время вторжения в них, как указано выше.

"И далее я уполномочиваю и предписываю немедленно приостановить, прекратить и освободить все иски, обвинения и судебные преследования в связи со штрафами, пенями и конфискациями против любого лица или лиц, которые будут иметь право на это полное помилование: Всем гражданским чиновникам предписывается, в соответствии с их

должностными обязанностями, немедленно и добросовестно исполнить настоящую прокламацию.

"Совершено в городе Вашингтоне, шестого дня февраля, в тысяча восемьсот пятнадцатом году, а независимость Соединенных Штатов - тридцать девятого.

"Президентом,

"ДЖЕЙМС МАДИСОН

"ДЖЕЙМС МОНРО,

"исполняющий обязанности государственного секретаря."

Утро восьмого января встретило нас выстрелами ракет, грохотом пушек и радостными возгласами британских солдат, идущих в атаку. Американцы, стоявшие за лесами, со спокойной неустрашимостью ожидали их приближения. Противник продвигался тесной колонной по шестьдесят человек впереди, с мушкетами на плечах, фашинами и лестницами. Перед ними взлетели ракеты, а с батареи, которая командовала передовой колонной, открылся непрерывный огонь. К огню артиллерии присоединились мушкеты и винтовки кентуккийцев и теннессицев, и через несколько мгновений по всей линии раздался непрерывный, раскатистый огонь, чей громоподобный шум напоминал раскаты грома. Одно из этих орудий, двадцатичетырехфунтовое, установленное на левом фланге в третьей амбразуре от реки, вызвало восхищение американцев и англичан благодаря роковому мастерству и активности, с которыми оно управлялось даже в пылу сражения, и стало одним из пунктов, вызывавших наибольший страх у наступающего врага.

Здесь расположились Лафитт, его лейтенант Доминик и большая группа его людей, которые на протяжении всей битвы сражались с беспримерной храбростью. Британцы уже дважды были отброшены назад в полнейшем смятении, потеряв своего главнокомандующего и двух генералов.

Две другие батареи были укомплектованы барраряцами, которые обслуживали свои орудия со стойкостью и точностью опытных артиллеристов. Во время первой атаки противника колонна продвинулась вперед между дамбой и рекой; их наступление было столь стремительным, что аванпосты были вынуждены отойти, тесно прижатые противником. Прежде чем батареи смогли встретить атаку, очистив ров, они овладели редутотом через амбразуры, перепрыгнув через бруствер, и подавили своей превосходящей силой небольшой отряд, размещенный там.

Лафитт, командовавший вместе со своими офицерами у одного из орудий, не успел заметить смелого движения противника, как, призвав несколько своих лучших людей, бросился вперед к опасному месту и, преодолев заграждение окопов, прыгнул с тесаком в руках в гущу врага, за которым последовали несколько человек, не раз испытывших себя в тяжелом бою на его собственной палубе.

Пораженные бесстрашием, заставившим людей покинуть свои укрепления и встретиться с ними лицом к лицу, и придавленные внезапностью нападения, которое было совершено с безрассудством, мастерством и стремительностью опытных абордажников, вскочивших на палубу вражеского судна, они начали сдавать позиции, а один за другим два британских офицера пали под ударами пиратских тесаков, когда они храбро подбадривали своих людей. Теперь все силы англичан были сосредоточены на том, чтобы преодолеть леерное

ограждение, на которое уже взобрался один смелый офицер. В то время как Лафитт и его последователи, поддерживаемые доблестной группой добровольцев-стрелков, образовали фалангу, которую они тщетно пытались прорвать.

Не найдя возможности взять город и обнаружив ужасающий хаос в своих рядах, британцы поспешно отступили, оставив поле боя усыпанным трупами и ранеными.

Генерал Джексон в своей переписке с военным министром не преминул отметить поведение "корсаров Барратарии", которые, как мы уже видели, служили в артиллерии. В ходе кампании они недвусмысленно доказали, что их неправильно оценил противник, который за некоторое время до вторжения в Луизиану надеялся привлечь их на свою сторону. Многие из них были убиты или ранены при защите страны. Их рвение, мужество и мастерство были отмечены всей армией, которая больше не могла считать таких храбрецов преступниками. Через несколько дней между Великобританией и Соединенными Штатами был объявлен мир.

Пиратское заведение в Барратарии было разрушено, и Лафитт, не довольствуясь честной и мирной жизнью, приобрел несколько быстроходных парусных судов и с большим количеством своих последователей отправился в бухту Гальвезтон, в Техасе, в 1819 году; там он получил комиссию от генерала Лонга; у него было пять судов для крейсерства и около 300 человек. Две открытые лодки с комиссионными от генерала Гумберта из Гальвезтона, ограбившие плантацию на реке Мармента с неграми, деньгами и т. д., были захвачены в реке Сабин лодками шхуны Соединенных Штатов "Рысь". Один из них был повешен Лафиттом, который боялся мести американского правительства. Рысь" также захватила одну из его шхун с призом, который долгое время занимался контрабандой в Кармента. Один из его крейсеров, названный "Юпитер", после короткого плавания благополучно вернулся в Гальвезтон с ценным грузом, в основном со специями; это было первое судно, совершившее плавание под властью Техаса. Американское правительство, прекрасно понимая, что там, где находится Лафитт, пиратство и контрабанда будут в порядке вещей, послало военное судно, чтобы совершить крейсерство в Мексиканском заливе и прочесать побережье Техаса. Лафитт был назначен губернатором Гальвезтона, а один из крейсеров, стоявший у порта, наблюдал за его передвижениями, и это так раздражало его, что он написал следующее письмо командиру судна, лейтенанту Мэдисону.

Коменданту американского крейсера, стоящего у порта Гальвезтон.

Сэр, я убежден, что вы являетесь крейсером военно-морского флота, заказанным вашим правительством. Поэтому я счел нужным выяснить причину вашего пребывания в этом порту без сообщения о ваших намерениях. Настоящим посланием я уведомляю вас, что порт Гальвезтон принадлежит республике Техас и находится в ее владении, и был сделан портом захода 9 октября прошлого года. Верховный конгресс республики счел нужным назначить меня губернатором этого места, в связи с чем, если у вас есть какие-либо требования к указанному правительству или лицам, принадлежащим или проживающим в нем, вы изволите прислать офицера с такими требованиями, с которым, как вы можете быть уверены, будут обращаться с величайшей вежливостью и получают все требуемое удовлетворение. Если же вы получите приказ или попытаетесь войти в этот порт враждебным образом, моя присяга и долг перед правительством вынуждают меня опровергнуть ваши намерения ценой своей жизни.

Чтобы доказать вам мои намерения, направленные на благосостояние и гармонию вашего правительства, я прилагаю заявление нескольких заключенных, которые вчера были взяты

под стражу и назначенным для этой цели следственным судом признаны виновными в ограблении жителей Соединенных Штатов в отношении нескольких рабов и специй. Джентльмены, несущие это послание, предоставят вам всю необходимую информацию, касающуюся этого места, которая может потребоваться.

Ваш, и т.д.

Л. ЛАФИТТЕ.

Примерно в это время некто Митчелл, ранее входивший в банду Лафитта, собрал около ста пятидесяти отчаянных и укрепился на острове близ Барратарии, имея несколько пушек, и поклялся, что он и все его товарищи погибнут в своих окопах, прежде чем сдадутся кому-либо. Четверо из этой банды отправились в Новый Орлеан, чтобы порезвиться, о чем было сообщено городской страже, и дом был окружен, когда все четверо с пистолетами в обеих руках вышли и прошли через толпу, которая освободила им дорогу, и ни один человек не осмелился сделать попытку арестовать их.

Катер Соединенных Штатов "Алабама", направляясь на станцию у устья Миссисипи, захватил пиратскую шхуну, принадлежавшую Лафитту; на ней было две пушки и двадцать пять человек, она была оборудована в Новом Орлеане, и командовал ею один из лейтенантов Лафитта по имени Ле Фаж; На шхуне был приз, и когда ее окликнул катер, он дал по ней залп из мушкетов; катер открыл огонь по каперу, и завязался бой, закончившийся в пользу катера, на котором было ранено четыре человека, двое из них опасно, но у пирата было убито шесть человек; оба судна были захвачены и приведены в бухту St. John. Теперь была отправлена экспедиция, чтобы вытеснить Митчелла и его товарищей с острова, которым он завладел; после того как они встали на якорь, был послан призыв к сдаче, на который ответили бодрой канонадой с крепостной стены. Корабли подошли к берегу, укомплектовали лодки и отправили их на берег, в то время как корабли открыли огонь по пиратам; экипажи лодок высадились на берег под шквальным огнем виноградной дроби и сформировались самым неустрашимым образом, и хотя понесли тяжелые потери, они вошли в крепость на острие штыка; после отчаянного боя пираты сдались, многие были взяты в плен, но Митчелл и большая часть сбежали в кипарисовые болота, где их было невозможно арестовать. Было захвачено большое количество сухих товаров и спекуляций, а также другая добыча. Двадцать пиратов были схвачены и доставлены в Новый Орлеан, где предстали перед судьей Холлом из окружного суда Соединенных Штатов; шестнадцать были признаны виновными; и после того, как судья закончил оглашать смертный приговор закоренелым негодяям, некоторые из них воскликнули в открытом суде: *"Убийство - ради Бога"*.

Когда сведения об этих событиях дошли до Лафитта, он понял, что все его крейсера намерены вытеснить с моря, и против него, похоже, ведется война на уничтожение.

В порыве отчаяния он приобрел большую и быстроходную бригантину с шестнадцатью пушками и, набрав команду из ста шестидесяти человек, отправился в путь без всякого поручения, как обычный пират, решив грабить все народы и не давать и не принимать четверти. Британский военный шлюп, крейсировавший в Мексиканском заливе, услышав, что Лафитт в море, внимательно следил за ним с мачты, и однажды утром, когда офицер осматривал горизонт, он обнаружил длинное темное судно, низко стоящее в воде, но с очень высокими мачтами и белыми, как снег, парусами. Так как военный шлюп имел метеорологическое наблюдение за пиратом и мог обогнать его до ветра, он поставил паруса-шпили и устремился в погоню за каждым дюймоном полотна; как только Лафитт убедился в характере своего противника, он приказал спустить тент, поставил большой квадратный

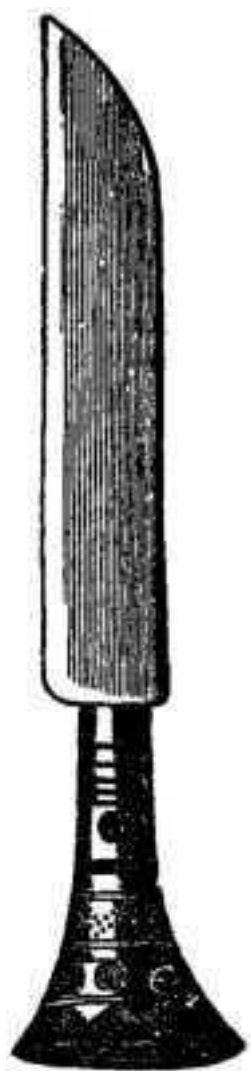
парус и быстро помчался по воде; Но когда ветерок посвежел, военный шлюп быстро подошел к пирату, который, не найдя возможности спастись, решил продать свою жизнь как можно дороже; пушки были расчехлены, выстрелы раздались; По кораблю открыли огонь, который убил несколько человек и снес носовую мачту, но он сдержал огонь, пока не оказался на расстоянии кабельтова от пирата; тогда он дал общий залп с широкой стороны и залп из стрелкового оружия; Широкий борт был слишком сильно поднят, чтобы попасть в низкий корпус бригантины, но не без последствий; носовая мачта упала, челюсти главного гафеля были перебиты, и большая часть такелажа с грохотом обрушилась на палубу; десять пиратов были убиты, но Лафитт остался невредим. Военный шлюп вышел на своих людей через правый борт, и завязался страшный поединок с пистолетами и тесаками; Лафитт получил две раны, которые сделали его инвалидом: виноградная пуля сломала кость правой ноги, и он получил рану в живот, но его команда сражалась как тигры, и палуба была по щиколотку в крови и крови; Капитан абордажников получил такой сильный удар по голове прикладом мушкета, что без чувств растянулся на палубе рядом с Лафиттом, который поднял свой кинжал, чтобы вонзить его в сердце. Но его жизнь текла, как смерч, его мозг был в беспорядке, его прицел дрогнул, и острие вонзилось в правое бедро капитана; отводя лезвие с последней судорожной энергией смертельной борьбы, он нанес рваную рану. Лафитт снова поднял воняющую сталь, положил левую руку на сердце капитана, чтобы точнее прицелиться; снова головокружение растворения охватило его, кинжал вонзился в левое бедро капитана, и Лафитт превратился в труп.

Верхняя палуба была очищена, и абордажники устремились вниз, на главную палубу, чтобы завершить свое завоевание. Бойня была ужасной, пока пираты не потребовали четвертования, и резня прекратилась; все сдавшиеся пираты были доставлены на Ямайку и предстали перед судом Адмиралтейства, где шестнадцать человек были приговорены к смерти, шестеро впоследствии были помилованы, а десять казнены.

Смерть пирата Лафитта.

Так погиб Лафит, человек, превосходивший всех по таланту, знанию своего дела, храбрости и, кроме того, физической силе; но, к несчастью, его безрассудная карьера была отмечена преступлениями самого мрачного толка.

ЖИЗНЬ КАПИТАНА РОБЕРТСА.

Бартоломью Робертс был приучен к морской жизни. Среди прочих плаваний, которые он совершил за то время, пока законно получал содержание, было плавание в Гвинею в ноябре 1719 года, где он был захвачен пиратом Дэвисом. Поначалу он очень не любил такой образ жизни и непременно бы дезертировал, если бы представилась возможность. Однако с ним, как и со многими другими, случилось так, что преференции успокоили его совесть и примирили с тем, что он раньше ненавидел.

После того как Дэвис пал, те, кто принял титул лордов, собрались, чтобы обсудить выбор нового командира. Было несколько кандидатов, которые своими заслугами возвысились среди своих последышей, и каждый из них считал себя достойным нести правление. Один из них обратился к собравшимся лордам, заявив, что "благо всего народа и поддержание порядка требуют главы, но что надлежащая власть принадлежит всему обществу; так что если будет избран тот, кто не будет действовать и управлять ради общего блага, его можно будет сместить, а на его место поставить другого".

"Мы - первоисточник, - сказал он, - этого требования, и если капитан будет настолько дерзок, что превысит предписание в любой момент, то что ж, долой его! Это будет предостережением после его смерти для его преемников, к каким фатальным результатам может привести любое неоправданное допущение; однако я советую, пока вы трезвы, выбрать человека мужественного и искусного в навигации - того, кто своим благоразумием и храбростью лучше всего сможет защитить это содружество и уберечь нас от опасностей и бурь неустойчивого элемента и фатальных последствий анархии; и таким человеком я считаю Робертса: человек, во всех отношениях достойный вашего уважения и благосклонности."

Этой речи аплодировали все, кроме лорда Симпсона, который очень рассчитывал получить высшее командование. В конце концов он угрюмым тоном заявил, что ему все равно, кого выберут командиром, лишь бы тот не был папистом, ибо он питал смертельную ненависть к папистам, поскольку его отец пострадал во время восстания Монмута.

Таким образом, хотя Робертс пробыл среди них всего несколько недель, его избрание было подтверждено лордами и общинами. Он с самым благодушным видом принял сан, заявив, "что раз уж он окунул руки в мутную воду и должен быть пиратом, то лучше быть командиром, чем рядовым".

После того как губернатор был назначен, а другие офицеры выбраны из числа тех, кто пал вместе с Дэвисом, было решено не покидать это место, не отомстив за его смерть. Соответственно, тридцать человек под командованием некоего Кеннеди, смелого и распутного парня, высадились на берег и под прикрытием огня с корабля поднялись на холм, на котором стоял форт. Не успели португальцы их обнаружить, как они покинули форт и укрылись в городе. Тогда пираты без сопротивления вошли внутрь, подожгли форт и сбросили пушки в море.

Не удовлетворившись этим, некоторые из них предложили высадиться на берег и поджечь город. Однако Робертс напомнил им о большой опасности, которой это неизбежно подвергнет их; что в глубине города есть густой лес, где жители могут спрятаться, и что, когда на карту будет поставлено все их имущество, они окажут более смелое сопротивление; и что сожжение или разрушение нескольких домов будет малой платой за их труд и потери, которые они могут понести. Этот благоразумный совет возымел желаемое действие, и они довольствовались тем, что подожгли французское судно и разнесли в щепки несколько домов в городе, чтобы показать свое сильное недовольство.

Робертс отплыл на юг, захватил голландский гвинеянин и, очистив его от всего, что посчитал нужным, вернул командиру. Через два дня после этого он захватил английский корабль и, поскольку люди присоединились к пиратам, опустошил и сжег судно, а затем отплыл к Сент-Томасу. Не найдя никакого приза, он отплыл в Анамабоа, где его накормили и починили. Снова выйдя в море, было проведено голосование, куда плыть - в Ост-Индию или в Бразилию. Решено было выбрать последнее место, и они прибыли туда через двадцать восемь дней.

У этого берега наши мореплаватели крейсировали около девяти недель, держась, как правило, вне видимости земли, но не видя ни одного паруса; это их так обескуражило, что они решили покинуть станцию и направиться в Вест-Индию; Для этого они встали на сушу, чтобы отплыть, и неожиданно столкнулись с флотилией из сорока двух португальских кораблей, стоявших у залива Лос-Тодос-Сантос со всем грузом, который они везли в Лиссабон; несколько из них были хорошей силы, и они лежали там в ожидании двух военных кораблей по семьдесят пушек каждый для своего конвоя. Однако Робертс решил, что ему придется нелегко, если он не сделает среди них свой рынок, и тогда он смешался с флотом и скрывал своих людей до тех пор, пока не будут приняты соответствующие решения; это было сделано, они подошли вплотную к одной из самых глубоких яхт и приказали ей спокойно отправить хозяина на борт, угрожая не давать им покоя, если будет оказано какое-либо сопротивление или подан сигнал бедствия. Португальцы, удивленные этими угрозами и внезапным взмахом пиратских тесаков, подчинились без единого слова, и капитан поднялся на борт. Робертс приветливо поздоровался с ним, сказав, что они джентльмены удачи и что их дело - узнать, какой корабль самый богатый в этом флоте; и если он правильно укажет им, то будет возвращен на свой корабль без всяких притеснений, в противном случае его должна ожидать немедленная смерть.

Затем он указал на судно с сорока пушками и ста пятьюдесятью людьми; и хотя его силы значительно превосходили силы Робертса, он все же направился к нему, взяв с собой хозяина захваченного судна. Подойдя к судну, Робертс приказал пленнику спросить: "Как поживает сеньор капитан?" и пригласить его на борт, поскольку у него есть важное дело, которое он должен ему сообщить. Ему ответили, что он подождет его в ближайшее время. Однако Робертс, заметив на борту более чем обычную суету, сразу же решил, что их обнаружили, и, выпустив по кораблю широкий снаряд, немедленно поднялся на борт, схватил его и захватил. Это был очень богатый приз, нагруженный сахаром, шкурами и табаком, с четырьмя тысячами мойдоров золота, а также другими ценными предметами.

Обладая таким богатством, они решили найти безопасное убежище, где можно было бы провести время в веселье и разврате. Они выбрали место под названием Остров Дьявола на реке Суринам, куда прибыли в целости и сохранности и встретили любезный прием со стороны губернатора и жителей.

В этой реке они захватили шлюп, который сообщил им, что отплыл в компании с бригантиной, груженной провизией. Это была радостная весть, поскольку их провизия была почти на исходе. Полагая, что это слишком важное дело, чтобы доверять его чужим рукам, Робертс с сорока людьми на шлюпе пустился в погоню за этим судном. В запальчивости и полагаясь на свою обычную удачу, Робертс полагал, что ему нужно сделать лишь небольшое плавание, чтобы доставить судно с грузом; но, к своему печальному разочарованию, он преследовал его в течение восьми дней, и вместо того, чтобы набирать ход, терял его. В этих обстоятельствах он встал на якорь и отправил лодку, чтобы сообщить об их бедственном положении своим спутникам.

В крайней нужде они разобрали часть пола в каюте и соорудили из веревок что-то вроде лотка, чтобы грести к берегу за водой для сохранения жизни. Когда их терпение было почти исчерпано, лодка вернулась, но вместо провизии принесла неприятную информацию, что лейтенант, некто Кеннеди, сбежал с обоими кораблями.

Беда и страдания Робертса значительно усугубились размышлениями о собственной неосмотрительности и непредусмотрительности, а также о подлости Кеннеди и его команды. Побуждаемый необходимостью своего положения, он начал размышлять о том, какие

средства ему следует использовать для будущего обеспечения. Глупо полагая, что какие-либо законы, клятвы или правила могут связать тех, кто открыто бросил вызов всем божественным и человеческим законам, он приступил к составлению свода правил для поддержания порядка и единства в своем маленьком содружестве.

Но настоящая необходимость заставила их действовать, и на своем небольшом шлюпе они отплыли в Вест-Индию. Недолго думая, они захватили два шлюпа, которые снабжали их провизией, а через несколько дней - бригантину, после чего направились к Барбадосу. У этого острова они встретили судно из Бристоля с десятью пушками, богато нагруженное; разграбив его и задержав на три дня, они позволили ему продолжить плавание. Однако это судно сообщило губернатору о том, что с ними случилось, и тот отправил на поиски пиратов судно с двадцатью пушками и восьмьюдесятью людьми.

Этим судном командовал некто Роджерс, который на второй день своего плавания обнаружил Робертса. Не зная, что за ними послано какое-либо судно, они пошли навстречу друг другу. Робертс подал ему пистолет, но вместо того, чтобы ударить, тот ответил выстрелом из трех орудий. Завязалась ожесточенная схватка, и Робертс, будучи сильно потрепанным, облегчил свое судно и скрылся.

Затем Робертс отплыл к острову Доминика, где поплавал, а жители снабдили его провизией, за которую он отдал им взамен товары. Здесь он встретил пятнадцать англичан, оставленных на острове французом, который сделал призом их судно; и они, поступив к нему на службу, оказались своевременным дополнением к его силам.

Хотя он и не считал это место подходящим для очистки, но поскольку это было совершенно необходимо, он направил свой курс к Гренадским островам с этой целью. Однако это едва не стало для него роковым: губернатор Мартиники снарядил два шлюпа, чтобы отправиться на поиски пиратов. Они, однако, отплыли в вышеупомянутое место, убралась с необычайной быстротой и покинули его в ночь перед прибытием преследующих их шлюпов.

Затем они отплыли в Ньюфаундленд, прибыли к его берегам в июне 1720 года и вошли в гавань Трепасси, где развевались их черные флаги, били барабаны и звучали трубы. В этой гавани находилось не менее двадцати двух кораблей, которые люди покинули при виде пиратов. Невозможно описать ущерб, который они нанесли в этом месте, сжигая или топя корабли, уничтожая плантации и грабя дома. Власть в руках подлых и невежественных людей делает их распутными, наглыми и жестокими. Они буквально похожи на безумцев, которые бросают огненные мечи, стрелы и смерть и говорят: "Разве мы не в спорте?".

Робертс оставил в гавани бристольскую галеру, которую оборудовал и укомплектовал для своих нужд. На берегу он встретил десять парусных французских кораблей и уничтожил их все, кроме одного из двадцати шести пушек, который он захватил и унес с собой, назвав его "Фортуна". Затем, отдав бристольскую галеру французам, они отправились на поиски новых приключений, и вскоре взяли несколько призов, а из них увеличили число своих собственных. Один из них, "Сэмюэль", был очень богатым судном, на борту которого находилось несколько респектабельных пассажиров, которых грубо использовали и угрожали смертью, если они не отдадут свои деньги и товары. Они лишили судно всех вещей, необходимых как для них самих, так и для их судна, на сумму восемь или девять тысяч фунтов. Затем они решили потопить или сжечь "Самуэль", но в это время обнаружили парус, поэтому оставили пустой "Самуэль" и пустились в погоню за другим судном. В полночь они настигли ее, и оказалось, что это "Снег" из Бристоля; поскольку он был англичанином, они жестоко и варварски расправились с хозяином. Через два дня после этого они захватили "Литтл Йорк" из Вирджинии и "Лав" из Ливерпуля, , которые разграбили и отослали. Через

три дня они захватили еще три судна, вынесли из них товары, одно потопили, а два других отослали.

Затем они отплыли в Вест-Индию, но из-за нехватки провизии направились в Сент-Кристоферс, где, получив отказ от губернатора, обстреляли город и сожгли два корабля на дорогах. Затем они отправились на остров Святого Варфоломея, где губернатор снабдил их всем необходимым и самым добрым образом приласкал. Пресытившись снисходительностью и захватив большой запас всего необходимого, они единодушно решили поспешить к побережью Гвинеи. По пути они захватили француза и, поскольку он был лучше приспособлен для пиратской службы, чем их собственный, сообщили капитану, что, поскольку "честный обмен - не грабеж", они обменяются с ним шляпами; соответственно, сменив своих людей, они отправились в путь. Однако, выйдя по ошибке из-под пассатов, они были вынуждены вернуться в Вест-Индию.

Теперь они взяли курс на Суринам, но, не имея достаточного количества воды для плавания, вскоре стали питаться одним ртом в день; их численность ежедневно уменьшалась от жажды и голода, а те немногие, кто остался в живых, были доведены до крайней степени слабости. Наконец они не имели ни капли воды или какой-либо другой жидкости, когда, к своей невыразимой радости, бросили якорь в семи саженях воды. Это оживило измученную природу и вдохнуло в них новые силы, хотя пока они не получали никакого облегчения. Утром они обнаружили сушу, но на таком расстоянии, что их надежды были сильно ослаблены. Однако лодка была отправлена, и ночью она вернулась с большим количеством этого необходимого элемента. Но это замечательное избавление не изменило нравов этих недоброжелательных и упрямых людей.

Направляясь из этого места на Барбадос, они встретили на своем пути судно, которое снабдило их всем необходимым. Вскоре после этого они захватили бригантину, помощник которой присоединился к их компании. Получив от этих двоих большой запас, они изменили курс и зашли на Тобаго. Однако, узнав, что в погоню за ними отправлены два судна, они отправились выразить свою признательность губернатору Мартиники за оказанную любезность.

У голландских интервентов был обычай, когда они приближались к этому острову, чтобы торговать с его жителями, поднимать свои домкраты. Робертс знал этот сигнал и сделал то же самое. Они, полагая, что вблизи находится хороший рынок, стали искать, кто первым доберется до Робертса. Решив причинить им все возможные беды, он уничтожал их одного за другим, как только они оказывались в его власти. Он оставил только один корабль, чтобы отправить людей на берег, а остальные, числом двадцать, сжег.

Робертсу и его команде так повезло, что он захватил несколько судов, а спиртное было в таком изобилии, что не быть постоянно пьяным считалось преступлением против Провидения. Один человек, отличавшийся трезвостью, вместе с двумя другими нашел возможность отправиться в путь, не оставив своих друзей. Но за ними была послана депеша, их вернули обратно, и в официальной обстановке судили и приговаривали, но одного из них спасло шутивное вмешательство одного из судей, чья речь была поистине достойна пирата, а двое других понесли наказание в виде смерти.

Экипаж капитана Робертса резвится на реке Старый Калабар.

Когда необходимость вновь заставила их, они возобновили крейсерство; и, не удовлетворившись захватом судов, которые давали им лишь временное пропитание, взяли курс на побережье Гвинеи, чтобы добывать золото. Опьянение сделало их неуправляемыми, и бригантина, наконец, под покровом ночи покинула коммодора. Не беспокоясь о потере своего спутника, Робертс продолжил плавание. Он столкнулся с двумя французскими кораблями, один из которых имел десять пушек и шестьдесят пять человек, а другой - шестнадцать пушек и семьдесят пять человек. Не успели эти негодяи увидеть черный флаг, как сдались. Вместе с ними они отправились в Сьерра-Леоне, сделав один из них консортом, по имени "Рейнджер", а другой - складочным кораблем. Этот порт посещала большая часть

торговцев в этом квартале, и они оставались здесь шесть недель, наслаждаясь всем великолепием и роскошью пиратской жизни.

После этого они возобновили свое плавание и, захватив одно судно, большая часть мужчин объединила свои судьбы с пиратами. На борту одного из кораблей находился священнослужитель, которого некоторые из них предложили взять с собой, не иначе как потому, что у них на борту не было капеллана. Они пытались заручиться его согласием и уверяли, что он ни в чем не будет нуждаться, а единственной его обязанностью будет совершать пунш и читать молитвы. Однако, как ни развратны были эти люди, они не стали принуждать его к поездке, а еще больше проявили свою любезность, разрешив ему взять с собой все, что он назовет своим. После нескольких плаваний они зашли в удобную гавань в Старом Калабаре, где почистились, переоборудовались, поделили добычу и долго веселились, чтобы прогнать заботы и трезвые размышления.

По их обычаю, время празднеств и веселья затягивалось до тех пор, пока нужда в средствах не возвращала их к здравому смыслу и напряжению. Покинув этот порт, они крейсировали от места к месту с переменным успехом, но во всех своих захватах либо сжигали, либо топили, либо отдавали свои призы в собственное пользование, в зависимости от прихоти момента. "Ласточка" и еще один корабль были посланы специально для преследования и захвата Робертса и его флота, и он часто и точно получал сведения об их назначении; но, так часто ускользая от их бдительности, он стал слишком уверенным и бесстрашным. Случилось, однако, так, что, пока он лежал у мыса Лопес, "Ласточка" получила сведения о том, что он находится в этом месте, и направилась к нему. При появлении паруса один из кораблей Робертса был послан в погоню за ней. Лоцман "Ласточки", видя ее приближение, так хорошо управлял своим судном, что, хотя и скрылся при ее приближении, чтобы вывести ее из-под удара своих сообщников, все же в свое время позволил ей догнать корабль.

Когда она подошла к "Ласточке", пират поднял черный флаг и открыл по ней огонь; но как сильно была поражена ее команда, когда увидела, что им приходится сражаться с военным кораблем, и, видя, что все сопротивление тщетно, они закричали, требуя четверти, которая была дана, и они были взяты в плен, имея десять человек убитыми и двадцать ранеными, без потери или ранения одного из людей короля.

10-го числа, утром, корабль обогнул мыс. Команда Робертса, заметив их мачты над сушей, спустилась в каюту, чтобы сообщить ему об этом; он в это время завтракал со своим новым гостем, капитаном Хиллом, за пикантным блюдом из сальмагунди и пивом собственного приготовления. Он не обратил на это никакого внимания, да и его люди почти не обратили: одни говорили, что это португальский корабль, другие - что французский невольничий, но большинство клялось, что это вернулся французский рейнджер; и они некоторое время весело спорили о том, как его принять, отдать ли честь или нет; Но по мере приближения "Ласточки" все становилось яснее; и хотя тех, кто проявлял хоть малейшее опасение, клеймили трусами, некоторые из них, теперь уже не обманутые, заявили об этом Робертсу, особенно некто Армстронг, который дезертировал с этого корабля и хорошо знал его. Этих Робертс клял как трусов, желая расстроить людей, спрашивая их, если это так, боятся ли они сражаться или нет? Короче говоря, он почти не воздерживался от ударов. Каковы были его собственные опасения, пока она не задраила порты и не подняла свои цвета, точно неизвестно; но затем, будучи совершенно убежденным, он спустил ванты, встал под парус, приказал своим людям взяться за оружие без малейшего проявления робости, бросив первоклассную клятву, что это укус, но в то же время решив, как галантный негодяй, убраться восвояси или умереть.

Там был один Армстронг, как уже говорилось, дезертир с "Ласточки", которого они расспросили об устройстве и плавании этого судна; он сказал им, что оно лучше всего идет по ветру, и поэтому, если они намерены покинуть его, им следует идти до него.

Опасность была неминуема, а времени оставалось очень мало, чтобы посоветоваться о средствах спасения; его решение в этом положении было следующим: Пройти вплотную к "Ласточке" со всеми парусами и принять ее на борт, прежде чем сделать ответный выстрел; если это помешает, или если они не смогут отплыть, то пристать к берегу в точке, и каждому перебиться среди негров; или, если это не удастся, взять на abordаж и взорваться вместе, так как он видел, что большая часть его людей была пьяна, пассивно храбра и непригодна к службе.

Сам Робертс во время боя представлял собой галантную фигуру: он был одет в богатый малиновый жилет и бриджи из дамаста, в шляпе - красное перо, на шее - золотая цепь с бриллиантовым крестом, в руке - шпага, а на конце шелковой перевязи, перекинутой через плечо, по обычаю пиратов, висели два пистолета. Говорят, что он отдавал свои приказы смело и уверенно. Подойдя, согласно своему замыслу, вплотную к военному кораблю, он принял его огонь, а затем поднял свой черный флаг и вернул его, отстреливаясь от него всеми парусами, которые мог собрать; если бы он последовал совету Армстронга идти против ветра, то, вероятно, спасся бы; но, держась на галсах, либо из-за перемены ветра, либо из-за плохой управляемости, либо из-за того и другого, он сбился с парусов, и "Ласточка" во второй раз подошла к нему совсем близко. Возможно, он уже закончил бы отчаянную схватку, если бы смерть, стремительно пронесшаяся в виноградной лодке, не вмешалась и не ударила его прямо в горло. Он уселся на остов пушки; один Стефенсон с руля, заметив это, бросился к нему на помощь и, не видя, что он ранен, обругал его и приказал встать и драться как мужчина; но когда он понял, что ошибся, и что его капитан, несомненно, мертв, он разрыдался и пожелал, чтобы следующий выстрел был его уделом. Вскоре его выбросили за борт, не снимая оружия и украшений, как он неоднократно просил при жизни.

Этот необычный человек и дерзкий пират был высокого роста, со смуглым цветом лица, около 40 лет от роду, родился в Пембрукшире. Его родители были честными и добропорядочными, а природная активность, смелость и изобретательность превосходили его образование. Уже в раннем возрасте он, напившись, просил отомстить "за голову того, кто когда-либо носил галстук". Он охотно пошел на пиратскую службу и прослужил три года в качестве второго человека. Это произошло не из-за нужды в работе, а из-за бродячего, дикого и буйного нрава. Он обычно заявлял: "На честной службе обычно низкая плата и тяжелый труд; на этой - изобилие, сытость, удовольствие и легкость, свобода и власть; и кто не станет уравнивать кредитора на этой стороне, когда вся опасность, которой он подвергается в худшем случае, сводится к тому, что он может задохнуться от кислого взгляда или двух? Нет, веселая и короткая жизнь - вот мой девиз!" Но в его характере была одна положительная черта: он никогда не заставлял никого идти на пиратскую службу.

На борту пленников строго охраняли, а когда их доставили в крепость Кейп-Кост, они подверглись долгому и торжественному испытанию. Некоторое время большинство из них оставались дерзкими и безрассудными, но, оказавшись в замке и обнаружив, что их судьба близка, они изменили свое поведение и стали серьезными, раскаявшимися и ревностными в своих набожных делах. И хотя судьи столкнулись с немалыми трудностями при объяснении закона и различных актов парламента, однако факты, доказанные против них, были столь многочисленны и вопиющи, что не составило труда вынести обвинительный приговор.

ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ГИББСА.

Содержащая рассказ о его злодеяниях, совершенных в Вест-Индии

Этот зверский и жестокий пират еще в юности пристрастился к порокам, не свойственным молодым людям его возраста, и поэтому мягкие упреки и дружеские наставления или более суровые наказания любящего родителя не оказали должного воздействия, а, казалось, сделали его еще хуже и склонили к тому, чтобы отплатить тем, кого он должен был считать своими лучшими друзьями и кто проявил столько заботы о его благополучии, неблагодарностью и пренебрежением. Его бесславная карьера и позорная смерть на виселице привели "седые волосы его родителей в печали к могиле". Тяжелые переживания, которые вызывают позорные преступления детей у их родственников, должны стать для них одним из самых действенных убеждений в необходимости воздерживаться от порока.

Чарльз Гиббс родился в штате Род-Айленд в 1794 году; его родители и родственники отличались первой респектабельностью. В школе он был очень склонен к обучению, но настолько неподатлив и угрюм, что ни розги, ни добрые советы не произвели на него никакого впечатления, и он был исключен из школы.

Теперь его заставили работать на ферме; но, имея большую антипатию к труду, в возрасте около пятнадцати лет, чувствуя большую склонность к бродяжничеству и, как многие нерассудительные юноши того возраста, большую любовь к морю, он, вопреки дружеским советам своих родителей, частным образом покинул их и поступил на борт военного шлюпа Соединенных Штатов "Хорнет" и участвовал в бою, когда тот захватил британский шлюп "Пикок" у берегов Пернамбуко. После возвращения "Шершня" в Соединенные Штаты его отважный командир капитан Лоуренс за проявленную галантность был назначен командиром злополучного "Чесапика", на который перешел молодой Гиббс, принявший самое активное участие в бою с "Шенноном", закончившемся гибелью Лоуренса и захватом "Чесапика". Гиббс утверждает, что на борту "Чесапика" команда до начала боя находилась почти в состоянии мятежа, вызванного невыплатой призовых денег, и что обращение капитана Лоуренса было воспринято ими с холодностью и ропотом.

После боя Гиббс вместе с оставшимися в живых членами экипажа стал военнопленным и в этом качестве содержался в Дартмурской тюрьме до обмена.

После обмена он вернулся в Бостон, где, решив оставить море, обратился к своим друзьям в Род-Айленде с просьбой помочь ему начать бизнес; они, соответственно, ссудили ему тысячу долларов в качестве капитала для начала. Он открыл бакалейную лавку на Энн-стрит, рядом с тем местом, которое тогда называлось "Жестяной горшок", где было полно брошенных женщин и беспутных парней. Поскольку он торговал в основном спиртным и имел "Лицензию на розничную торговлю спиртными напитками", его питейное заведение было переполнено покупателями. Но продукты он продавал в основном распутным девицам, которые расплачивались с ним монетами, которые, хотя и отвечали его целям, не могли ни купить ему товаров, ни заплатить за аренду, и он обнаружил, что его запасы быстро уменьшаются, не получая никаких денег для их пополнения. По рассеянности и невнимательности его новое дело оказалось для него неудачным. Он решил бросить его и

снова попытаться добыть пропитание морем. Со ста долларами в кармане, остатками своего имущества, он отправился на корабле "Джон" в Буэнос-Айрес, но вскоре после прибытия туда его средства были исчерпаны, и он вступил на борт буэнос-айресского капера и отправился в плавание. Ссора между офицерами и командой по поводу раздела призовых денег привела в конце концов к мятежу; мятежники одержали верх, завладели судном, высадили команду на побережье Флориды и направились в Вест-Индию, сердцами решив во что бы то ни стало сделать свое состояние, где за короткое время ими было захвачено более двадцати судов и *убито около четырехсот человек!*

Гавана была местом, где эти пираты распоряжались своей добычей; Гиббс безнаказанно разгуливал по ней и был знаком со всеми укромными уголками этого злачного места пиратов - Регла. Он и его товарищи даже останавливались в тех самых домах, где жили многие из американских офицеров, посланных за ними. Он был знаком со многими офицерами и был в курсе всех их предполагаемых передвижений до того, как они покидали гавань. Однажды американский корабль "Каролина" был захвачен двумя пиратскими судами у мыса Антонио. Они были заняты выгрузкой груза, когда британский шлюп "Джеарус" появился в поле зрения и направил свои баржи, чтобы атаковать их. Пираты некоторое время оборонялись за небольшой батареей из четырех орудий, которую они возвели, но в конце концов были вынуждены бросить свое судно и приз и бежать в горы в поисках безопасности. Здесь "Джеарус" обнаружил двенадцать судов, сожженных дотла, и было достоверно установлено, что их экипажи *в количестве ста пятидесяти человек были убиты*. Экипажи, если не считали нужным избавиться от них иным способом, отправляли в дрейф на лодках, и часто без ничего, на что они могли бы прожить хоть один день; не всем повезло спастись. "Мертвецы не могут рассказывать сказки", - так было принято среди них; как только команда корабля была захвачена, проводился короткий совет, и если большинство считало, что лучше лишиться жизни, чем пощадить, достаточно было одного кивка или подмигивания капитана; независимо от возраста или пола, все мольбы о пощаде были тогда напрасны; они не обладали нежными чувствами, на которые могли бы подействовать крики и истошные стоны преданных жертв! Среди них разгорелась борьба за то, кто своими руками сможет отправить на тот свет наибольшее число людей и в кратчайший срок.

Без каких-либо иных мотивов, кроме удовлетворения своих адских наклонностей (в моменты опьянения), нередко и без необходимости проливалась кровь, и многие вдовы и сироты, вероятно, становились жертвами, когда жизнь несчастных жертв могла быть пощажена, и без самых отдаленных перспектив каких-либо дурных последствий (в отношении их самих), вытекающих из этого.

Гиббс утверждает, что в 1819 году он покинул Гавану и прибыл в Соединенные Штаты, захватив с собой около 30 000 долларов. Он провел несколько недель в Нью-Йорке, а затем отправился в Бостон, откуда на корабле "Эмеральд" отплыл в Ливерпуль. Однако прежде чем отплыть, он растратил большую часть своих денег, распутничая и играя в азартные игры. Он пробыл в Ливерпуле несколько месяцев, а затем вернулся в Бостон. О том, что он жил в Ливерпуле в то время, можно достоверно узнать из другого источника, кроме его собственного признания. Одна женщина, живущая сейчас в Нью-Йорке, была хорошо знакома с ним там, где, по ее словам, он жил как джентльмен, имея, очевидно, богатые средства к существованию. Рассказывая о своем знакомстве с этой женщиной, он говорит: "Я сошелся с женщиной, которая, как я думал, была сплошной добродетелью, но она

обманула меня, и я с сожалением должен сказать, что сердце, которое никогда не испытывало стыда перед сценами резни и крови, на какое-то время стало от нее ребенком, и я поддался распутству, чтобы заглушить мучения. Как часто, когда угар спиртного утихал, я вспоминал о своих добрых и ласковых родителях и их богоподобных советах! Но когда во мне зашевелился маленький монитор, я тут же схватил кубок, чтобы спрятаться от самого себя, и пил до тех пор, пока чувство опьянения не возобновилось. Мои друзья советовали мне вести себя как мужчина и обещали помощь, но демон все еще преследовал меня, и я отверг их советы".

В 1826 году он вновь посетил Соединенные Штаты и, узнав о войне между Бразилией и Республикой Буэнос-Айрес, отплыл из Бостона на бриге "Хитти" из Портсмута, решив, как он утверждает, попытать счастья в защите республиканского правительства. По прибытии он представился адмиралу Брауну и сообщил о своем желании присоединиться к их флоту. Адмирал проводил его к губернатору, и, получив поручение лейтенанта, он поступил на корабль из 34 орудий, названный "Двадцать пятое мая". "Здесь, - рассказывает Гиббс, - я нашел лейтенанта Доджа, своего старого знакомого, и еще несколько человек, с которыми я плавал. Когда губернатор давал мне поручение, он сказал мне, что в их флоте нет трусов, на что я ответил, что думаю, что у него не возникнет никаких опасений по поводу моей трусости или умения, когда он познакомится со мной. Он поблагодарил меня и сказал, что надеется, что его не обманут; после этого мы выпили за его здоровье и за успех Республики. Затем он подарил мне шпагу и сказал, чтобы я носил ее как спутник в сомнительной борьбе, в которой участвует республика. Я сказал ему, что никогда не опозорю ее, пока в моей руке есть нерв. Я оставался на корабле в чине 5-го лейтенанта около четырех месяцев, в течение которых мы имели несколько стычек с противником. Сумев завоевать доверие адмирала Брауна, он назначил меня командиром каперской шхуны, на которой находились две длинные 24-фунтовые пушки и 46 человек. Я отплыл из Буэнос-Айреса, совершил два хороших крейсерских плавания и благополучно вернулся в порт. Затем я купил половину новой шхуны "Балтимор" и снова отплыл, но через семь дней пути был захвачен и доставлен в Рио-Жанейро, где бразильцы выплатили мне сдачу. Я оставался там до заключения мира, затем вернулся в Буэнос-Айрес, а оттуда в Нью-Йорк.

"По прошествии примерно года, который я провел, путешествуя с места на место, мое внимание привлекла война между Францией и Алжиром. Зная, что французская торговля открывает прекрасные возможности для грабежа, я решил отправиться в Алжир и предложить свои услуги дею. Я отплыл из Нью-Йорка на судне "Салли Энн", принадлежащем компании "Бат", высадился в Барселоне, переправился в Порт-Маон и попытался пробиться в Алжир. Бдительность французского флота помешала осуществлению моего замысла, и я направился в Тунис. Там, сочтя небезопасным путешествие в Алжир через пустыню, я развлекался созерцанием руин Карфагена и воспоминаниями о его войне с римлянами. После этого я отправился в Марсель, а оттуда в Бостон".

Примером самого варварского и хладнокровного убийства, о котором несчастный Гиббс рассказывает в ходе своих признаний, является убийство невинной и красивой женщины примерно 17 или 18 лет! Она вместе со своими родителями была пассажиркой на борту голландского корабля, направлявшегося из Курракоа в Голландию; на борту находилось еще несколько пассажиров, мужчин и женщин, и все они, кроме вышеупомянутой девушки, были преданы смерти; ее несчастных родителей бесчеловечно зарезали на ее глазах, а она была обречена наблюдать агонию и слышать истошные, пронзающие сердце стоны тех, кто был ей дороже всего на свете и от кого она зависела в защите! Жизнь их несчастной дочери была сохранена для самых гнусных целей: пираты отвезли ее на западную часть Кубы, где у них

был небольшой форт с четырьмя пушками, где ее продержали около двух месяцев и где, по словам убийцы Гиббса, "с ней обращались так, что одно воспоминание об этом заставляет меня содрогаться!" По истечении двух месяцев она была взята пиратами на борт одного из их судов, и вскоре после этого среди них состоялся совет, в результате которого они пришли к выводу, что для их личной безопасности необходимо предать ее смерти! Когда ее чистый и бессмертный дух отлетел к Богу, который, как мы верим, отомстит за ее злодеяния, ее безжизненное тело было предано на глубину двумя безжалостными ублюдками с такой же беспечностью, как если бы оно принадлежало самой грубой скотине! Гиббс упорно утверждает, что в этой ужасной операции он не принимал никакого участия, что ему было так жаль эту несчастную несчастную женщину, что он ходатайствовал за ее жизнь до тех пор, пока мог сделать это с безопасностью для своей собственной!

Гиббс несет голландку на борт своего судна.

В свой последний приезд в Бостон Гиббс пробыл там всего несколько дней, после чего отправился в Новый Орлеан и поступил одним из членов команды на борт брига "Виноградник"; за содействие в убийстве несчастных капитана и помощника он был справедливо осужден, и ему был вынесен страшный смертный приговор! Подробности кровавой сделки (согласно показаниям Доуса и Браунрига, двух главных свидетелей) таковы: Бриг "Виноградник", капитан Уильям Торнби, отплыл из Нового Орлеана около 9 ноября в Филадельфию с грузом из 112 тюков хлопка, 113 фунтов сахара, 54 бочек патоки и 54 000 долларов в деньгах. Кроме капитана на борту брига находились Уильям Робертс, помощник капитана, шесть матросов, отправленных в Новый Орлеан, и повар. Роберт Доус, один из членов экипажа, заявил на допросе, что, когда примерно через пять дней плавания ему сообщили, что на борту есть деньги, Чарльз Гиббс, Э. Черч и стюард решили завладеть бригом. Они попросили Джеймса Талбота, еще одного члена экипажа, присоединиться к

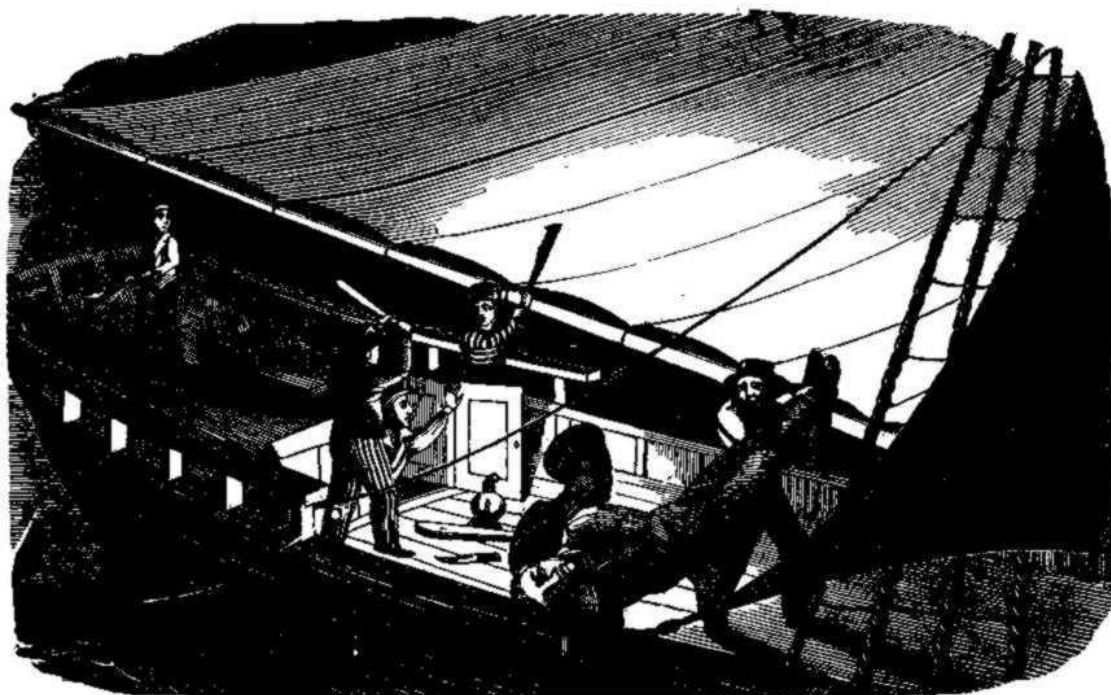
ним. Тот отказался, так как не верил, что на судне есть деньги. Тогда они решили убить капитана и помощника, а если Талбот и Джон Браунриг не присоединятся к ним, то и их. На следующую ночь они обговорили, как это сделать, и приготовили свои дубинки. Доус не смел сказать ни слова, так как они заявили, что убьют его, если он это сделает; поскольку они не договорились об убийстве Талбота и Браунрига, двух товарищей по кораблю, дело было отложено. Они решили убить капитана и помощника в ночь на 22 ноября, но не стали готовиться; а в ночь на 23-е, между двенадцатью и часом, когда Доуз стоял у руля, увидели, как стюард подошел с фонарем и ножом в руке; он бросил фонарь и, схватив обломок помпы, ударил им капитана по голове или затылку; от удара капитан подался вперед и закричал "о! и убийство! Один раз; затем его схватили Гиббс и повар, один за голову, другой за пятки, и выбросили за борт. Этвелл и Черч стояли у борта, чтобы ударить матроса, когда он поднимется. Когда он подошел и спросил, в чем дело, они ударили его по голове. Он побежал обратно в каюту, и Чарльз Гиббс последовал за ним, но так как было темно, он не смог его найти. Гиббс вышел на палубу за фонарем, с которым он вернулся. Когда у Доуса отобрали фонарь, он не мог видеть, чтобы управлять судном, и поэтому оставил штурвал, чтобы посмотреть, что происходит внизу. Гиббс нашел помощника и схватил его, а Этвелл и Черч спустились вниз и ударили его помповым рубильником и дубинкой; затем его вытащили на палубу; они позвали Доуса к себе, и когда он подошел, помощник схватил его за руку и сделал ему смертельную хватку! Трое из них бросили его за борт, но кто именно, Доус не знает; помощник, когда его выбросили за борт, не умер, но дважды звал их, пока был в воде! Доуз говорит, что был так напуган, что едва знал, что делать. Тогда они попросили его позвать Талбота, который находился на носу и читал молитвы; он подошел и сказал, что теперь будет его очередь! Но они дали ему немного грога и сказали, чтобы он не боялся, так как они не причинят ему вреда; если он будет верен им, то ему будет так же хорошо, как и им. Один из тех, кто участвовал в кровавом деле, напился, а другой сошел с ума!

Гиббс стреляет в товарища.

Убив капитана и помощника, они занялись ремонтом судна и раздобыли один бочонок мексиканских долларов. Затем они поделили одежду и деньги капитана - около 40 долларов и золотые часы. Доус, Тэлбот и Браунриг (все они были невиновны в убийстве) были вынуждены выполнить приказ: первому, который встал у руля, было приказано направиться к

Лонг-Айленду. На следующий день они разделили несколько бочонков с деньгами на сумму в пять тысяч долларов каждый - они сшили мешки и зашили деньги. После этого они разделили оставшиеся деньги, не пересчитывая их. В воскресенье, находясь примерно в 15 милях к юго-юго-востоку от Саутгемптон-Лайта, они достали лодки и положили в каждую по половине денег, после чего спустили судно на воду, подожгли его в каюте и сели в лодки. После убийства Гиббс стал капитаном судна. Из бумаг они узнали, что деньги принадлежат Стивену Жирау. На лодках они добрались до берега около полудня. Доуз и трое его спутников были в длинной лодке; остальные, вместе с Этвеллом, в весельной лодке - подойдя к бару, лодки столкнулись - в длинной лодке они выбросили за борт сундук с одеждой и много денег, всего около 5000 долларов - весельная лодка затонула; они видели, как лодку наполняли, слышали крики и видели, как они цеплялись за мачты - они сошли на берег на острове Баррон и закопали деньги в песок, но очень легко. Вскоре после этого они встретили канонира, которого попросили проводить их туда, где можно подкрепиться. Он отвел их к Джонсону (единственному человеку, живущему на острове), где они пробыли всю ночь - Доус лег спать около 10 часов - Джек Браунриг отправился к Джонсону, а утром сказал Доусу, что рассказал Джонсону все об убийстве. Утром Джонсон вместе со стюардом отправился за одеждой, которая осталась на вершине того места, где закопали деньги, но не верит, что они забрали деньги.

Капитан Торнби убит и выброшен за борт Гиббсом и стюардом.

Заклученные (Гиббс и Уэнсли) предстали перед судом на февральском заседании Суда Соединенных Штатов, состоявшемся в городе Нью-Йорке; когда вышеуказанные факты были удовлетворительно доказаны, их признали виновными, и 11 марта прошлого года страшный приговор закона был вынесен им в следующей впечатляющей манере: - Суд открылся в 11 часов, председательствовал судья Беттс. Через несколько минут после этого часа поднялся мистер Гамильтон, окружной прокурор, и сказал: - Да будет угодно суду, Томас Дж. Уэнсли, заключенный, был судим присяжными своей страны и признан виновным в убийстве капитана Торнби, и я предлагаю огласить приговор суда на основании этого вердикта.

Гиббс и Уэнсли хоронят деньги.

Суд

. Томас Дж. Уэнсли, вы слышали, что было сказано окружным прокурором, Большим жюри Южного округа Нью-Йорка, вам было предъявлено обвинение в умышленном убийстве капитана Торнби с брига "Вайнъярд"; вы предстали перед судом, и после терпеливого и беспристрастного слушания дела вы были признаны виновным. Теперь государственный обвинитель ходатайствует о вынесении решения по этому приговору; есть ли у вас какие-либо аргументы, почему приговор закона не должен быть вынесен в отношении вас?

Томас Дж. Уэнсли. Я скажу несколько слов, но, возможно, это бесполезно. Я всегда понимал, что существует большая разница в цвете кожи, и я видел это в этом суде. Доус и Браунриг были так же виновны, как и я, а эти свидетели пытались возложить на меня большую вину, чем это справедливо, потому что им была дана жизнь. Вы забрали негров из их собственной страны, привезли их сюда, чтобы плохо с ними обращаться. Я видел это. Свидетели, присяжные и прокурор считают меня более виновным, чем Доуса, и осуждают меня - ведь в противном случае закон должен был бы наказать его; он должен был бы получить такой же приговор, поскольку был одним из участников заговора. Несмотря на мое участие, они дали ложную клятву с целью лишить меня жизни; они даже не сообщили суду, как я дал информацию о том, что на борту находятся деньги; у них была большая часть денег, и они дали ложную клятву. Я сказал достаточно. Больше я ничего не скажу.

Суд. Суд будет терпеливо ждать и выслушает все, что вы скажете; если вам есть что добавить, продолжайте.

Уэнсли продолжил. Прежде всего, я был первым, кто поднялся на борт "Виноградника" в Новом Орлеане, я никого не знал; я видел, как деньги поднимались на борт. Судья, который первым допрашивал меня, неправильно записал мои показания. В разговоре с командой на борту я сказал, что бриг был старым судном, и когда мы прибыли в Филадельфию, мы все согласились покинуть его. Мне было сказано, что на борту было много денег. Генри Атвелл сказал: "Давайте возьмем их". Несколько дней я ничего не знал об этом. Атвелл снова подошел ко мне и спросил: "Что вы думаете о том, чтобы взять деньги". Я подумал, что это шутка, и не придавал этому значения. На следующий день он сказал, что они решили захватить бриг и деньги, что они - самая сильная партия и убьют офицеров, а он, по его словам, должен пострадать вместе с ними. Я знал Черча в Бостоне и в шутку спросил его, как устроена корабельная компания; он ответил, что это он и Доус. Оружия на борту не было, как было установлено; о заговоре знала вся компания, и если бы я сообщил, меня бы лишили жизни, и хотя я знал, что если бы меня узнали, то лишили бы жизни по закону, что одно и то же, поэтому я не сообщил. Я совершил убийство и знаю, что должен умереть за это.

Суд. Если вы хотите добавить что-нибудь еще, вас выслушают.

Уэнсли. Нет, сэр, я считаю, что сказал достаточно.

Окружной прокурор встал и ходатайствовал о вынесении приговора Гиббсу в том же порядке, что и в случае с Уэнсли, и суд, обратившись к Гиббсу в аналогичных выражениях, в заключение спросил, что он может сказать, почему приговор закона не должен быть вынесен ему сейчас.

Чарльз Гиббс сказал: "Я хочу изложить суду, насколько я виновен и насколько я невиновен в этом деле. Когда я покинул Новый Орлеан, я был чужим для всех на борту, кроме Доуса и Черча. Именно у острова Тортугас Атвелл впервые сказал мне, что на борту есть деньги, и предложил мне завладеть бригом. Я тогда отказался. О заговоре говорили несколько дней, и наконец я согласился присоединиться. Браунриг, Доус, Черч и все остальные согласились. Однако через несколько дней после этого, поразмыслив над делом, я сказал Этвеллу, как ужасно лишать человека жизни и заниматься пиратством, и посоветовал ему "отменить" их план. Этвелл и Доуз стали со мной спорить; я сказал Этвеллу, что если он еще хоть раз заговорит на эту тему, я сломаю ему нос. Если бы я остался при своем решении, меня бы не привезли сюда для вынесения приговора. Через три дня после этого было совершено убийство. Браунриг согласился позвать капитана из каюты, а этот человек, (указывая на Уэнсли), согласился нанести первый удар. Капитана ударили и, полагая, убили, а я протянул руку, чтобы выбросить его за борт. Но в убийстве помощника, в котором меня признали виновным, я невиновен - я не имею к этому никакого отношения. Матроса убили Доус и Черч; в том, что я невиновен в этом, я отдаю душу Богу, который будет судить всякую плоть - судить всех убийц и лжесвидетелей, а также нечестивцев, лишаящих невинного его права. Мне больше нечего сказать.

Суд. Томас Дж. Уэнсли и Чарльз Гиббс, суд терпеливо и внимательно выслушал вас; и хотя вы сказали кое-что от своего имени, суд не услышал ничего, что могло бы затронуть самую глубокую и болезненную обязанность, которую должен выполнять тот, кто председательствует в общественном суде.

Вы, Томас Дж. Уэнсли, считаете, что из-за вашего цвета кожи к вам была применена иная мера правосудия. Оглянитесь на весь свой жизненный путь, подумайте о законах, по которым вы жили, и вы увидите, что для белых или черных, для свободных или подневольных нет никаких оснований для ваших обвинений; они не подкреплены ни правдой, ни справедливостью. Признайте, что Браунриг и Доуз дали ложную клятву; признайте, что Доуз

был связан с вами; признайте, что Браунриг не невиновен; признайте, что в отношении обоих они виновны; все доказательства неопровержимо доказывают, что вы виновны; и ваши собственные слова признают, что вы были активным агентом в совершении этого ужасного преступления. Двое товарищей, доверившихся вам, в своем опасном путешествии обратились к вам за помощью, а вы, без всякой причины и провокации, злонамеренно лишили их жизни.

Если бы у суда были хоть малейшие основания для сомнений в вашей виновности, суд был бы арестован, но их нет; и теперь суду остается выполнить самую тягостную обязанность, которая лежит на гражданском судье. Суд убежден в вашей виновности; другого мнения у него быть не может. Свидетельства были заслушаны перед судом и присяжными - из них мы должны составить свое мнение. Мы должны исходить из показаний, установить факты по показаниям свидетелей, которые мы должны исследовать, судить и выносить решение о виновности или невиновности только по этим показаниям. Вы были признаны виновным. Теперь вы в последний раз стоите перед земным трибуналом, и, по вашему собственному признанию, приговор закона справедливо падает на ваши головы. Когда люди в обычных случаях попадают под наказание закона, обычно есть какое-то паллиативное средство - что-то, что может согреть сочувствие суда и присяжных. Мужчины могут быть сбиты с пути и под влиянием страсти действовать в условиях давно задуманной обиды, внезапно пробужденной силой обстоятельств, лишаящих его разума, и тогда они могут лишить жизни своего товарища. Убийство, совершенное под воздействием такого волнения, возможно, и вызвало бы сочувствие, но это не ваш случай; у вас не было провокации. Какое преступление совершили против вас Торнби или Робертс? Они доверились вам как способные и надежные граждане; они безоговорочно доверяли вам; ни один их поступок, после всестороннего изучения, не показался вам оскорбительным; однако ради получения денег вы хладнокровно решили лишить их жизни - вы спали и обдумывали этот поступок; вас искушали, и вы поддались; вы вступили в сговор, с хладнокровным и решительным расчетом лишить жизни двух человеческих существ, и это было сделано.

Вы, Чарльз Гиббс, заявили, что не виновны в убийстве Робертса; но разве вы не были там, не подстрекали убийц и не протянули руку, чтобы спасти его? Стоять в стороне и поощрять их - это убийство, как и наносить удары ножом, топором или стрелять из пистолета. Это убийство не только по закону, но и по собственным чувствам и совести. Несмотря на все это, я не могу поверить, что ваши чувства настолько черствы, настолько бессердечны, что ваши умы не плавятся, когда вы оглядываетесь на неспровоцированные поступки свои и тех, кто с вами объединился.

Вы американские граждане - эта страна предоставляет всем средства обучения: ваш внешний вид и ваши замечания свидетельствуют о том, что вы более чем обычно умны; что ваше образование позволило вам воспользоваться преимуществами информации, открытой для всех классов. Суд поверит, что в молодости вы с сильным отвращением смотрели на образ жизни нечестивцев. В раннем детстве, когда вы слышали о поведении людей, занимающихся грабежом, а тем более о хладнокровных убийствах, вы, должно быть, содрогались от этого рассказа. И все же теперь, после того как вы воспользовались преимуществами образования, после того как достигли полной зрелости, вы стоите здесь как грабители и убийцы.

Это опасное занятие, которое вы выбрали; на этом жизненном пути самые огромные преступления, которые может совершить человек, - это убийство и пиратство. С каким презрением вы в ранней жизни смотрели на человека, поднявшего руку на своего офицера или совершившего пиратство! А теперь вы оба стоите здесь, убийцы и пираты, судимые и

признанные виновными - вы, Уэнсли, в убийстве своего капитана, а вы, Гиббс, в убийстве своего помощника. Улики признали вас виновными в мятеже против капитана судна, и только за это по закону полагается СМЕРТЬ, в убийстве и грабеже в открытом море, и за это преступление по закону полагается СМЕРТЬ, в разрушении судна и присвоении груза, даже за рубку и сожжение судна по закону полагается СМЕРТЬ, но за все это улики признали вас виновными, и теперь суду остается только вынести приговор по закону. Вас, Томаса Дж. Уэнсли и Чарльза Гиббса, отведут в место заключения, где вы будете находиться под строгим надзором, а затем доставят к месту казни, и 22 апреля следующего года, между 10 и 4 часами, вас обоих публично повесят за шею, пока вы не умрете, и передадут ваши тела в Коллегию врачей и хирургов для вскрытия.

Суд добавил, что единственное, что остается на его усмотрение, - это время исполнения приговора; он мог бы распорядиться, чтобы вас немедленно отвели с трибуны на эшафот, но приговор был отложен на столь отдаленный срок, сколь благоразумно - на шесть недель. Но это время было предоставлено не для того, чтобы дать вам надежду на помилование или смягчение приговора; - насколько вы уверены, что доживете до двадцать второго апреля, настолько же вы уверены, что вас постигнет смерть, - поэтому не питайте надежд, что приговор будет изменен!

Затем суд рассказал о том, как все люди боятся смерти, как они цепляются за жизнь - в молодости, в зрелом возрасте или в старости. Как ужасно умереть! Как в морских опасностях, когда скалы или шторм угрожают гибелью судна и жизни всех, кто находится на борту, как команда трудится день и ночь в надежде избежать кораблекрушения и смерти! Упоминались шум, суeta и неразбериха битвы - и все же даже там герой цепляется за жизнь. Суд обратился не только к уверенности в их грядущей гибели на земле, но и к мысли о будущем - о том, что им следует серьезно задуматься и поразмыслить о своем будущем положении! В их молитвах им, несомненно, будут помогать многие благочестивые люди.

Когда суд закрылся, Чарльз Гиббс спросил, будет ли разрешено его друзьям видеться с ним во время заключения. Суд ответил, что это зависит от маршала, который затем сказал, что никаких трудностей на этот счет не возникнет. Высказывания заключенных были произнесены сильным, полным тона и непоколебимым голосом, и оба они, казалось, полностью смирились с участью, которая неизбежно их ожидает. Пока судья Беттс произносил свое обращение к ним, Уэнсли был глубоко растроган и проливал слезы, но Гиббс смотрел на него твердым и непоколебимым взглядом, и ни один знак не выдавал ни малейшего волнения его сердца. После вынесения приговора и во время заключения он несколько ослабел, лицо его побледнело, а глаза стали более запавшими; но в нем по-прежнему сохранялся дух смелого, предприимчивого и отчаянного ума. В своей тесной камере он казался скорее объектом жалости, чем мести - был приветлив и общителен, а когда улыбался, демонстрировал столь мягкое и нежное выражение лица, что никто не принял бы его за злодея. Его беседа была лаконичной и уместной, а стиль иллюстраций - весьма оригинальным.

Гиббс был женат в Буэнос-Айресе, где у него сейчас живет ребенок. Его жена умерла. По необычному стечению обстоятельств женщина, с которой он познакомился в Ливерпуле и которая, как говорят, в то время обладала приличным характером, была заключена в одну тюрьму с ним. Во время своего заключения он написал ей два письма - одно из них мы приводим ниже, чтобы удовлетворить, возможно, невинное любопытство, которое, естественно, испытывает желание узнать особенности ума и чувств человека при таких обстоятельствах, а не для того, чтобы выразить убеждение, что он действительно раскаялся. Читатель будет удивлен той очевидной готовностью, с которой он приводил цитаты из

Священного Писания.

"Тюрьма в Белльвью, 20 марта 1831 года.

"С сожалением беру я в руки перо, чтобы обратиться к вам с этими несколькими строками, испытывая сильное смущение от того, что я нахожусь в этих мрачных стенах, мое тело сковано цепями, и меня ждет ужасный приговор к смерти! Этого достаточно, чтобы повергнуть самый сильный ум в мрачные перспективы! Но я нахожу, что Иисуса Христа достаточно, чтобы дать утешение самой отчаявшейся душе. Ибо Он говорит, что приходящего ко Мне Я ни за что не прогоню. Но невозможно описать вам весь ужас моих чувств. Грудь моя подобна бурному океану, бушующему в своем позоре, терзающему дно моей души! Но я с нетерпением жду того безмятежного покоя, когда я буду спать вместе с царями и советниками земли. Там нечестивые перестают беспокоиться, и усталые отдыхают; там пленники отдыхают вместе, не слыша голоса притеснителя; и я верю, что там мою грудь не взбудоражит буря греха, ибо то, чего я так боялся, настигло меня. Я не был в безопасности и не имел покоя, но беда пришла. Это Господь, пусть Он делает то, что кажется Ему благом. Когда я видел вас в Ливерпуле, и мирное спокойствие овевало наши груди, и правосудие не предъявляло к нам никаких претензий, я мало думал, что встречу вас в мрачных стенах крепкой тюрьмы, и рука правосудия, протянутая с мечом закона, будет ожидать назначенного срока, чтобы привести в исполнение страшный приговор. У меня были прекрасные перспективы в этом мире, но наконец он расцвел и привел к виселице. Скоро я взойду на этот эшафот и распрощаюсь с этим миром и всем, что было дорого моей груди. Но я верю, что, когда мое тело будет вознесено на виселицу, небеса улыбнутся и пожалеют меня. Я надеюсь, что вы задумаетесь о своем прошлом и полетите к Иисусу, который стоит с распростертыми объятиями, чтобы принять вас. Ваш характер потерян, это правда. Когда нечестивые отвращаются от зла, которое они совершили, они спасают свою душу живыми".

Давайте на мгновение представим, что мы видим души, стоящие перед страшным трибуналом, и слышим его ужасный приговор: "Идите, проклятые, в огонь вечный". Представьте, что вы слышите ужасные причитания души в аду. Этого было бы достаточно, чтобы растопить ваше сердце, даже если бы оно было твердым, как алмаз. Вы бы упали на колени и стали молить Бога о милости, как голодающий человек о пище или умирающий преступник о помиловании. Скоро, очень скоро мы должны отправиться в путь, с которого никогда не вернемся. Наши имена будут вычеркнуты из записей живых и занесены в обширные каталоги мертвых. Но пусть оно никогда не будет причислено к проклятым... Надеюсь, Богу будет угодно освободить вас, и вы увидите, что грехи и глупости вашей жизни остались в прошлом. В заключение своего письма я хочу сказать вам несколько слов, которые, как я надеюсь, вы примите как от умирающего человека; я надеюсь, что каждая важная истина этого письма глубоко западет в ваше сердце и станет для вас уроком на всю жизнь.

"Растущая скорбь терзает мою душу,
И слезы сменяют друг друга...
Ибо много злых голосов рядом,
Чтоб насмехаться над бедами и страхом...
И молчаливая память плачет в одиночестве,
О часах мира и радости.

"Я по-прежнему остаюсь вашим искренним другом, ЧАРЛЬЗ ГИББС".

В другом письме, которое несчастный Гиббс написал после осуждения одному из своих ранних друзей, он пишет так: "Увы, только теперь, и не раньше, я осознал свою порочную жизнь с самого детства и чудовищность преступления, за которое мне вскоре предстоит позорная смерть... Хотел бы я, чтобы Бог никогда не родился или умер в младенчестве! Час размышлений действительно настал, но пришел слишком поздно, чтобы правосудие не прервало меня... Мой разум отшатывается от ужаса при мысли о противоестественных деяниях, в которых я был виновен... Мой отдых скорее мешает мне, чем приносит облегчение, поскольку мой разум, пока я дремлю, постоянно тревожат страшные сны о моем приближении к ужасному распаду!"

В пятницу, двадцать второго апреля, Гиббс и Уэнсли понесли наказание за свои преступления. Оба заключенных прибыли к виселице около двенадцати часов дня в сопровождении маршала, его помощников и примерно двадцати или тридцати морских пехотинцев Соединенных Штатов. Два священнослужителя проводили их до рокового места, где все было готово, а веревки на шее были закреплены, и Престол милосердия горячо воззвал к ним. Затем Уэнсли сам истово молился, а после присоединился к пению гимна. По окончании этих упражнений Гиббс обратился к зрителям примерно следующим образом:

МОИ ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ,

Мои преступления были чудовищны, и хотя сейчас мне предстоит пострадать за убийство мистера Робертса, я торжественно заявляю о своей непричастности к этому преступлению. Правда, я стоял в стороне и видел, как совершается роковой поступок, и не протянул руку, чтобы спасти его; формальности закона считают меня виновным в этом обвинении, но в присутствии моего Бога - перед которым я предстану через несколько минут - я заявляю, что не убивал его.

Я сделал полное и откровенное признание мистеру Хопсону, которое, вероятно, уже прочитали большинство присутствующих здесь слушателей; и если кто-нибудь из друзей тех, с кем я был сообщником или участвовал в убийстве, присутствует сейчас здесь, перед моим Создателем я прошу у них прощения - это единственная милость, которую я прошу, - и поскольку я надеюсь на помилование через кровь Христа, конечно, человек не откажет в этой просьбе такому червю, как я, стоящему, как и я, на самой грани вечности! Еще мгновение, и я перестану существовать - и если бы я нашел в себе силы представить, что собравшиеся здесь зрители простили меня, эшафот не внушил бы мне ужаса, как и предписание, которое собирается привести в исполнение мой глубокоуважаемый друг, маршал округа. Позвольте мне, таким образом, публично выразить ему свою искреннюю благодарность за его доброе и джентльменское поведение во время моего заключения. Он был мне как отец, и его гуманность по отношению к умирающему человеку, надеюсь, будет должным образом оценена просвещенным обществом.

Моим первым преступлением было *пиратство*, за которое я заплатился *бы жизнью*, если бы был осужден; никакого наказания, кроме этого, я не мог понести, и поэтому мне нечего было бояться, кроме обнаружения, ибо если бы мои преступления были в миллионы раз более тяжкими, чем сейчас, *смерть* должна была бы удовлетворить всех.

Гиббс закончил, и начал Уэнсли. Он сказал, что его могут называть пиратом, грабителем и убийцей, и он был всем этим, но он надеется и верит, что Бог через Христа смоет его отягчающие преступления и проступки, а не изгонит его полностью. Его чувства, по его словам, были настолько подавлены, что он едва знал, как обратиться к окружающим, но он

откровенно признал справедливость приговора и в заключение заявил, что у него нет надежды на помилование, кроме как через искупительную кровь своего Искупителя, и пожелал, чтобы его печальная судьба научила других избегать широкой дороги к гибели и идти по дороге добродетели, которая приведет к чести и счастью в этом мире и бессмертному венцу славы в том, грядущем.

Затем он пожал руки Гиббсу, офицерам и священнослужителям, надвинул на их лица чепцы, бросил платок Гиббсу в качестве сигнала палачу, тот разорвал шнур, и в одно мгновение они оказались подвешенными в воздухе. Уэнсли сложил руки перед собой и вскоре умер с очень слабыми усилиями. Гиббс умер тяжело; перед тем как его подняли, он больше не убирал их, но, пробыв в подвешенном состоянии около двух минут, он поднял правую руку и частично снял шапку, а в течение еще одной минуты поднес ту же руку ко рту. Он был одет в синий пиджак и брюки, на правой руке красовался белый якорь. Уэнсли был одет в белый фрак, отделанный черным, и брюки того же цвета.

После того как тела пролежали на виселице положенное время, их сняли и передали хирургам для вскрытия.

Гиббс был ниже среднего роста, плотный и мощный. Фигура Уэнсли была совершенным образцом мужественной красоты.

ИСТОРИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПОИМКИ И КАЗНИ ИСПАНСКИХ ПИРАТОВ.

Осенью 1832 года на якоре у Гаваны стояло судно клиперной постройки самых прекрасных пропорций; оно имело большую длину и ширину, обеспечивающую устойчивость при большой площади парусов, и большую глубину, чтобы держаться на воде и не дрейфовать; Длинный, низкий в талии, с высокими мачтами, которые сужались, пока не стали почти слишком тонкими, чтобы их можно было различить, прекрасная стреловидность носа и тонкость постепенно удаляющихся четвертей показывали модель, способную к самой большой скорости в плавании. Низкие борта были выкрашены в черный цвет с одной небольшой узкой белой полосой. Ее мачты были чисто выскоблены, канаты натянуты, и во всех отношениях она производила впечатление судна, находящегося под контролем моряков и строгой дисциплины. Поднявшись на борт, можно с удивлением обнаружить, что тоннаж шхуны обманчив, если смотреть на нее издалека. Вместо небольшого судна весом около девяноста тонн мы обнаруживаем, что она больше двухсот; что ширина ее балки огромна; и что лонжероны, которые казались такими легкими и изящными, имеют неожиданные размеры. В центре судна, между носовой и грот-мачтами, находится длинная медная тридцатидвухфунтовая пушка, закрепленная на лафете, вращающемся по кругу, и так устроенная, что в плохую погоду ее можно спустить вниз и разместить; по обе стороны палубы установлены пушки меньшего калибра.

Это судно, созданное по воле алчности для помощи жестокости и несправедливости, было африканским рабовладельцем - шхуной "Панда". Командовал ею дон Педро Гилберт, уроженец Каталонии (Испания), сын вельможи; мужчина тридцати шести лет от роду, очень красивый, с круглым лицом, жемчужными зубами, круглым лбом и полными черными глазами, с прекрасными вороными волосами, большой любимец дам. В нем сочетались большая энергия, хладнокровие и решительность, а также превосходные знания в области меркантильных сделок и гвинейской торговли; он совершил несколько плаваний за рабами. Капитаном и владельцем "Панды" был дон Бернардо де Сото, уроженец Корунны, Испания, сын Исидора де Сото, управляющего королевскими доходами в этом городе; ему было уже двадцать пять лет, с четырнадцати лет он обучался искусству мореплавания, а в двадцать два года получил звание капитана на индийской службе. После очередного экзамена ему был вручен диплом корреспондента. Он был женат на донне Петроне Перейре, дочери дона Бенито Перейры, купца из Корунны. В это время ей было всего пятнадцать лет, и она созревала для той легкой полноты форм и округлости конечностей, которые в этом климате знаменуют ранний переход от девушки к женщине. Цвет лица у нее был темно-оливковый, как в Испании; глаза - черные, большие и блестящие. Она обладала большим добрым нравом и бесхитростностью.

К строжайшей дисциплине Де Сото присоединил практические знания опытного моряка. Но "духом-хозяином всего" был Франсиско Руис, плотник "Панды". Этот человек был среднего роста, но мускулистый, с короткой шеей. Волосы у него были черные и обильные, они выступали надо лбом, так что казалось, что он выглядывает из-под них, как из-под чепца. Глаза у него были темно-каштановые, но всегда беспокойные; черты лица четко очерчены; ресницы черные. Он знал все укромные уголки Гаваны и без церемоний входил в любую темную обитель. Судя по всему, его карьера была дикой и беззаконной. Команда состояла в основном из испанцев, нескольких португальцев, южноамериканцев и полукровок. Поваром был молодой гвинейский негр с приятным лицом и добрым нравом, с гладкой лоснящейся кожей и татуировкой на лице; хотя в книгах шхуны он был записан как свободный, однако являлся рабом. Всего их было около сорока человек. Груз шхуны был разнообразным и

состоял частично из бочек с ромом, а также пороха, мушкетов, ткани и множества предметов, на которые можно было купить рабов.

"Панда" отплыла из Гаваны в ночь на 20 августа; когда она проходила мимо крепости Моро, ее окликнули и спросили: "Куда направляетесь?". Она ответила, что на Сент-Томас. Теперь шхуна шла через Багамский канал обычным маршрутом к побережью Гвинеи; у мачты постоянно находился человек, который следил за ней; они говорили о корвете, и утром 20 сентября, еще до света, во время вахты второго помощника, был обнаружен бриг, идущий на юг. Капитан Гилберт в это время спал, но встал вскоре после того, как ее увидели, и приказал "Панде" идти на встречу бригу. Капитан, помощник и плотник посоветовались, и последний предложил взять бриг на abordaj, ограбить его, посадить людей на дно и сжечь, если на нем есть деньги. Это предложение было мгновенно принято, и для того, чтобы заставить судно вздрогнуть, был произведен выстрел из мушкета.

Этим судном оказался американский бриг "Мексиканец" капитана Бутмана. Он вышел из приятной гавани Салема, штат Массачусетс, в последнюю среду августа и спокойно продолжал свое плавание в сторону Рио-Жанейро. По словам капитана Б., ничего примечательного на борту не происходило до половины второго часа ночи 20 сентября в широтах 38, 0, с.ш., долготе 24, 30, з.д. 24, 30, W. Внимание вахты на палубе было привлечено появлением судна, которое прошло по корме в полумиле от нас. В 4 часа утра мы снова увидели ее, проходящую через наш нос, так близко, что смогли понять, что это шхуна с передним верхним парусом и верхним галтовым парусом. Поскольку было уже темновато, она вскоре скрылась из виду. Днем мы увидели ее примерно в пяти милях от погодной четверти, стоящей на ветре на том же галсе, что и мы, ветер был легкий, SSW, а мы стояли примерно на S.E. В 8 часов утра она была примерно в двух милях прямо по ветру от нас; мы заметили большое количество людей на ее палубе и одного человека на носовом верхнем галстике, который смотрел вдаль; мы очень подозревали ее, но не знали, как избежать ее. Вскоре после этого мы увидели бриг на носу, который шел к N.E. К этому времени шхуна находилась примерно в трех милях от нас и в четырех пунктах впереди по курсу. Ожидая, что она будет держаться за бригом впереди нас, мы взяли галс на запад, держась немного в стороне от ветра, чтобы хорошо пройти по воде и по возможности оторваться от нее. Она держалась на востоке около десяти или пятнадцати минут после того, как мы взяли галс, затем обернулась, поставила квадратный парус, взяла курс прямо на нас, быстро спустилась на нас и вскоре оказалась на расстоянии пушечного выстрела от нас, выстрелила из пушки, подняла патриотические цвета и задрала главный топсейл. Она прошла с наветренной стороны от нас, окликнула нас, чтобы узнать, откуда мы, куда направляемся и т.д., а затем приказала мне подняться на борт в моей лодке. Видя, что она слишком сильна, чтобы мы могли оказать сопротивление, я отправился в путь, и как только я оказался рядом со шхуной, в мою лодку тут же прыгнули пять грубиянов, каждый из которых был вооружен большим ножом, и велели мне снова подняться на борт брига; поднявшись на борт, они настаивали, что у нас есть деньги, и достали свои ножи, угрожая нам немедленной смертью и требуя сказать, где они. Как только они узнали, где они находятся, они заставили мою команду поднять их на палубу, избивая и угрожая им за то, что они не сделали этого быстрее. Когда они подняли все это на палубу и окликнули шхуну, те вышли из шлюпки, приплыли и забрали все на борт шхуны, а именно: десять ящиков с двадцатью тысячами долларов; затем снова вернулись на бриг, загнали всю команду на фордевинд, разграбили каюту, перебрав все сундуки, чемоданы и пр. обшарили мои карманы, забрав часы и три дублона, которые я положил туда для надежности; ограбили помощника, отобрав у него часы и двести долларов специями, настаивая, что в трюме есть еще деньги. Получив отрицательный ответ, они сильно избили меня по спине, сказали, что знают, что там есть еще деньги, что они должны

их искать, и если найдут, то перережут нам всем глотки. Еще некоторое время они продолжали рыскать по всем частям судна, но, не найдя больше никакого товара, забрали два мотка такелажа, кусок кожи и еще какие-то предметы и отправились на борт шхуны, вероятно, чтобы посоветоваться, что с нами делать; Минут через восемь-десять они вернулись, видимо, очень спеша, закрыли нас внизу, закрепили компаньонский ход, носовой и задний люки, разбили на куски наши компасы в биноклях, отрезали румпель, галеры, брасы и большую часть бегучего такелажа, сильно изрезали паруса; взяли кадки с просмоленной веревочной пряжей и все горючие материалы, которые смогли найти на палубе, сложили их в кают-компанию и подожгли; затем покинули нас, забрав с собой лодку и цвета. Когда они оказались рядом со шхуной, то спустили на воду нашу лодку, взяли свою и отчалили, взяв курс на восток.

Как только они покинули нас, мы вылезли из каюты, которую они не закрепили, и погасили огонь, который, если бы его оставили на несколько минут, охватил бы грот и поджег наши мачты. Вскоре после этого мы увидели судно с подветренной стороны от нас, направляющееся к юго-востоку. Шхуна, преследуя его, не догнала его, пока оно было в поле нашего зрения.

Несомненно, они намеревались сжечь нас, но, увидев корабль и желая получить больше добычи, не остановились, чтобы осуществить свой замысел. Это была низкая шхуна около ста пятидесяти тонн, окрашенная в черный цвет с узкой белой полосой, большая голова с рогом изобилия, окрашенная в белый цвет, большая грот-мачта, но на ней не было ни ярдов, ни паруса. Мачта сильно задрана, грот очень квадратный у головы, паруса сделаны из расщепленной ткани и все новые; на борту два длинных медных двенадцатифунтовых пистолета и большая пушка на шарнире на середине судна, и около семидесяти человек, которые, похоже, были в основном испанцами и мулатами.

Пираты грабят бриг "Мексиканец" в Салеме, штат Массачусетс.

Цель плавания была потеряна из-за потери денег, и теперь "Мексиканцу" оставалось только как можно быстрее вернуться в Салем, куда он и добрался в целости и сохранности. Правительство Соединенных Штатов, пораженное дерзостью пиратов, отправило крейсер в

погоню за ними. После бесплодного плавания, в ходе которого были предприняты все возможные усилия и посещено множество мест на побережье Африки, где, как предполагалось, могли скрываться негодяи, погоня была прекращена как безнадежная, так как не было найдено ни одного ключа к их "местонахождению".

Ограбив мексиканцев, "Панда" продолжила свой путь через Атлантику и достигла мыса Монте; отсюда она направилась на юг и, миновав мыс Пальмас, вошла в Гвинейский залив и взяла курс на мыс Лопес, которого достигла в первой половине ноября. Мыс Лопес-де-Гонсалвес, расположенный в 0° 36' 2" южной широты, 80° 40' 4" восточной долготы. 80° 40' 4" восточной долготы, назван так по имени его первооткрывателя. Он покрыт лесом, но низкий и болотистый, как и прилегающая к нему местность. Обширный залив, образованный этим мысом, имеет глубину четырнадцать миль, и в него впадает несколько небольших ручьев и рек. Самая крупная из них - река Назарет, на левом берегу которой расположен город короля Гулы - единственное скопление хижин в заливе. Здесь был выгружен груз "Панды", большая часть которого была доверена королю, а на оставшуюся часть капитан Гилберт открыл фабрику и начал закупать различные предметы торговли, такие как черепаховый панцирь, камедь, слоновая кость, пальмовое масло, ковры из тонкой соломы и рабов. Пробыв здесь некоторое время, команда заболела, и капитан Гилберт отплыл на Принцесы острова, чтобы поправить здоровье своей команды. Во время пребывания на острове Принца пришло известие об ограблении мексиканца. Пират с величайшей поспешностью направился к мысу Лопес, и, чтобы избежать преследования, был нанят лоцман; судно провели несколько миль вверх по реке Назарет. Вскоре после того, как "Панда" покинула остров Принца, прибыл британский военный бриг "Curlew" капитана Троттера, и по описанию судна, которое, как тогда говорили, лежало в Назарете, капитан Троттер понял, что это должно быть то самое, которое ограбило мексиканца; и он немедленно отплыл в погоню. Приблизившись к берегу, он обнаружил ее лежащей вверх по реке; три лодки с сорока людьми под командованием капитана Троттера отправились вверх по реке с морским бризом и приливом, и цвета полетели, чтобы захватить десперадо; лодки держались у берега, пока, обогнув точку, не были замечены с "Панды". Пираты немедленно сели в лодки, кроме Франциско Руиса, который, схватив с камбуза огниво, полез в магазин и поджег горючие материалы с похвальной целью взорвать нападавших, а затем выплыл на берег в каноэ. Капитан Троттер погнался за ними на своих лодках, но не смог их догнать, и тогда взошел на борт шхуны, которую обнаружил горящей. Первым делом он потушил огонь в магазине, расположенном под полом каюты; здесь было обнаружено множество горящих хлопка и серы, а медленная спичка воспламенилась и соединилась с магазином, в котором находилось шестнадцать бочек с порохом.

Теперь "Панда" вышла из реки и встала на якорь у негритянского города Кейп-Лопес. Начались переговоры о сдаче пиратов. Соответственно, на берег был отправлен офицер для беседы с королем. На берегу его встретил вождь из черного дерева, назвавшийся герцогом. "Мы последовали за герцогом через обширную и запущенную местность, часто по щиколотку утопающую в песке, растительность из которого выветрилась из-за постоянных переходов и переездов жителей. Мы подошли к большой складной двери, расположенной в высокой ограде из бамбука и пальм, которая ограждала королевские владения, украшенные справа двумя старыми пушками с сотами, которые, хотя и были демонтированы, но, вероятно, в соответствии с практикой побережья, время от времени стреляли, чтобы привлечь внимание проходящих судов и намекнуть, что нужно добывать рабов. Слева от ограды находился сарай, под которым висел большой корабельный колокол, служивший сигналом тревоги в случае опасности, а остальная часть была занята аккуратно построенными хижинами, в которых жили многочисленные жены короля.

"Мы послали известить его о нашем прибытии, а он сообщил, что мы можем оставаться снаружи до тех пор, пока ему это будет удобно. Но так как такой расклад не устраивал нас, мы немедленно вошли и застали короля сидящим за столом. Это был высокий, мускулистый, уродливый на вид негр лет пятидесяти. Мы объяснили ему цель нашего визита - потребовать сдачи белых людей, которые сейчас скрываются в городе, и разрешения пройти вверх по реке в погоне за теми, кто ушел этим путем. Он выразил сильнейшее негодование по поводу нашей самоуверенности в требовании пиратов, и беседа была прервана из-за того, что он отказался выдать хоть одного человека".

Теперь вернемся к пиратам. На острове Принца капитан Гилберт купил великолепный портфель стоимостью около тысячи долларов, патентованные рычажные часы, много табака, провизию, два ценных суконных пальто, немного гвинейской ткани и черную и зеленую краску. Краска, сукно и пальто предназначались в подарок африканскому королю на мысе Лопес. Все эти вещи были куплены на деньги, взятые у мексиканца. После прибытия в Назарет 4000 долларов были извлечены из сундука и закопаны во дворе негритянского принца. Затем четверо пиратов отправились на мыс Лопес за 11 000 долларов, которые были там зарыты. Поехали Бойга, Кастильо, Гусман и "уличенный государством" Ферез. Ферез вынес мешки, а остальные пересчитали деньги; торопились очень, так как москиты кусались нестерпимо. 5000 долларов были зарыты для капитана в холщовые мешки глубиной около двух футов, часть денег отнесли в Назарет, а оттуда отвезли в горы и там зарыли. Капитан Гилберт, де Сото и Руис посоветовались, и последний сказал, что если деньги не будут поделены, то "придется платить дьяволу". Теперь деньги делили в темной комнате, используя фонарь; капитан Гилберт сидел на полу, держа деньги под рукой. Он дал помощнику около 3000 долларов, остальным офицерам - по 1000 долларов, а команде - от 300 до 500 долларов каждому. Третий помощник сбежал, капитан послал ему 1000 долларов, и Руис отнес их ему. Когда деньги были взяты у мексиканца, их разложили на борту и осмотрели, нет ли среди них золота, а затем положили в мешки из темного грубого льна; ящики выбросили за борт. После раздела денег пираты скрылись в лесу за мысом Лопес. Перес и четверо других купили лодку и отправились в Фернандо-По; они положили деньги на дно лодки в качестве балласта, но их выбросили за борт, около скалы, а затем их нашли водолазы; это было сделано, чтобы предотвратить обнаружение. Капитан, помощник и плотник беседовали о попытке последнего взорвать судно; он не мог объяснить, почему взрыв не произошел; они сказали ему, что он должен был высыпать бочку пороха на палубу и спуститься по лестнице в магазин, зарядить ружье, привязать к замку леску и дернуть за нее, когда отплывал на каноэ.

Вид на негритянскую деревню на реке Назарет и "Панду" на якоре.

Корабль "Панда", на котором находились капитан Троттер и английская команда, начал обстрел города Кейп-Лопес, но после нескольких выстрелов искра попала в магазин, и он взорвался. Несколько человек были убиты, а капитан Троттер и остальные бросились в воду, после чего он вместе с несколькими членами своей команды попал в плен к королю, и потребовались значительные уговоры, чтобы освободить их.

Захоронение денег на берегу у мыса Лопес.

Пираты ушли вверх по реке, и теперь была снаряжена экспедиция, чтобы по возможности захватить их. Баркас и пиннас были немедленно вооружены и снабжены продовольствием на несколько недель, на носу каждого из них установили латунную пушку, а для защиты экипажа от сильного солнечного зноя днем и проливных росов в сумерках соорудили навесы. Как только подул морской бриз и начался прилив, лодки снова стартовали и двинулись вверх по реке. Было установлено, что военные каноэ находятся за тем местом, где впервые была взята Панда; опасаясь засады, мы проявляли большую осторожность при движении. "Когда мы приблизились к одному из пунктов, заметили одного туземца, стоявшего у хижины, построенной у реки, который, когда мы приблизились, манил и призывал нас высадиться. Мы попытались это сделать, но, к счастью, вода была слишком мелкой, чтобы подойти достаточно близко.

"Мы едва успели направиться к каналу, как мужчина вдруг бросился в кусты и исчез. Мы вошли в канал и некоторое время шли по глубокой воде, но внезапно она обмелела, и лодки сели на мель у мангровых зарослей, как раз в тот момент, когда мы оказались в виду деревни. Наша команда выпрыгнула и начала вести лодку по песку, и в это время я заметил в свое стекло толпу туземцев и нескольких пиратов, бегущих по другую сторону низкого места, очевидно, с намерением дать нам бой, так как все они были вооружены копьями и мушкетами".

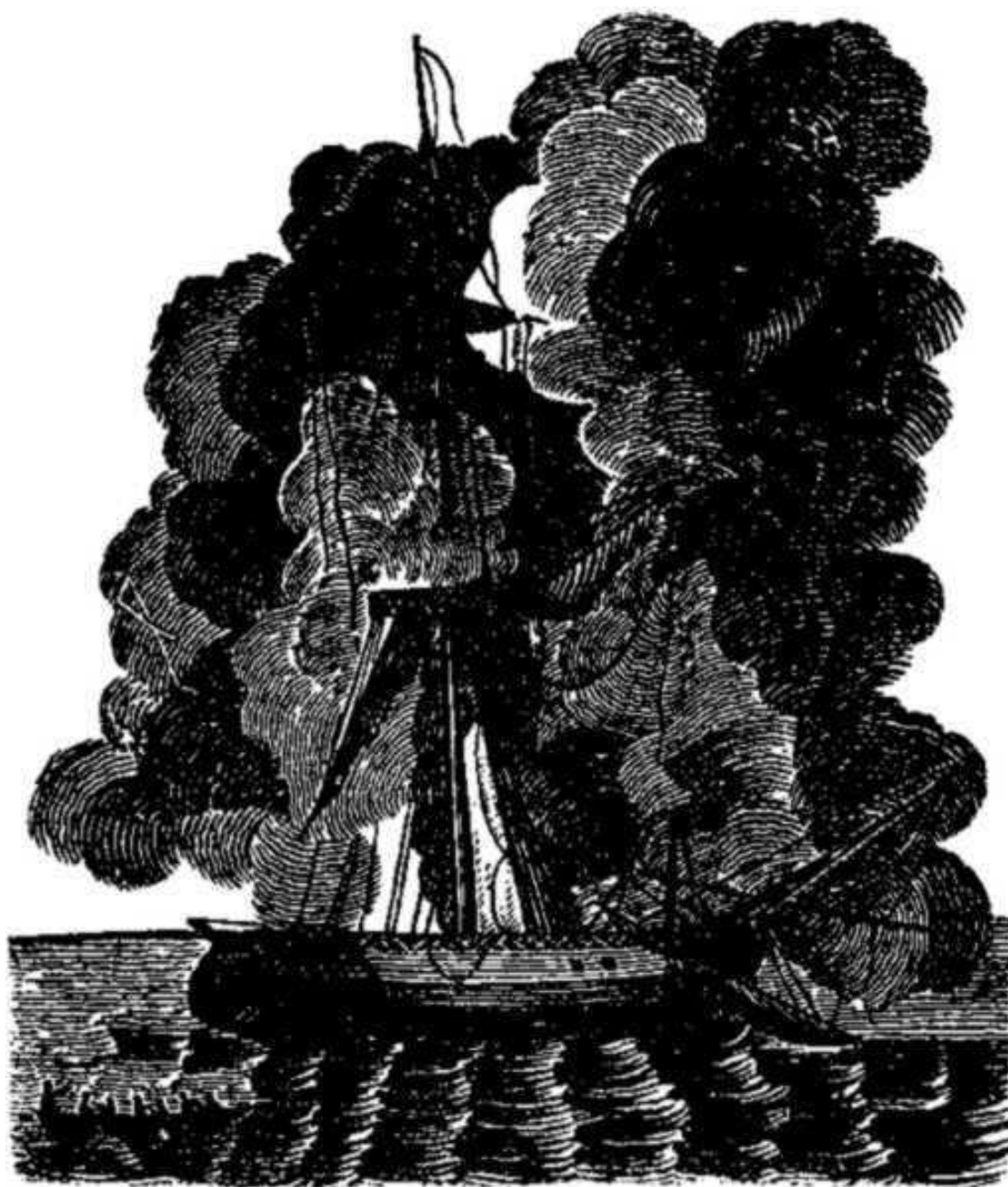
Мужчины только успели вытащить лодки на глубокую воду, как заметили большое количество каноэ, спускающихся на воду, и в тот же миг еще одна большая партия спустилась на воду; еще несколько человек оказались на берегу, когда они присоединились

к тем, кто уже был на плаву, - всего получилось более двадцати восьми каноэ и около ста пятидесяти человек. Собрав все свои силы, с громким криком и ободряющими возгласами друг другу, они с большой быстротой направились к нам.

Мы мгновенно приготовились к бою; навесы были опущены, чтобы было место для использования тесаков и заряжания мушкетов. Медные ружья были заряжены виноградной дробью. Они приближались, издавая ужасающие крики, и гребли со всей скоростью. На борту каноэ пираты заряжали пушки и подбадривали туземцев. Бернардо де Сото и Франциско Руис отличились, маневрируя негритянскими лодками для боя, и открыли беспорядочный огонь по английским судам. В них все было спокойно, у каждого наготове была секира, а в руке - заряженный мушкет. Когда они подошли на расстояние пистолетного выстрела, по ним был открыт меткий огонь, подкрепленный выстрелами из трехфунтовых орудий; многие шары попали в цель, и два каноэ были потоплены. С обеих сторон велся ожесточенный огонь; было убито большое количество негров и несколько пиратов; потери англичан были невелики. Негров охватила паника, некоторые гребли к берегу, другие прыгали за борт и плыли; нескольких поймали акулы. Капитан Гилберт и де Сото были схвачены вместе с пятью членами команды; Руис и остальные бежали в деревню, расположенную в глубине острова, и с помощью подзорной трубы увидели, что негры быстро собираются, чтобы возобновить бой, подстрекаемые Руисом и другими пиратами; вытеснив их из этой деревни, король мыса Лопес вступил в переговоры, которые сдали Руиса и нескольких человек капитану Троттеру. Их перевезли на бриге Curlew в Фернандо-По, после осмотра заковали в кандалы и переправили в Англию, а там посадили на борт британского канонерского брига Savage, который прибыл в гавань Салема 26 августа 1834 года. Ее командир, лейтенант Лони, дождался властей Салема и после обычных формальностей сдал пленников в их руки, заявив, что британское правительство отказывается от своего права судить и наказывать пленников в пользу Соединенных Штатов, против которых было совершено главное преступление. Пиратов высадили на пристани Краунингшилд, а оттуда в каретах доставили в ратушу; двенадцать из них, попарно закованные в наручники, заняли свои места у барной стойки. Все они были молодыми и среднего возраста, самому старшему было не больше сорока. Физиогномически они выглядели не так уж плохо, хотя были и исключения, и все они были чисты и здоровы на вид. Их перевезли в Бостон и заключили в тюрьму, где один из них, по имени Мануэль Дельгарно, перерезал себе горло осколком стекла, подтвердив тем самым старую пословицу: *кто рожден быть повешенным, тот никогда не будет утоплен!*

11 ноября дон Педро Гилберт, капитан, дон Бернардо де Сото, помощник, Франциско Руис, плотник, Никола Коста, каютный мальчик, 15 лет, Антонио Феррер, повар, Мануэль Бойга, Доминго де Гусман, индеец, Хуан Антонио Портана, Мануэль Кастильо, Анхель Гарсия, Хосе Веласкес и Хуан Монтенегро, он же Хосе Базилио де Кастро, предстали перед Окружным судом Соединенных Штатов, обвиненные в преступлении пиратства. Джозеф Перес выступил в качестве *государственного доказательства*, а два португальских моряка, которые были отправлены на борту "Панды" на Принцевом острове, - в качестве свидетелей. После того как были назначены присяжные, мистер Данлэп, окружной прокурор, встал и сказал: "Это торжественная и необычная сцена. Перед вами двенадцать человек, незнакомых с нашей страной и нашим языком, обвиняемых в чудовищном преступлении, и сейчас они стоят перед вами за жизнь или смерть. Они обвиняются в дерзком преступлении и вопиющем нарушении законов не только этой страны, но и всех других цивилизованных народов". Затем он в общих чертах рассказал о том, как было совершено ограбление мексиканца. Были допрошены многочисленные свидетели, среди которых были капитан, помощник и несколько моряков "Мексиканца", которые опознали нескольких пиратов как лиц, которые

жестоко обращались с ними и забрали деньги. Когда Томаса Фуллера, одного из членов экипажа "Мексиканца", попросили опознать Руиса, он подошел к нему и нанес сильный удар по плечу. Руис тут же поднялся и бурной жестикуляцией выразил протест против такого поведения, к нему присоединились его товарищи. Суд сделал свидетелю строгий выговор. Судебный процесс длился *четырнадцать дней*. Адвокатами заключенных были Дэвид Л. Чайлд, эсквайр, и Джордж Хиллард, эсквайр, которые защищали их с большим мастерством. Мистер Чайлд привнес в дело свое неустойчивое рвение, свои разнообразные и глубокие познания; он продемонстрировал труд и *отчаяние*, которые показали, что он полностью осознавал вес груза - мертвого груза, который он взялся нести. Мистер Хиллард завершил свои доводы красноречивым и трогательным обращением к присяжным в защиту мальчика Косты и Антонио Феррера, повара, и сослался на то, что Бернардо де Сото спас жизни 70 человек на борту американского корабля "Минерва" во время плавания из Филадельфии в Гавану, будучи капитаном брига "Леон".

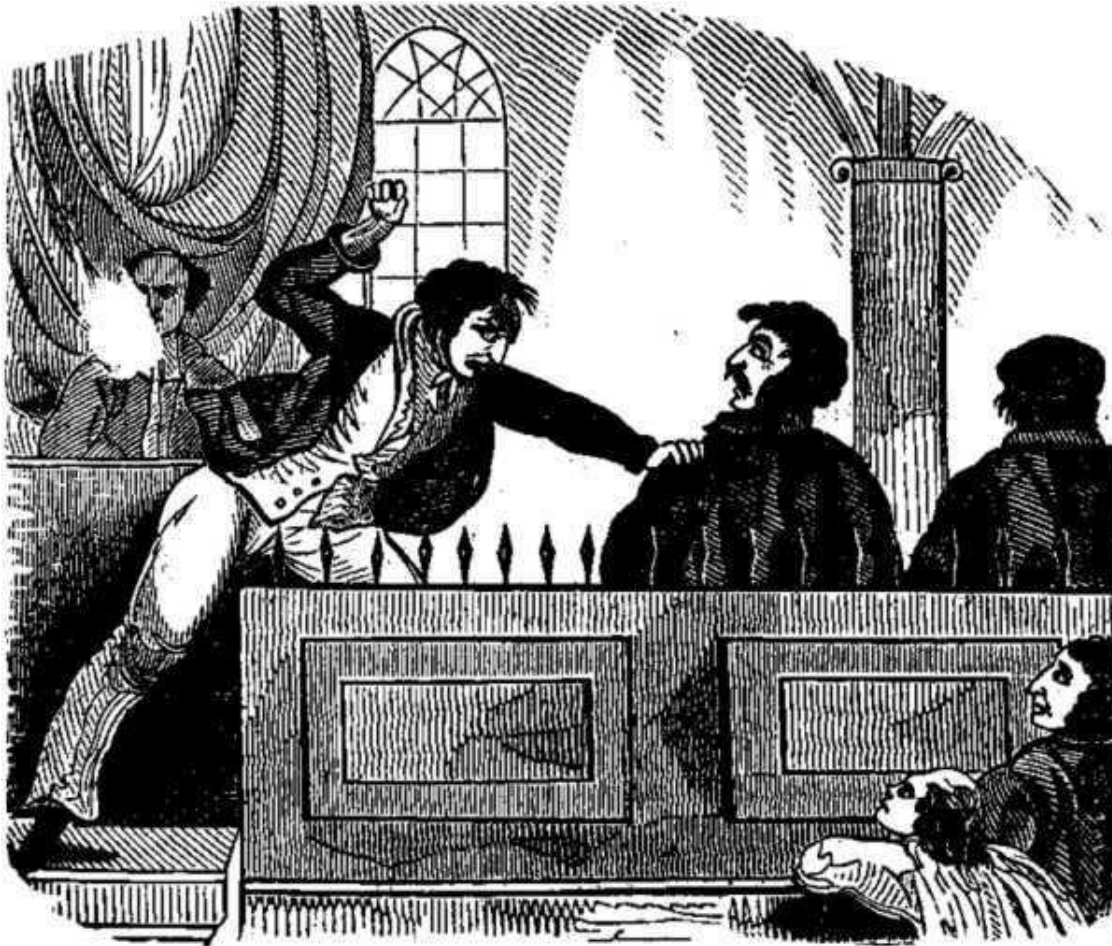
Взрыв "Панды".

Если, господа, - сказал он, - вы согласны со мной, что экипаж "Панды" (предположим, что она ограбила мексиканца) был всего лишь слугами капитана, вы не можете их осудить. Но если вы не согласны со мной, то мне остается лишь обратиться к вам с несколькими словами в знак милосердия. Мне не кажется, что благо общества требует смерти всех этих людей, принесения в жертву такого количества человеческих жертв, или что меч закона должен пасть, пока он не засорится от расправы".

Антонио Феррер

несомненно, всего лишь слуга. В корабельных документах он записан как свободный негр, но это не доказательство того, что он свободен. Если бы он был рабом, его, скорее всего, представили бы как свободного, и это по очевидным причинам. По всей вероятности, он раб, причем коренной африканец, что, несомненно, доказывает татуировка на его лице. Во всяком случае, он всего лишь слуга. Так неужели вы заставите несчастье расплачиваться за вину? Не надо, умоляю вас, легкомысленно приговаривать этого человека к смерти. Не бросайте его в тюрьму, чтобы набрать дюжину. Бережное отношение к человеческой жизни - одно из самых ярких доказательств цивилизованного состояния общества. Султан Турции может сажать женщин в мешки и бросать их в Босфор, не вызывая в Константинополе более часа дополнительных разговоров. Но в нашей стране все иначе. Вы хорошо помните волнение, вызванное похищением и смертью одного человека; последовавшие за этим конвульсии, последствия которых еще долго будут ощущаться в наших политических институтах. Вы всегда увидите, что чем более цивилизованной становится нация, тем выше становится уважение к человеческой жизни. В глазах, формах и обращенном к небу лице человека есть нечто святое, что не позволяет грубо прикасаться к нему.

Инстинкт жизни велик. Свет солнца, даже в цепях, приятен; и жизнь, пусть даже поддерживаемая лишь влажными выдохами темницы, желанна. Часто мы с еще большим упорством цепляемся за жизнь по мере того, как лишаемся всего, что делает существование желанным.

Томас Фуллер поражает Руиса в суде.

"Самая изнурительная и ненавистная мирская жизнь.
Что век, боль, нищета и тюрьма
Может наложить на природу, - это рай.
И не более того, что мы боимся смерти".

Смерть - страшная вещь. При одном лишь упоминании о ней щеки краснеют, а к сердцу приливает кровь от страха. Ворваться в "кровавый дом жизни" - дело торжественное. Не стоит из-за того, что этот человек - всего лишь африканец, думать, что его существование ничего не значит. Он не дрейфующая травинка в океане жизни. В его душе живут те же социальные симпатии, что и в нашей. У него есть нервы, чтобы чувствовать боль, и сердце, чтобы пульсировать человеческими привязанностями, как и у вас. Его жизнь не нужна для установления закона или достижения целей правосудия. *Отнятая*, она не имеет для нас никакой ценности; отданная ему, она выше цены рубинов.

А *Коста*, мальчик из каюты, которому было всего пятнадцать лет, когда было совершено это преступление, - должен ли он умереть? Неужели меч обрушится на его шею? Некоторые из вас уже в преклонном возрасте, у вас есть дети. Предположим, до вас дошла весть, что ваш сын находится под судом за свою жизнь в чужой стране - (а каждый каютный мальчик, покидающий этот порт, может оказаться в положении этого заключенного), - предположим, вам сказали, что его казнили, потому что его капитан и офицеры нарушили законы далекой

страны; каковы были бы ваши чувства? Я не могу сказать, но полагаю, что чувства всех вас были бы одинаковы, и вы воскликнули бы вместе с евреями: "Сын мой! Сын мой! Хотел бы я, Господи, умереть за тебя". У этого мальчика *есть* отец; пусть образ этого отца восстанет перед вами и умоляет в ваших сердцах о его потомстве. Возможно, у него есть мать и дом. Подумайте о том, какую длинную тень отбрасывает на этот дом его отсутствие. Подумайте о его матери в те часы, когда она чувствовала, как надежда превращается в разочарование, затем в тревогу, а тревога - в отчаяние. Как часто она простирала руки в мольбе и просила даже небесные ветры принести ей весть о том, что он уехал? Пусть мольбы этой матери коснутся ваших сердец и защитят их объект от закона".

После яркого выступления судьи Стори присяжные удалились, чтобы согласовать свой вердикт, и в 9 часов следующего утра пришли со своим вердиктом.

Клерк. Господа присяжные, вы согласовали свой вердикт?

Присяжные. Да.

Клерк. Кто будет говорить за вас?

Присяжные. Наш старшина.

Затем заключенным было приказано встать, как только их вызовут, и принять вердикт присяжных. Первым был назван капитан *Педро Гилберт*. Он встал, поднял руку и посмотрел на присяжных с твердым выражением лица и уверенным взглядом.

Клерк. Присяжные смотрят на заключенного; заключенный смотрит на присяжных. Как вы скажете, джентльмены, виновен или невиновен присяжный Педро Гилберт?

Старшина. ВИНОВЕН.

Тот же приговор был вынесен в отношении *де Сото* (помощника), *Руиса*, (плотника), *Бойги*, *Кастильо*, *Гарсии* и *Монтенегро*. А вот *Коста* (кают-компания), *Феррер* (негр), *Гусман*, *Портана* и *Веласкес* были признаны невиновными.

После оглашения вердикта присяжных бригадир зачитал суду следующую рекомендацию о милосердии:

"Симпатии присяжных были сильно тронуты в пользу *Бернардо де Сото* за его великодушное, благородное и самоотверженное поведение при спасении жизни более 70 человек, составлявших пассажиров и команду корабля "*Минерва*"; и они желают, чтобы его дело было представлено на милосердное рассмотрение правительства".

Судья Стори ответил, что пожелание присяжных непременно будет выполнено как судом, так и обвинителем.

"Внешность и поведение капитана Гилберта остались такими же, как и при нашей первой встрече; его взгляд не потускнел, а в чертах лица по-прежнему сидят решительность и властность. Мы не заметили ни малейшего изменения цвета или лица, когда ему сообщили вердикт присяжных; он лишь слегка поклонился и вернулся на свое место". *С де Сото* дело обстояло иначе. Он сильно изменился, похудел, и его лицо сегодня утром выражало глубочайшее уныние. Когда ему сообщили о содержании бумаги, зачитанной старшиной присяжных, он выглядел очень пораженным и, когда его выводили из суда, закрыл лицо платком".

Сразу же после оглашения вердикта оправданные заключенные, по ходатайству мистера Хилларда, были освобождены, после чего несколько человек громко и гневно выразили свое недовольство результатом процесса. Кастильо (*полукровка*, с чрезвычайно мягким и приятным лицом) указал на небо и призвал Всевышнего засвидетельствовать его невиновность; *Руис* произнес несколько слов с большой яростью; а *Гарсия* сказал, что "все были на одном корабле, и странно, что одним было позволено бежать, а другие были наказаны". Большинство из них, покидая суд, произнесли несколько ругательств в адрес "*пикаро*, который поклялся их жизнью".

Когда каютный мальчик *Коста* (16 лет) был объявлен невиновным, присутствующие выразили одобрение, но судья тут же пресек это, приказав офицерам взять его под стражу, причем каждый выразил либо согласие, либо несогласие. Мы, конечно, считаем, что симпатии, выраженные в пользу *Косты*, очень неуместны, поскольку, хотя мы не сочли себя вправе упоминать об этом ранее, его поведение на протяжении всего судебного процесса отличалось самым безрассудным нахальством и непристойностью. Даже когда он встал, чтобы принять вердикт присяжных, на его лице была наглая улыбка, и он демонстрировал самое полное пренебрежение к милосердию, которое было оказано ему.

Примерно в это время до Корунны дошли смутные слухи, что некий капитан, занимающийся работорговлей, превратился в пирата, был схвачен и вместе со своей командой отправлен в Америку для наказания. Поначалу докладывали, что это известный работорговец по имени Бегаро. Но вскоре до сеньоры де Сото дошли поразительные сведения, что именно ее муж был схвачен за это ужасное преступление. Потрясение ее чувств было ужасным, но любовь и стойкость преодолели все, и она решила смело преодолеть ужасы океана, ходатайствовать за своего мужа, если его осудят, и во что бы то ни стало увидеть его снова. Небольшая шхуна была зафрахтована ее собственным отцом и отцом мужа, и на ней она отправилась в Нью-Йорк. После бурного плавания судно достигло этого порта, когда она узнала, что ее мужа уже судили и приговорили к смерти. Гуманные жители Нью-Йорка посоветовали ей поспешить в Вашингтон и обратиться к президенту с просьбой о помиловании. Прибыв в столицу, она попросила о встрече с генералом Джексоном, которая была с готовностью предоставлена. Поскольку ее муж спас жизни семидесяти американцев, к ее просьбам было приложено милосердное ухо, и де Сото был помилован, с чем она поспешила в Бостон и сообщила ему радостную весть.

Эндрю Джексон, президент Соединенных Штатов Америки, всем, кому адресованы эти подарки, *приветствие*: Учитывая, что на октябрьском заседании 1834 года Окружного суда Соединенных Штатов Бернардо де Сото был осужден за пиратство и приговорен к повешению в 11-й день марта прошлого года, после чего ему была предоставлена отсрочка на три месяца, датированная третьим днем марта 1835 года, а также последующая, датированная пятым днем июня 1835 года, на шестьдесят дней. И поскольку упомянутый Бернардо де Сото был представлен как подходящий субъект для исполнительного милосердия...

Итак, я, Эндрю Джексон, Президент Соединенных Штатов Америки, принимая во внимание все вышеизложенное и имея на то веские и достаточные основания, помиловал и настоящим помилую упомянутого Бернардо де Сото с 11 августа следующего года и после него, и предписываю освободить его из заключения. В подтверждение чего я настоящим подписал свое имя и приложил к настоящим документам печать Соединенных Штатов. Совершено в городе Вашингтоне шестого дня июля, н.э. 1835 года и шестидесятого дня независимости Соединенных Штатов. Эндрю Джексон.

Роковым утром 11 июня 1835 года дон Педро, Хуан Монтенегро, Мануэль Кастильо, Анхель Гарсия и Мануэль Бойга, согласно приговору, были вызваны для подготовки к немедленной казни. Накануне вечером была достигнута договоренность о самоубийстве. Первую попытку предпринял Анхель Гарсия, попытавшись вскрыть вены на каждой руке куском стекла, но ему помешали. Однако утром, пока шли приготовления к казни, Бойге удалось нанести глубокую рану на левой стороне шеи куском олова. Офицер не отрывал от него глаз почти минуту, прежде чем его обнаружили лежащим на поддоне, с судорожными движениями коленей от потери крови. Была оказана медицинская помощь, рану зашили, но он не пришел в себя. На эшафоте их сопровождали два католических священника, один из которых был испанским. Их казнили в задней части тюрьмы. Когда процессия подошла к подножию лестницы, ведущей на помост виселицы, преподобный мистер Варелла, глядя прямо на капитана Гилберта, сказал: "Испанцы, вознеситесь на небо". Дон Педро поднялся быстрым шагом, за ним последовали его товарищи, более умеренным шагом, но без малейших колебаний. Бойга, не сознавая своего положения и судьбы, был перенесен на стуле и усажен под приготовленным для него канатом. Гилберт, Монтенегро, Гарсия и Кастильо сдержанно улыбались, занимая свои места на платформе. Вскоре после того, как капитан Гилберт взойшел на эшафот, он подошел к креслу, в котором сидел безжизненный Бойга, и поцеловал его. Обращаясь к своим последователям, он сказал: "Парни, мы идем на смерть, но давайте будем стойкими, ведь мы невиновны". Мистеру Пейтону, переводчику, он сказал: "Я умру невиновным, но умру как благородный испанец. До свидания, брат". Маршал зачитал ордер на их казнь и указал, что де Сото отсрочен *на шестьдесят*, а Руис - *на тридцать* дней, веревки были закреплены на шеях узников, и на лице каждого появился легкий гневный румянец; но ни один глаз не дрогнул, ни одна конечность не дрогнула, ни один мускул не дрогнул. Роковая веревка была перерезана, и платформа опустилась, на которой узники были отправлены в вечность. После окончания казни Руис, сидевший в своей камере, привлек к себе внимание своими маньячными криками и пением. Однажды, держа в руках кусок одеяла, испачканный кровью Бойги, он выразил свои бредни в своеобразном речитативе, суть которого сводилась к следующему: "Это красный флаг, под которым погибли мои товарищи!"

По истечении второй передышки Руиса маршал пригласил к нему в камеру двух хирургов из военно-морского флота Соединенных Штатов, понимавших испанский язык; после терпеливого осмотра они объявили его безумие фальшивкой, а помешательство - мистификацией. Соответственно, утром 11 сентября маршал в сопровождении католического священника и переводчика вошел в его камеру и дал ему понять, что дальнейшее уклонение от исполнения приговора закона невозможно и что он непременно должен умереть. Они сообщили ему, что жить ему осталось всего полчаса, и удалились; тогда он попросил, чтобы его не беспокоили в течение оставшегося ему короткого времени, и, повернувшись спиной к открытому входу в камеру, развернул несколько фрагментов напечатанных молитв и начал читать их про себя. В этот промежуток времени он не разговаривал и не обращал внимания на тех, кто за ним наблюдал, но, несомненно, испытывал сильнейшие душевные муки. В одну минуту он опускал подбородок на грудь и стоял неподвижно; в другую - прижимался лбом к стене своей камеры или раскачивался из стороны в сторону, как будто его терзали невыразимые муки. Вдруг он бросился на колени на матрас и простерся, словно в молитве; затем, отбросив молитвы, он сжимал в пальцах свой коврик и, как ребенок, пытался сложить его вдвое или разорвать на куски. Схватив свой коврик и отбросив его снова и снова, он внезапно возобновлял свои молитвы и прямую позу и стоял немой, глядя в отверстие, пропускающее дневной свет, в течение минуты. Эта сцена неумения и нерешительности, ужасной прострации ума в какой-то степени прекращалась, когда католический священник снова входил в камеру.

В 10 часов заключенного вывели из тюрьмы, и пока он шел к эшафоту, хотя на его лице лежал оттенок смерти, и он дрожал всеми суставами от страха, он мощным голосом напевал соответствующую службу из католического ритуала. Несколько раз он оборачивался, чтобы взглянуть на небо, которое в этот момент было над ним чистым и ярким, а когда вззошел на эшафот, закончив молитву, бросил долгий и непоколебимый взгляд на солнце и молча ждал своей участи. Его душевные и физические силы были внезапно подавлены ужасающей реальностью, которая его окружала; вся его душа была поглощена одним главным чувством - страхом скорой и насильственной смерти. Он дрожал от ужаса перед страшными атрибутами своего наказания, как если бы он был чужд кровавым подвигам и никогда не причинял смерти своим товарищам, бороздившим глубины под черным пиратским флагом с девизом "Грабь, убивай и жги". После натяжения веревки был дан сигнал. Тело тяжело упало, и резкий толчок, должно быть, мгновенно лишил его чувствительности, так как после этого не было никаких добровольных действий руками. Так закончилась его преступная карьера в чужой стране, где не было ни одного друга, который бы узнал или поддержал его, ни одного человека, который бы сожалел о его смерти.

Испанский консул попросил не отдавать тела факультету, и ночью они были погребены под руководством маршала в католической усыпальнице в Чарльзтауне. По законам Соединенных Штатов суд не имеет права отдавать тела на вскрытие, поскольку в пиратстве не было совершено убийства.

Руис покидает "Панду".

ЖИЗНЬ БЕНИТО ДЕ СОТО, ПИРАТА УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ.

Нижеследующее повествование о карьере отчаянного пирата, который был казнен в Гибралтаре в январе 1830 года, является одним из двух писем, полученных от автора "Военного сборника". По словам автора, Бенито де Сото "был пленником в гарнизоне в течение девятнадцати месяцев, и за это время британское правительство не пожалело ни сил, ни средств, чтобы собрать против него полный набор улики. Это дело вызвало сильнейшее волнение как здесь, так и в Кадисе, благодаря развитию зверств, которыми отмечен характер этого человека и дьявольской банды, лидером которой он был. Ни о чем другом не говорят, и к его вине добавляется тысяча ужасов, которые, хотя он и был достаточно виновен, он не имеет права нести. Ниже приводится вся достоверная информация, которую мне удалось собрать о нем. Я почерпнул ее из материалов суда, из признаний его сообщников, от смотрителя его тюрьмы и немного из его собственных уст. Эта

история будет интереснее всех рассказов и очерков, публикуемых в "Ежегодниках", журналах и других средствах изобретательства, по той простой причине, что это правда, а не вымысел".

Бенито де Сото был уроженцем небольшой деревушки неподалеку от Курны; он получил образование моряка и в 1827 году в Буэнос-Айресе беззастенчиво исполнял свое призвание. Там снаряжалось судно для плавания к берегам Африки с целью контрабанды рабов, а поскольку для этого требовалась сильная команда, было нанято множество матросов, среди которых был и Сото. Португальцы Южной Америки имеют привилегию торговать рабами в определенной части африканского побережья, но капитан этого судна намеревался выйти за пределы своей торговли и пройти дальше, чтобы забрать свой груз людей из запретной части страны, будучи уверенным, что там он сможет купить рабов по гораздо более низкой цене, чем обычным способом; или, возможно, забрать силой столько, сколько он сможет уложить на свой корабль. Поэтому ему требовалось значительное количество рабочих рук для этого предприятия; и при таком обороте легко понять, что нравственность экипажа не могла быть предметом особого внимания работодателя. На борт были приняты французы, испанцы, португальцы и другие, большинство из них - ренегаты, и они отправились в свое злое плавание, надеясь на бесславный успех.

Те, кто занимается злом, несут с собой пружины собственной гибели, на которые они ступают, несмотря на все предостережения, и их мнимая безопасность - лишь край ямы, в которую им предстоит упасть. Так было и с капитаном этого невольничьего корабля. Он прибыл в Африку, взял значительное количество рабов и, чтобы завершить свой груз, сошел на берег, оставив своего помощника управлять судном. Этот помощник был смелым, злым, безрассудным и неуправляемым духом, и, увидев в Бенито де Сото ум, созвучный своему, он решил, что тот подойдет для осуществления задуманного им плана - сбежать с судна и стать пиратом. Тогда помощник предложил свой план Сото, который не только согласился, но и заявил, что сам задумывал подобное предприятие во время плавания. Оба они сразу же пришли к единому мнению и не теряли времени на разработку своего плана.

Первым делом они рассказали об этом остальным членам экипажа. Они действовали осторожно и преуспели в этом настолько, что смогли захватить двадцать два человека из всего экипажа, оставив восемнадцать, которые остались верны своему доверию. Все средства были использованы, чтобы подкупить благонамеренных; прибегали и к уговорам, и к угрозам, но безрезультатно, и руководитель заговора, матрос, начал отчаиваться в достижении желаемого. Сото, однако, не был так легко подавлен. Он сразу же решил захватить корабль силой своего отряда и, не советуясь с матросом, собрал все оружие на судне, созвал заговорщиков, дал каждому из них по тесаку и пистолету, а сам, вооружившись таким же образом, выступил во главе шайки, достал меч и объявил матроса командиром корабля, а присоединившихся к нему людей - его хозяевами. Те, кто отверг злое предложение, остались непоколебимы; тогда Сото приказал спустить лодки и, указывая на сушу, закричал: "Вот африканский берег; вот наш корабль - тот или другой должен быть выбран каждым человеком на борту в течение пяти минут".

Это заявление, хотя и предотвратило сопротивление, которое могли бы оказать благожелательно настроенные люди при захвате судна, не изменило их цели; они все равно отказались участвовать в грабеже и по приказу Сото один за другим сели в лодку и с одной парой весел (все, что им было позволено) отправились к берегу, от которого они были тогда в десяти милях. Если бы погода оставалась спокойной, как в тот момент, когда лодка покинула корабль, она бы достигла берега к сумеркам; но, к несчастью, вскоре после ее отплытия поднялся сильный штормовой ветер, и Сото и его команда увидели, как она борется с ветром

и приближается ночь, находясь на таком расстоянии от земли, которое она не могла преодолеть, пока длился шторм. Все на корабле сошлись во мнении, что судну не жить, и они устремились прочь от него со скоростью десять узлов в час, под поднятыми парусами, оставив своих несчастных товарищей на произвол судьбы. Те из пиратов, которых недавно казнили в Кадисе, заявили, что в лодке погибла каждая душа.

Пираты везли ром на берег, чтобы купить рабов.

Пьяный разгул, царивший в ту ночь на пиратском корабле, был в страшном унисоне с бушующей вокруг стихией; споры и ссоры сопровождали жестокую буйность пиратов; каждый злой дух стремился одержать верх над другими, а Сото, который был злее всех, начал хвататься за свое место - главы такого дьявольского сообщества.

Дружище (теперь уже вождь) сразу же отдал бразды правления своей грубой тирании, и зоркий глаз Сото увидел, что тот, кто накануне ластился к нему, на следующий день будет править им с помощью железного жезла. Стремительный в своих действиях и проницательный в суждениях, он не успел проникнуться ревностью к вождю, как решил отстранить его от дел; и когда его соперник лежал в пьяном сне, Сото приставил к его голове пистолет и намеренно выстрелил. За этот поступок он оправдался перед командой, заявив, что совершил его в *их* защиту, что *их* интерес - смерть другого, и в заключение объявил себя их вождем и пообещал золотой урожай за их будущие труды, если они будут ему повиноваться. Сото преуспел в исполнении своих желаний и был единодушно провозглашен командой своим капитаном.

На борту судна, как я уже говорил, находилось несколько рабов, которых пираты хорошо закрепили под люками. Теперь они обратили внимание на этих полуголодных, полузадушенных существ: одни предлагали выбросить их за борт, другие, не менее жестокие, но более жаждущие наживы, предлагали отвезти их в какой-нибудь порт одной из тех стран, где торгуют людьми, и там продать. Последняя рекомендация была принята, и Сото отправился в Вест-Индию, где получил за своих рабов хорошую цену. Одного из этих жалких существ, мальчика, он оставил для себя в качестве слуги, и этому мальчику Провидением было предначертано стать свидетелем наказания тех белых людей, которые вырвали из родных мест его самого и его братьев. Только он один донесет до своей страны правду о возмездии Небес и рассказом о нем исцелит израненные чувства разбитых сородичей.

Теперь пираты пустились в свое злодейское преследование и разграбили множество судов; среди них был и американский бриг, обращение с которым составляет *шеф-повар* их злодеяний. Забрав с этого брига все ценности, какие только смогли найти, они спустили в трюм всех людей, кроме чернокожего, которому позволили остаться на палубе специально для того, чтобы он своими пытками устроил забавную выставку для Сото и его банды. Они подожгли бриг, а затем улеглись, чтобы наблюдать за развитием пламени; и пока несчастный африканец перебирался с каната на канат, то взбираясь на голову мачты, то цепляясь за ванты, то прыгая на одну часть судна, то на другую, - их удовольствие, казалось, достигло наивысшей точки. В конце концов люки открылись, и истерзанная жертва их зверской жестокости упала без сил в пламя, и ужасная и отвратительная сцена завершилась под крики тех, кто ее устроил.

Из других их подвигов следующим по степени мерзости и приведшим к их низвержению было пиратство на "Утренней звезде". Они столкнулись с этим судном у острова Вознесения в 1828 году, когда оно совершало свой рейс из Цейлона в Англию. На борту этого судна, помимо ценного груза, находилось несколько пассажиров: майор с женой, помощник хирурга, два гражданских лица, около пяти и двадцати солдат-инвалидов и три или четыре их жены. Как только Бенито де Сото заметил корабль, а это случилось днем 21 февраля, он созвал всех и приготовился к нападению на него; в то время он шел курсом, противоположным курсу "Утренней звезды". Разведав обстановку, он сначала решил, что это французское судно, но Барбазан, один из членов его команды, который сам был французом, уверил его, что корабль британский. "Тем лучше, - воскликнул Сото по-английски (ведь он знал этот язык), - мы найдем больше добычи". Затем он приказал убрать паруса и помчался навстречу ветру в погоне за добычей, от которой его отделяло около двух лиг.

Дефенсор де Педро, так назывался пиратский корабль, был быстрым судном, но из-за натяжения парусины, которую подняла "Утренняя звезда" вскоре после того, как пират начал погоню, он не смог догнать ее так быстро, как ожидал: задержка вызвала у Сото сильное

беспокойство, которое он выражал бормотанием проклятий и беспокойством манер. Из всех уст, кроме его, доносились звуки дикого удовлетворения перспективой; он один выражал свое ожидаемое удовольствие клятвами, угрозами и душевным беспокойством. Пока Барбазан руководил уборкой палубы, вооружением и завтраком людей, он быстро ходил взад-вперед, прокручивая в голове план предстоящей атаки, а когда его прерывал кто-нибудь из команды, раздражался залпом ругательств. В одном случае он нанес своему чернокожему мальчику сильный удар подозрительной трубой за то, что тот спросил его, не выпить ли ему утреннюю чашку шоколада; однако, как только он поставил паруса и увидел, что настигает "Утреннюю звезду", он несколько успокоился, стал сытно есть холодную говядину, запивать шоколад сквозняком и спокойно уселся на палубе, чтобы выкурить сигару.

Не прошло и четверти часа, как пират значительно оторвался от другого судна. Сото, не вставая с места, приказал выстрелить из пушки холостым патроном и поднять британские флаги, но, обнаружив, что эта мера не привела к появлению "Утренней звезды", крикнул: "Выстрелите из длинной пушки и дайте ей в упор". Приказ был выполнен, но выстрел не достиг цели, и тогда он вскочил и проклял тех, кто стрелял из пушки. Затем он приказал им зарядить канистру дробью, а сам взял в руки спичку. Однако он не стал стрелять сразу, а подождал, пока его жертва не окажется почти рядом с ним; затем, прицелившись и приказав человеку, стоявшему у флага, спустить его, он выстрелил с таким остервенением, что был уверен в своей цели. Затем он побежал поднимать колумбийские флаги и, сделав это, крикнул в рупор: "Спускайте лодку сейчас же, и пусть ваш капитан поднимается на борт со своими документами".

Во время этой страшной погони люди на борту "Утренней звезды" были в величайшей тревоге; но как бы ни были сильны их опасения, мужество, столь характерное для британских моряков, ни на минуту не покидало капитана. Он смело продолжал идти под парусами, и хотя один из людей упал от ранения, а вокруг него были видны следы выстрелов, он решил не наносить удара. Но, к несчастью, у него на борту не было ни одной пушки и никакого стрелкового оружия, которое могло бы помочь его мужеству. Слезы женщин и благоразумные советы пассажиров преодолели его решимость, и он позволил себе подчиниться общему мнению. Один из пассажиров вызвался подняться на борт пирата, и для этой цели была спущена шлюпка. Теперь оба судна находились на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга, и на борту "Утренней звезды" зародилась надежда, что джентльмен, вызвавшийся отправиться к пирату, своими усилиями сможет предотвратить, по крайней мере, худшее из страшных бедствий.

Некоторые люди здесь, в своей спокойной безопасности, не стеснялись заявлять, что командир солдат на борту не должен был так безропотно уступать пирату, тем более что с ним была его жена, а значит, и несчастье, которого следовало бояться и которое можно было бы считать даже хуже смерти: но все, кто знал истинное положение дел и размышлял об этом, согласятся, что он использовал единственный шанс избежать того, чего больше всего должен был бояться муж. Длинноствольная пушка, стоявшая в центре пиратского корабля, могла несколькими выстрелами потопить "Утреннюю звезду"; и даже если бы пираты оказали сопротивление при взятии ее на abordage - если бы их убили или взяли в плен, - результат был бы не намного лучше. Было очевидно, что "Дефенсор де Педро" - лучший парусник, а значит, "Морнинг Стар" не мог надеяться на спасение; фактически, единственным выбором было подчинение или полное уничтожение. Командир, таким образом, поступил наилучшим образом, рекомендовав первое. Была небольшая надежда спастись, сдавшись в плен и не подвергаясь личным оскорблениям, но сопротивление означало неминуемую гибель.

Джентльмен, отправившийся в лодке к пирату, вернулся через некоторое время, предъявив все доказательства жестокого обращения, которому он подвергся со стороны Сото и его команды. Оказывается, когда злодеи узнали, что он не капитан, они набросились на него и избили его, а также матросов вместе с ним, самым жестоким образом, и с самыми ужасными проклятиями заявили ему, что если капитан не придет немедленно, то по его возвращении на судно они взорвут корабль. Это сообщение сразу же определило дальнейшие действия капитана. Не раздумывая, он сел в лодку, взяв с собой второго помощника, трех солдат и мальчика-матроса, и направился к пиратам. Когда вместе с помощником поднялся на борт судна, Сото, стоявший у грот-мачты с занесенным тесаком в руке, попросил его подойти, а помощнику Барбазан приказал идти на фордевинд. Оба этих несчастных послушались и были мгновенно убиты.

Теперь Сото приказал спуститься в лодку шести отборным людям, среди которых был и Барбазан. Ему предводитель передал свои приказы, последний из которых гласил: позаботиться о том, чтобы все, кто находится на корабле, погибли, а затем потопить его.

Шестеро пиратов, приступивших к выполнению его дикого требования, были вооружены одинаково - каждый имел при себе скобу пистолетов, тесак и длинный нож. Их одежда состояла из грубой хлопчатобумажной клетчатой куртки и брюк, рубашек с открытым воротником, красных шерстяных шапочек и широких холщовых поясов, в которых находились пистолеты и ножи. Все они были атлетически сложены и выглядели так, что им вполне можно было доверить то кровавое поручение, с которым их отправили. Пока лодка везла их, Сото держал в руке тесак, покрасневший от крови убитого капитана, и молча смотрел на них, а другой грубиян с зажженной спичкой стоял у длинного ружья, готовый в случае необходимости поддержать абордаж выстрелом, который сметал бы палубу.

Когда абордажники приблизились к "Утренней звезде", ужас женщин стал чрезмерным; они в отчаянии прижались к своим мужьям, которые пытались развеять их страхи своими тщетными надеждами, уверяя, что при спокойной покорности их ожидает не что иное, как разграбление судна. Но несколько минут обманули их ожидания. Пираты быстро взобрались на борт и, прыгнув на палубу, принялись кромсать направо и налево все, что попадалось им под руку, произнося при этом самые страшные клятвы. Женщины с криками поспешили спрятаться внизу, как могли, а мужчины падали или бежали перед пиратами, оставляя их полными хозяевами палубы.

Матрос умолял спасти его.

Когда пиратам удалось окончательно сбить всех людей на палубе, они согнали большинство из них вниз, а оставшихся оставили для помощи в своих операциях. Если внимательно изучить обстоятельства, можно удивиться, как шесть человек могли так легко одолеть команду английских моряков, которую поддерживали около двадцати солдат с майором во главе, но это не покажется столь удивительным, если учесть, что матросы были совершенно безоружны, солдаты - изможденные инвалиды, и особенно то, что пират нес тяжелую длинную пушку, готовую потопить свою жертву одним выстрелом. Майор Логи полностью осознал всю глупость противостояния столь могущественному и отчаянному врагу и поэтому посоветовал подчиниться как единственное средство для обеспечения безопасности тех, кто находился под его началом; он полагал, что даже в груди худших из людей можно найти что-то похожее на человечность. Но, увы, он сильно обманулся в своей оценке характера злодеев и слишком поздно понял, что даже смерть была бы предпочтительнее того варварского обращения, которое ему пришлось пережить.

Избитые, истекающие кровью, перепуганные, мужчины лежали, сцепившись, в трюме, а пираты продолжали свой грабительский и жестокий труд. Каждый сундук был вытащен наружу, все ценные вещи сложены в кучу для разграбления; деньги, пластины, карты, морские инструменты и семь свертков с ценными драгоценностями, которые составляли часть груза; их несли снизу на спинах тех людей, которых пираты выбрали себе в помощники, и в течение двух часов они были заняты этим, а Сото в это время стоял на своей палубе и руководил операциями, поскольку суда находились в ста ярдах друг от друга. Сцена, происходившая в каюте, отличалась разнузданной жестокостью. Больного офицера, мистера Гибсона, стащили с койки, одежду других пассажиров сорвали с их спин, а всех пассажиров каюты выгнали на палубу, кроме женщин, которых заперли в круглом домике на

палубе, и стюарда, который был задержан, чтобы подавать пиратам вино и съестные припасы. Такое обращение, несомненно, ускорило смерть Гибсона; несчастный джентльмен недолго пережил ее. Когда пассажиров заставили подняться по трапу в каюту, чувства майора Лоджи, надо полагать, были самыми душераздирающими. Напрасно он умолял позволить ему остаться; его поспешили лишить даже возможности защитить свою незащищенную жену и усадили вместе с остальными в трюм, где его терзали страшные предчувствия почти верной гибели.

Закончив свои труды, разбойники сели за стол, чтобы побаловать себя, готовясь к *шеф-повару* своего дьявольского предприятия; и более ужасной группы полудьяволов, по словам стюарда, нельзя было себе представить, чем та, которая привлекла его внимание за столом в каюте. Однако, поскольку он был французом и по природе своей вежлив, он справлялся с обязанностями виночерпия если не так изящно, то, по крайней мере, с таким же старанием, как и сама Ганимед. Однако, несмотря на эту готовность служить гостям в их гастрономических желаниях, бедный буфетчик чувствовал себя не в своей тарелке; он дважды пугался до сосульки и дважды оттаивал до осознанного ужаса из-за грубости тех, кого он развлекал. В одном случае, когда он наполнил бокал игристым для одного из хулиганов и полагал, что вполне завоевал этим сердце любителя выпить, он обнаружил, что его грубо и крепко схватили за горло, а в лицо ему смотрит острие ножа. Видимо, тот, кто схватил его, почувствовал между зубами острый кусочек разбитого стекла, и, решив, что в вино подмешали что-то, чтобы отравить его, он решил доказать свои подозрения, заставив управляющего проглотить то, что осталось в бутылке, из которой был налит напиток, и таким образом бесцеремонно отдал приказ; однако готовность и беспрекословное послушание предотвратили дальнейшие плохие последствия. Другой случай, когда стюард оказался в опасности, был следующим: когда трапеза закончилась, один из джентльменов холодно попросил его отказаться от всякой деликатности и указать место, где были спрятаны деньги капитана. С таким же успехом он мог бы попросить его показать философский камень. Однако говорить правду было бесполезно: решительный проситель подкрепил свое требование выстрелом из пистолета в грудь; не выстрелив, он снова прицелился, но роковое оружие было отброшено Барбазаном, который упрекнул опрометчивость угрозой и тем самым предотвратил неминуемую участь стюарда. С чувством удовлетворения он услышал приказ спуститься в трюм, и через мгновение оказался среди своих товарищей по несчастью.

Грубияны еще некоторое время предавались удовольствиям в бутылке, а затем, приказав спустить женщин, обошлись с ними еще менее гуманно, чем с остальными. Крики беспомощных женщин были слышны в трюме тем, кто не мог оказать им помощь, и, должно быть, эти крики были мучительны для их узников! Как далеко зашла жестокость пиратов на этом этапе ужасного действия, можно только предполагать; к счастью, их жизни были спасены, хотя, как выяснилось впоследствии, Сото приказал зарезать всех, кто находился на борту; думается, что эти приказы не были приведены в исполнение из-за того, что злодеи потратили столько времени на выпивку и другие удовольствия; И только когда раздался громкий голос их вождя, призывавший их к действию, они приготовились покинуть корабль; поэтому они довольствовались тем, что заперли женщин в каюте, навалили на люки трюма тяжелые пилотматериалы и проделали отверстия в досках судна под поверхностью воды, чтобы, уничтожив несчастных людей одним махом, наверстать упущенное время. Затем они покинули судно, которое стремительно погружалось в воду, обреченное на верную гибель.

Ужасные издевательства над беспомощными женщинами в каюте.

Можно с полным основанием предположить, что, как ни плохо было их поведение по отношению к женщинам и как ни жалко было причиненных ими страданий, жизнь всех оставшихся погибать была сохранена благодаря этому; ведь корабль должен был пойти ко дну, если бы женщины были либо выведены из него, либо убиты, а те, кто находился в трюме, неизбежно пошли бы на дно вместе с ним. Но по счастливой случайности женщинам удалось выбраться из каюты и освободить мужчин, запертых в трюме. Когда они вышли на палубу, уже почти стемнело, но пиратский корабль был виден на значительном расстоянии, под всеми парусами и удалялся от них. Они благоразумно ждали, скрываясь от вражеских глаз, а когда наступила ночь, пробрались к люку и позвали людей вниз, чтобы те попытались их освободить, сообщив им, что пират уже далеко и его не видно. Тогда они объединили свои усилия, и, когда пиломатериалы были убраны, люки открылись, и освобожденные пленники вновь вздохнули с надеждой. Однако восхитительная тяга была прервана, когда выяснилось, что корабль находится на глубине шести футов! Мгновенный крах овладел всеми их вновь возбужденными ожиданиями; раздались крики и стоны отчаяния, но к матросам быстро вернулась энергия, а за ними и остальные; они принялись за работу у насосов, и трудом им удалось удержать судно на плаву. Однако направлять его курс было невозможно: пираты полностью вывели его из строя, обрубив такелаж и перепилив мачты насквозь. Однако взор Провидения не отвратился от несчастных людей: на следующий день они столкнулись с судном, которое избавило их от бедственного положения и доставило в Англию в целости и сохранности.

Теперь мы вернемся к Сото и покажем, как рука Провидения, уберегшая намеченные им жертвы, обрушилась на него самого и его нечестивых сообщников. Опьяненные своим позорным успехом, Сото узнал, что люди на "Утренней звезде", вместо того чтобы быть убитыми, остались только утопленниками. Эта информация вызвала у него сильнейший гнев. Он упрекнул Барбазана и тех, кто сопровождал их при высадке, в неповиновении его приказам и заявил, что теперь их жизнь не может быть в безопасности. Поздний час и долгое время, пока он отходил от "Утренней звезды", он решил вернуться назад, надеясь предотвратить побег тех, кто находился на преданном судне, и увидеть, как их уничтожат на его глазах. Сото был приверженцем старого принципа: "Мертвецы не рассказывают сказок", и, следуя своей доктрине, не терял ни минуты, разворачиваясь и убегая назад. Но было уже

поздно: он не смог найти никаких следов судна и утешал себя мыслью, что оно лежит на дне моря, на много саженой ниже, чем известно адмиралтейским судам.

Удовлетворившись этим, Сото взял курс на Европу. Во время плавания он набрел на небольшой бриг, взял его на бордаж, разграбил, потопил и, чтобы больше не сталкиваться с живыми свидетелями своей вины, убил команду, за исключением одного человека, которого он взял с собой, поскольку тот знал курс на Корунну, куда он намеревался отправиться. Но, верный своим принципам самозащиты, как только он покончил с несчастным моряком и оказался в виду намеченного порта, он подошел к нему у штурвала, который держал в руке: "Мой друг, - сказал он, - это гавань Корунны?" - "Да", - был ответ. "Тогда, - сказал Сото, - вы хорошо выполнили свой долг, и я обязан вам за ваши услуги". В тот же миг он выхватил пистолет и застрелил человека; затем спокойно выбросил его тело за борт, сам взял штурвал и направился в родную гавань, ничуть не обеспокоенный, как будто вернулся из честного плавания. В этом порту он получил документы на вымышленное имя, избавился от большей части своей добычи и после недолгого пребывания отправился в Кадис, где рассчитывал найти рынок для оставшейся части. Он шел с попутным ветром, пока не подошел к берегу недалеко от этого города. Уже стемнело, и он лег, рассчитывая на следующее утро встать на якорь, но ветер переменялся на западный и вдруг начал дуть сильный шторм; он был прямо на суше. Он поставил свой корабль как можно ближе к ветру, чтобы обойти точку, которая тянулась наружу, и отвалил к ветру, но его отнесло к суше, и он попал в ловушку, когда меньше всего ожидал ее увидеть. Шторм усилился, ночь стала непроглядно темной, ревущие волнорезы обрушились на подветренный борт, дрейфующее судно ударяется, отскакивает и снова ударяется - крик ужаса разносится по хлопающему корду, и в глазах экипажа демона плещется отчаяние. Они лежат беспомощные среди ярости шторма, и потемневший лик небес впервые вселяет ужас в их виновные сердца. Смерть перед ними, но приближается она не с милосердной быстротой; час за часом страшное видение проносится над ними и в конце концов исчезает, чтобы настигнуть их вновь в более ужасной форме. Буря утихла, и грешники на время были спасены.

С рассветом они сели в лодки и покинули судно, чтобы спасти свои жизни. Но раскаяния в пиратах не было; вместе с ночью и ветром угас голос совести, и они больше не думали о том, что произошло. Они стояли на берегу и смотрели на обломки корабля, и первой мыслью Сото было продать его и купить другое судно, чтобы возобновить свои зверские промыслы. С присущей его характеру решительностью он предложил свое намерение своим последователям и получил их полное одобрение. План был разработан мгновенно: они должны были представиться властям Кадиса честными моряками, потерпевшими кораблекрушение; Сото должен был взять на себя обязанности помощника, или *contra maestra*, мнимого капитана, и таким образом получить их санкцию на распоряжение судном. В таком виде все отправились в Кадис и предстали перед морскими чиновниками. Их рассказ был выслушан с сочувствием, и в течение нескольких дней все шло к их удовлетворению. Сото преуспел настолько, что заключил с маклером договор о продаже затонувшего судна за тысячу семьсот пятьдесят долларов; договор был подписан, но, к счастью, деньги еще не были выплачены, когда возникли подозрения из-за некоторых несоответствий в рассказе пиратов о себе, и шестеро из них были арестованы властями. Сото и один из его команды мгновенно исчезли из Кадиса, и им удалось прибыть на нейтральную территорию перед Гибралтаром, а еще шестерым удалось сбежать в Карракас.

В крепость Гибралтар не разрешается входить без разрешения губернатора или паспорта. Поэтому Сото и его спутник расположились в одном из посад на нейтральной территории и

прожили там в безопасности несколько дней. Пытливый и смелый ум первого не мог долго оставаться в бездействии; он предложил своему спутнику попытаться проникнуть в гарнизон переодетым и тайком, но не смог убедить его согласиться. Тогда он решил войти один; его целью было получить деньги по аккредитиву, который он привез с собой из Кадиса. Его спутник, более мудрый, чем он, выбрал более безопасный путь; он знал, что нейтральная территория не слишком контролируется законами ни испанцев, ни англичан, и хотя вероятность быть обнаруженным была невелика, он решил не доверять случайности такую большую ставку, как его жизнь; и он оказался прав в своем суждении, поскольку, если бы он отправился в Гибралтар, он разделил бы ту же участь, что и его начальник. Этот человек - единственный из всей банды, кто не понес наказания за свои преступления, поскольку ему удалось скрыться на борту какого-то судна. Неизвестно, в какую страну он отправился, но его описание, несомненно, зарегистрировано. Стюард "Утренней звезды" сообщил мне, что это высокий, крепкий мужчина, со светлыми волосами и свежим цветом лица, с мягким и кротким характером, но что он был одним из худших злодеев из всей пиратской команды. Я полагаю, что он был французом.

Сото добился того, что его приняли в гарнизон по поддельному пропуску, и поселился в таверне низшего разряда в узком переулке, отходящем от главной улицы Гибралтара, которую держит человек по фамилии Бассо. Внешний вид этого дома вполне соответствует ассоциациям из жизни достойного Бенито. Мне часто приходится проходить мимо его дверей по ночам, поскольку наш барак (Casement) находится всего в нескольких ярдах от него. Я никогда не смотрю на это место, не испытывая невольного чувства ужаса: дымные и грязные закоулки, отдаленные группы мрачных испанцев, мавров и евреев, их бледные лица, пожелтевшие от света тусклых масляных ламп, стропила комнат наверху, виднеющиеся сквозь незашторенные окна, и сознание того, что они прикрывали зверского Сото, - все это производит на меня такой эффект.

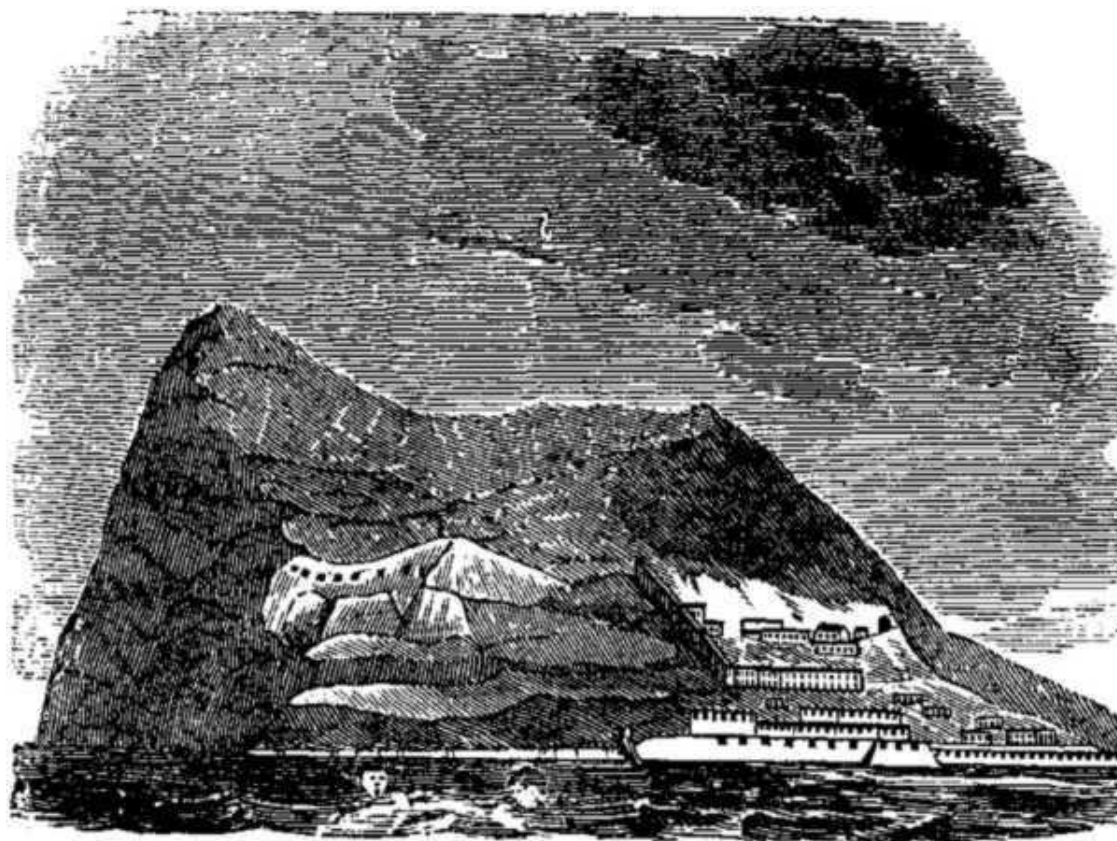
В этом логове злодей пробыл несколько недель, и все это время, казалось, наслаждался собой, как будто никогда не совершал убийства. Он рассказал Бассо о своих обстоятельствах так: он приехал в Гибралтар по пути в Кадис из Малаги и просто ожидал приезда друга. Одет он был дорого - обычно в белой шляпе лучшего английского качества, шелковых чулках, белых брюках и синем фраке. Усы у него были большие и кустистые, а волосы - очень черные, пышные, длинные и естественно завитые - в стиле лондонского проповедника, пользующегося пророческой и антипророческой славой. Он сильно подрумянился на солнце, а его походка и манера держаться свидетельствовали о его смелом, предприимчивом и отчаянном уме. Действительно, когда я видел его в камере и на суде, несмотря на то, что его телосложение ослабло почти до скелета, цвет лица стал бледно-желтым, глаза запали, а волосы были тщательно выстрижены, он все еще демонстрировал сильные следы того, чем он был, сохранил свою прямую и бесстрашную осанку, свой быстрый, огненный и злобный взгляд, свою торопливую и краткую речь, свой близкий и уместный стиль замечаний. Он показался мне человеком, который мог бы стать героем в рядах своей страны, если бы обстоятельства поставили его на правильный путь к славе; но невежество и бедность превратили его в самого свирепого разбойника, который мог бы оказать услугу и оказать честь своей утонувшей стране. Мне хотелось бы услышать, что говорят френологи о его голове; она показалась мне самой необычной из всех, что я когда-либо видел, и, конечно, в том, что касается *разрушительности*, полностью подтверждает теорию. Ходят слухи, что череп отправлен *саванам* в Эдинбург; если это так, мы, несомненно, познакомимся с их мудрыми мнениями по этому вопросу, и великие завоеватели получат еще одно подтверждение того, насколько сильно они похожи по своей физической природе на величайших убийц.

Когда я посетил пирата в мавританском замке, где он был заключен, он сидел в своей холодной, узкой и убогой камере на поддоне из соломы и ел свою грубую пищу из оловянной тарелки. Он показался мне скорее объектом жалости, чем мести; он выглядел таким изможденным болезнью, таким раздавленным страданиями, но при этом был так приветлив, откровенен и любезен в обращении, потому что случайно оказался в общительном настроении, что с ним случалось нечасто. Он говорил о своем долгом заключении, пока я не подумал, что слезы вот-вот хлынут из его глаз, и с удовлетворением упоминал о приближающемся суде; но его преобладающая черта - свирепость - проявилась в его маленьких пронзительных черных глазах, прежде чем я покинул его, когда он упомянул о своем смотрителе, проректоре, так, что я заподозрил, что его жажда крови еще не угасла. Когда он явился в суд на свой процесс, его поведение совершенно изменилось; мне показалось, что из него, каким он был в своей камере, он внезапно превратился во все те качества, о которых я слышал; он стоял прямо и невозмутимо; он говорил сильным голосом, внимательно следил за ходом процесса, иногда осматривал свидетелей, а в конце протестовал против справедливости своего суда. Иногда он обращался к окружавшим его стражникам, а иногда демонстрировал безразличие к своему ужасному положению, которое, однако, не было для него легким. Даже здесь проявилась главная черта его ума: когда переводчик начал свою речь, а язык, которым он пользовался, был педантичен и аффектирован, Сото прервал его, нахмурив брови и напугав человека слова: "Я не понимаю тебя, парень; говори по-испански, как все, и я буду тебя слушать". Когда кортик, принадлежавший мистеру Робертсону, сундук и одежда, отобранные у мистера Гибсона, и карманная книжка были изъяты. Гибсона и карманная книжка с почерком злополучного капитана были представлены ему и доказано, что они были найдены в его комнате, и когда служанка таверны доказала, что каждое утро, убирая его постель, находила кортик под его подушкой; И когда он предстал перед своим собственным черным рабом между двумя восковыми светильниками, лицо злодея предстало в своем истинном виде, не подавленное и не скорбное, а яркое и свирепое; и когда терпеливый и достойный губернатор сэр Джордж Дон вынес ему справедливый приговор, он смотрел кинжалами в свое сердце и хранил ужасное молчание, более красноречивое, чем слова.

До самого дня казни преступник упорно отстаивал свою невиновность и убеждал в несправедливости суда, но уверенность в своей участи и грозный голос религии в конце концов покорили его. Он безоговорочно признал свою вину и искренне раскаялся, отдал хранителю лезвие бритвы, которое он спрятал между подошвами своих ботинок с явной целью присовокупить к своим преступлениям самоубийство, и, казалось, желал того момента, который должен был отправить его к Создателю.

Я был свидетелем его казни, и мне кажется, что никогда не было человека более раскаянного, чем он; однако в нем не было ни капли страха - он твердо шел в хвосте роковой повозки, глядя то на свой гроб, то на распятие, которое держал в руке. Символ божественности он часто прижимал к губам, повторял молитвы, произносимые на ухо сопровождавшим его священником, и, казалось, не обращал внимания ни на что, кроме грядущего мира. Виселица была возведена у воды, напротив нейтральной территории. Он взобрался на телегу так же твердо, как шел за ней, и поднял лицо к небу и бьющему дождю, спокойный, покорный, но непоколебимый; обнаружив, что недоуздок слишком высок для его шеи, он смело ступил на свой гроб и просунул голову в петлю, затем, наблюдая за первым поворотом колес, пробормотал "*adios todos*" ["Прощайте, все"] и наклонился вперед, чтобы облегчить свое падение.

Чернокожий раб пирата стоял на батарее, трепеща перед своим умирающим хозяином, чтобы увидеть ужасное завершение серии событий, рассказ о которых его африканским соотечественникам, когда он вернется к себе домой, несомненно, даст им ужасную картину европейской цивилизации. Чернокожего мальчика оправдали в Кадисе, но мужчин, бежавших на "Карракас", а также тех, кого арестовали после кораблекрушения, осудили, казнили, отрубили им конечности и повесили на крюках в качестве предупреждения всем пиратам.

Гибралтарская скала.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА РОБЕРТА КИДДА

Легкий доступ к гавани Нью-Йорка, множество укромных мест в его водах и расхлябанность недавно организованного правительства в 1695 году сделали его отличным местом встречи пиратов, где они могли распоряжаться своей добычей и совершать новые разбойничьи нападения. Поскольку они привозили с собой богатые грузы всех видов, роскошь тропиков и роскошные трофеи испанских провинций, и распоряжались ими с пресловутой беспечностью вольных разбойников, они были желанными гостями для экономных торговцев Нью-Йорка. Экипажи этих отчаянных головорезов, как беглецов из любой страны и любого климата, можно было увидеть днем на улицах города, расталкивая локтями его спокойных жителей, продавая свои богатые диковинные добычи за полцены или четверть цены настороженному торговцу, а затем растрачивая свои призовые деньги в тавернах, выпивая, играя в азартные игры, распевая, резвясь и поражая окрестности полуночным весельем и пирушками. В конце концов эти бесчинства достигли такого размаха, что стали скандалом для провинций и громким призывом к вмешательству правительства. Соответственно, были

приняты меры, чтобы положить конец этому широко распространенному злу и изгнать пиратов из колоний.

Среди выдающихся личностей, скрывавшихся в колониях, был капитан Роберт Кидд, [Сноска: Его настоящее имя - Уильям Кидд], который в начале войны короля Вильгельма командовал капером в Вест-Индии и своими несколькими авантюрными действиями приобрел репутацию храброго человека, а также опытного моряка. Но теперь он приобрел дурную славу, как некое нездешнее животное океана. Он был в какой-то степени торговцем, в какой-то - контрабандистом, но в основном - пиратом. Он много лет промышлял среди пиратов на маленьком рахитичном суденышке, которое могло зайти в любую воду. Он знал все их притоны и тайные места и постоянно отправлялся в таинственные путешествия.

По старой доброй примете "подставить негодяя, чтобы поймать негодяя", капитана Кидда рекомендовали лорду Беллу. Лорд Белламонт, тогдашний губернатор Барбадоса, а также несколько других лиц рекомендовали Кидда здешнему правительству как человека, которому можно поручить командование государственным кораблем и отправиться в крейсерство против пиратов, поскольку он прекрасно знает эти моря и знаком со всеми их укромными местами; Но какие причины руководили политикой тех времен, я не могу сказать, но это предложение не встретило здесь поддержки, хотя, несомненно, оно имело бы большое значение для дела: наши купцы терпели невероятные убытки от этих разбойников.

Ввиду такого пренебрежения лорд Белламонт и некоторые другие, знавшие, какие большие захваты были сделаны пиратами и какие огромные богатства должны быть в их распоряжении, сообразовали снарядить корабль за свой счет и передать командование им капитану Кидду; и чтобы придать этому делу большую известность, а также чтобы держать своих моряков под лучшим командованием, они добились от короля поручения для упомянутого капитана Кидда, точная копия которого приводится ниже:

Уильям Рекс,

"ВИЛЬЯМ ТРЕТИЙ, милостью Божьей, король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитник веры и т. д. Нашему надежному и горячо любимому капитану РОБЕРТУ КИДДУ, командиру корабля "Приключенческая галера", или любому другому, командиру одного на данный момент, *приветствие*: Нам сообщили, что капитаны Томас Ту, Джон Айрленд, Томас Уэйк и Уильям Мэйз или Мэйс, а также капитан Уильям Мэйз или Мэйс, и другие командиры корабля. Уильям Мейз или Мейс, и другие подданные, уроженцы или жители Нью-Йорка и других мест, на наших плантациях в Америке, объединились с различными другими, злыми и недоброжелательными людьми, и совершают, вопреки закону народов, многочисленные и большие пиратства, грабежи и разбои на морях в Америке и в других частях, к большой помехе и препятствию торговле и мореплаванию, и к большой опасности и ущербу для наших любящих подданных, наших союзников и всех других, плавающих по морям по их законным делам. Знайте же, что мы, желая предотвратить вышеупомянутые беды и, насколько это в наших силах, предать суду упомянутых пиратов, вольных буянов и морских разбойников, сочли нужным и настоящим даруем и предоставляем упомянутому Роберту Кидду (которому наши уполномоченные по исполнению обязанностей лорда верховного адмирала Англии, и командиру упомянутого корабля, а также офицерам, морякам и другим лицам, которые будут находиться под вашим командованием, полную власть и полномочия задержать, арестовать и взять под свою опеку упомянутых капитана Томаса Ту, Джона Айрленда, капитана Томаса Ту, капитана Джона Айрленда и капитана Джона Айрленда. Томаса Ту, Джона Айрленда, капитана Томаса Уэйка и капитана Вма. Мейза или Мэйса, а также всех пиратов, вольных стрелков и морских разбойников, как наших подданных, так и

представителей других народов, связанных с ними, которых вы встретите в морях или у берегов Америки или у любых других морей или берегов, со всеми их кораблями и судами и всеми товарами, деньгами, товарами и изделиями, которые будут найдены на борту или при них, если они добровольно сдадутся; если же они не сдадутся без боя, то вы должны силой принудить их к сдаче. И мы также требуем, чтобы вы привели или заставили привести таких пиратов, вольных стрелков или морских разбойников, которых вы захватите, к судебному разбирательству, чтобы они могли быть привлечены к ответственности в соответствии с законом, принятым в таких случаях. И мы настоящим приказываем всем нашим офицерам, министрам и другим нашим любящим подданным, кто бы ни был, оказывать вам помощь и содействие в этом деле. И мы настоящим предписываем вам вести точный журнал ваших действий по выполнению этих предписаний и записывать в него имена пиратов, их офицеров и компании, а также названия кораблей и судов, которые вы в силу этих предписаний захватите и конфискуете, и количество оружия, боеприпасов, провизии и груза на этих судах, а также истинную стоимость того же самого, насколько вы можете судить. И мы настоящим строго поручаем и приказываем вам, поскольку вы на свою беду ответите обратное, что вы ни в коем случае не будете оскорблять или досаждать нашим друзьям или союзникам, их кораблям или подданным, прикрываясь или делая вид, что вы пользуетесь этими подарками или предоставленными им полномочиями. *В удостоверение чего мы приложили к настоящим документам нашу большую печать Англии. Дано при нашем дворе в Кенсингтоне 26-го дня января 1695 года, в 7-й год нашего царствования*".

У капитана Кидда была и другая комиссия, которая называлась комиссией возмездия; поскольку тогда было военное время, эта комиссия должна была оправдать его в захвате французских торговых судов, если он встретится с ними; но поскольку эта комиссия не имеет отношения к нашей цели, мы не будем утомлять ею читателя.

Перед отплытием капитан Кидд похоронил свою Библию на берегу моря в Плимутском заливе; ее божественные заповеди настолько расходились с его нечестивым образом жизни, что он не захотел хранить книгу, которая осудила его в его незаконной карьере.

С этими двумя поручениями он отплыл из Плимута в мае 1696 года на галере "Адвенчер" с 30 пушками и 80 людьми; первым местом, куда он направился, был Нью-Йорк; во время плавания туда он захватил французского банкира, но это не было актом пиратства, поскольку у него было поручение для этой цели, как мы только что отметили.

Прибыв в Нью-Йорк, он выставил на продажу вещи, чтобы нанять еще людей, так как это было необходимо для команды его корабля, поскольку он намеревался иметь дело с отчаянным врагом. Он предложил следующие условия: каждый человек должен был получить долю от захваченного, оставив себе и владельцам по сорок долей. Вскоре он увеличил свою команду до 155 человек.

Капитан Кидд хоронит свою Библию.

С этой компанией он отплыл сначала на Мадейру, где взял вино и другие необходимые вещи; оттуда он отправился в Бонависту, один из островов Зеленого мыса, чтобы снабдить корабль солью, а оттуда сразу же отправился в Сан-Яго, другой из островов Зеленого мыса, чтобы запастись провизией. Когда все это было сделано, он взял курс на Мадагаскар, известное место встречи пиратов. На своем пути он столкнулся с капитаном Уорреном, командором трех военных кораблей; он ознакомил его со своими планами, составил им компанию на два-три дня, а затем, оставив их, направился к Мадагаскару, куда прибыл в феврале 1696 года, всего через девять месяцев после своего отплытия из Плимута.

Случилось так, что в это время пиратские корабли в большинстве своем находились в поисках добычи, так что, согласно лучшим сведениям, которые мог получить капитан Кидд, ни одного из них в это время на острове не было; поэтому, потратив некоторое время на поливку корабля и захватив побольше провизии, он решил попытать счастья на побережье Малабара, куда прибыл в июне, через четыре месяца после того, как достиг Мадагаскара. Здесь он совершил безуспешное плавание, заходя то на остров Мохила, то на остров Джоханна, расположенный между Малабаром и Мадагаскаром. Его провизия с каждым днем убывала, а корабль начал нуждаться в ремонте; поэтому, оказавшись на острове Джоханна, он нашел возможность занять сумму денег у французов, которые потеряли свой корабль, но спасли свои вещи, и на эти деньги купил материалы для приведения корабля в порядок.

Не похоже, чтобы все это время у него был хоть малейший замысел стать пиратом; ведь возле Мохилы и Йоханны он встретил несколько индийских кораблей с богатым грузом, к которым

он не применил ни малейшего насилия, хотя был достаточно силен, чтобы делать с ними все, что ему заблагорассудится; и первое возмущение или грабеж, которое, как я обнаружил, он совершил против людей, было после того, как он починил свой корабль и покинул Йоханну; он пристал к месту под названием Мабби на Красном море, где силой отобрал у туземцев немного гвинейской кукурузы. После этого он отплыл в Бабс-Ки, место на маленьком острове у входа в Красное море. Здесь он впервые начал открываться своей корабельной компании и дал им понять, что намерен изменить свои меры, ибо, заговорив о флоте мочика, который должен был плыть этим путем, он сказал: *"До сих пор мы были безуспешны; Но мужайтесь, мои мальчики, мы сделаем наши состояния из этого флота"*; и, обнаружив, что никто из них не возражает против этого, он приказал выслать лодку, хорошо укомплектованную, чтобы отправиться к побережью и сделать открытия, велел им взять пленника и привести его к нему, или получить разведданные любым способом, каким они смогут. Лодка вернулась через несколько дней, принесла ему весть, что они видели четырнадцать или пятнадцать кораблей, готовых к отплытию, некоторые с английскими, некоторые с голландскими, а некоторые с мавританскими цветами.

Мы не можем объяснить эту внезапную перемену в его поведении иначе, как предположив, что сначала он имел хорошие намерения, надеясь сколотить состояние на захвате пиратов; но теперь, устав от неудач и опасаясь, что его хозяева, рассердившись на свои большие расходы, уволят его, и он будет нуждаться в работе и будет отмечен как неудачливый человек; скорее, говорю я, чем подвергнуться опасности нищеты, он решил делать свое дело одним способом, поскольку не мог делать его по-другому.

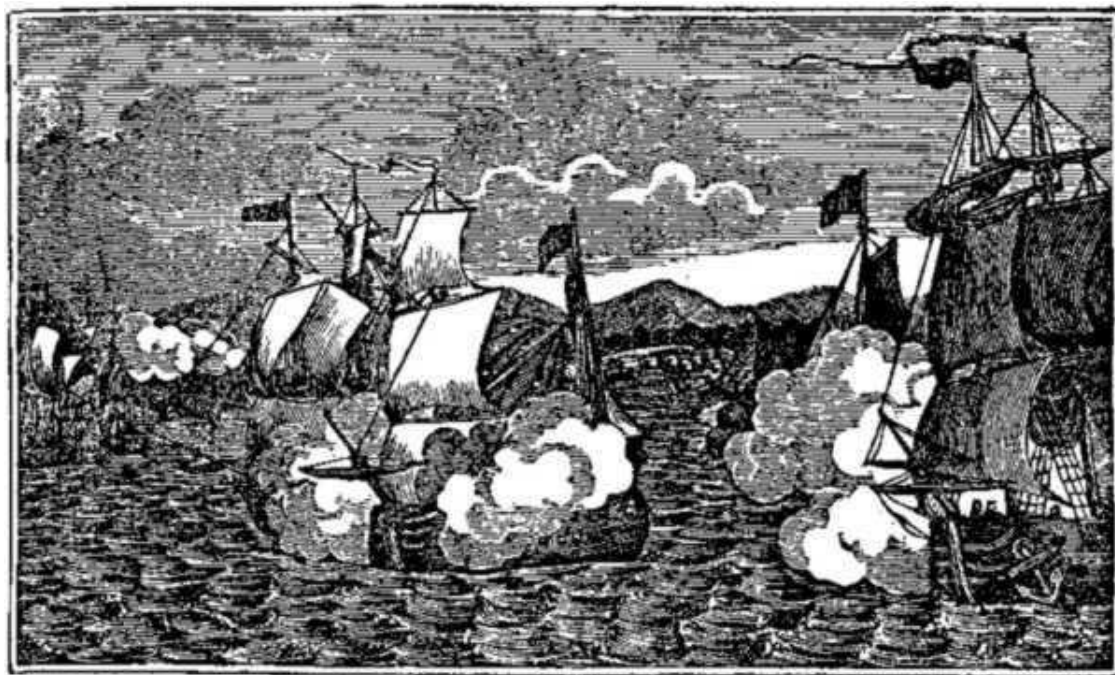
Поэтому он приказал одному человеку постоянно дежурить у форштевня, чтобы этот флот не прошел мимо них; и примерно через четыре дня после этого, ближе к вечеру, он появился в поле зрения, сопровождаемый одним английским и одним голландским военными людьми. Кидд вскоре пристал к ним и, оказавшись среди них, открыл огонь по мавританскому кораблю, который находился рядом с ним; но военные люди, подняв тревогу, спустились на Кидда и, открыв по нему огонь, вынудили его отступить, так как он не был достаточно силен, чтобы противостоять им. Начав военные действия, он решил продолжить их, а потому отправился крейсировать вдоль побережья Малабара. Первым призом, который он встретил, было небольшое судно, принадлежавшее Адену; судно было мавританским, и владельцами были мавританские купцы, но хозяином был англичанин; его звали Паркер. Кидд заставил его и португальца по имени Дон Антонио, то есть всех европейцев на борту, взять с собой; первого он определил в лоцманы, а последнего - в переводчики. Он также очень жестоко обращался с людьми: поднимал их за руки и бил обнаженной секирой, чтобы заставить их узнать, есть ли у них на борту деньги и где они лежат; но поскольку у них не было на борту ни золота, ни серебра, он ничего не добился своей жестокостью; однако он взял у них тук перца и тук кофе, и так отпустил их.

Через некоторое время после этого он пристал к Каравару, месту на том же побережье, где еще до его прибытия до них дошли вести о том, что он сделал с мавританским кораблем, ибо некоторые из английских купцов получили об этом сведения от владельцев, которые вели с ними переписку; поэтому, как только Кидд появился, его заподозрили в том, что он совершил это пиратство; и один мистер Харви и мистер Мейсон. Харви и мистер Мейсон, двое из английской фактории, поднялись на борт и спросили Паркера и Антонио, португальца; но Кидд отрицал, что знает таких людей, укрыв их обоих в укромном месте в трюме, где они находились семь или восемь дней, то есть до тех пор, пока Кидд не отплыл оттуда.

Однако на побережье поднялась тревога, и португальский корабль отправился в крейсерство. Кидд встретился с ним и сражался с ним около шести часов, причем

достаточно галантно; но, обнаружив, что корабль слишком силен, чтобы его можно было взять, он покинул его, так как мог убежать от него, когда хотел. Затем он отправился в место под названием Порка, где полил водой свой корабль и купил у туземцев несколько свиней для пропитания своей компании.

Вскоре после этого он подошел к мавританскому кораблю, хозяином которого был голландец по имени Шиппер Митчелл, и погнался за ним под французскими флагами, на которых, как они заметили, тоже были подняты французские флаги; когда он подошел к нему, то окликнул его по-французски, и они, имея на борту француза, ответили ему на том же языке; Тогда он приказал им отправить свою лодку на борт; они были вынуждены сделать это, и, изучив, кто они такие и откуда прибыли, он спросил француза, который был пассажиром, есть ли у него французский пропуск для себя; француз дал ему понять, что есть. Тогда он сказал французу, что тот должен представиться капитаном, и бу---, говорит он, вы капитан; француз не мог отказаться сделать то, что он хотел. Это означало, что он захватит корабль как справедливый приз и как если бы он принадлежал французским подданным, в соответствии с поручением, которое он имел для этой цели; хотя можно было бы подумать, что после того, что он уже сделал, ему не нужно прибегать к спорам, чтобы придать своим действиям окраску.

Капитан Кидд нападает на мавританский флот.

Короче говоря, он забрал груз и через некоторое время продал его; но все же, похоже, он опасался, как бы эти действия не закончились плохо; так как через некоторое время после этого ему попался голландский корабль, и когда его люди не думали ни о чем, кроме как напасть на него, Кидд воспротивился этому; В результате возник мятеж, и большинство было за то, чтобы захватить упомянутый корабль и вооружиться, чтобы сесть в шлюпку и захватить его, но он сказал им, что те, кто это сделает, никогда больше не должны подниматься на его борт; это положило конец этому замыслу, так что он некоторое время держался в компании с упомянутым кораблем, не предлагая ему никакого насилия. Однако этот спор послужил причиной несчастного случая, на основании которого против Кидда было выдвинуто обвинение; однажды канонир Мавр, находясь на палубе и беседуя с Киддом о голландском корабле, перекинулся с ним несколькими словами, и Мавр сказал Кидду, что тот погубил их

всех; на что Кидд, назвав его собакой, взял ведро и ударил его им, отчего он сломал череп и умер на следующий день.

Но покаяние Кидда длилось недолго: плывя вдоль Малабара, он встретил множество лодок, все из которых разграбил. На том же побережье он столкнулся с португальским кораблем, которым владел неделю, а затем, забрав него несколько сундуков с индийскими товарами, тридцать кувшинов с маслом, немного воска, железа и сто мешков риса, отпустил его.

Примерно в то же время он отправился на один из Малабарских островов за дровами и водой, и его бондарь, сойдя на берег, был убит туземцами; тогда Кидд сам высадился, сжег и разграбил несколько их домов, а люди разбежались; но, захватив одного, он привязал его к дереву и приказал одному из своих людей застрелить его; Затем, снова выйдя в море, он взял самый большой приз, который попал ему в руки, пока он занимался этим ремеслом; это был мавританский корабль в 400 тонн, богато нагруженный, по имени "Куэда Мерчант", хозяином которого был англичанин по имени Райт; индейцы часто используют англичан или голландцев для управления своими кораблями, поскольку их собственные мореплаватели не столь хороши в навигации. Кидд преследовал корабль под французским флагом и, настигнув его, приказал поднять шлюпку и отправить к нему на борт, что и было сделано, он сказал Райту, что тот его пленник; и, осведомившись об этом корабле, он понял, что на борту нет ни одного европейца, кроме двух голландцев и одного француза, а все остальные - индейцы или армяне, и что армяне являются совладельцами груза. Кидд дал армянам понять, что если они предложат что-нибудь стоящее в качестве выкупа, то он прислушается. Они предложили заплатить ему 20 000 рупий, то есть около 3000 фунтов стерлингов; но Кидд решил, что это будет плохая сделка, и отказался от нее, а отправив команду на берег, в разные места побережья, он вскоре продал столько груза, сколько доходило до десяти тысяч фунтов. С частью груза он также торговал, получая в обмен провизию или другие товары, которые ему были нужны; постепенно он избавился от всего груза, и когда был произведен раздел, то на человека пришлось около 200 фунтов стерлингов; оставив себе сорок акций, его дивиденды составили около 8000 фунтов стерлингов.

Индейцы, жившие на побережье, свободно входили на борт и торговали, а он пунктуально выполнял свои сделки, пока не собрался отплыть; тогда, решив, что больше не будет повода для них, он не побрезговал забрать их товары и спустить их на берег, не заплатив ни деньгами, ни товарами, чего они мало ожидали; поскольку они привыкли иметь дело с пиратами, они всегда считали их людьми чести в торговле; народ, враждебный обману и боявшийся грабить, кроме как своим собственным способом.

Кидд посадил часть своих людей на борт "Куэда Мерчант" и вместе с этим кораблем и своим собственным отплыл на Мадагаскар. Как только он прибыл и бросил якорь, к его борту подплыло каноэ, в котором находилось несколько англичан, ранее хорошо знакомых с Киддом. Как только они увидели его, они приветствовали его и сказали, что им сообщили, что он пришел забрать их и повесить, что было бы немного некрасиво по отношению к такому старому знакомому. Кидд вскоре развеял их сомнения, поклявшись, что у него нет такого намерения, и что он теперь во всех отношениях их брат и такой же плохой, как и они; и, позвав чашку бомбу, выпил за здоровье их капитана.

Эти люди принадлежали к пиратскому кораблю под названием "Резолюшн", в прошлом "Торговец мокко", командиром которого был капитан Каллифорд и который стоял на якоре

неподалеку от них. Кидд поднялся на борт вместе с ними, обещая им свою дружбу и помощь, а Каллифорд, в свою очередь, поднялся на борт Кидда; и Кидд, чтобы доказать свою искренность в беззаконии, обнаружив, что Каллифорд испытывает нужду в некоторых вещах, сделал ему подарок в виде якоря и нескольких пушек, чтобы он снова вышел в море.

Галера "Адвенчер" была уже настолько старой и дырявой, что они были вынуждены постоянно держать две помпы; поэтому Кидд перетащил с нее все пушки и снасти на "Куэду Мерчант", намереваясь использовать ее в качестве своего военного корабля; и так как он уже делил деньги, то теперь разделил и остальной груз; вскоре после этого большая часть компании покинула его, некоторые отправились на борт к капитану Куллифорду, а другие скрылись в стране, так что у него осталось не более 40 человек.

Он вышел в море и случайно пристал к Амбойну, одному из голландских островов пряностей, где ему сказали, что весть о его деяниях достигла Англии и что там его объявили пиратом.

По правде говоря, его пиратство так встревожило наших купцов, что в парламенте были приняты меры по расследованию поручения, которое ему было дано, и лиц, которые его снарядили. Похоже, что эти действия несколько задевали лорда Белламонта, который считал себя настолько тронутым этим, что после казни Кидда опубликовал в памфлете свое оправдание. Тем временем было сочтено целесообразным, чтобы остановить пиратство, опубликовать прокламацию, предлагающую королевское помилование всем пиратам, которые добровольно сдадутся, в каких бы пиратствах они ни были виновны, в любое время до последнего дня апреля 1699 года - то есть за все пиратства, совершенные к востоку от мыса Доброй Надежды, до долготы и меридиана Сокатора и мыса Корморин; В этой прокламации Эвери и Кидд были исключены по именам.

Когда Кидд покинул Амбойну, он ничего не знал об этой прокламации, ибо, конечно, если бы он узнал о том, что он в ней исключен, он не был бы настолько увлечен, чтобы броситься в самую пасть опасности; Но, полагаясь на свои интересы с лордом Белламонтом и полагая, что французский пропуск или два, найденные им на борту некоторых из захваченных кораблей, послужат делу, и что часть добычи, которую он получит, приобретет ему новых друзей, - все это заставило его льстить себе, что все затихнет, и что правосудие лишь подмигнет ему. Поэтому он отплыл прямо в Бостон, нагруженный добычей, с командой развязных товарищей за спиной. Но не успел он появиться в Бостоне, как была объявлена тревога и приняты меры к его аресту. Однако дерзкий характер, который приобрел Кидд, и отчаянные парни, следовавшие за ним по пятам, как бычьи псы, немного задержали его арест. Воспользовавшись этим, он закопал большую часть своих огромных сокровищ, которые так и не были найдены, а затем носился с высоко поднятой головой по улицам Бостона. При аресте он даже попытался защищаться, но был схвачен и брошен в тюрьму. Характер этого пирата и его команды был настолько грозным, что в Англию был отправлен фрегат, чтобы доставить их для суда.

Соответственно, в мае 1701 года в Олд-Бейли состоялось заседание Адмиралтейства, на котором были арестованы капитан Кидд, Николас Черчилль, Джеймс Кидд, Джеймс Кидд и другие. Кидд, Николас Черчилль, Джеймс Хау, Роберт Ламли, Уильям Дженкинс, Габриэль Лофф, Хью Паррот, Ричард Барликорн, Абель Оуэнс и Дарби Маллинз были обвинены в пиратстве и грабеже в открытом море и признаны виновными, кроме троих; это были Роберт Ламли, Уильям Дженкинс и Ричард Барликорн, которые оказались учениками кого-то из офицеров корабля и предъявили свои контракты в суде, и были оправданы.

Хотя было доказано, что эти трое участвовали в захвате и разделе корабля и товаров, упомянутых в обвинении, тем не менее, как справедливо заметил джентльмен в длинной

мантии, между их обстоятельствами и остальными была большая разница; ведь для совершения преступления или пиратства необходимо намерение ума и свобода воли. Пирата следует понимать не как человека, находящегося под принуждением, а как свободного агента; ибо в этом случае само по себе действие не делает человека виновным, если только воля не делает его таковым.

Слуга, правда, если он идет добровольно и получает свою долю, должен считаться пиратом, ибо тогда он действует по своей воле, а не по принуждению: а эти люди, согласно доказательствам, получили свою часть, но отчитались ли они потом перед своими хозяевами за свою долю - вот в чем вопрос, и что отличает их как свободных агентов, или людей, которые пошли по принуждению своих хозяев; что было оставлено на рассмотрение присяжных, и они признали их *невиновными*.

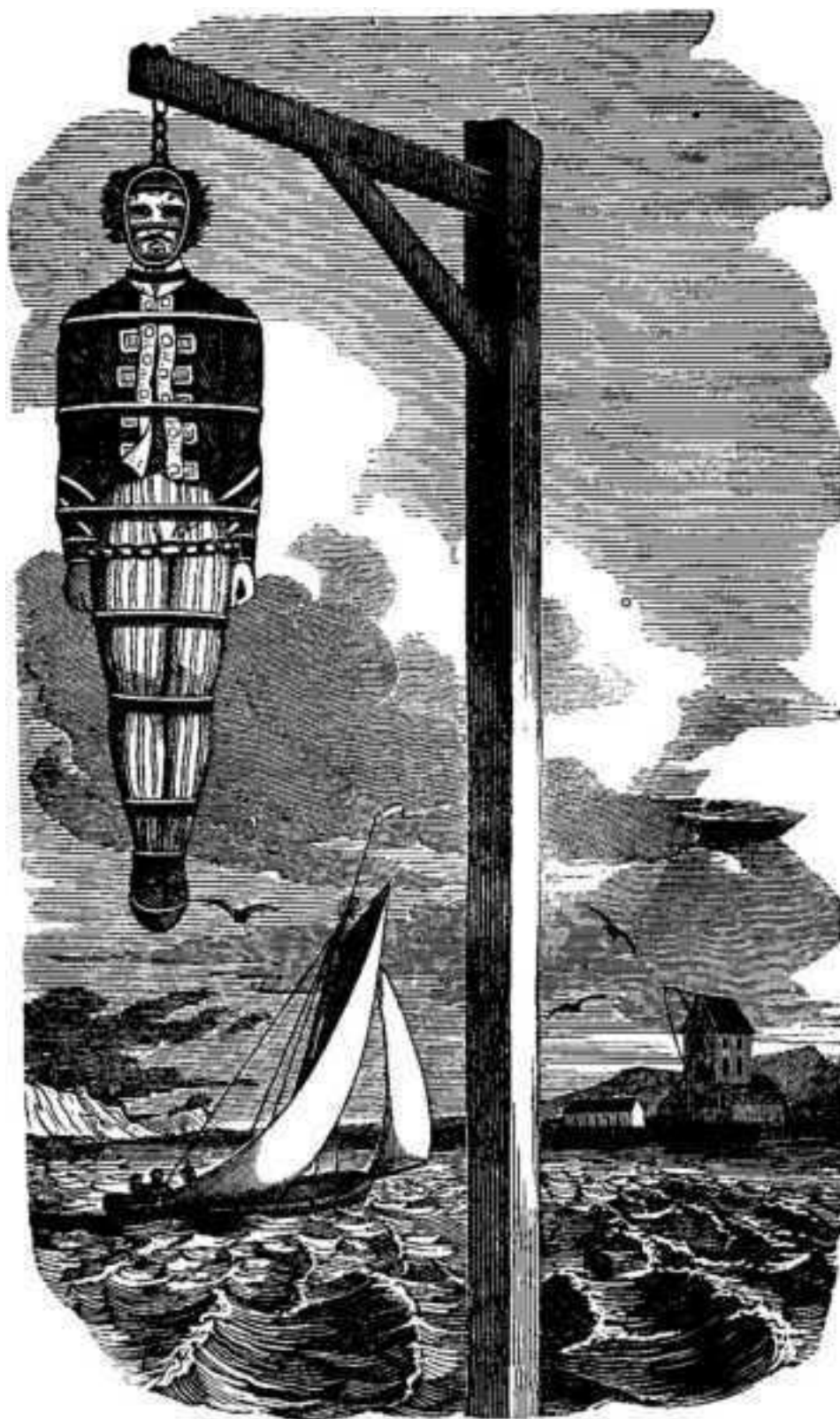
Кидд также был привлечен к суду по обвинению в убийстве, а именно в убийстве Мавра, канонира, и был признан виновным в том же. Николас Черчилль и Джеймс Хоу ходатайствовали о помиловании короля, поскольку сдались в срок, ограниченный прокламацией, и полковник Басс, губернатор Западного Джерси, которому они сдались, будучи в суде и вызванный, доказал то же самое. Однако это заявление было отклонено судом, поскольку в прокламации были указаны четыре комиссара, а именно: капитан Томас Уоррен, Израэль Хейз, губернатор Западного Джерси. Томас Уоррен, Израэль Хейс, Питер Деланнойе и Кристофер Поллард, эсквайры, которые были назначены комиссарами и посланы специально для получения представлений от тех пиратов, которые сдадутся, было решено, что никто другой не имеет права принимать их сдачу, и что они не могут иметь право пользоваться упомянутой прокламацией, поскольку они не выполнили все ее условия.

Дарби Маллинз в свою защиту утверждал, что он служил по королевскому приказу и поэтому не мог ослушаться своего командира, не понеся при этом больших наказаний; что всякий раз, когда корабль или корабли отправлялись в экспедицию по королевскому приказу, людям никогда не позволялось требовать от своих офицеров отчета, почему они поступили так или иначе, поскольку такая вольность разрушила бы всю дисциплину; что если что-то было сделано незаконно, офицеры должны были ответить, поскольку люди выполняли не более чем свой долг, повинаясь приказам. Суд сказал ему, что действия комиссии оправданы в том, что законно, но не в том, что незаконно. Он ответил, что не нуждается ни в чем, что оправдывало бы его в том, что было законным, но дело моряков должно быть очень тяжелым, если они должны подвергаться такой опасности за то, что подчиняются приказам своих офицеров, и наказываться за то, что не подчиняются им; и если бы им было позволено оспаривать приказы, то на море не могло бы быть такого понятия, как командование.

Это, казалось, было лучшей защитой, которую можно было выдержать; но то, что он взял себе часть награбленного, что матросы несколько раз бунтовали на борту и брали на себя управление капитаном, показало, что они не подчинялись приказу, и что они действовали во всем по обычаю пиратов и вольных разбойников, что, согласившись с присяжными, они признали его виновным вместе со всеми остальными.

Что касается защиты капитана Кидда, то он много настаивал на своей невинности и злодействе своих людей. Он сказал, что отправился на похвальное дело и не имел случая, будучи в то время в хороших обстоятельствах, заниматься пиратством; что люди часто бунтовали против него и делали все, что хотели; что ему угрожали расстрелом в каюте, и что девяносто пять человек покинули его в одно время и подожгли его лодку, так что он был лишен возможности вернуть свой корабль домой или взятые им призы, чтобы их регулярно осудили, которые, по его словам, были взяты в силу комиссии за широкой печатью, у них

были французские пропуска. Капитан вызвал к себе полковника Хьюсона, который дал ему необыкновенную характеристику и заявил суду, что служил под его командованием и участвовал в двух схватках с ним против французов, в которых тот сражался так хорошо, как никто из тех, кого он когда-либо видел; что против месье дю Касса, командовавшего эскадрой из шести парусов, были только корабль Кидда и его собственный, и они одержали над ним верх. Но эти сведения, полученные за несколько лет до совершения фактов, упомянутых в обвинительном заключении, не оказали никакой пользы заключенному на суде.

Капитан Кидд висит в цепях.

Что касается дружбы с Каллифордом, известным пиратом, то Кидд отрицал это и сказал, что намеревался взять его, но его люди, состоящие из негодяев и злодеев, отказались поддержать его, и несколько из них убежали с его корабля к указанному пирату. Но улики были полными и конкретными против него, и он был признан виновным, как уже говорилось выше.

Когда Кидда спросили, что он может сказать, почему приговор не должен быть вынесен против него, он ответил, что *ему нечего сказать, кроме того, что против него поклялись лживые и нечестивые люди*. И когда приговор был оглашен, он сказал: *"Милорд, это очень тяжелый приговор. Со своей стороны, я самый невинный человек из всех, только против меня поклялись лживые люди"*.

Поэтому примерно через неделю после этого капитан Кидд, Николас Черчилль, Джеймс Хау, Габриэль Лофф, Хью Пэррот, Абель Оуэн и Дарби Маллинз были казнены в Казенной пристани, а затем повешены на цепях на некотором расстоянии друг от друга вниз по реке, где их тела провисели открытыми в течение многих лет.

Кидд умер тяжело, так как веревка, которой он был привязан в первый раз, порвалась под его весом, и он рухнул на землю. Его связали во второй раз, и более эффективно. Отсюда и пошла история о том, что Кидда повесили дважды.

Такова подлинная история капитана Кидда, но она породила бесчисленное множество преданий. Сообщение о том, что он зарыл огромные сокровища из золота и серебра, что он и сделал перед арестом, всколыхнуло мозги всех добрых людей на побережье. Ходили слухи о больших суммах денег, найденных то тут, то там, то в одной части страны, то в другой; о монетах с мавританскими надписями, несомненно, трофеях его восточных призов.

Некоторые сообщали, что сокровища были зарыты в уединенных, неблагоустроенных местах в районе Плимута и Кейп-Кода; но со временем эти слухи озолотили и другие районы, причем не только восточное побережье, но и берега Саунда, и даже Манхэттен и Лонг-Айленд. На самом деле энергичные меры лорда Белламонта вызвали внезапное смятение среди пиратов во всех частях провинций; они спрятали свои деньги и драгоценности в одиноких безлюдных местах, на диких берегах морского побережья и рассеялись по всей стране. Рука правосудия не позволила многим из них когда-либо вернуться, чтобы вернуть свои зарытые сокровища, которые и по сей день остаются запрятанными и безвозвратно потерянными. Отсюда и частые сообщения о деревьях и скалах с таинственными знаками, которые, как предполагается, указывают на места, где спрятаны сокровища; и многие из них были разграблены в поисках добычи пиратов. Скалистое место на берегу Лонг-Айленда, называемое Киддс-Ледж, привлекло большое внимание искателей денег, но они пока не обнаружили никаких сокровищ.

КРОВАВАЯ КАРЬЕРА И КАЗНЬ ВИНСЕНТА БЕНАВИДЕСА, ПИРАТА ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

Винсент Бенавидес был сыном начальника тюрьмы Квирихуэ в округе Консепшн. Он отличался свирепым нравом и был виновен в нескольких убийствах. С началом революционной войны он поступил рядовым в армию патриотов, а во время первой чилийской революции был сержантом гренадеров. Однако он дезертировал к испанцам и был взят в плен на их службе, когда они потерпели на равнинах Майпо, 5 апреля 1818 года, поражение, которое решило их судьбу в этой части Америки и обеспечило независимость Чили. Бенавидес, его брат и еще несколько предателей чилийского дела были приговорены

к смерти и выведены на Плазу, или общественную площадь Сантьяго, чтобы быть расстрелянными. Бенавидес, хотя и был тяжело ранен выстрелом, не погиб; но у него хватило ума притвориться мертвым так безупречно, что обман не был заподозрен. Тела предателей не похоронили, а оттащили на некоторое расстояние и оставили на съедение галлиназосам или стервятникам. Сержант, руководивший этой частью церемонии, питал личную ненависть к Бенавидесу за то, что тот убил нескольких его родственников; чтобы отомстить, он выхватил меч и нанес мертвому телу (как ему казалось) сильную рану в бок, когда его тащили. Решительный Бенавидес стойко перенес и это, не дрогнув и не проявив ни малейшего признака жизни; нельзя не пожалеть, что столь решительная сила выносливости не была обращена к лучшей цели.

Бенавидес лежал, как мертвец, в куче трупов, пока не стемнело; затем, пронзенный пулей и израненный шпагой, он дополз до соседнего домика, обитатели которого приняли его с величайшей добротой и ухаживали за ним с величайшей заботой.

Дерзкий негодяй, знавший цену своим талантам и храбрости, зная, что генерал Сан-Мартин планирует экспедицию в Перу, в которой будет много отчаяния и опасностей, послал генералу весточку, что он жив, и пригласил его на тайное совещание в полночь, в той же площади, где, как считалось, был застрелен Бенавидес. Было решено, что по сигналу они должны трижды ударить кремнями по огню, так как на этот сигнал вряд ли откликнется кто-то, кроме посторонних, и он не должен был возбудить подозрений.

Сан-Мартин, оставшись один и вооружившись пистолетами, встретил десперадо, и после долгого совещания было решено, что Бенавидес должен в это время отправиться против индейцев Араукана, но держать себя в готовности отправиться в Перу, когда это будет необходимо для экспедиции.

Получив необходимые паспорта, он отправился в Чили, где, вновь отвлекая чилийцев, ему удалось убедить командующего испанскими войсками, что у него достаточно сил для ведения войны с Чили; в результате командующий удалился в Вальдивию, оставив Бенавидеса командующим всей границей на Биобио.

Очистив таким образом побережье от испанского военачальника, он перешел к арауканам, а точнее, сколотил отряд вооруженных разбойников, которые совершали любые жестокости и были виновны в любом коварстве на юге Чили. Куда бы ни приходил Бенавидес, его шаги были отмечены кровью, а старики, женщины и дети были зарезаны, чтобы не выдать его передвижения.

Когда он стал грозным на суше, он решил быть столь же могущественным на море. Он снарядил корсара с инструкцией захватывать суда всех народов; а поскольку Араукан находится прямо напротив острова Санта-Мария, куда заходят суда, чтобы подкрепиться, после того как обогнут мыс Горн, его положение было вполне подходящим для его цели. Он был слишком удачлив. Первым его призом стал американский корабль Неро, который он захватил врасплох ночью; вторым - бриг Herculia, принадлежащий той же стране. Когда бессознательная команда, как обычно, занималась ловлей тюленей на этом острове, лежащем примерно в трех лигах от основной земли Араука, из леса выбежала группа вооруженных людей и, одолев их, связала им руки и оставила под охраной на берегу. Это были не кто иные, как пираты, которые теперь взяли лодки "Геркулии" и, поднявшись на борт, застали врасплох капитана и четырех членов его команды, оставшихся присматривать за бригам, и, выведя пленников с берега, бросили их всех в трюм, закрыв за ними люки. Затем они бросили якорь и с триумфом отплыли в Арауку, где были приняты Бенавидесом с салютом из мушкетов под испанским флагом, который их вождь с удовольствием поднял в

этот день. В течение следующей ночи Бенавидес приказал отвести капитана и его команду в дом на берегу, на некотором расстоянии от города; затем, выводя их одного за другим, он раздевал и грабил все, что у них было, угрожая им все время шпагами и заряженными мушкетами. На следующее утро он нанес пленникам визит и приказал им отправиться в столицу, созвал главных людей города и попросил каждого выбрать одного из них в качестве слуги. Капитан и четверо других не пришли по вкусу никому, и Бенавидес, сказав, что сам возьмет на себя ответственность за капитана, под страхом немедленной смерти приказал кому-нибудь отвечать за остальных пленников. Через несколько дней после этого их собрали вместе и потребовали служить солдатами в армии пиратов; на этот приказ они согласились, прекрасно понимая по тому, что уже видели, что отказ будет фатальным.

Бенавидес, хотя и был, несомненно, свирепым дикарем, тем не менее, оказался человеком находчивым, деятельным и обладающим значительной энергией характера. Он переделал китовые копья и гарпуны в копья для своей кавалерии и алебарды для сержантов; из парусов он сделал брюки для половины своей армии; плотников он заставил работать над повозками для багажа и ремонтом лодок; оружейников он держал постоянно за работой, чинил мушкеты и делал пики; таким образом, ему удалось обратить умение каждого из своих пленников на какой-нибудь полезный счет. К офицерам он тоже относился небезразлично, позволял им жить в своем доме и во всех случаях очень хотел получить их совет по поводу снаряжения своих войск.

Однажды, прогуливаясь с капитаном Геркулия, он заметил, что его армия теперь почти полностью укомплектована во всех отношениях, за исключением одной существенной детали, и ему, по его словам, было больно думать о таком недостатке; У него не было труб для кавалерии, и он добавил, что совершенно невозможно заставить ребят считать себя драгунами, если они не будут слышать звуки трубы на каждом шагу; и ни люди, ни лошади никогда не будут выполнять свой долг должным образом, если их не побудит к этому звуком трубы; короче говоря, он заявил, что необходимо придумать какое-нибудь средство для обеспечения этого снаряжения. Капитан, желая задобрить пирата, после недолгих раздумий подсказал ему, что трубы можно легко сделать из медных листов на днищах захваченных им судов. "Совершенно верно, - вскричал обрадованный вождь, - как же я раньше об этом не подумал?" Мгновенно все руки были заняты сдиранием меди, а оружейники под его личным руководством принялись за работу, и до ночи весь лагерь оглашался воинственными криками кавалерии.

Капитан корабля, подавший ему блестящую идею о медных трубах, с помощью этих средств настолько завоевал его расположение и доверие, что ему было разрешено гулять на значительном расстоянии. Разумеется, он постоянно искал какой-нибудь план побега, и вот, когда представилась возможность, он вместе с помощником капитана "Океана" и девятью членами его команды захватил две китовые лодки, неосмотрительно оставленные на берегу реки, и отчалил. Прежде чем отчалить от берега, они позаботились о том, чтобы укрыть все остальные лодки от преследования, и, хотя их побег был сразу же обнаружен, им удалось так отвлечь людей, которых Бенавидес послал за ними в погоню, что они благополучно достигли острова Святой Марии. Здесь они поймали несколько тюленей, на которых очень скудно продержались, пока не добрались до Вальпараисо. Вследствие того, что Бенавидес доложил об их действиях главнокомандующему сэру Томасу Харди, тот счел нужным послать корабль, чтобы спасти, если возможно, оставшихся в Арауке несчастных пленников.

Бенавидес укомплектовал "Геркулию", а его помощник (капитан и команда были задержаны в качестве заложников) отправился с бригом в Чили и попросил помощи у испанского губернатора. Вернулся "Геркулий" с двадцатичетырехфунтовым орудием, двумя

фельдфебелями, одиннадцатью испанскими офицерами и двадцатью солдатами, а также с самыми лестными письмами и поздравлениями достойному союзнику Его Католического Величества. Вскоре после этого он захватил английский китобой "Персеверанс" и американский бриг "Оушен", направлявшийся в Лиму, с несколькими тысячами единиц оружия на борту. Капитан судна "Геркулия", помощник капитана "Оушена" и несколько человек, претерпев большие лишения, высадились в Вальпараисо и уведомили о действиях Бенавидеса; в связи с этим сэр Томас Харди приказал капитану Холлу отправиться в Арауку с конвоем, чтобы освободить пленников, если это возможно.

Именно для выполнения этой задачи капитан Холл отплыл из Вальпараисо; по пути он зашел в Консепшн, чтобы собрать информацию о пирате. Здесь капитан убедился, что Бенавидес находится между двумя значительными частями чилийских войск на чилийской стороне Биобио, а одна из этих частей - между ним и рекой.

Прождав два дня в Консепшене, капитан Холл занял их наблюдением за местностью; он описывает ее как зеленую и плодородную, не похожую на сухие и пустынные окрестности Вальпараисо. На берегах залива в изобилии растут овощи, древесина, а также угли.

12 октября капитан узнал о поражении Бенавидеса и его бегстве в одиночку через Биобио в страну арауканов, а также о том, что двое американцев, которых он взял с собой, сбежали и находятся на борту "Чакабуко". Поскольку это были единственные люди, которые могли дать капитану Холлу информацию о пленниках, которых он искал, он отправился на поиски судна и после двух дней поисков нашел его на якоре у острова Моча. Оттуда он узнал, что капитан "Океана" с несколькими английскими и американскими моряками был оставлен в Арауке, когда Бенавидес отправился в экспедицию, и немедленно отплыл туда.

Однако он опоздал: чилийские войска уже совершили успешную атаку, и индейцы бежали, поджигая город и корабли. Индейцы, вступившие в союз с чилийцами, были столь же дикими, как и те, что объединились под командованием Бенавидеса. Капитан Холл по возвращении в Консепшн, хотя губернатор и отговаривал его от этого, посетил индейский лагерь.

Когда капитан и его спутники вошли во двор, они увидели, что на земле, вокруг большой кадки с вином, сидят люди, которые приветствовали их громкими криками или, скорее, воплями, и шумно требовали, чтобы они занялись своим делом; судя по всему, они были очень недовольны тем, что их прервали. Переводчик встревожился и пожелал им удалиться, но капитан счел это неосмотрительным, поскольку у каждого из них под рукой было длинное копье, упирающееся в карниз дома. Если бы они попытались бежать, то были бы схвачены и, возможно, принесены в жертву этими пьяными дикарями. Поскольку лучшим шансом было отнестись к ним без всякого недоверия, они подошли к кругу с добродушной уверенностью, что значительно успокоило их. Один из них поднялся и обнял их на индейский манер, которому они научились у джентльменов, бывших в плену у Бенавидеса. После этой церемонии они с ревом предложили им сесть на землю и с самым бурным гостеприимством настаивали на том, чтобы они выпили с ними; просьбу эту они с радостью выполнили. Их гнев вскоре исчез, сменившись весельем и удовлетворением, которые быстро стали столь же возмутительными, как и их недовольство вначале. Воспользовавшись благоприятным случаем, капитан Холл заявил о своем желании побеседовать с их вождем, после чего ему было отправлено послание; но он не счел нужным показываться в течение значительного времени, в течение которого они оставались с компанией вокруг бадьи, продолжая наливать вино, как многие свиньи. Вскоре у них заболели головы, а их упрямое веселье усиливалось с каждой минутой, и положение чужеземцев стало отнюдь не приятным.

В конце концов дверь Пенелео открылась, и появился вождь; он, однако, не соизволил переступить порог, а прислонился к дверному столбу, чтобы не упасть, так как был пьян в несколько раз сильнее всех своих людей. Более совершенного изображения дикаря невозможно придумать. Это был высокий, широкоплечий человек с непомерно большой головой и квадратным раздутым лицом, из которого выглядывали два очень маленьких глаза, частично скрытые огромным количеством черных, грубых, жирных, прямых волос, покрывавших его щеки, свисавших до плеч и делавших его голову по форме и размеру похожей на пчелиный улей. На плечи было наброшено пончо из грубого одеяла. Он принял их очень грубо, выглядел раздраженным и сердитым из-за того, что его побеспокоили; он еще больше обиделся, когда узнал, что они хотят увидеть его пленницу. Они тщетно пытались объяснить им свои истинные взгляды, но он пробурчал в ответ тоном и манерой, которые ясно показали им, что он не понимает и не желает понимать их.

Разговаривая с Пенелео, они время от времени бросали взгляд на его апартаменты. У огня, горевшего посреди пола, сидела молодая индианка с длинными черными волосами, доходившими до земли; это, по их мнению, могла быть не кто иная, как одна из тех несчастных, которых они искали; и они были несколько разочарованы, заметив, что женщина не плакала и не была, по-видимому, очень несчастна; поэтому они ушли с несентиментальной мыслью, что любезный Пенелео уже произвел некоторое впечатление на ее юное сердце.

Два индейца, которые были не так пьяны, как остальные, последовали за ними к выходу со двора и рассказали, что несколько иностранцев были захвачены чилийцами в битве под Чилианом и теперь находятся в безопасности. Переводчик намекнул им, что все это, вероятно, выдумали эти хитрые люди, услышав их вопросы в суде; однако он посоветовал им из соображений безопасности дать каждому по куску денег и убраться как можно дальше.

Капитан Холл вернулся в Консепшн 23 октября, 26-го добрался до Вальпараисо, а через две недели после этого люди, которых он искал, объявились.

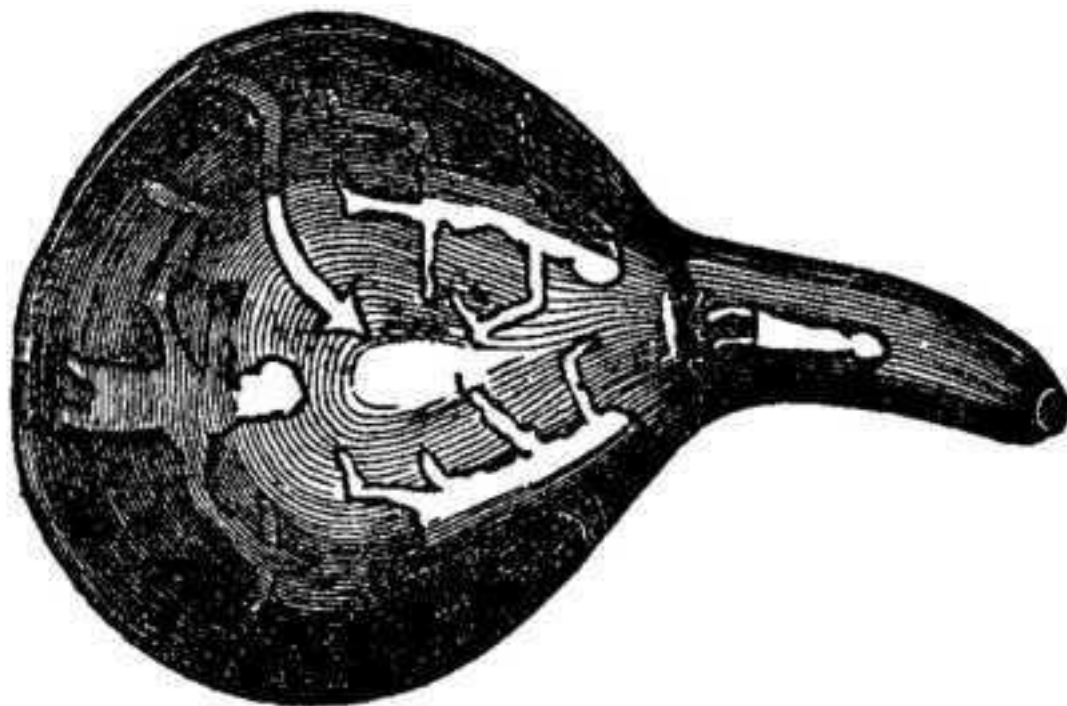
Кровавая карьера Бенавидеса подошла к концу. От поражения на чилийской стороне Биобио и сожжения Арауки с потерей своих судов он так и не смог оправиться. Наконец, в конце декабря 1821 года, осознав жалкое состояние, в котором он оказался, он обратился к интенданту Консепции с просьбой принять его, сдавшись вместе со своими партизанами. Этот великодушный вождь принял его предложение и сообщил верховному правительству; тем временем Бенавидес сел в шлюпку в устье реки Лебо и бежал, намереваясь присоединиться к одной из дивизий вражеской армии, которая, как он предполагал, находилась в одном из портов на южном побережье Перу. Нелепо было ожидать от такого интригана какой-либо добросовестности, ведь в своих письмах в это время он предлагал свои услуги Чили и обещал верность, в то время как его истинным намерением было преследовать врага. В конце концов он покинул несчастную провинцию Консепшн, где разыгралось столько бед, подавленный несчастьем, которое он причинил, не вспоминая, что именно в этой провинции он впервые испустил дух.

Его отчаяние в лодке сделало его поведение невыносимым для тех, кто его сопровождал, и они обрадовались, когда им пришлось зайти в гавань Топокалмы в поисках воды, которой у них не хватало. Теперь он был арестован некоторыми патриотически настроенными людьми. Судя по известности его преступлений, даже самый беспристрастный человек осудил бы его на последнюю меру наказания; но верховное правительство пожелало услышать, что он скажет сам, и приказало судить его в соответствии с законами. На суде выяснилось, что он поставил себя вне законов общества, и ему было назначено такое наказание, какого

заслуживало любое из его преступлений. Как пират, он заслуживал смерти, а как разрушитель целых городов, необходимо было предать его смерти таким образом, чтобы удовлетворить возмущенное человечество и устрасить тех, кто осмелится ему подражать. Во исполнение вынесенного ему приговора его вытащили из тюрьмы в телеге, привязанной к хвосту мула, и повесили на большой площади; после этого ему отрубили голову и руки, чтобы водрузить их на высокие столбы, указывающие на места его ужасных преступлений - Санта-Хуону, Тарпельянку и Арауку.

Голова Бенавидеса, прикрепленная к столбу.

ЖИЗНЬ КАПИТАНА ДЭВИСА

С рассказом о том, как он удивил форт в Гамбии

Дэвис родился в Монмутшире и с детства был приучен к морю. Его последнее плавание из Англии было на шлюпе "Кадоган" из Бристоля в должности старшего помощника. Это судно было захвачено пиратом Инглендом на побережье Гвинеи, чьи компаньоны разграбили команду и убили капитана, о чем рассказывается в житии Ингленда.

После смерти капитана Скиннера Дэвис притворился, что Англия уговаривала его стать пиратом, но он решительно отказался. Он добавил, что Англия, довольная его поведением, назначила его капитаном вместо Скиннера, дав ему запечатанную бумагу, которую он не должен был открывать, пока не окажется на определенной широте, а затем четко следовать данным указаниям. Прибыв в назначенное место, он собрал всю команду и торжественно зачитал свои запечатанные инструкции, в которых содержалось щедрое пожалование корабля и всех его запасов Дэвису и его команде, просьба отправиться в Бразилию, распорядиться грузом с наибольшей выгодой и произвести равный раздел денег.

Затем Дэвис велел команде дать понять, склонны ли они следовать такому образу жизни, но, к его изумлению и досаде, большинство положительно отказалось. Тогда в порыве ярости он приказал им идти куда хотят.

Зная, что часть груза предназначалась купцам на Барбадосе, они направили свой курс туда. Прибыв туда, они сообщили купцам о несчастной смерти Скиннера и о предложении,

которое им было сделано. Дэвис был схвачен и посажен в тюрьму, но, поскольку он никогда не состоял на пиратской службе, ничего нельзя было доказать, чтобы осудить его, и он был освобожден без суда. Убедившись, что после такого разоблачения он уже не сможет надеяться на работу в этом квартале, он отправился на остров Провиденс, который, как он знал, был местом встречи пиратов. Прибыв туда, он был жестоко разочарован, поскольку пираты, часто посещавшие это место, только что приняли помилование Его Величества и сдались.

Капитан Роджерс снарядил два шлюпа для торговли, и Дэвис устроился на один из них, названный "Бак". Они были нагружены европейскими товарами на значительную сумму, которые они должны были продать или обменять у французов и испанцев. Сначала они пристали к острову Мартиника, принадлежащему французам, и Дэвис, зная, что многие из людей ранее состояли на пиратской службе, подговорил их захватить хозяина и бежать со шлюпом. Когда они осуществили свою цель, то окликнули другой корабль, на котором, как они знали, было много людей, готовых к восстанию, и, придя на него, большая часть присоединилась к Дэвису. Тем же, кто не решил присоединиться к ним, было позволено остаться на другом шлюпе и продолжить свой путь, после того как Дэвис разграбил его по своему усмотрению.

В полном распоряжении судна, магазинов и товаров была приготовлена большая чаша пунша; под его бодрящим воздействием было предложено выбрать командира и определить дальнейший образ действий. Вскоре выборы были закончены, и значительное большинство законных голосов было отдано в пользу Дэвиса, и, не требуя проверки, Дэвис был объявлен должным образом избранным. Затем он составил свод законов, в соблюдении которых поклялся сам, и потребовал таких же союзнических обязательств от всех остальных членов команды. Затем он обратился к ним с короткой и подходящей речью, суть которой сводилась к объявлению войны со всем миром.

Затем они посоветовались, в каком месте будет удобнее всего очистить судно, и было решено зайти в Коксонову дыру, в восточной части острова Куба, где они могли оставаться в полной безопасности, так как вход был настолько узким, что один корабль мог не пропускать сто.

Однако им было нелегко починить свое судно, поскольку среди них не было плотника. Они выполнили эту трудоемкую задачу наилучшим образом, на какой были способны, а затем направились к северной стороне острова Испаньола. Первым судном, которое они встретили, был французский корабль с двенадцатью пушками, который они захватили; пока они грабили его, в поле зрения появился другой. Расспросив французов, они узнали, что это корабль с двадцатью четырьмя пушками и шестьюдесятью людьми. Дэвис предложил своей команде напасть на нее, уверяя, что она окажется богатым призом. Это показалось команде столь опасным предприятием, что они были весьма не согласны с этой мерой. Но он сообщил им, что задумал хитрость, которая, как он уверен, увенчается успехом; поэтому они могут смело предоставить это дело его руководству. Затем он начал преследование и приказал своему призу сделать то же самое. Будучи лучшим моряком, он вскоре настиг врага и показал свои черные цвета. Не мало удивившись его дерзости, когда он подошел к ним так близко, они приказали ему ударить. Он ответил, что намерен дать им занятие, пока не подойдет его товарищ, способный с ними поспорить; при этом он заверил их, что если они не нанесут ему удар, то это, несомненно, будет хуже для них; затем он дал им широкий залп, но получил такой же в ответ.

Когда другой пиратский корабль приблизился, они, согласно указаниям Дэвиса, появились на палубе в белых рубашках, что создало видимость численности, француз был запуган и нанес удар. Дэвис приказал капитану и двадцати его людям подняться на борт, и все они, кроме капитана, были заключены в кандалы. Затем он отправил четверых своих людей на другой корабль и, громко обращаясь к ним, попросил передать капитану свое почтение с просьбой прислать достаточное количество людей, чтобы подняться на борт их нового приза и посмотреть, что у них там есть. В то же время он вручил им письменную бумагу с надлежащими инструкциями, вплоть до того, чтобы забить гвозди в маленькие пушки, вынуть все оружие и порох и каждому человеку подняться на борт нового приза. Когда его люди были на борту, он приказал перевести большую часть пленников на пустые суда и таким образом обезопасил себя от любых попыток вернуть свой корабль.

В течение трех дней эти три судна плавали вместе, но, обнаружив, что его поздний приз был тяжелым судном, он опустошил его от всего, в чем нуждался, а затем вернул его капитану со всеми его людьми. Французский капитан был так разгневан тем, что его так жестоко обманули, что, узнав об этой хитрости, бросился бы за борт, если бы ему не помешали его люди.

Тогда капитан Дэвис решил расстаться и с другим призовым кораблем, и вскоре после этого взял курс на север и захватил испанский шлюп. Далее он взял курс на западные острова, а у мыса де Верд бросил якорь у острова Святого Николая и поднял английские флаги. Португальцы предположили, что это капер, и гостеприимно приняли Дэвиса, сойдя на берег, и обменяли с ним те товары, которые сочли наиболее выгодными. Он пробыл здесь пять недель, и вместе с половиной своей команды посетил главный город острова. Дэвис, явившийся в одежде джентльмена, пользовался большим расположением португальцев, и они не жалели ничего, чтобы развлечь и осчастливить его и его людей. Повеселившись в течение недели, они вернулись на корабль и позволили другой половине команды посетить столицу и развлечься таким же образом. Вернувшись, они очистили корабль и вышли в море, но четверо из мужчин были так очарованы здешними дамами и роскошью, что остались на острове, а один из них женился и поселился там.

Дэвис отплыл в Бонависту и, не обнаружив ничего в этой гавани, направился к острову Мэй. Прибыв туда, он обнаружил в гавани несколько судов и разграбил их, взяв все, что посчитал нужным. Он также получил значительное подкрепление из людей, большая часть которых добровольно поступила на пиратскую службу. Кроме того, он освободил один из кораблей, оборудовал его для своих целей и назвал "Король Джеймс". Затем Дэвис отправился в Сент-Джаго, чтобы набрать воды. Когда Дэвис с другими людьми вышел на берег в поисках воды, губернатор спросил, кто они такие, и выразил подозрение, что они пираты. На это Дэвис, казалось, был крайне оскорблен и выразил свое недовольство в самой вежливой, но решительной манере. Тем не менее он поспешил на борт, сообщил об этом своим людям и предложил устроить ночной штурм форта. Соответственно, все его люди были хорошо вооружены, они двинулись на штурм; из-за беспечности стражников они оказались в гарнизоне до того, как жители были встревожены. Узнав о своей опасности, они укрылись в доме губернатора и укрепили его против пиратов, но те, бросив несколько больших снарядов, разрушили мебель и убили несколько человек.

Утром была объявлена тревога, и вся страна собралась, чтобы напасть на них; но, не желая выдерживать осаду, пираты разобрали пушки, разграбили форт и бежали на свои корабли.

Оказавшись в море, они перемерили свои силы и обнаружили, что их семьдесят. Тогда они посоветовались между собой, каким курсом им плыть, и разделились во мнениях; но

большинством голосов было решено плыть в Гамбию, на побережье Гвинеи. Такого же мнения был и капитан, который, занимаясь этим ремеслом, хорошо знал побережье; он сообщил своим спутникам, что в этом замке всегда хранится большое количество денег, и был уверен, что если дело будет поручено ему, то он успешно возьмет штурмом этот форт. Исходя из опыта его прежнего благоразумия и отваги, они с радостью подчинились его указаниям, будучи полностью уверены в успехе.

Прибыв в Гамбию, он приказал всем своим людям спуститься вниз, за исключением тех, кто был необходим для работы на судне, чтобы люди из форта, видя такое малое количество рабочих рук, не заподозрили, что это не торговое судно. Затем он подплыл к форту и бросил якорь, и, приказав вытащить лодку, укомплектованную шестью безразлично одетыми людьми, он вместе с хозяином и доктором оделись как джентльмены, чтобы одна партия выглядела как фореиторы, а другая - как купцы. Гребя к берегу, он проинструктировал своих людей, что говорить, если гарнизон будет задавать им вопросы.

Высадившись на берег, партия была проведена в форт под командой мушкетеров и любезно принята губернатором, который поинтересовался, кто они такие и откуда прибыли? Они ответили, что прибыли из Ливерпуля и направлялись к реке Сенегал, чтобы торговать жвачкой и слоновыми зубами; но на том берегу их преследовали два французских корабля, и они едва избежали захвата. "Теперь мы настроены, - продолжал Дэвис, - извлечь из нашего плавания максимальную выгоду и охотно торгуем здесь рабами". Затем губернатор поинтересовался, каковы основные предметы их груза. Они ответили, что это железо и пластины, которые были необходимыми предметами в этом месте. Тогда губернатор сказал, что отдаст им рабов за весь их груз, и спросил, есть ли у них на борту европейские спиртные напитки. Они ответили, что у них есть немного для собственного употребления, но что он должен получить корзину этого спиртного. Затем он отнесся к ним с величайшей вежливостью и пожелал, чтобы все они отобедали с ним. Дэвис ответил, что, поскольку он командир судна, ему придется спуститься вниз, чтобы проверить, правильно ли оно пришвартовано, и дать некоторые другие указания; но эти джентльмены могут остаться, а он вернется перед ужином и принесет с собой корзину.

Находясь в форте, он внимательно изучал расположение оружия и способы наиболее успешного захвата форта. Он обнаружил, что возле караульного помещения, в котором в углу было сложено множество оружия, стоит часовой, а в губернаторском зале находится значительное количество стрелкового оружия. Поднявшись на борт, он приказал нескольким людям подняться на шлюп, стоявший на якорю, чтобы, услышав шум, они не пришли на помощь замку; затем, пожелав своим людям не пить слишком много спиртного и быть готовыми, когда он поднимет флаг со стен, прийти ему на помощь, он направился к замку.

Приняв эти меры предосторожности, он приказал каждому человеку, который должен был его сопровождать, вооружиться двумя пистолетами, что он и сделал, спрятав их под одеждой. Затем он велел им войти в караульное помещение и начать разговор, а сразу после того, как он выстрелит из пистолета в окно губернатора, закрыть людей и спрятать оружие в караульном помещении.

Когда прибыл Дэвис, ужин еще не был готов, губернатор предложил им скоротать время за приготовлением пунша. Присутствовавший при этом боцман Дэвиса имел возможность осмотреть все части дома и понаблюдать за их силой. Он шепнул об этом своему хозяину, который, будучи окружен своими друзьями и видя, что губернатора не сопровождает никто из его свиты, приставил пистолет к груди последнего, сообщив ему, что он покойник, если не

сдаст форт и все его богатства. Губернатор, застигнутый врасплох, был вынужден подчиниться, так как Дэвис снял все пистолеты, висевшие в зале, и зарядил их. Затем он выстрелил из своего пистолета в окно. Его люди разбежались, как львы, подали свои пистолеты солдатам, и пока одни выносили оружие, другие охраняли военных и закрыли их всех в караульном помещении, поставив на двери стражу. Затем один из них сбил флаг Союза на вершине замка, и люди с судна, заметив это, бросились в бой, и в одно мгновение овладели замком, без беспорядков и кровопролития.

После этого Дэвис побеседовал с солдатами, многие из которых записались к нему в армию; а тех, кто отказался, он посадил на борт небольших кораблей и, чтобы предотвратить необходимость охраны или возможность побега, снял паруса, такелаж и тросы.

Этот день прошел в пиршествах и ликовании, замок салютовал кораблю, а корабль - замку, а на следующий день они приступили к осмотру содержимого своего приза. Однако их ожидания были сильно разочарованы: за несколько дней до этого была отправлена большая сумма денег. Однако они нашли деньги на сумму около двух тысяч фунтов золотом и множество ценных предметов разного рода. Они взяли на борт своего судна все, что посчитали нужным, отдали несколько предметов капитану и команде небольшого судна и позволили им отплыть, а сами разобрали пушки и разрушили укрепления.

Совершив все злодеяния, какие только могли придумать их порочные умы, они бросили якорь; но тем временем, заметив парус, несущийся к ним со всей возможной скоростью, они поспешили приготовиться к его приему и направились к нему. Приблизившись, они обнаружили, что это французский пират с четырнадцатью пушками и шестьюдесятью четырьмя людьми, из которых одна половина была французами, а другая - неграми.

Француз очень рассчитывал на богатый приз, но когда он приблизился, то по количеству пушек и людей заподозрил, что это небольшой английский корабль; несмотря на это, он решился на смелую попытку взять его на abordаж и немедленно выстрелил из пушки и поднял свои черные цвета: Дэвис немедленно ответил ему комплиментом. Француз был очень рад этому открытию; оба подняли свои шляпки и поздравили друг друга. Взаимные любезности и добрые услуги прошли, и французский капитан предложил Дэвису проплыть с ним вдоль побережья, чтобы присмотреть корабль получше, заверив его, что первый же, который удастся захватить, будет его, поскольку он всегда готов поощрить трудолюбивого брата.

Сначала они причалили к Сьерра-Леоне, где заметили большое судно, и Дэвис, будучи более быстрым моряком, первым подошел к нему. Он был несколько удивлен тем, что она не попыталась уйти, и начал подозревать ее в силе. Когда он подошел к ней, она открыла огонь на весь борт и подняла черные флаги. Дэвис сделал то же самое и выстрелил из пушки с подветренной стороны. Эти братья по беззаконию испытывали взаимное удовлетворение, получив таким образом дополнительные силы и возможности для более грозных приключений. Два дня прошли в веселье и песнях, а на третий Дэвис и Кохлин, капитан нового конфедерата, согласились отправиться на французском пиратском корабле для нападения на форт. Когда они приблизились, люди в форте, опасаясь их характера и намерений, сразу же открыли по ним огонь из всех пушек. Корабль открыл ответный огонь и продержался до прибытия двух других кораблей, когда люди в форте, увидев такое количество людей на борту, потеряли мужество и бросили форт на милость разбойников.

Они завладели им, оставались там семь недель и очистили свои суда. Затем они созвали военный совет, чтобы обсудить дальнейшие действия, и было решено плыть вдоль побережья в компании, а для большей регулярности и величия commodором был выбран

Дэвис. Однако этот опасный враг, крепкий напиток, едва не посеял семена раздора среди этих любящих друг друга братьев. Но Дэвис, одинаково готовый как к совету, так и к войне, обратился к ним со следующей речью: "Слушайте, вы, Кохлин и Ла Бойс (так звали французского капитана), я вижу, что, укрепляя вас, я вложил вам в руки прут, чтобы бичевать себя; но я все еще в состоянии справиться с вами обоими; однако, поскольку мы встретились в любви, давайте расстанемся в любви, ибо я нахожу, что трое в одном деле никогда не могут долго соглашаться друг с другом". После этого двое других отправились на борт своих кораблей и легли на разные курсы.

Дэвис держался побережья и, достигнув мыса Апполония, захватил три судна, два английских и одно шотландское, разграбил их и позволил им продолжать путь. Через пять дней после этого он встретился с голландцем с тридцатью пушками и девяноста людьми. Она обстреляла Дэвиса и убила девять его людей; завязалась отчаянная схватка, которая продолжалась с часу дня до девяти утра, когда голландец нанес удар.

Дэвис снарядил корабль для пиратской службы и назвал его "Ровер". С двумя кораблями он отправился в бухту Анамабоа, куда вошел около полудня, и захватил несколько судов, которые ждали там негров, золото и слоновьи зубы. Дэвис подарил одно из этих судов голландскому капитану и его команде и разрешил им отправиться на поиски своей удачи. Когда в форте узнали, что это пираты, они открыли по ним огонь, но безрезультатно; Дэвис тоже открыл огонь, поднял черные флаги, но счел благоразумным удалиться.

На следующий день после того, как он покинул Анамабоа, человек, стоявший у форштевня, обнаружил парус. Следует сообщить нашим читателям, что, согласно пиратским законам, тот, кто первым обнаружит судно, имеет право на лучшую пару пистолетов на корабле, а они так почетны, что пару из них, как известно, продают за тридцать фунтов.

Дэвис преследовал судно, которое, оказавшись между ним и берегом, изо всех сил старалось сесть на мель. Дэвис, заметив это, встал между ней и сушей и выстрелил в нее из ружья, но она тут же упала. Корабль оказался очень богатым призом: на его борту находился губернатор Акры со всем своим имуществом, направлявшийся в Голландию. На корабле было денег на сумму в пятнадцать тысяч фунтов, кроме того, большое количество купеческих товаров и других ценных вещей.

Не успели они достичь острова Принсес, как "Сент-Джеймс" дал течь, поэтому людей и ценные вещи пересадили на собственный корабль Дэвиса. Когда он подошел к форту, то поднял английские флаги. Португальцы, увидев большой корабль, плывущий к берегу, послали шлюп, чтобы узнать его характер и назначение. Дэвис сообщил им, что это английский военный корабль, отправленный на поиски пиратов, которые, как они слышали, находятся в этом квартале. После этого его ввели в порт и поставили на якорь под пушками форта. Губернатор был рад видеть англичан в своей гавани и, чтобы оказать честь Дэвису, послал группу мушкетеров проводить его в форт, а Дэвис, чтобы скрыть свой замысел, приказал девяти людям, по обычаю англичан, грести его к берегу.

Дэвис также воспользовался этой возможностью, чтобы почистить и подготовить все необходимое для возобновления своих операций. Однако он не мог спокойно покинуть форт, не получив часть богатств острова. Он разработал план, как достичь своей цели, и сообщил его своим людям. Он задумал подарить губернатору несколько негров в обмен на его доброту; затем пригласить его с несколькими главными людьми и монахами, принадлежащими острову, отобедать на борту его корабля и держать их всех под кандалами, пока каждый из них не даст большой выкуп. Они получили соответствующее приглашение и с готовностью согласились отправиться в путь: считая себя польщенными его вниманием,

все, кто был приглашен, непременно поднялись бы на борт. Однако, к счастью для них, один негр, который был посвящен в ужасный план Дэвиса, ночью выплыл на берег и сообщил губернатору об опасности.

Отступление пиратов и смерть капитана Дэвиса.

Губернатор провел всю ночь, укрепляя оборону и расставляя людей в наиболее выгодных местах. Вскоре после рассвета пираты с капитаном Дэвисом во главе высадились из лодок и быстро направились по открытому пространству к форту. Из форта по ним был открыт шквальный огонь, на который они ответили энергичным огнем. В конце концов ручная граната, брошенная с деревянной веранды форта, убила трех пиратов, но несколько португальцев были убиты. Веранда форта была деревянной и очень сухой, поэтому пираты подожгли ее. Это было большим преимуществом для атакующей стороны, которая теперь могла различать тех, кто находился в форте, не будучи так хорошо видимой самой; но в этот момент капитан Дэвис упал, смертельно раненный мушкетным шаром в живот. Падение их вождя и решительное сопротивление тех, кто находился в форте, остановили стремительность нападавших. Они заколебались и, наконец, отступили, унося с собой раненого командира. Португальцы, ободренные и ведомые губернатором, перешли в наступление. Но отступление пиратов было организованным: они стреляли и отступали один за другим. Они сдерживали португальцев до тех пор, пока те не добрались до лодок, тогда была предпринята атака и завязался ожесточенный бой. Но пираты потеряли слишком много людей, а без своего капитана чувствовали себя подавленными. Когда Дэвиса в предсмертной агонии подняли в лодку, он выстрелил из пистолета в своих преследователей. Теперь они изо всех сил пытались скрыться от мушкетов португальцев, которые преследовали их по берегу реки, досаждая им при отступлении к судну. А те, кто находился на борту и ожидал получить сокровища, не получили ничего, кроме раненых товарищей и мертвого командира.

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛАЙСКИХ ПИРАТОВ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА.

С описанием экспедиции против жителей Куалла-Батту под командованием коммодора Даунса

Один взгляд на карту Ост-Индских островов убеждает нас в том, что этот регион земного шара, в силу своей природной конфигурации и местоположения, должен быть особенно подвержен пиратству. Эти острова образуют огромное скопление, лежащее словно на большой дороге, соединяющей торговые страны Европы и Азии друг с другом, и предоставляющее сотню мест, откуда можно укрыться путешественнику. В то же время большая часть населения приурочена к побережью или устьям рек; это рыбаки и мореплаватели; они варвары и бедняки, а потому хищные, неверные и кровожадные. Эти обстоятельства, надо признать, сильно способствуют формированию пиратского характера. Поэтому неудивительно, что малайцы были известны своими грабежами с самого первого знакомства с ними.

Среди племен Индийских островов, наиболее известных своими пиратствами, конечно же, самые праздные и наименее трудолюбивые, и особенно те, которые не привыкли заниматься сельским хозяйством или торговлей в качестве регулярных занятий. Земледельческие племена Явы и многие жители Суматры вообще никогда не занимаются пиратством, а наиболее цивилизованные обитатели Целебеса очень мало пристрастны к этому пороку.

Среди самых закоренелых пиратов - настоящие малайцы, населяющие небольшие острова у восточной оконечности Малаккского пролива, а также острова, лежащие между Суматрой и Борнео, вплоть до Биллитина и Кавиматтира. Еще более известными, чем эти, являются жители некоторых островов, расположенных между Борнео и Филлипинами, из которых самыми отчаянными и предприимчивыми являются сооло и илланоны, первые населяют

хорошо известную группу островов того же названия, а вторые являются одним из самых многочисленных народов большого острова Магиндандо. Набеги собственно малайцев простираются от Джанксейлона до Явы, через все ее побережье, вплоть до Грива, Папира и Критти, на Борнео и западном побережье Целебеса. В другом направлении они проникают в каботажную торговлю кочинских китайцев и сиамцев в Сиамском заливе, находя сбыт своей добыче и убежище в портах Трингем, Калантан и Саханг. Наиболее известными пиратскими стоянками этих людей являются небольшие острова около Лингина и Рио, особенно Галанг, Тамианг и Мапхар. Вождь этого последнего имеет семьдесят или восемьдесят проа, пригодных для пиратских экспедиций.

Пираты Суло в основном совершают свои набеги на Филиппинские острова, которые они продолжают захватывать без перерыва на протяжении почти трех столетий, открыто игнорируя испанские власти и многочисленные учреждения, созданные для борьбы с ними. Пиратство илланонов, напротив, широко распространено, они проделывают весь путь от своей родной страны до Островов пряностей, с одной стороны, и до Малаккского пролива - с другой. В этих последних, правда, за последние несколько лет они образовали два постоянных поселения; одно из них, расположенное на Суматре, недалеко от Индрагири, называется Ритти, а другое - небольшой остров на побережье Линга - носит название Салангут. Помимо тех, кто является открытыми пиратами, следует особо отметить, что большое количество малайских принцев следует рассматривать как соучастников их преступлений, поскольку они предоставляют им защиту, способствуют их экипировке и часто участвуют в их добыче; так что пиратский проа слишком часто бывает более желанным в их гаванях, чем честный торговец.

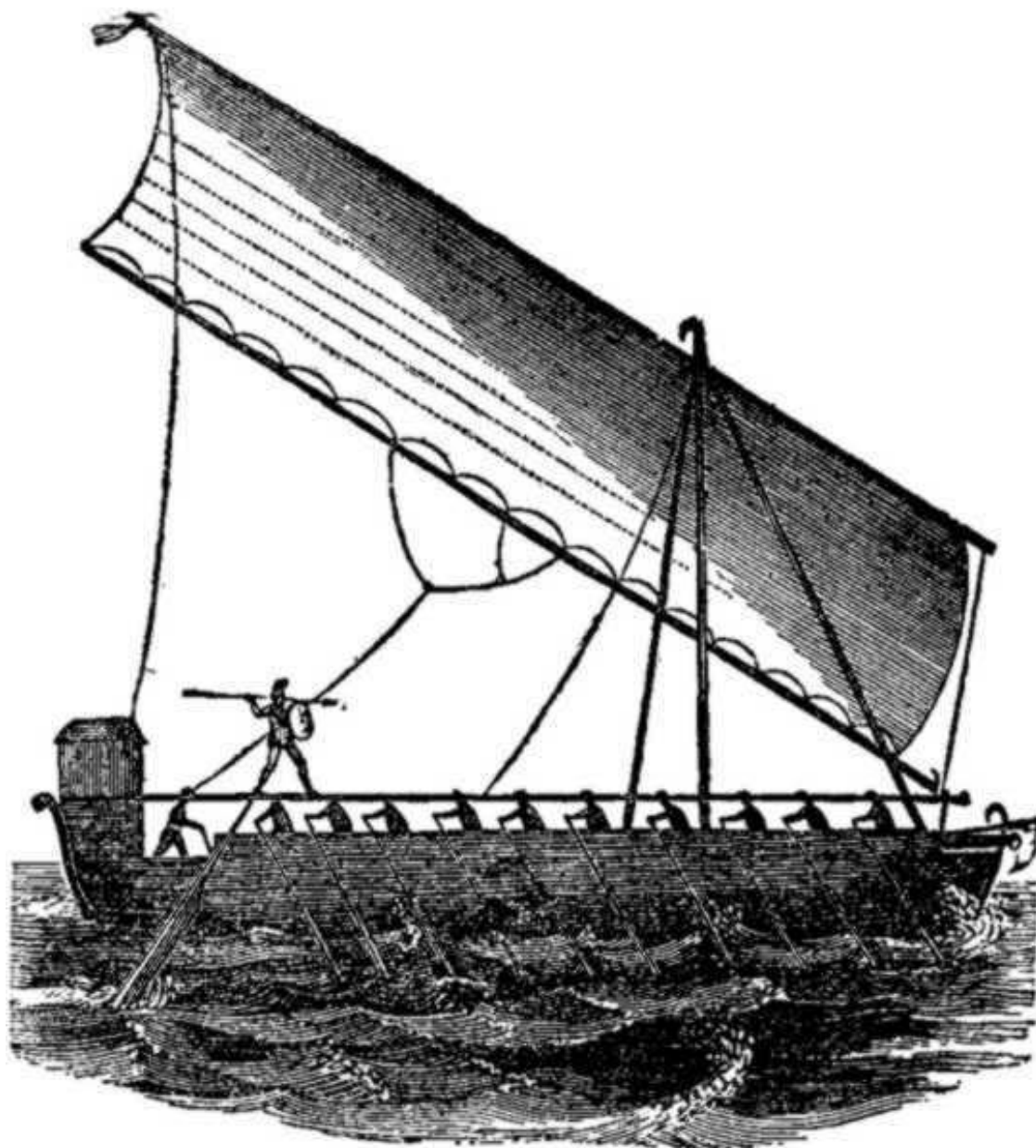
Малайские пиратские проа имеют от шести до восьми тонн веса и от шести до восьми саженей в длину. Они несут от одной до двух небольших пушек, обычно с четырьмя вертлюгами или рантаками на каждом борту, а команда состоит из двадцати-тридцати человек. Когда они вступают в бой, то выставляют сильный фальшборт из толстых досок; илланонские проа гораздо больше и грознее, на них обычно бывает от четырех до шести пушек и пропорциональное количество вертлюгов, нередко они имеют двойной фальшборт, покрытый шкурами бизонов; их экипажи состоят от сорока до восьмидесяти человек. И те, и другие, разумеется, снабжены копьями, криссами и таким количеством огнестрельного оружия, какое только можно достать. Они нападают осторожно и трусливо, ведь их цель - грабеж, а не слава. Они прячутся под землей, пока не найдут подходящий объект и возможность. Выбирают время, когда судно садится на мель или оказывается в мареве, в промежутке между сухопутным и морским бризами. На судно, находящееся в плавании, нападают редко или вообще не нападают. Несколько мародеров нападают вместе и располагаются под носом и в каюте судна, когда оно уже не имеет руля и не в состоянии навести пушки. Действия продолжаются часто в течение нескольких часов, не причиняя особого вреда; но когда команда измотана обороной или израсходовала свои боеприпасы, пираты используют эту возможность для массового нападения. Это может подсказать лучшее средство защиты. Корабль, подвергшийся нападению во время штиля, скорее всего, должен занять оборонительную позицию и, по возможности, дожидаться усиления морского бриза, а не предпринимать каких-либо активных действий, которые только утомят экипаж и лишат его возможности обеспечить необходимую оборону при попытке абордажа. Абордажная сетка, пики и пистолеты, похоже, обеспечивают эффективную защиту; и, действительно, мы полагаем, что судно, защищенное таким образом решительными экипажами европейцев или американцев, подвергается незначительной опасности от любого открытого нападения пиратов; ведь их пушки так плохо служат, что ни корпус, ни такелаж судна не могут получить от них большого урона, как бы ни затянулся поединок. В

целом пираты крайне беспристрастны в выборе своей добычи, не делая особого выбора между туземцами и чужаками, но всегда отдавая естественное предпочтение наиболее робким и легкоуязвимым.

Когда малайские пираты предпринимают экспедицию, они встают под знамена какого-нибудь пиратского вождя, известного своей храбростью и поведением. Туземный князь того места, где она готовится, снабжает авантюристов оружием, боеприпасами и опиумом и требует в качестве своей доли грабежа, пленных женщин, пушки и одну треть всей остальной добычи.

В ноябре 1827 года главный вождь пиратов по имени Синдана напал на Мамудгу с сорока пятью проа, сжег три четверти кампонга, а раджу с его семьей загнал в горы. Несколько десятков мужчин были убиты, а 300 взяты в плен, кроме того, женщин и детей было вдвое меньше. В декабре следующего года, когда я был там, люди медленно возвращались с холмов, но еще не пытались восстановить кампонг, который лежал в пепле. Во время моего пребывания здесь (десять недель) это место посетили еще два пиратских вождя, один из которых был из Кайли, другой - из Мандхаар-Пойнта под командованием Бема Бована, который, по-видимому, руководил всем этим; между ними было 134 проа всех размеров.

Среди самых отчаянных и успешных пиратов современности Рага занимает особое место. Его боятся люди всех вероисповеданий, и он известен как "принц пиратов". Вот уже более семнадцати лет этот человек занимается пиратством в невиданных ранее масштабах; его экспедиции и предприятия могли бы заполнить большой том. Они неизменно отличались необыкновенной хитростью и умом, варварством и безрассудным невниманием к пролитию человеческой крови. У него повсюду есть эмиссары, и он располагает сведениями самого лучшего качества. Примерно в 1813 году Рага приступил к масштабным операциям. В том году он перерезал три английских судна, убив капитанов собственными руками. В то время его грабежи были настолько масштабными, что из Батавии была выпущена прокламация, объявляющая восточное побережье Борнео в строгой блокаде. Два британских военных шлюпа обследовали побережье. Один из них, "Лось" капитана Рейнольдса, был атакован ночью проа самого Раги, которого, к сожалению, в тот момент не было на борту. Это судно, которым Рага командовал лично и о потере которого он часто сожалел, имело восемь пушек и было укомплектовано его лучшими людьми.

Пиратская проа в полной погоне.

Однажды туманным утром около трех часов было замечено европейское судно; дождь лил потоками; время и погода благоприятствовали неожиданности, и командир, решив отличиться в отсутствие раджи Раги, отдал приказ приблизиться, открыть огонь из пушек и взять на абордаж. Он был тем более уверен в успехе, что при приближении европейского судна заметил, что оно держится в стороне от правильного курса. Подойдя примерно на сто сажень к лодке, они открыли огонь из пушек, издали громкий крик и, опираясь на длинные весла, потянулись к своей добыче. Звук барабана, бьющего в кают-компанию, не успел долететь до слуха изумленных малайцев, как они попытались удрать: было уже поздно; порты были открыты, и выстрел с широкой стороны, сопровождаемый тремя британскими аплодисментами, дал уверенное указание на их судьбу. Капитан окликнул Лося, желая убедить его, что это была ошибка. Это действительно была ошибка, и ее не исправили малайские объяснения. Проа был потоплен несколькими широкими ударами, и командир отказался подобрать кого-либо из людей, которые, за исключением пяти человек, утонули; эти люди, проплавав четыре дня на лонжеронах, были подобраны перготтанским проа и рассказали историю Раге, который поклялся уничтожить каждого европейца, которого он

впредь будет брать. Этот десперадо более семнадцати лет был ужасом Макаassarского пролива, и за это время он совершил самые масштабные и ужасные бесчинства, не щадя никого. Немногие уважаемые семьи на побережье Борнео и Целебеса не жалуются на потерю проа или нескольких представителей своей расы; его не столько боятся, сколько ненавидят; хорошо известно, что он перебил и убил экипажи более сорока европейских судов, которые либо потерпели крушение у берегов, либо вверяли себя родным портам. Он хвастается, что двадцать командиров пали от его руки. Западное побережье Целебеса на протяжении около 250 миль сплошь усеяно проасами, принадлежащими в основном трем крупным раджам, которые действуют совместно с Рагой и другими пиратами. Их проасы можно увидеть в скоплениях по 50, 80 и 100 штук (в Седиано я насчитал 147, лежащих на песке в половодье параллельными рядами) и удерживаемых в горизонтальном положении шестью, полностью готовыми к выходу в море. Сразу же за ними находятся кампонги, в которых размещаются экипажи; здесь же хранятся паруса, порох и т. д., необходимые для их оснащения. На самых вершинах гор, которые во многих местах круто поднимаются от моря, можно различить бесчисленные хижины; здесь живут люди, которые постоянно находятся на чеку. Судно, находящееся в десяти милях от берега, скорее всего, не увидит ни одного проа, но менее чем через два часа, если будет прилив, его могут окружить сотни. При низкой воде они будут отходить в течение ночи. Сигналы подаются с горы на гору вдоль побережья с величайшей быстротой; днем - флагами, прикрепленными к длинным бамбукам, ночью - кострами. Каждый вождь посылает своих проа, экипажи которых в опасных случаях опиумом одурманивают, и тогда они наверняка захватят судно, если оно не лучше, чем большинство торговых судов.

Мистер Далтон, побывавший на реке Перготтан в 1830 году, рассказывает: "Пока я здесь оставался, здесь был 71 проас значительных размеров, 39 из которых исповедовали пиратов. Они стояли на якоре у небольшого мыса, на котором у раджи есть заведение и базар. Самый большой из этих проа принадлежал Раге, который получал на флоте проа, на котором я прибыл, свои регулярные поставки оружия и боеприпасов из Сингапура. Здесь гнездились главные пираты, а Рага держал свою штаб-квартиру; его главный склад находился на несколько миль дальше. Сам раджа Аги Бота обычно живет на некотором расстоянии вверх по небольшой реке, которая протекает к востоку от этого пункта; рядом с его жилищем находится главный базар, который был бы большой диковинкой для европейца, если бы ему только удалось вернуться, что удастся очень немногим. Рага настоятельно пригласил меня провести пару дней в его загородном доме, но все бугисские накодахи решительно отговорили меня от этой попытки. Вскоре я узнал причину их опасений: они завидовали Аги Боте, прекрасно зная, что он меня ограбит, и считали, что каждая вещь, захваченная им, так много потеряла для султана Коти, который, естественно, ожидал, что люди приберегут меня для своего особого грабежа. Когда стало известно о прибытии европейца на реку Перготтан, этот любезный принц и друг европейцев, нетерпеливый, чтобы захватить свою добычу, немедленно прибыл на место из своего загородного дома, и, послав за накодахом проа, приказал ему немедленно высадить меня и все мои товары. Мне было предложено сойти на берег, развлечься стрельбой и посмотреть на редких птиц с красивым оперением, которых раджа подарит мне, если я соглашусь на них; но, зная о его намерениях и прекрасно понимая, что меня поддержат все бугисские проа из Коти, я притворился больным и попросил, чтобы птиц отправили на борт. На это Аги Бота, не в силах больше сдерживаться, выслал две лодки с вооруженными людьми, которые ограбили

меня, отобрав множество вещей, и непременно вытащили бы меня на берег или убили в проа, если бы не был подан сигнал бугисским накодахам, которые немедленно прибыли со своими людьми и копьями и крисами выгнали людей раджи за борт. Накодахи, числом девять человек, сошли на берег, и тут произошла сцена раздора, ясно показавшая характер этого вождя. Буги из Коти объяснили, что в отношении меня нужно быть особенно осмотрительным, поскольку меня не только хорошо знают в Сингапуре, но и власти этого поселения знают, что я нахожусь на борту султанского проа, и сами отвечают за мою безопасность. Только этому обстоятельству я несколько раз был обязан своей жизнью, поскольку в случае, если со мной что-нибудь случалось, каждый накода опасался, что его проа будет захвачен по возвращении в Сингапур; поэтому обо мне особенно заботились люди этого сословия, а они могущественны". Раджа ответил накодам, что со мной можно поступить так же, как и со многими другими, и не обращать на это обстоятельство никакого внимания; он сам напишет в Сингапур, что меня схватил аллигатор или укусила змея во время стрельбы; а что касается собственности, которую я могу иметь в проа, то он разделит ее с султаном Коти. Буги, однако, отказался выслушать любые условия, зная, что султан Коти призовет его к ответу за имущество, а власти Сингапура - за мою жизнь. Поэтому наш проа вместе с другими отплыл примерно на четыре мили вниз по реке, где мы набрали пресной воды. Здесь мы оставались шесть дней, и все доводы были тщетны, чтобы выманить меня на берег. В конце концов бугисские накодахи пришли к решимости плыть без пропусков, что заставило раджу смириться. Проас вернулся на место, и мне дали понять, что я могу спокойно сойти на берег. Я так и сделал, и меня представили радже, которого я нашел под навесом с примерно 150 его людьми; они были заняты азартными играми и выглядели так, как и есть на самом деле, - свирепые бандиты. Аги Бота - симпатичный мужчина лет сорока, не имеющий никакого образования; он делит свое время между азартными играми, опиумом и петушиными боями, то есть в промежутках между своими более серьезными и прибыльными занятиями - пиратством и грабежами. Он попросил меня показать, какие у меня есть деньги; увидев только десять рупий, он заметил, что не стоит выигрывать такую маленькую сумму, но что если я буду драться с ним петухами, то он даст мне столько денег, сколько я захочу, и добавил, что ниже его достоинства драться меньше чем за пятьдесят реалов за бой. На мои слова, что заключать пари противоречит религии англичанина, он отстранил меня; сразу же после этого два раджи вывели своих петухов и начали сражаться по одной рупии за сторону. Теперь я был вынужден дать старому Бодарре пять рупий, чтобы он позаботился обо мне, так как во время прогулки люди не только засовывали руки в карманы, но и отрывали пуговицы от моей одежды. Прогуливаясь за кампонгом раджи, я заметил европейскую женщину, которая, заметив меня, тут же забежала в один из домов, несомненно, опасаясь последствий того, что ее узнают. Сейчас в доме Аги Бота живут две европейские женщины; по всей стране есть и другие, а также несколько мужчин. Буги, враждебные радже, не скрывают этого факта; я слышал об этом на борту "Проа", и какой-то человек на базаре подтвердил это заявление. К моему приезду жителям был отдан строгий приказ убрать все европейские вещи с глаз долой. Один из моих слуг, отправившись на базар, принес мне такие сведения, которые побудили меня посетить его. В одном доме были следующие предметы: четыре Библии, одна на английском, одна на голландском и две на португальском языках; множество предметов одежды, таких как куртки и брюки, с пуговицами, переделанными под туземцев; куски рубашек, прикрепленные к другим частям одежды; несколько сломанных инструментов, таких как квадранты, подозрные трубы (две), бинокли, с кусками корабельных парусов, болтами и обручами; большое разнообразие инструментов канониров и плотников, магазины и т. д. В другой лавке лежали два пелисса блекло-сиреневого цвета; они были современного покроя и модно сшиты. На вопрос, откуда у них эти вещи, мне ответили, что это обломки европейских судов, на которых не было людей,

а другие не стеснялись утверждать, что они принадлежали людям, умершим в этой стране. Все товары на базаре принадлежали радже и продавались за его счет; говорили, что большое их количество находится в его доме вверх по реке; но все признавали, что большая часть похищенного принадлежит Раге и его последователям. Мандур, или глава одного из кампонгов, показал мне несколько женских чулок, на нескольких из которых были буквы S.W.; также две сорочки, на одной из которых были буквы S.W.; два фланелевых подъюбника, миниатюрную портретную рамку (картина находилась в доме раджи) и множество предметов одежды обоих полов. Вследствие строгих распоряжений, отданных по этому поводу, я не мог больше ничего видеть; действительно, эти поиски были сопряжены с трудностями и опасностями. Я особенно хотел получить миниатюрную картину и предложил мандуру пятьдесят рупий, если он сможет ее достать; он посмеялся надо мной и, многозначительно указав на свой крис, провел одной рукой по моему горлу, а затем по своему, давая мне понять, что таков будет результат для нас обоих при таком обращении к радже. Пираты на этом побережье имеют обыкновение продавать людей в рабство сразу по прибытии, причем раджа забирает себе несколько самых полезных, а с остальных получает процент с покупных денег, а также часть судна и всех вещей на борту. Европейские суда отводят вверх по реке, где их немедленно разбивают. Положение европейских пленников поистине ужасно в подобном климате, где даже труд туземцев невыносим; их заставляют переносить все тяготы, а в пищу дают лишь рис и соль".

Европейцам, видевшим этих пиратов в таких местах, как Сингапур и Батавия, совершенно невозможно составить представление об их истинном характере. Там они находятся под непосредственным контролем, и каждая деталь их поведения - это ткань фальши и обмана. Они постоянно носят с собой гладкий язык, покорное поведение, покладистый нрав, который всегда утверждает и никогда не противоречит; лик, который, кажется, предвосхищает само желание европейца, и который так обычно навязывает его пониманию, что он сразу же заключает, что они самые лучшие и мягкие из людей; но пусть европеец встретит их в любом из их собственных кампонгов, и они предстанут совсем в другом свете. Характер и вероломные действия, о которых рассказывалось выше, а также манера перерезать суда и убивать их экипажи в равной степени относятся ко всем пиратам Ост-Индских островов, которые застали врасплох многие сотни европейских и американских судов и убили их экипажи.

7 февраля 1831 года корабль "Дружба" капитана Эндикотта из Салема (штат Массачусетс) был захвачен малайцами, когда лежал в Куалла-Батту, на побережье Суматры. В первой половине рокового дня капитан Эндикотт, мистер Барри, второй помощник, и четверо членов экипажа, как обычно, вышли на берег для взвешивания перца, рассчитывая получить в этот день две лодки, обещанные им малайцами. После того как первая лодка была загружена, они заметили, что она задержалась на некоторое время, чтобы пройти вниз по реке, а ее команда, состоящая из малайцев, по предположению офицеров, воровала с нее перец и прятала его в кустах. В связи с этим предположением за ними послали наблюдать двух человек, которые, приблизившись к лодке, увидели, как пять или шесть малайцев выскочили из джунглей и поспешили на ее борт. Первые, однако, предположили, что это команда лодки, так как видели, как такое же количество покинуло ее до их приближения. В этом они ошиблись, как выяснится впоследствии. В это время в поле зрения появился бриг, и стало видно, что он стоит в направлении Су-Су, еще одного перечного порта, удаленного примерно на пять миль. Капитан Эндикотт, отправившись на берег, чтобы выяснить, поднял ли бриг какие-либо цвета, обнаружил, что лодка с перцем подошла на расстояние нескольких ярдов от "Дружбы", укомплектованной необычным количеством туземцев.

Оказывается, когда лодки с перцем подошли к "Дружбе", так как работать одновременно могли лишь несколько человек, несколько малайцев поднялись на борт, и на вопрос мистера Найта, первого офицера, который стоял у трапа и вел учет перца, о том, чем они занимаются, они ответили, что пришли посмотреть на судно. Мистер Найт приказал им снова сесть в лодку, и некоторые из них повиновались, но только для того, чтобы немедленно вернуться и помочь в деле смерти, к которому теперь приступили, напав на мистера Найта и остальных членов команды на борту. Команда судна была так разбросана, что невозможно было сконцентрировать силы, чтобы оказать успешное сопротивление. Несколько человек упали на фордевинд, один - на трап, а мистер Найт упал на четвердеке, тяжело раненный ударом в спину, когда он выхватывал из фальшборта абордажную пику, чтобы защититься.

Двое мужчин, которые везли перец на помосте, тщетно пытались взобраться на борт, чтобы помочь своим товарищам, и были вынуждены прыгнуть в море. Один из них, Чарльз Конверс из Салема, будучи тяжело раненным, сумел доплыть до шпангоутов, за которые он держался до тех пор, пока его не взяли на борт туземцы, и по какой-то причине впоследствии к нему не приставали. Его спутник, Джон Дэвис, не умея плавать, дрейфовал во время прилива возле *лодочных снастей*, или *давитов*, блоки которых были отремонтированы у самой воды; за один из них он ухватился, и малайцы, заметив это, бросили свою лодку за кормой и выкинули его; повар прыгнул в каноэ, стоявшее рядом, и, пытаясь оттолкнуться, был опрокинут; не умея плавать, он выбрался на дно и на руках доплыл до берега, где его взяли в плен. Итальянец Грегори попытался укрыться в носовой части галанта, где по нему несколько раз открывали огонь малайцы из мушкетов "Дружбы", которые всегда были заряжены и готовы к использованию, пока он находился на побережье.

Трое из команды прыгнули в море и поплыли к точке суши, находящейся на расстоянии около мили к северу от города, и, не замеченные малайцами на берегу, продолжили свой путь на север к мысу Феликс, намереваясь зайти в порт Анналабу, находящийся на расстоянии около сорока пяти миль. Пройдя всю ночь, на следующее утро они обнаружили, что находятся недалеко от мыса, но все еще в двадцати пяти милях от Анналабу.

Когда мистер Эндикотт, мистер Барри и четверо моряков добрались до берега, они увидели, как команда прыгает в море; теперь в его сознании промелькнула правда со всеми ее ужасами, что судно подверглось нападению, и в одно мгновение они вскочили в лодку и отчалили; в это же время в лодку вскочил дружелюбный раджа по имени По Адам; он был владельцем порта и значительной собственности в местечке под названием Пуло Кио, в трех милях от устья реки Куаллах Батту. За последние восемь лет раджа вел больше дел, чем кто-либо другой на перечном побережье; он неизменно признавал себя дружелюбным по отношению к американцам и, как правило, считал их честными. Забравшись в лодку, он заговорил по-английски и воскликнул: "Капитан, у вас неприятности; малаец убьет вас, он убьет и По Адама!" Толпы малайцев собрались на обоих берегах реки, угрожающе размахивая оружием, а паромная лодка, в которой находилось восемь или десять туземцев, вооруженных копьями и крисами, отчалила, чтобы помешать офицерам вернуться на корабль. Последние не проявили никакого страха и угрожающе размахивали с носа лодки тесаком По Адама; это так напугало малайцев, что они бежали к берегу, оставляя свободный проход к кораблю; но, приблизившись к нему, они обнаружили, что малайцы полностью овладели им; некоторые из них расхаживали по палубе, другие подавали сигналы успеха людям на берегу, в то время как, за исключением одного человека на крыше, не было видно ни одного члена экипажа. Три малайские лодки, в которых находилось около пятидесяти человек, вышли из реки в направлении корабля, а капитан и его люди, решив, что единственная надежда вернуть свое судно - это получить помощь от других кораблей, взяли

курс на Мучи, где, как они знали, стояло на якоре несколько американских судов. Три американских капитана, узнав о несчастьях своих соотечественников, немедленно снялись с якоря в Куалла-Батту, решив, если это возможно, вернуть корабль. К четырем часам того же дня они заняли якорную стоянку у этого места; малайцы тем временем вывезли на берег все движимые вещи, принадлежавшие кораблю, включая спекуляцию, а также несколько ящиков опиума, на общую сумму около тридцати тысяч долларов. Это было сделано в ночь на 9-е, а утром 10-го удалось завести цепной трос и поднять якорь на нос; судно дрейфовало по направлению к берегу, когда трос, не будучи остановленным за бимсами, вдруг начал разбегаться с большой скоростью; но случайно перекинутый вперед брашпиль повернулся, и якорь, спускаясь, был внезапно остановлен примерно в пятнадцати саженях от якорной доски. Вскоре после этого налетел шквал, судно дрейфовало под углом к берегу и село на коралловый риф в полумиле к югу от города. На следующий день, выбрав удобную якорную стоянку, дружелюбный малаец, поднявшийся на борт в Су-Су, отправил сообщение с требованием вернуть корабль. Раджа ответил, что не отдаст его, но что они могут взять его, если смогут; теперь по "Дружбе" был открыт огонь с кораблей, ее палубы были заполнены малайцами, которые немедленно открыли ответный огонь, как и форты на берегу. Такой способ ведения войны показался нерешительным, и было решено решить дело ближним боем. На нескольких лодках, в которых находилось около тридцати офицеров и человек, было предпринято движение, чтобы взять корабль на абордаж. Малайцы не стали ждать приближения этой решительной атаки, а все покинули судно, передав его законным владельцам, когда оно было захвачено и выведено в глубокую воду. Внешний вид корабля, когда его взяли на абордаж, не поддается никакому описанию; каждая его часть свидетельствовала о сцене насилия и разрушения, которой он подвергся. От цели плавания пришлось отказаться, и "Дружба" вернулась в Соединенные Штаты. Общественность единодушно потребовала возместить беспримерное надругательство над жизнью и имуществом граждан Соединенных Штатов. Правительство немедленно приняло меры для наказания столь возмутительного акта пиратства, направив фрегат "Потомак" с коммодором Даунсом во главе. "Потомак" отплыл из Нью-Йорка 24 августа 1831 года, зайдя в Рио-Джанейро и на мыс Доброй Надежды. В феврале 1832 года он бросил якорь у Куалла-Батту, замаскировавшись под датское судно, и вышел в море в стиле торгового судна: несколько человек, одетых в красные и синие фланелевые рубашки, были отправлены на борт, а один парус был поднят и распушен за раз. На берег была отправлена разведка под видом торговцев перцем, но они вернулись, так и не сумев выяснить положение фортов. На корабле теперь царила оживленная обстановка; было решено начать атаку на город на следующее утро, и, соответственно, были сделаны все необходимые приготовления: мушкеты почищены, патронные коробки пристегнуты, тесаки осмотрены и приведены в порядок и т. д.

В двенадцать часов ночи были созваны все стрелки, собраны те, кто должен был принять участие в экспедиции, и тогда лейтенант Шубрик, командующий отрядом, сказал, что он должен быть в строю. Шубрик, командир отряда, отдал им особые приказы, после чего они сели в лодки и отправились к берегу, где высадились на рассвете, среди сильного прибоя, примерно в полутора милях к северу от города, не обнаруженные противником, и без каких-либо серьезных происшествий, хотя несколько человек из отряда были основательно вымочены ударами прибоя, а некоторые из их боеприпасов получили повреждения.

Затем войска сформировались и заняли свою линию марша против врага, пройдя по пляжу с глубоким и плотным песком. Они не успели продвинуться далеко, как их обнаружил туземец, бежавший на полной скорости, чтобы подать сигнал тревоги. Быстрый марш вскоре привел их к первому форту, когда подразделение людей под командованием лейтенанта Хоффа было отделено от основного корпуса и приказано окружить его. Первый форт оказался

труднодоступным из-за глубокой живой изгороди из терновника и колючего кустарника, которой он был окружен. Штурм был начат пионерами, которые с помощью ворон и топоров выломали ворота и пробили проход. Это было сопряжено с некоторыми трудностями и дало врагу время на подготовку. Они подняли боевой клич и оказали упорное сопротивление, сражаясь копьями, саблями и мушкетами. В форте у них было также несколько медных ружей, но они управлялись с ними так неумело, что это не дало никакого эффекта, поскольку шары равномерно свистели над головами наших людей. Сопротивление малайцев было тщетным, форт был взят штурмом и вскоре взят, но только после того, как почти все люди в нем были убиты. Здесь был убит По Магомет, вождь, имевший большие заслуги и бывший одним из главных участников нападения на "Дружбу"; здесь же была убита мать Чадулаха, другого раджи; в этом порту пала еще одна женщина, но ее звание установить не удалось; она сражалась с духом отчаянной преступницы. Моряк только что преодолел один из валов, когда был тяжело ранен ударом, полученным из оружия в ее руках, но ее жизнь поплатилась за смелость, так как она была немедленно заколота штыком в руках того, кого она так сильно ранила. Его голова была ранена копьем, большой палец едва не отрублен саблей, а шляпа пробита шаром.

Лейтенанты Эдсон и Ферре направились в тыл города и предприняли смелую атаку на форт, который после упорного сопротивления малайцев сдался. Оба офицера и морские пехотинцы едва спаслись от гибели. Один из туземцев, находившихся в форте, нацелил свою пушку таким образом, чтобы сгрести все их тела, и был застрелен морским пехотинцем, когда тот как раз подносил к ней спичку. Впоследствии выяснилось, что пушка была начинена пулями. Этот форт, как и предыдущий, был окружен густыми джунглями, и проникнуть в него было очень трудно. Теперь перестрелка стала всеобщей, а тревога - всеобщей. Мужчины, женщины и дети разбегались во все стороны, неся те немногие вещи, которые им удалось захватить в минуты опасности, а некоторые из мужчин были зарублены в бегстве. Несколько вражеских "проасов", заполненных людьми, были сильно потрепаны шквальным огнем из шестифунтового орудия, когда они плыли вверх по реке к югу от города, и несколько туземцев были убиты. Теперь был атакован третий, самый грозный форт, который оказался самым грозным, и для его разрушения потребовалось взаимодействие нескольких дивизий; но огонь по нему был настолько сильным, что вскоре он был вынужден сдаться, и в следующий момент над его укреплениями победно развевались американские знамена. Большая часть города была превращена в пепел. Базар, главный торговый центр и большинство частных домов были уничтожены огнем. Триумф малайцев был завершен, они получили достаточное удовлетворение за свои злодеяния, совершенные против наших соотечественников, и горн возвестил о возвращении корабельных сил; вскоре после этого была произведена высадка. Бой продолжался около двух с половиной часов, и офицеры и люди галантно держались с самого начала и до конца. Потери малайцев составили около сотни человек убитыми, в то время как из американцев погибли только двое. Среди трофеев были китайский гонг, Коран, взятый в форте Магомета, и несколько кусков богатой золотой ткани. Многие из мужчин ушли богато нагруженные трофеями, которые они отобрали у врага, такими как платки раджи, золотые и серебряные шкатулки-чунамы, цепи, ушные и пальцевые кольца, браслеты и браслеты, различные платки, криксы с богатыми рукоятками и золотыми ножнами, а также множество других украшений. Были привезены деньги на значительную сумму. Чтобы ничто не могло оставить неизгладимого впечатления в умах этих людей о силе Соединенных Штатов наказывать за агрессию, совершенную против ее торговли в морях, как бы далеки они ни были, корабль был поднят на следующее утро и приведен с помощью пружины на тросе менее чем в милю от берега, когда правый борт был приведен почти к месту расположения города. Цель commodora при этом заключалась не в том, чтобы открыть беспорядочный или разрушительный огонь по городу и жителям Куалла-Батту, а в том, чтобы

показать им неотразимую силу тридцатидвухфунтовой дроби и уменьшить форт Тука-де-Лама, до которого нельзя было добраться из-за джунглей и потока воды накануне утром и из которого был открыт огонь и продолжался во время высадки войск по их возвращении на корабль. Форт очень скоро опустел, а выстрелы разнесли его на куски и вырвали с корнем целые деревья какао. Во второй половине дня от берега отчалила лодка с флагом перемирия к коммодору, умоляя его во всех принятых на Востоке формах покорности, чтобы он даровал им мир и перестал стрелять из своих больших пушек. Военные действия прекратились, и коммодор сообщил, что цели его правительства, пославшего его к их берегам, теперь достигнуты - виновные, совершившие пиратство на "Дружбе", наказаны. Так закончилось общение с Куаллахом Батту. Отсюда "Потомак" направился в Китай, а оттуда - в Тихий океан; после трехлетнего отсутствия в этих краях, заботясь об интересах американской торговли, он прибыл в Бостон в 1834 году.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КОНДЕНТА

Капитан Кондент родился в Плимуте, но нам до сих пор неизвестны мотивы и время, когда он впервые стал пиратом. Он был одним из тех, кто считал нужным покинуть Провиденс после прибытия на остров губернатора Роджерса на шлюпе, принадлежавшем мистеру Симпсону из Нью-Йорка, торговцу-еврею, на котором он тогда был квартирмейстером. Вскоре после того, как они покинули остров, на борту произошел несчастный случай, который привел всю команду в смятение. Среди них был индеец, которого некоторые из них избили; в отместку он вытащил большую часть оружия в трюм и задумал взорвать шлюп; некоторые посоветовали задраить палубу и бросить вниз гранатные снаряды, но Кондент сказал, что это слишком утомительно и опасно, так как парень может выстрелить через палубу и убить нескольких из них. Поэтому он, взяв в одну руку пистолет, а в другую - свою дубинку, прыгнул в трюм. Индеец выстрелил в него из пистолета, который сломал ему руку, но он подбежал и застрелил индейца. Когда он был мертв, команда разрубила его на куски, а канонир, вспоров ему брюхо и вырвав сердце, зажарил и съел его.

После этого они захватили торговое судно под названием "Герцог Йоркский"; из-за споров, возникших между пиратами, капитан и одна половина компании перешли на борт приза, а другая половина, оставшаяся на шлюпе, выбрала капитаном Кондента. Он взял курс на острова Кап-де-Верд и по пути захватил торговое судно из Мадейры, груженное вином и направлявшееся в Вест-Индию, которое разграбил и отпустил; затем, подойдя к острову Мэй, одному из упомянутых островов, он захватил весь соляной флот, состоявший примерно из 20 парусов. Не имея гика, он снял грот-мачту с одного из этих кораблей, чтобы восполнить недостаток. Здесь он взял на себя отправление правосудия, выясняя, как командиры обращаются со своими людьми, а тех, на кого поступали жалобы, он бил кнутом и мариновал. Он взял провизию и другие необходимые вещи и, пополнив свою команду добровольцами и подневольными людьми, покинул корабли и отплыл в Сент-Яго, где захватил голландский корабль, который раньше был капером. Это тоже оказалось легким призом, так как он выстрелил только в одну сторону и, взяв ее на abordаж, понес без сопротивления, так как капитан и несколько человек были убиты, а некоторые ранены его сильным выстрелом.

Корабль оказался подходящим для его целей, он дал ему имя "Летающий дракон", поднялся на борт со своей командой и подарил свой шлюп помощнику с английского приза, которого

он заставил взять его с собой. Отсюда он направился к побережью Бразилии и во время крейсерства захватил несколько португальских кораблей, которые разграбил и отпустил.

После этого он столкнулся с галерой Райта, командиром которой был капитан Джон Спелт, нанятый компанией Южных морей, чтобы отправиться к побережью Анголы за рабами, а оттуда в Буэнос-Айрес. Это судно он задержал на значительное время, и капитан, будучи его горожанином, обращался с ним очень вежливо. Через несколько дней после захвата "Спелта" он взял в качестве приза португальское судно, груженное тюками с товарами и магазинами. Он заново оснастил галеру Райта и поместил на ее борт часть товаров. Вскоре после того, как он разделался с португальцем, он встретился с голландским ост-индским кораблем из 28 пушек, капитан которого был убит первым же залпом, и захватил его без особого сопротивления, так как на борту корабля Спелта были подняты пиратские флаги.

Капитан Кондент прыгнул в трюм, чтобы атаковать индейца.

Теперь он с тремя парусами направился к острову Фердинандо, где причалил и очистил "Летающий дракон". Отплыв, он посадил 11 голландцев на борт капитана Спелта, чтобы загладить вину за вырванные у него руки, и отправил его прочь, сделав ему подарок из товаров, которые он взял с португальского корабля. Когда он отплыл сам, то приказал голландцам оставаться в Фердинандо 24 часа после его отплытия; угрожая, если он не подчинится, потопить его корабль, если он во второй раз попадет в его руки, и предать всю

компанию мечу. Затем он направился к побережью Бразилии, где встретил португальский военный корабль из 70 пушек, к которому и подошел. Португальцы окликнули его, и он ответил,

из Лондона, направляюсь в Буэнос-Айрес

. Португальцы усадили его на шканцы и стали подбадривать, когда Кондент выстрелил, и завязался бой на три стакана; но Кондент, обнаружив, что его превосходят в силе, сделал все возможное и, будучи лучшим моряком, ушел.

Через несколько дней после этого он захватил судно того же народа, который рассказал, что убил более сорока человек в Гарда-дель-Коста, а также множество раненых. Продолжая двигаться вдоль побережья на юг, он захватил французское судно с 18 пушками, груженное вином и бренди, направлявшееся в Южное море, которое он переправил в реку Платте. Он послал нескольких своих людей на берег, чтобы убить дикий скот, но они были схвачены командой испанского корабля. На допросе у капитана они сказали, что это два гвинейских корабля с рабами, принадлежащими компании Южных морей, и на этом основании им было разрешено вернуться на свои суда. Тут пятеро его подневольных людей сбежали с его каноэ; он разграбил французское судно, пустил его ко дну, и оно село на мель. Он отправился вдоль бразильского побережья и, узнав, что на нем погиб пиратский корабль, а пиратов посадили в тюрьму, очень варварски расправился со всеми португальцами, попавшими ему в руки, которых было много, отрезав им уши и носы; а поскольку его хозяин был папистом, то, когда они брали священника, заставляли его читать мессу на грот-мачте, а после садились ему на спину и катались на нем по палубе, а то нагружали и везли, как зверя. После этого он отправился на побережье Гвинеи и захватил капитана Хилла на корабле "Индийская королева".

Пираты катают священников по палубе.

В бухте Луэнго он увидел два корабля на якоре, один - голландец с 44 пушками, другой - английский корабль, называемый "Слава", капитан Боуэн, командир. Они оба снялись с якоря и выбежали на берег; "Слава" погибла, а голландский корабль пират снял и забрал с собой. Когда он снова оказался в море, то уволил капитана Хилла и отправился в Ост-Индию. Недалеко от мыса он захватил остендский ост-индийский корабль, суперкарго которого был мистер Нэш, известный лондонский купец. Вскоре после этого он взял голландский ост-индиан, списал "Остендер" и направился на Мадагаскар. На острове Святой Марии он встретил нескольких членов команды капитана Хэлси, которых взял на борт вместе с другими бездомными, и взял курс на Восточные Индии, а по пути, у острова Иоганна, захватил в компании с двумя другими пиратами, которых он встретил у острова Святой Марии,

восточный индиаман "Кассандра" под командованием капитана Джеймса Макрея. Он продолжил свой путь к Ост-Индии, где сделал очень большую добычу; вернувшись, он пристал к острову Маскаренхас, где встретился с португальским кораблем из 70 пушек с вице-королем Гоа на борту. Этот корабль он взял в качестве приза, и, узнав, что на его борту есть деньги, они не согласились на выкуп, а повели его к побережью Зангебара, где находилось голландское укрепление, которое они взяли и разграбили, разрушили форт и добровольно увели несколько человек. Отсюда они направились к Сент-Мэри, где разделили добычу, разбили свою компанию и поселились среди туземцев. Здесь из Бристоля пришла снедь, которую они заставили отнести губернатору Маскаренхаса прошение о помиловании, хотя заплатили хозяину очень щедро. Губернатор ответил, что возьмет их под защиту, если они уничтожат свои корабли, на что они согласились и, соответственно, потопили "Летающий дракон" и т. д. Кондент и некоторые другие отправились в Маскаренхас, где Кондент женился на невестке губернатора и оставался там некоторое время; но, как мне достоверно сообщили, с тех пор он приехал во Францию, поселился в Сен-Мало и ведет значительную торговлю как купец.

ЖИЗНЬ КАПИТАНА ЭДВАРДА ЛОУ.

Этот свирепый злодей родился в Вестминстере и получил образование, схожее с тем, которое получают простые люди в Англии. Он был пиратом по натуре; еще в юности он собирал пожертвования среди вестминстерских мальчишек, и если они отказывались подчиниться, то это приводило к битве. Когда он продвинулся дальше по жизни, то стал проявлять свою изобретательность в низких играх и обманывать всех, кто был в его власти; а тех, кто претендовал на сохранение своего права, он был готов вызвать на поле боя.

Он отправился в море в компании своего брата и пробыл с ним три или четыре года. Перебравшись в Америку, он некоторое время работал в такелажной мастерской в Бостоне. Затем он вернулся домой к матери в Англию, вернулся в Бостон и еще несколько лет продолжал заниматься тем же делом. Но, будучи человеком склочным, он разошелся во мнениях со своим хозяином и отправился на шлюпе в Гондурасский залив.

Там он командовал лодкой, на которой доставляли на корабль древесины. В этой лодке было двенадцать человек, хорошо вооруженных, чтобы быть готовыми к встрече с испанцами, у которых древесину отбирали силой. Однажды случилось так, что лодка подошла к кораблю незадолго до того, как был готов ужин, и Лоу пожелал, чтобы они могли пообедать до возвращения. Капитан, однако, заказал им бутылку рома и попросил отправиться в другой путь, поскольку нельзя терять время. Команда пришла в ярость, особенно Лоу, который взял заряженный мушкет и выстрелил в капитана, но попал в него, еще один человек был ранен, и они скрылись на лодке. На следующий день они взяли небольшое судно, поднялись на его борт, подняли черный флаг и объявили войну всему миру.

В своих скитаниях Лоу встретил Лоутера, который предложил ему присоединиться к нему и тем самым способствовать их взаимной выгоде. Захватив бригантину, Лоу вместе с сорока другими перебрался на ее борт, и, оставив Лоутера, они отправились искать свою судьбу.

Первым их приключением стал захват судна, принадлежащего Амбою, из которого они забрали провизию и позволили ему продолжить путь. В тот же день они захватили шлюп, разграбили его и разрешили отплыть. Шлюп зашел на Черный остров и передал губернатору сведения о том, что Лоу находится на побережье. Два небольших судна были немедленно снаряжены, но до их прибытия Лоу был вне пределов досягаемости. После этого не слишком удачного спасения Лоу зашел в порт, чтобы набрать воды и свежей провизии, а затем возобновил поиски добычи. Он вошел в гавань Порт-Розмари, где стояло тринадцать кораблей, но ни один из них не отличался большой силой. Лоу поднял черный флаг, заверив их, что если они окажут сопротивление, то им не будет передышки; и, усадив их в лодку, пираты завладели каждым из них, которые они разграбили и обратили в свою пользу. Затем они подняли на борт шхуну с десятью пушками и пятьюдесятью людьми, назвали ее "Фэнси", и Лоу сам поднялся на ее борт, а Чарльз Харрис стал капитаном бригантины. Они также заставили нескольких человек присоединиться к ним и подписать свои статьи.

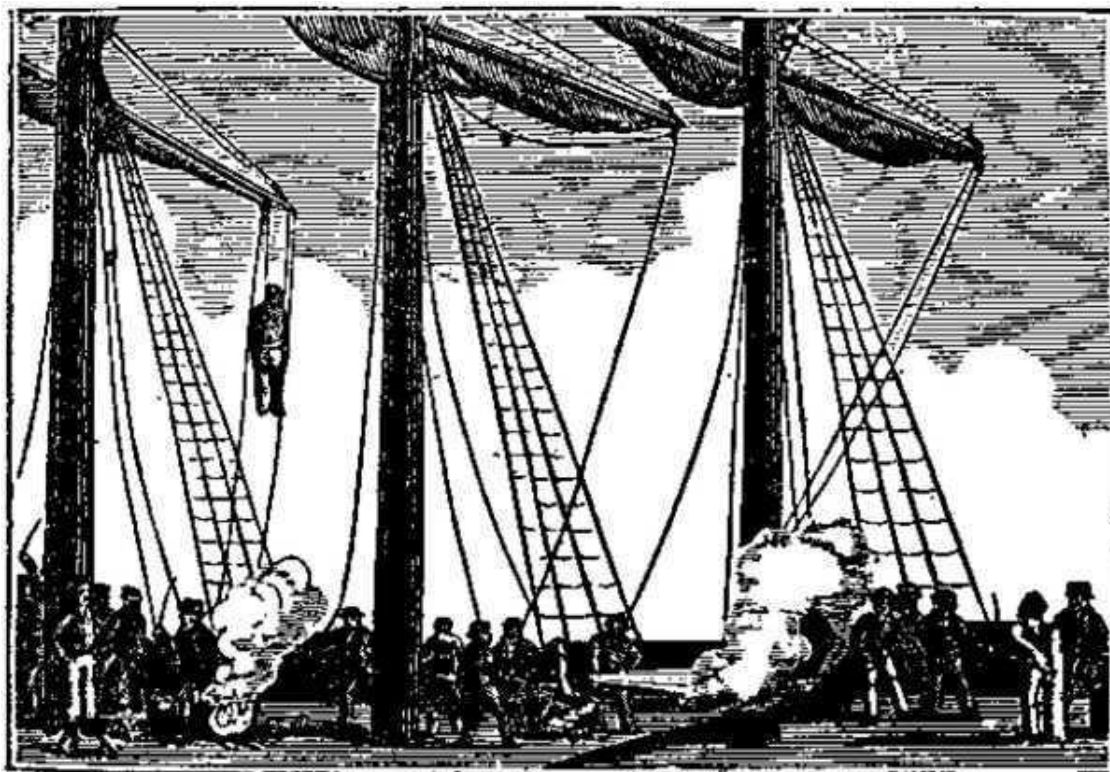
После неудачной погони за двумя шлюпами из Бостона они направились к Подветренным островам, но на пути их настиг страшный ураган. Поиски добычи сменились самыми энергичными попытками спастись. На борту бригантины все руки были заняты днем и ночью; им пришлось выбросить за борт шесть пушек и всю увесистую провизию. Во время шторма оба судна были разделены, и прошло некоторое время, прежде чем они снова увидели друг друга.

После шторма Лоу отправился на небольшой остров к западу от Карриби, переоборудовал свои суда и получил для них провизию в обмен на товары. Как только бригантина была готова к выходу в море, они отправились в плавание, пока не будет готова "Фэнси", и во время этого плавания встретили судно, потерявшее все мачты во время шторма, которое они разграбили на 1000 л. и вернулись на остров. Когда "Фэнси" была готова к отплытию, состоялся совет, каким курсом им следовать дальше. Они последовали совету капитана, который счел небезопасным плыть дальше подветренной стороной, чтобы не столкнуться с военными кораблями, крейсировавшими у того берега, и отправились к Азорским островам.

Удача Лоу была необычной: по пути он захватил французский корабль с 34 пушками и повел его за собой. Затем, войдя в Михайловские дороги, он захватил семь парусов, угрожая мгновенной смертью всем, кто осмелится выступить против него. Так, внушая ужас, не выстрелив ни из одной пушки, он стал хозяином всех этих владений. Испытывая нужду в воде и свежей провизии, Лоу послал к губернатору с требованием предоставить ему провиант при условии освобождения захваченных им кораблей, иначе он предаст их огню. Просьба была немедленно исполнена, и шесть судов были возвращены. Но на одном из французских судов они сняли с него пушки и всех людей, кроме повара, который, по их словам, был жирным парнем и хорошо прожарился; они привязали несчастного к мачте и подожгли корабль.

Следующим на их пути оказался капитан Картер с галеры "Райт"; его, поскольку он проявил некоторую склонность к самозащите, изрубили и изуродовали варварским способом. Были также два португальских монаха, которых они привязали к фор-мачте и несколько раз спускали вниз, пока те не умерли, просто чтобы удовлетворить свои свирепые наклонности. Тем временем другой португалец, наблюдая эту жестокую сцену, выразил на лице печаль, на что один из несчастных сказал, что ему не нравится его вид, и, нанеся ему удар по телу своей тесаком, повалил его на месте. Еще один из злоумышленников, целясь в пленника, не попал в цель и ударил Лоу в челюсть. Вызвали хирурга, который зашил рану; но Лоу, обнаружив, что операция не удалась, нанес ему удар, который разорвал все швы, и оставил его зашивать их самостоятельно. После того как он разграбил это судно, некоторые из них хотели сжечь его,

как они сделали это с французом; но вместо этого они разрезали на куски ванты, такелаж и паруса и отправили его в дрейф на милость волн.

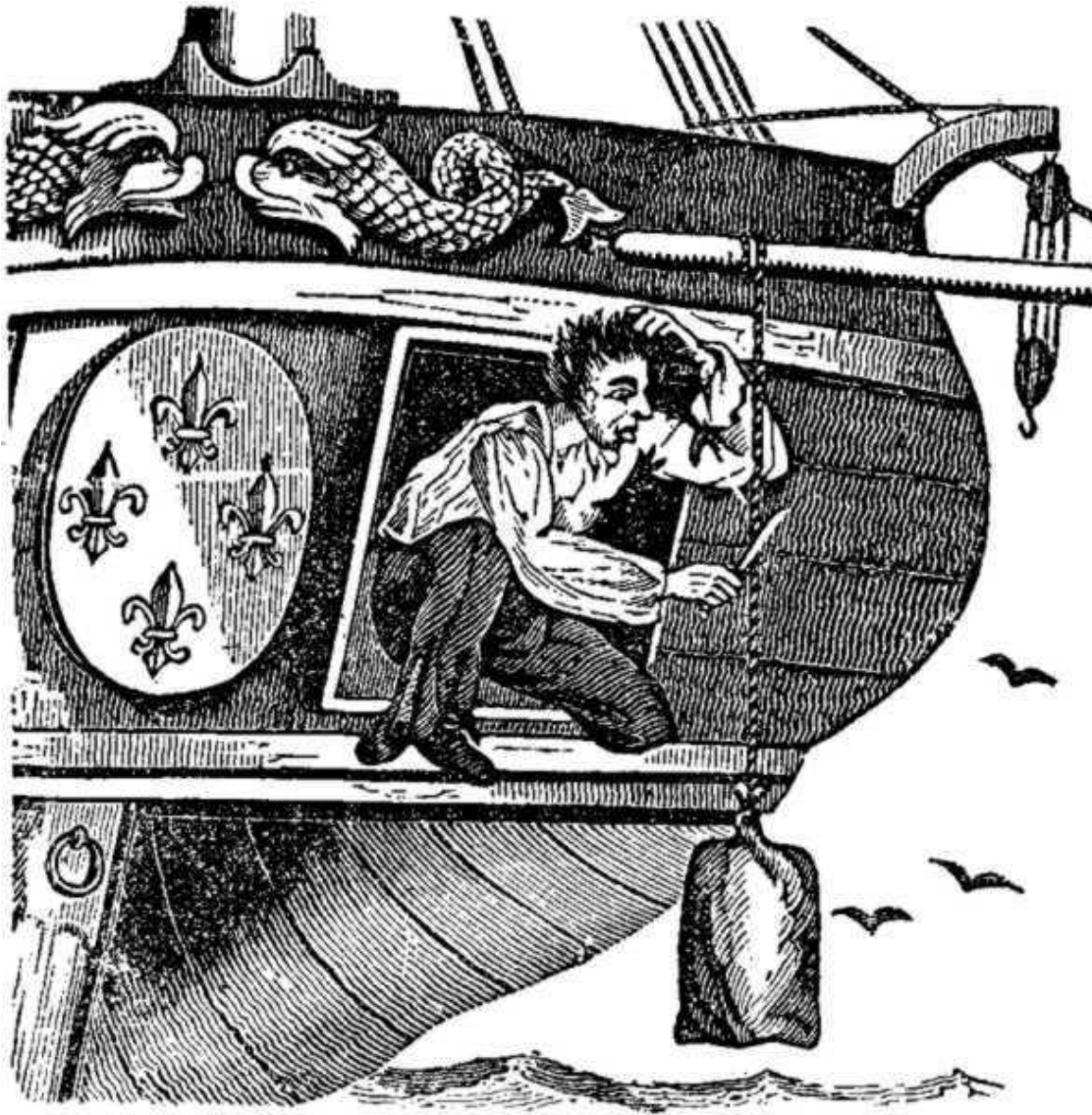

Жестокости, применяемые капитаном Лоу.

Затем они отправились на остров Мадейра и набрали на рыбацкую лодку с двумя стариками и мальчиком. Одного из них они задержали, а другого отправили на берег с флагом перемирия, попросив губернатора прислать им лодку с водой, иначе они повесят второго мужчину за руку на яреде. Воду прислали, а человека отпустили.

Затем они отплыли к Канарским островам и захватили там несколько судов; получив информацию о том, что ежедневно ожидаются две небольшие галеры, шлюп был укомплектован и отправлен на их поиски. Однако, упустив добычу и испытывая большой недостаток в провизии, они отправились в Сент-Майклс под видом торговцев, но, будучи обнаруженными, были задержаны, а весь экипаж доставлен в замок, где с ними обошлись по заслугам.

Тем временем корабль Лоу был перевернут и потерян, так что, когда осталась только шхуна "Фэнси", они все, до ста человек, поднялись на ее борт и отправились на поиски новых трофеев. Вскоре они встретили богатое португальское судно и после некоторого сопротивления захватили его. Лоу подверг людей пыткам, чтобы заставить их сообщить ему, где они спрятали свои сокровища. В результате он узнал, что во время погони капитан вывесил из окна каюты мешок с одиннадцатью тысячами мойдоров, а когда их забрали, перерезал веревку и позволил им упасть в море. Узнав об этом, Лоу впал в ярость, приказал отрезать капитану губы и зажарить их у него на глазах, а затем убил его и всю команду.

Капитан португальского корабля отрезает мешок Мойдоры.

После этого кровавого действия злоумышленники направились на север и по пути захватили несколько судов, одно из которых сожгли, а остальным, разграбив, позволили продолжать путь. Очистив один из островов, они направились в Гондурасский залив. Выйдя из бухты, они встретили испанцев, которые захватили пять англичан и пинк, разграбили их и увели хозяев в плен. Лоу поднял испанские флаги, но, когда он приблизился, вывесил черный флаг, и испанец был схвачен без сопротивления. Обнаружив в трюме хозяев английских судов и увидев на борту английские товары, собрался совет, на котором было решено предать всех испанцев мечу. Едва это было решено, как они принялись с помощью всех видов оружия расправляться с каждым человеком, а некоторых, вырвавшихся из их безжалостных рук, бросали в волны; в погоню за теми, кто пытался доплыть до берега, было отправлено каноэ. Затем они разграбили испанское судно, вернули английских хозяев на их суда и подожгли испанца.

Следующее плавание Лоу проходило между Подветренными островами и основной землей, где, продолжая процветать, он последовательно захватил не менее девятнадцати кораблей разных размеров и в целом обращался с их экипажами с варварством, не имеющим равных даже среди пиратов. Но случилось так, что у этого побережья крейсировала "Грейхаунд" с двадцатью пушками и ста двадцатью людьми. Узнав о злодеяниях этих злоумышленников,

"Грейхаунд" отправился на их поиски. Полагая, что они обнаружили приз, Лоу и его команда погнались за ними, а "Борзая", позволив им бежать за ней, пока все не было готово к бою, повернула на два шлюпа.

Один из этих шлюпов назывался "Фэнси", и командовал им сам Лоу, а другой - "Рейнджер", которым командовал Харрис; оба подняли свои пиратские цвета и выстрелили из пушек. Когда "Борзая" подошла на расстояние мушкетного выстрела, она подняла грот и встала по ветру, чтобы не дать пиратам убежать на подветренный борт, а затем вступить в бой. Но когда разбойники поняли, с кем им придется иметь дело, они скрылись под кормой корабля, а "Грейхаунд" устремился за ними, и они вели бой около двух часов; но при слабом ветре шлюпы оторвались от корабля, опираясь на весла; тогда "Грейхаунд" прекратил стрельбу, перешел на весла и в три часа пополудни подошел к ним. Пираты подняли ветер, чтобы принять корабль, и бой немедленно возобновился, с обеих сторон велась ожесточенная перестрелка, пока грот "Рейнджера" не был сбит. В этих обстоятельствах Лоу бросил корабль врагу и скрылся.

Поведение Лоу в этом приключении было удивительным, потому что до сих пор его известная храбрость и смелость настолько владели умами всех людей, что он внушал ужас даже своим людям; но его поведение в течение всего этого действия показало, что он был подлым трусливым негодяем; ведь если бы шлюп Лоу сражался хотя бы наполовину так бодро, как это делал Харрис (как они торжественно поклялись сделать), то, по мнению некоторых присутствующих, военный корабль никогда не смог бы причинить им вреда.

Однако ничто не могло ослабить ярость или изменить нравы этой упрямой команды. Их узкое спасение не произвело на них должного эффекта, и они с удвоенной силой возобновили свои грабежи и жестокости. Следующее судно, которое они захватили, находилось в восьмидесяти милях от суши. Они с особой жестокостью издевались над хозяином, затем застрелили его, а команду заставили сесть в лодку с компасом, водой и несколькими бисквитами и бросили на произвол волн; однако они, вопреки всем ожиданиям, благополучно добрались до берега.

Лоу продолжил свою злодейскую карьеру со слишком фатальным успехом. Не удовлетворившись удовлетворением своей алчности и идя обычным путем нечестия, эти бесчеловечные ублюдки, похожие на самого Сатану, сделали злодеяния своим спортом, жестокость - своим наслаждением, а разорение и убийство своих собратьев - своим постоянным занятием. Из всех пиратских экипажей, принадлежавших английской нации, ни один не мог сравниться с Лоу по варварству. Их веселье и гнев имели одинаковый эффект. Они убивали человека как от хорошего настроения, так и от гнева и страсти. Их свирепый нрав, казалось, только и делал, что наслаждался криками, стонами и причитаниями. Однажды Лоу, схватив капитана Грейвса, жителя Виргинии, взял в руки чашу с пуншем и сказал: "Капитан, вот вам половина этого". Бедный джентльмен был слишком растроган своими несчастьями, чтобы быть в настроении пить, поэтому он скромно откланялся. В ответ Лоу взревел и протянул пистолет в одной руке, а свою чашу - в другой, сказав: "Либо бери то, либо другое".

Затем Лоу захватил судно под названием "Рождество", установил на нем тридцать четыре пушки, сам поднялся на борт, принял звание адмирала и поднял черный флаг. Следующим его призом стала бригантина, наполовину укомплектованная португальцами, а наполовину - англичанами. Первых он повесил, а вторых посадил в шлюпку и отпустил, а сам поджег судно. Успех Лоу был непревзойденным, как и его жестокость; в течение долгого времени он продолжал безнаказанно осуществлять свои злодеяния.

Всякому злу приходит конец, и команда Лоу в конце концов восстала против него, а сам он был брошен в лодку без провизии и оставлен на произвол судьбы. Это произошло потому, что Лоу убил квартермейстера, пока тот спал. Вскоре после того, как его выбросило на дрейф, французское судно прибило его к Мартинико, и после быстрого суда властей он получил короткий срок на виселице, воздвигнутой для его блага.

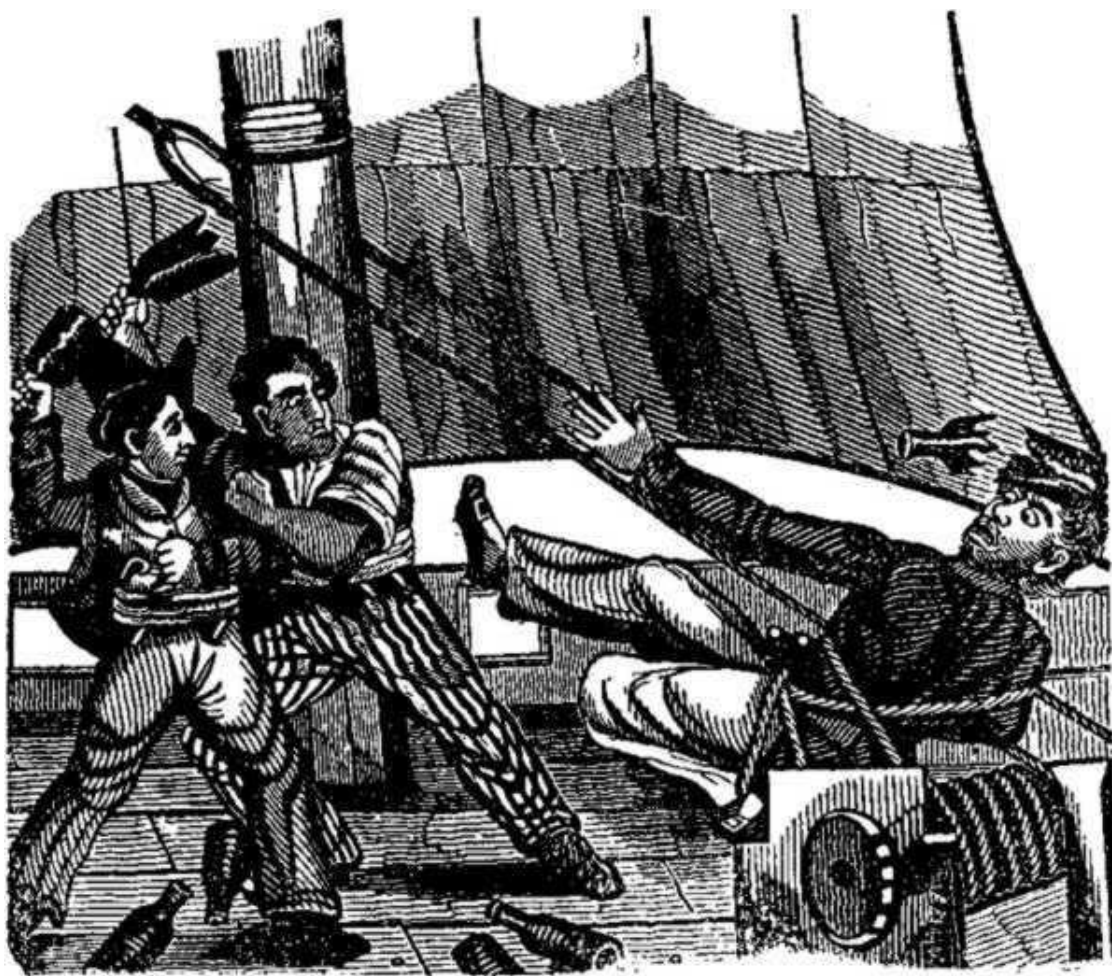
Низко преподносит пистолет и чашу с пуншем.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ЭДВАРДА АНГЛАНДА

Этот искатель приключений был помощником на шлюпе, который отплыл с Ямайки и был захвачен капитаном Винтером, пиратом, незадолго до поселения пиратов на острове Провиденс. После того как пираты сдались на милость Его Величества, а остров Провиденс был заселен английским правительством, капитан Инглэнд отплыл в Африку. Там он захватил несколько судов, в частности бристольтское судно "Кадоган", которым командовал некто Скиннер. Когда последний приставал к пирату, ему было приказано подняться на борт в своей лодке. Человек, на которого он первым бросил взгляд, оказался его старым боцманом, который пристально посмотрел ему в лицо и обратился к нему следующим образом: "А, капитан Скиннер, это вы? Единственный человек, которого я хотел увидеть: Я у вас в большом долгу, и я заплачу вам все вашей же монетой". Бедняга дрожал всеми суставами и боялся этого события, как и следовало ожидать. Случилось так, что Скиннер и его старый

боцман с некоторыми своими людьми поссорились, и он решил отправить их на борт военного корабля, а сам отказался платить им жалованье. Вскоре после этого они нашли возможность покинуть корабль и отправились на борту небольшого судна в Вест-Индию. Они были захвачены пиратом, доставлены в Провиденс и оттуда отправились в пиратское плавание с капитаном Англией. Случайно встретившись со своим старым капитаном, они жестоко отомстили за то, как с ними обошлись.

После грубого приветствия, о котором уже говорилось, боцман позвал своих товарищей, схватил Скиннера, привязал его к брашпилю и стал колотить стеклянными бутылками, пока не нанес ему шокирующие порезы, затем бил его по палубе до полного изнеможения, оставаясь глухим ко всем его мольбам и просьбам; наконец, оскорбительным тоном заметил, что поскольку он был хорошим хозяином для своих людей, его ждет легкая смерть, и за это выстрелил ему в голову.

Пираты забрасывают капитана Скиннера стеклянными бутылками.

Взяв с корабля все, в чем они больше всего нуждались, ее отдали капитану Дэвису, чтобы он попытал счастья в нескольких руках.

Через некоторое время после этого капитан Ингленд взял корабль под названием "Жемчужина", на который он обменял свой шлюп, оборудовал его для пиратской службы и назвал "Королевский Джеймс". На этом судне он был очень удачлив и захватил несколько кораблей разных размеров и разных наций. Весной 1719 года пираты вернулись в Африку и, начав у реки Гамбия, проплыли вдоль побережья до мыса Корсо и захватили несколько

судов. Некоторые из них они разграбили и пустили дальше, другие оборудовали для пиратской службы, а третьи сожгли.

Оставив наших пиратов на этом побережье, "Мечь" и "Летучий король", два других пиратских судна, отправились в Вест-Индию, где взяли несколько призов, а затем очистились и отплыли в Бразилию. Там они захватили несколько португальских судов, но большой португальский корабль, подошедший к ним, оказался нежеланным гостем. Корабль "Мечь" спасся, но вскоре был потерян на этом побережье. Летучий король в отчаянии выбросился на берег. На борту было семьдесят человек, двенадцать из которых были убиты, а остальные взяты в плен. Португальцы повесили тридцать восемь из них.

Капитан Англия, крейсируя у этого побережья, захватил бристольский корабль "Питерборо" и судно "Победа". Первую они задержали, а вторую разграбили и уволокли. Во время своего плавания Англия встретил два корабля, но те, укрывшись под замком на мысе Корсо, безуспешно пытались их поджечь. Затем он отплыл к дороге Уайда, где капитан Ла Буш побывал до Англии, и не оставил ему никаких трофеев. Теперь он вошел в гавань, очистил свой собственный корабль и оснастил им "Питерборо", который назвал "Победа". В течение нескольких недель пираты оставались в этом квартале, предаваясь всевозможным беспорядкам и разврату, пока туземцы, возмущенные их поведением, не дошли до открытого разрыва, когда несколько негров были убиты, а один из их городов пираты подожгли.

Покинув этот порт, пираты, оказавшись в море, решили голосованием отплыть в Ост-Индию и прибыли на Мадагаскар. Поплавав и взяв немного провизии, они отплыли к побережью Малабара. Это место находится на территории Могольской империи и является одним из самых красивых и плодородных ее районов. Оно простирается от побережья Канора до мыса Коморин. Исконные аборигены - негры, но в новейшее время сюда завезли смешанную расу магометан, которые, как правило, являются торговцами. Обогнув почти половину земного шара, буквально ища, кого бы поглотить, наши пираты прибыли на это доселе неисследованное и плодovitое поле для своих операций.

Вскоре после поселения на Мадагаскаре они отправились в плавание, в ходе которого захватили два индийских судна и голландца. Обменяв последнее на одно из своих, они снова взяли курс на Мадагаскар. Несколько человек из их команды были отправлены на берег с палатками и боеприпасами, чтобы убить всех зверей и оленину, которых мог предложить остров. Они также решили отправиться на поиски экипажа Эвери, который, как им было известно, обосновался на острове; но поскольку их резиденция находилась на другой стороне острова, единственным плодом их поисков стала потеря времени и труда.

Они пробыли здесь совсем недолго, затем взяли курс на Йоханну и, выйдя из этой гавани, столкнулись с двумя английскими судами и одним остендским кораблем, все индийские, которые после отчаянной схватки захватили. Подробности этого необычного действия изложены в следующем письме капитана Макра.

"Бомбей, 16 ноября 1720 года.

Мы прибыли 25 июля прошлого года вместе с кораблем "Гринвич" на остров Джоханна, расположенный недалеко от Мадагаскара. Зайдя туда, чтобы освежиться, мы обнаружили четырнадцать пиратов, приплывших на своих каноэ с Майотты, где пиратский корабль, которому они принадлежали, а именно "Индийская королева", двести пятьдесят тонн, двадцать восемь пушек и девяносто человек, под командованием капитана Оливера де ла Буша, направлявшийся от берегов Гвинеи в Ост-Индию, был разбит и потерян. По их словам,

они оставили капитана и сорок своих людей, построив новое судно, чтобы продолжить свои коварные замыслы. Мы с капитаном Кирби решили, что Ост-Индской компании будет полезно уничтожить такое гнездо разбойников, и были готовы отплыть с этой целью 17 августа, около восьми часов утра, когда обнаружили двух пиратов, стоящих в бухте Джоханна, один из тридцати четырех, а другой из тридцати шести пушек. Я немедленно отправился на борт "Гринвича", где они, казалось, очень усердно готовились к бою, и оставил капитана Кирби с взаимными обещаниями держаться друг друга. Затем я отшвартовался, встал под парус и привел две шлюпки, чтобы грести к "Гринвичу"; но он, будучи открыт долине и бризу, старался держаться от меня подальше; находившийся в нашей компании "Остендер" с двадцатью двумя пушками, увидев это, сделал то же самое, хотя капитан сердечно обещал вступить с нами в бой и, полагаю, сдержал бы свое слово, если бы капитан Кирби сдержал свое. Примерно через полчаса после двенадцати я несколько раз призывал "Гринвич" спуститься к нам на помощь и выстрелил в него, но безрезультатно; хотя мы не сомневались, что он присоединится к нам, поскольку, оказавшись в лиге от нас, он привел свой корабль и посмотрел на нас, однако и он, и "Остендер" подло покинули нас и оставили нас наедине с варварскими и бесчеловечными врагами, над которыми развевались их черные и кровавые флаги, без малейшего шанса спастись, но быть разрубленными на куски. Но Бог в своем благом провидении распорядился иначе, ибо, несмотря на их превосходство, мы продержались с ними обоими около трех часов; за это время самая большая из них получила несколько выстрелов между ветром и водой, что заставило ее немного отойти, чтобы остановить течь. Другая пыталась всеми силами взять нас на abordаж, гребя веслами, находясь от нас на расстоянии половины длины корабля более часа; но, к счастью, мы разнесли все ее весла в щепки, что помешало им и, как следствие, спасло нам жизнь.

"Около четырех часов большинство офицеров и людей, находившихся на квартердеке, были убиты и ранены, самый большой корабль с усердием приближался к нам, находясь все еще на расстоянии кабельтова от нас, часто давая нам широкие борта; теперь, не надеясь на то, что капитан Кирби придет к нам на помощь, мы попытались выбраться на берег; и хотя мы зачерпнули на четыре фута воды больше, чем пират, Богу было угодно, чтобы он закрепился на более высокой земле, чем та, на которую мы свалились; поэтому он во второй раз не смог высадиться на нас. Здесь мы вступили в более жестокую схватку, чем прежде: все мои офицеры и большинство моих людей вели себя с неожиданной храбростью, и, поскольку мы имели значительное преимущество, попав ему в нос, мы нанесли ему большой урон, так что если бы капитан Кирби пришел тогда, я думаю, мы бы взяли оба судна, поскольку одно из них было у нас точно; но другой пират (который все еще обстреливал нас), видя, что "Гринвич" не предлагает нам помощь, снабдил своего помощника тремя лодками, полными свежих людей. Около пяти часов вечера "Гринвич" ушел в море, оставив нас бороться за жизнь в самых челюстях смерти; другой пират, который был на плаву, увидев это, вытащил коромысло и подгрел к нашей корме.

"К тому времени многие из моих людей были убиты и ранены, и у нас не оставалось надежды спастись от убийства разъяренными варварами-завоевателями, я приказал всем, кто мог, перебраться в баркас под прикрытием дыма наших пушек; так что, благодаря тому, что одни плыли в лодках, а другие вплавь, большинство из нас, кто был в состоянии, добрались до берега к семи часам. Когда пираты поднялись на борт, они изрубили на куски трех наших раненых. Я с некоторыми из моих людей поспешил в Кингс-таун, расположенный в двадцати пяти милях от нас, куда прибыл на следующий день, почти мертвый от усталости и потери крови, будучи тяжело ранен в голову мушкетным шаром.

"В этом городе я услышал, что пираты предложили деревенским жителям десять тысяч долларов за то, чтобы они привезли меня, и многие из них согласились бы, только они знали, что король и все его главные люди были заинтересованы в моем приезде. Тем временем я распространил информацию о том, что умер от ран, что значительно умиротворило их ярость. Примерно через десять дней после этого, вполне оправившись и надеясь, что злоба наших врагов уже близка к завершению, я начал размышлять о том, в каком плачевном состоянии мы оказались; оказавшись в месте, где у нас не было никакой надежды получить проезд домой, все мы были в некотором роде голыми, не имея времени взять с собой ни рубашки, ни пары обуви, кроме того, что было на нас. Получив разрешение взойти на борт пиратов с обещанием безопасности, некоторые из их начальников знали меня, и некоторые из них плавали со мной, что я считал большим преимуществом; потому что, несмотря на их обещание, некоторые из них разрезали бы меня на куски, и все, что не вошло бы в их число, если бы не их главный капитан, Эдвард Ингленд, и некоторые другие, которых я знал. Они поговаривали о том, чтобы сжечь один из своих кораблей, который мы так полностью вывели из строя, чтобы он больше не был им полезен, и приспособить "Кассандру" в ее помещении; но в конце концов я так хорошо справился с этим делом, что они сделали мне подарок из упомянутого разбитого корабля, который был голландской постройки и назывался "Фэнси"; его груз составлял около трехсот тонн. Я также приобрел сто двадцать девять тюков сукна Компании, хотя они не дали мне ни лоскута моей собственной одежды.

"Они отплыли 3 сентября, а я, с мачтами и старыми парусами, которые они мне оставили, вышел в путь 8 числа, чтобы сделать то же самое, вместе с сорока тремя членами команды моего корабля, включая двух пассажиров и двенадцать солдат; на борту было не более пяти туннов воды. После сорока восьми дней плавания я прибыл сюда 26 октября, почти голый и голодный, с пинтой воды в день, и почти отчаявшись когда-либо увидеть землю из-за штилей, которые мы встретили между побережьем Аравии и Малабара.

"Всего у нас было тринадцать человек убитых и двадцать четыре раненых; нам сказали, что мы уничтожили около девяноста или ста пиратов. Когда они покинули нас, на обоих кораблях было около трехсот белых и восьмидесяти черных. Я убежден, что если бы наш консул Гринвич исполнил свой долг, мы бы уничтожили их обоих и получили двести тысяч фунтов для наших хозяев и себя; тогда как гибель "Кассандры" можно справедливо отнести на счет того, что он нас покинул. Я сдал все тюки, которые мне выдали, на склад Компании, за что губернатор и совет назначили мне вознаграждение. Наш губернатор, мистер Бун, который чрезвычайно добр и вежлив со мной, приказал мне отправиться домой вместе с пакетом; но капитан Харви, которому было дано предварительное обещание, прибыв с флотом, отправился в мою комнату. Губернатор обещал мне путешествие по стране, чтобы возместить мои потери, и хотел, чтобы я остался и сопровождал его в Англию в следующем году".

Капитан Макра, безусловно, подвергся неминуемой опасности, доверив себя и своих людей пиратскому кораблю, и, несомненно, ничто, кроме отчаянных обстоятельств, в которых он оказался, не могло оправдать столь опасный шаг. Однако честь и влияние капитана Ингленда защитили его и его людей от ярости команды, которая охотно отомстила бы им.

Приятно обнаружить хоть один пример великодушия или чести среди такой заброшенной расы, которая пренебрегает всеми законами чести, да и вообще не приемлет ни человеческих, ни божественных законов. Капитан Ингленд был настолько расположен к капитану Макре, что сообщил ему, что ему с немалым трудом удастся уберечь его и его

людей от ярости команды, которая была сильно разгневана оказанным сопротивлением. Он также сообщил ему, что его влияние и авторитет среди них уступают капитану Тейлору, главным образом потому, что нравы последнего были более дикими и жестокими. Поэтому они посоветовались между собой, как лучше всего заручиться благосклонностью Тейлора и сохранить его хорошее настроение. Макра заставил пунш литься в изобилии и прибегнул ко всем ухищрениям, чтобы успокоить разум этого свирепого злодея.

Один случай также оказался весьма благоприятным для несчастного капитана. Случилось так, что на квартердеке появился пират с огромными усами, деревянной ногой и увешанный пистолетами, который с криками и руганью спросил, "где капитан Макра". Естественно, он решил, что этот варварского вида парень будет его палачом; но, приблизившись, он взял капитана за руку, поклявшись, "что он честный человек, и что он раньше плавал с ним, и будет стоять за него; и пусть он увидит человека, который его тронет". На этом спор был прекращен, а настроение капитана Тейлора настолько улучшилось от пунша, что он согласился отдать Макре старый пиратский корабль и столько-то тюков ткани, после чего погрузился в объятия опьянения. Англия настаивала на том, чтобы Макра поспешил прочь, дабы, протрезвев, негодяй не только отказался от своих слов, но и дал команду изрубить его и его людей на куски.

Но мягкий нрав капитана Ингланда и его великодушие по отношению к несчастному Макре стали причиной многих бед для него самого. В общем, команда, посчитав, что такое обращение с Макрой несовместимо с пиратской политикой, распространила сообщение, что он идет против них с войсками Компании. В результате этих недоброжелательных сообщений Англия лишилась своего командования, а эти жестокие злодеи высадили его вместе с тремя другими на берег острова Маврикий. Если бы Англия и его небольшая компания не были лишены всего необходимого, они могли бы безбедно существовать здесь, поскольку остров изобилует оленями, свиньями и другими животными. Однако, недовольные своим одиноким положением, капитан Ингленд и трое его людей проявили всю свою изобретательность и создали небольшое судно, на котором отплыли на Мадагаскар, где питались за счет щедрости некоторых более удачливых пиратских товарищей.

Капитан Макра и пират с деревянной ногой.

Капитан Тейлор задержал несколько офицеров и людей, принадлежавших капитану Макре, и, отремонтировав их судно, отплыл в Индию. За день до высадки на берег они заметили два корабля на востоке, и, приняв их за английские, капитан Тейлор приказал одному из офицеров корабля Макры передать ему частные сигналы между кораблями Компании, поклявшись, что если тот не сделает этого немедленно, то он разрежет его на фунтовые куски. Но бедняга, не имея возможности дать требуемую информацию, вынужден был терпеть их угрозы. Прибыв к судам, они обнаружили, что это два мавританских корабля, груженных лошадьми. Пираты подняли капитана и купцов на борт и подвергли их варварским пыткам, чтобы заставить рассказать, где они спрятали свои сокровища. Однако их ждало разочарование; на следующее утро они обнаружили землю и одновременно флот на берегу, идущий с наветренной стороны. В такой ситуации они оказались в полной растерянности, как распорядиться своими призами. Если отпустить их, то это привело бы к их обнаружению и тем самым нарушило бы цель их плавания; а топить людей и лошадей было невыносимо, хотя многие из них были за то, чтобы принять эту меру. Однако они поставили корабль на якорь, сбросили за борт все паруса и наполовину перерубили одну из мачт.

Пока они стояли на якоре и набирали воду, один из вышеупомянутых кораблей двинулся к ним с английскими флагами, на что пираты ответили красным флагом; но они не приветствовали друг друга. Ночью они покинули корабли Маската и поплыли вслед за флотом. Около четырех утра пираты оказались в середине флота, но, видя свое огромное превосходство, были в растерянности, что предпринять. Корабль "Победа" стал дырявым, а пиратов было так мало, что им оставалось только обмануть, если возможно, английскую эскадру. Им не удалось ничего добиться от этого флота, и они получили лишь жалкое удовлетворение от того, что сожгли одну галеру. Однако в тот же день они захватили галиот,

груженный хлопком, и расспросили людей о флоте. Те заявили, что не видели кораблей с тех пор, как покинули Гого, и искренне умоляли пощадить их; но вместо того, чтобы отнестись к ним со снисхождением, их подвергли дыбе, чтобы вырвать дальнейшие признания. На следующий день подул сильный восточный ветер и порвал паруса галиота, после чего пираты посадили компанию в лодку, в которой не было ничего, кроме паруса, провизии и всего четырех галлонов воды, и, хотя они находились вне пределов видимости суши, оставили их на произвол судьбы.

Наверное, будет уместно сообщить нашим читателям, что некто Ангрия, индийский принц, обладавший значительной территорией и силой, оказался неприятным врагом для европейцев, и особенно для англичан. Калаба была его главным фортом, расположенным в нескольких лигах от Бомбея, и он владел островом в непосредственной близости от порта, откуда досаждал кораблям Компании. Его искусство подкупать министров Великого Могола и мелководье, не позволявшее приближаться большим военным кораблям, были главными причинами его безопасности.

Бомбейский флот, состоявший из четырех граблей, "Лондона", "Кандуа" и двух других кораблей, а также галиота, на борту которого для этого предприятия находилась еще тысяча человек, отплыл, чтобы напасть на форт, принадлежащий Ангрии на Малабарском побережье. Хотя их силы были велики, они потерпели полную неудачу в своем предприятии. Именно этот флот, возвращавшийся домой, и был обнаружен нашими пиратами в данный момент. Увидев пиратов, командор флота сообщил генералу мистеру Брауну, что, поскольку у них нет приказа сражаться и они отправились с другой целью, вступать с ними в бой нецелесообразно. Узнав об упущенной возможности уничтожить разбойников, губернатор Бомбея пришел в ярость и, передав командование флотом капитану Макре, приказал ему преследовать и вступать с ними в бой, где бы они ни были обнаружены.

Пираты, варварски отогнав галиот с людьми, прибыли на юг, и между Гоа и Карваром услышали выстрелы нескольких пушек, так что стали на якорь и отправили на разведку свою лодку, которая вернулась на следующее утро с известием о двух граблях, стоявших на якоре на дороге. Соответственно, они взвесились, направились к заливу, а утром были обнаружены грейферами, которые как раз успели забежать под замок Индия-Дива для защиты. Это было тем неприятнее для пиратов, что они остались без воды; поэтому некоторые из них были за то, чтобы спуститься на остров, но эта мера не нашла общего одобрения, и они поплыли к югу, захватив небольшое судно, на борту которого были только голландец и два португальца. Они послали одного из них на берег к капитану, чтобы сообщить ему, что если он даст им немного воды и свежей провизии, то сможет вернуть свое судно. Тот ответил, что, если они дадут ему право владения баром, он выполнит их просьбу. Но, подозревая в честности его намерений, они отплыли к островам Лакка-Дева, произнося страшные проклятия в адрес капитана.

Не найдя воды на этих островах, они поплыли к острову Малинда и отправили свои лодки на берег, чтобы узнать, есть ли там вода и есть ли там жители. Они вернулись с известием, что воды там много, а в домах живут только женщины и дети, мужчины же при появлении кораблей разбежались. Они поспешили снабдить себя водой, жестоко расправились с беззащитными женщинами, уничтожили много фруктовых деревьев и подожгли несколько домов.

Находясь у острова, они потеряли несколько якорей из-за скалистого грунта, а однажды, когда дул более сильный ветер, чем обычно, они были вынуждены выйти в море, оставив несколько человек и большую часть бочек с водой; но когда шторм закончился, они вернулись, чтобы забрать своих людей и воду. Провизия была почти исчерпана, и они решили навестить голландцев в Кочине. Проплыв три дня, они прибыли к Теллечери, захватили небольшое судно, принадлежавшее губернатору Адамсу, и подняли на борт его хозяина, сильно опьяневшего, который сообщил им об экспедиции капитана Макры. Это известие вызвало у них крайнее негодование. "Негодяй!" - сказали они, - "которому мы отдали корабль и подарки, чтобы он пошел против нас! Он должен быть повешен; и поскольку мы не можем выказать ему свое негодование, давайте повесим собак его людей, которые желают ему добра и сделали бы то же самое, если бы были чисты". "Если это в моих силах, - сказал квартирмейстер, - то и хозяева, и офицеры кораблей должны быть взяты с нами на будущее время, только для того, чтобы доставлять им неприятности. Теперь, Англия, мы его за это помянем".

Они направились в Каликут и, пытаясь вырезать корабль, были остановлены несколькими пушками, установленными на берегу. Один из офицеров капитана Макра в это время находился на палубе, и капитан и квартирмейстер приказали ему натягивать скобы на боках в надежде, что выстрел достанет его прежде, чем они уберутся. Он уже собирался оправдаться, но они пригрозили ему выстрелом; когда же он стал оправдываться и требовать, чтобы они пообещали спустить его на берег, то получил немилосердную взбучку от квартирмейстера; капитан Тейлор, которому принадлежала эта обязанность, был хромым на руку.

На следующий день они встретили голландский галиот, груженный известняком, направлявшийся в Каликут, на борт которого посадили капитана Фоукса; некоторые члены команды вступились за офицера Макра, но Тейлор и его команда ответили: "Если мы отпустим этого пса, который подслушал наши планы и решения, он перечеркнет все наши хорошо продуманные решения, а особенно снабжение, которого мы добиваемся от голландцев".

Прибыв в Кочин, они отправили письмо на берег на рыбацкой лодке, вышли на дорогу и встали на якорь, причем каждый корабль салютовал форту из одиннадцати пушек и получил столько же в ответ. Это был знак их радушного приема, а ночью была отправлена большая лодка, доверху нагруженная спиртными напитками и всевозможной провизией, и в ней слуга Джона Трумпета, одного из их друзей, чтобы сообщить им, что им необходимо плыть дальше на юг, где они будут снабжены как провизией, так и военными запасами.

Едва они бросили якорь в назначенном месте, как на борт поднялось несколько каноэ с белыми и чернокожими жителями, которые без перерыва оказывали все возможные добрые услуги во время их пребывания в этом месте. В частности, Джон Трампет привез большую лодку аррака и шестьдесят тюков сахара в подарок от губернатора и его дочери; первый получил взамен настольные часы, а второй - золотые часы, трофей с судна капитана Макра. Когда вся провизия оказалась на борту, "Трубач" получил в награду около шести или семи тысяч фунтов, ему салютовали тремя залпами из одиннадцати пушек, а в лодку бросили несколько полных рук серебра, чтобы люди могли собирать его по своему усмотрению.

В ту ночь ветер был слабый, и они остались на якоре, а утром были удивлены возвращением Трубы, который привел другую лодку, так же хорошо укомплектованную провизией, с сундуками с товарами и готовой одеждой, а вместе с ним и фискала этого места. В полдень они заметили парус на юге и немедленно пустились в погоню, но тот обогнал их и укрылся

под фортом Кочина. Узнав, что им не помешают забрать ее из-под крепости, они поплыли к ней, но когда форт выстрелил из двух пушек, они убежали, опасаясь более серьезной стычки, и, вернувшись, бросили якорь на прежнем месте. Они были слишком желанными гостями, чтобы их можно было отпустить, пока Джон Траппет мог их задержать. С этой целью он сообщил им, что через несколько дней этим путем должно пройти богатое судно, которым командует брат губернатора Бомбея.

Это правительство, несомненно, находится в жалком состоянии и вынуждено торговать с пиратами, чтобы обогатиться; такое правительство не будет колебаться, какими средствами можно исправить нанесенный ущерб или нажить состояние. Невозможно описать низменные и подлые принципы правительства, которое могло взять на службу такого негодяя, как Джон Труба. Он был орудием в руках правительства Кочина, и, как говорила собака в басне, "что сделано по приказу хозяина, то сделано хозяином", или, как то же самое чувство, возможно, лучше выражено в юридической аксиоме: "Qui facit per alium facit per se".

Находясь под руководством Трубача, некоторые предлагали сразу отправиться на Мадагаскар, но другие были настроены подождать, пока им не предоставят судно для склада. Большинство придерживалось последнего мнения, они взяли курс на юг и, увидев у берега корабль, хотели подойти к нему, но ветер мешал, и они разделились, один поплыл на север, а другой на юг, в надежде зацепиться за него, когда он выйдет, в каком бы направлении он ни шел. Однако теперь они едва не попали в расставленную для них ловушку. Утром, к их изумлению и ужасу, вместо того, чтобы пуститься в погоню, рядом оказались пять больших кораблей, что послужило сигналом для пиратов к наступлению. Пираты очень боялись, что это капитан Макра, чья активность и отвага уже были достаточно доказаны. Однако пиратские корабли соединились и со всей скоростью бежали от флота. За три часа погони никто из флота не настиг их, кроме одного захвата. Остаток дня прошел спокойно, и, к их великому утешению, на следующий день этот страшный флот совсем пропал из виду.

Покончив с тревогой, они решили провести Рождество в пиршествах и веселье, чтобы утопить заботы и прогнать мысли. Одного дня им не хватило, но они продолжали веселиться несколько дней и так расточительно относились к свежей провизии, что в следующем плавании их посадили на короткое довольствие, и только благодаря сахару и прочим припасам, которые были на дырявом корабле, им удалось спастись от абсолютной голодной смерти.

В таком состоянии они достигли острова Маврикий, переоборудовали "Победу" и покинули это место со следующей надписью на одной из стен: "Покинули это место 5 апреля, чтобы отправиться на Мадагаскар за Лимосом". Так они поступили, чтобы за время их отсутствия сюда не нанесли визит. Однако плыли они не прямо на Мадагаскар, а к острову Маскариус, где по счастливой случайности столкнулись с португальским кораблем из семидесяти пушек, стоявшим на якоре. Большая часть пушек была выброшена за борт, мачты потеряны, а все судно выведено из строя штормом; таким образом, оно стало легкой добычей пиратов. На борту находились Конде де Эрисейра, вице-король Гоа, отправившийся в бесплодную экспедицию против индийца Ангрии, и несколько пассажиров. Помимо других ценных предметов и специй, они обнаружили на корабле бриллианты на сумму в четыре миллиона долларов. Предположив, что на корабле находится англичанин, вице-король на следующее утро поднялся на борт, попал в плен и был вынужден заплатить две тысячи долларов в качестве выкупа за себя и других пленников. После этого его отправили на берег с явным обещанием оставить корабль, который доставит его и его спутников в другой порт.

Тем временем пираты получили сведения, что с подветренной стороны от острова находится судно, которое они преследовали и захватили. Но вместо того, чтобы выполнить обещание, данное вице-королю, что они легко могли бы сделать, они отправили Остендера вместе с некоторыми своими людьми на Мадагаскар, чтобы сообщить друзьям о своем успехе, с указанием подготовить мачты для приза; и вскоре они последовали за ним, взяв с собой две тысячи негров на португальском судне.

Мадагаскар - остров размером больше Великобритании, расположенный у восточного побережья Африки и изобилующий всевозможными продуктами, такими как волы, козы, овцы, домашняя птица, рыба, цитроны, апельсины, тамаринды, финики, орехи какао, бананы, воск, мед, рис, хлопок, индиго и все другие фрукты, распространенные в этой части света; черное дерево, из которого делают копья, камедь нескольких видов и многие другие ценные продукты. Здесь, в бухте Святого Августина, корабли иногда останавливаются, чтобы набрать воды, когда совершают внутренний переход в Индию и не собираются останавливаться в Иоганне.

Когда португальский корабль прибыл туда, они получили сведения, что остендерцы воспользовались часом, когда люди были в состоянии алкогольного опьянения, поднялись на них и понесли корабль в Мозамбик, откуда губернатор приказал ему отправиться в Гоа.

Теперь пираты делили добычу, получая по сорок два бриллианта на человека или в меньшей пропорции в зависимости от их величины. Глупый весельчак, получивший большой алмаз стоимостью сорок два, был очень недоволен, пошел и разбил его на куски, воскликнув, что у него гораздо больше акций, чем у любого из них. Некоторые из них, не желая рисковать потерять свои сокровища, а возможно, и жизнь, решили остаться со своими друзьями на Мадагаскаре с условием, что вся добыча достанется самым долговязым. Теперь число искателей приключений уменьшилось, они сожгли "Вице-короля", очистили "Кассандру", а оставшиеся перешли на ее борт под командованием Тейлора, которого мы должны ненадолго оставить, чтобы дать отчет об эскадре, прибывшей в Индию в 1721 году.

Когда коммодор прибыл на мыс, он получил письмо, написанное губернатором Пондишери губернатору Мадраса, в котором сообщалось, что пираты сильны в индийских морях; что у них одиннадцать парусов и пятнадцать сотен человек; Но, добавив, что многие из них в это время ушли в Бразилию и Гвинею, а другие укрепились на Мадагаскаре, Маврикии, Иоганне и Мохилле; и что команда под командованием Кондина на корабле под названием "Дракон" захватила судно с тринадцатью недостатками рупий на борту, и, разделив добычу, поселилась у своих друзей на Мадагаскаре.

Получив эти сведения, коммодор Мэтьюс отплыл к этим островам, как к наиболее вероятному месту успеха. Он попытался убедить Англию в Сент-Мэри сообщить ему сведения о пиратах, но Англия отказалась, решив, что это будет почти капитуляция по своему усмотрению. Тогда он поднял пушки шлюпа "Юбилейный", находившиеся на борту, и военные моряки совершили несколько рейсов в поисках пиратов, но безрезультатно. Затем эскадра была направлена в Бомбей, получила салют из форта и после этих подвигов вернулась домой.

Пират капитан Тейлор на корабле "Кассандра" снарядил португальский корабль и решил совершить еще одно плавание в Индию, но, узнав, что в этом районе за пиратами посланы четыре корабля, он изменил свое решение и отплыл в Африку. Прибыв туда, они остановились у реки Спирито-Санкто, на побережье Мономотапы. Поскольку ни сухопутной переписки, ни морской торговли в этом месте не было, они решили, что это безопасное убежище. Однако, к их удивлению, когда они приблизились к берегу, а дело было в вечерних

сумерках, их встретили несколько выстрелов. Они немедленно бросили якорь, а утром увидели, что выстрелы были произведены из небольшого форта с шестью пушками, который они атаковали и разрушили.

Этот небольшой форт был возведен голландской Ост-Индской компанией за несколько недель до этого, и в нем находилось 150 человек, половина из которых погибла от болезней или по другим причинам. По их просьбе шестнадцать из них были приняты в общество пиратов; остальные тоже были бы приняты, если бы не были голландцами, к которым они питали глубокую неприязнь.

В этом месте они пробыли четыре месяца, ремонтируя свои суда и развлекаясь всевозможными забавами, пока скудость провизии не пробудила их к труду и старанию. Однако они оставили голодающим голландцам несколько посылок с товарами, которые Майнхир с радостью обменял на провизию на следующем судне, пришедшем в этот форт.

Покинув это место, они разделились во мнениях, каким курсом им следовать; одни отправились на португальский призыв и, отплыв на Мадагаскар, отказались от пиратской жизни, а другие, взяв на борт "Кассандру", отплыли в испанскую Вест-Индию. Военный корабль "Русалка", возвращаясь с конвоя, подошел к пиратам и хотел напасть на них, но на совете было решено, что это нецелесообразно, и пираты сбежали. Однако на Ямайку был отправлен шлюп с известием, а за ними - корабль "Ланкастер", но они опоздали на несколько дней: пираты со всеми своими богатствами сдались губернатору Портобелло.

РАССКАЗ О ПИРАТАХ ЛИННА

И Томас Вил, который был погребен в своей пещере Великим землетрясением.

.

В 1658 году в Новой Англии произошло сильное землетрясение. За некоторое время до этого, в один приятный вечер, чуть позже захода солнца, было замечено небольшое судно, бросившее якорь недалеко от устья реки Саугус. Вскоре с его борта спустили лодку, в которую спустились четверо мужчин и, проплыв вверх по реке значительное расстояние, высадились и направились напрямик в лес. Их заметили лишь несколько человек, но в те ранние времена, когда люди были окружены опасностью и легко поддавались тревоге, такое происшествие должно было пробудить подозрения, и в течение вечера весть об этом была передана во многие дома. Утром люди, естественно, направили свои взоры на берег в поисках странного судна - но оно исчезло, и никаких следов ни его, ни его необычной команды обнаружить не удалось. Впоследствии выяснилось, что утром один из работников железного завода, зайдя в литейную, обнаружил бумагу, на которой было написано, что если в определенном месте в лесу, которое было особо обозначено, будет изготовлено и сдано на хранение с соблюдением секретности некоторое количество кандалов, наручников, топориков и других изделий из железа, то на их месте будет найдено количество серебра, равное их полной стоимости. Изделия были изготовлены за несколько дней и помещены в соответствии с указаниями. На следующее утро они ушли, и деньги были найдены, как и было обещано; но, несмотря на то, что за ними следили, судна не было видно. Через несколько месяцев после этого четверо мужчин вернулись и выбрали для своего обитания одно из самых уединенных и романтических мест в лесах Согуса. Место их пристанища

представляло собой глубокую узкую долину, с двух сторон закрытую обрывистыми скалами, а с других - густыми соснами, болиголовом и кедрами, между которыми было лишь одно небольшое место, куда в полдень проникали лучи солнца. Поднявшись по грубым и почти перпендикулярным ступеням скалы с обеих сторон, взору открывался полный вид на залив с юга и значительную часть окружающей местности. Место, где они укрылись, с тех пор называют Глен пиратов, и они не могли бы выбрать на побережье на многие мили более благоприятное место для целей как укрытия, так и наблюдения. Даже сегодня, когда окрестности стали густо заселены, это место по-прежнему остается одиноким и безлюдным, и, наверное, ни один из сотни жителей никогда не спускался в его тихие и мрачные недра. Здесь пираты построили небольшую хижину, разбили сад и вырыли колодец, следы которого видны до сих пор. Предполагалось, что в нем они зарыли деньги, но, хотя люди копали и там, и в других местах, ничего так и не нашли. После того как они прожили там некоторое время, об их отступлении стало известно, и на побережье появился один из королевских крейсеров. Их выследили, и трое из них были схвачены и перевезены в Англию, где, вероятно, их казнили. Другой, которого звали Томас Вил, сбежал на скалу в лесу, примерно в двух милях к северу, в которой была просторная пещера, куда пираты ранее сложили часть своей добычи. Там беглец поселился и занялся ремеслом сапожника, изредка спускаясь в деревню за пропитанием. Он продолжал жить здесь до великого землетрясения 1658 года, когда вершина скалы была разрыхлена и обрушилась в устье пещеры, заключив несчастного в свою неподатливую тюрьму. С тех пор это место называют пиратской темницей. Часть пещеры до сих пор открыта, и ее часто посещают любопытные.

Эта скала расположена на возвышенности густо поросших лесом холмов, с нее открывается обширный вид на океан на пятьдесят миль к северу и югу. Вид с ее вершины сразу же убеждает зрителя, что невозможно выбрать более удобное место для прибежища банды пиратов, поскольку с ее вершины хорошо видны все суда, входящие и выходящие из гаваней Бостона, Салема и соседних портов. Река Согус течет среди холмов на небольшом расстоянии к югу, а ее многочисленные ручьи, протекающие среди густого кустарника, служат хорошим местом для укрытия лодок до тех пор, пока пираты не заметят парус, и тогда они смогут мгновенно спуститься по реке, напасть на него, разграбить и с добычей вернуться в пещеру. Очевидно, именно так они и действовали. На открытом пространстве перед скалой до сих пор видны отчетливые следы небольшого огорода, а в углу - маленький колодец, заваленный камнями и мусором; фундамент стены вокруг огорода сохранился и показывает, что место было треугольной формы и хорошо подходило для выращивания картофеля и обычных овощей. Отверстие в скале имеет высоту всего около пяти футов и простирается вглубь скалы всего на пятнадцать футов. Игла сильно притягивается вокруг него, что объясняется либо наличием магнитной железной руды, либо каким-то металлическим веществом, погребенным в недрах.

Пиратский глен, расположенный на некотором расстоянии от этого места, является одним из самых диких и живописных уголков природы. До наших дней сохранился погреб пиратской хижины, а также чистое пространство, которое, очевидно, было возделано в какой-то отдаленный период.

Скала-подземелье и пещера пирата в Линне, штат Массачусетс.

ИСТОРИЯ ПИРАТОВ ЛАДРОНА

И их грабежи на побережье Китая: с рассказом о предприятиях и победах госпожи Чинг, женщины-пирата

Ладроны, как их окрестили португальцы в Макао, первоначально были недовольными китайцами, восставшими против гнета мандаринов. Первым местом их разбоя стало западное побережье, около китайского Кочина, где они начали с нападения на небольшие торговые суда в лодках, на борту которых было от тридцати до сорока человек. Они продолжали эту систему пиратства, процветали и росли в численности в течение нескольких лет. В конце концов слава об их успехах, а также угнетение и ужасающая бедность и нужда, в которых трудились многие из низших слоев китайцев, привели к тому, что их группы стали увеличиваться с поразительной быстротой. Рыбаки и другие обездоленные классы сотнями стекались к ним, и их дерзость росла вместе с их числом, они не только заполонили побережье, но и перекрыли все реки, напали и захватили несколько больших правительственных военных джонок, на каждой из которых было от десяти до пятнадцати пушек - добавив эти джонки к своим лодкам, пираты сформировали огромный флот, который всегда был у берега, так что ни одно маленькое судно не могло безопасно торговать на побережье. Когда им не хватало добычи на море, они обкладывали данью землю. Сначала они привыкли выходить на берег и нападать на приморские деревни, но, став смелее, подобно буканьерам, совершали дальние путешествия вглубь страны, захватывали и грабили даже крупные города.

Энергичная попытка китайского правительства уничтожить их только увеличила их силу, так как в первом же столкновении с пиратами двадцать восемь императорских джонок были разбиты, а оставшиеся двенадцать спаслись, поспешно отступив.

Захваченные джонки, полностью снаряженные для войны, стали большим приобретением для разбойников, численность которых теперь росла быстрее, чем когда-либо. В 1809 году, когда мистер Гласпул имел несчастье попасть к ним в руки, их сила достигла 70 000 человек, которые управляли восемьюстами большими судами и тысячей малых, включая гребные лодки. Они были разделены на шесть больших эскадр под разными флагами: красным, желтым, зеленым, синим, черным и белым. "Эти осы океана", как называет их китайский историк, отличались еще и именами своих командиров: среди них некий *Чинг-Их* наиболее отличился своей доблестью и поведением. Постепенно Чинг получил почти верховное командование над всем объединенным флотом; и так уверен был этот разбойник в своих силах и ежедневно увеличивающихся средствах, что стремился к царскому достоинству и дошел до того, что открыто заявил о своем патриотическом намерении свергнуть нынешнюю татарскую семью с китайского трона и восстановить древнюю китайскую династию. Но, к несчастью для честлюбивого пирата, он погиб в сильном шторме, и вместо того, чтобы посадить государя на китайский трон, он и его возвышенные устремления были погребены в желтом море. И вот наступает самый примечательный момент в истории этих пиратов - примечательный для любого сословия людей, но вдвойне примечательный для китайцев, которые придерживаются более чем общепринятого восточного мнения о неполноценности прекрасного пола. После смерти *Чинг-Иха* его законная жена имела достаточное влияние на вольных разбойников, чтобы склонить их признать ее власть вместо власти покойного мужа, и она назначила некоего *Пау* своим лейтенантом и премьер-министром, при этом она должна была считаться хозяйкой или главнокомандующей объединенных эскадр.

Этот *Пау* был бедным мальчиком-рыбаком, которого вместе с отцом взял в море на рыбалке *Чинг-Их*, чьей доброй волей и благосклонностью ему посчастливилось плениться, и от которого перед смертью пирата он получил звание капитана. Вместо того чтобы прийти в упадок под властью женщины, пираты стали еще более предприимчивыми, чем прежде. Вдова Чинга была не только умна, но и храбра, как и ее лейтенант Пау. Вместе они составили свод законов для лучшего регулирования деятельности вольных разбойников.

В нем было постановлено, что если кто-либо частным образом выйдет на берег или совершит то, что они называли "нарушением правил", то ему в присутствии всего флота должны быть перерезаны уши; повторение того же противозаконного действия - смерть! Ни один предмет, каким бы ничтожным по стоимости он ни был, не должен был быть вычтен из добычи или награбленного имущества. Все, что они брали, регулярно заносилось в реестр их запасов. Следующий пункт кодекса госпожи *Чинг* еще более деликатен. Никто не должен развратничать в свое удовольствие с пленными женщинами, взятыми в деревнях и открытых местах и доставленными на борт корабля; он должен сначала попросить разрешения у корабельного коменданта, а затем отойти в трюм корабля. Применение насилия к любой женщине или вступление с ней в брак без разрешения карается смертью".

С помощью этих средств на борту кораблей поддерживалась замечательная дисциплина, а крестьяне на берегу никогда не позволяли пиратам нуждаться в порохе, провизии или других необходимых вещах. В пиратской экспедиции продвижение или отступление без приказа было смертным преступлением. Под руководством женщины и под влиянием этих философских институтов разбойники продолжали бороздить китайское море, грабя все суда, которые попадались им на пути. Мандарин времен Великой войны Кволанг-лин отплыл от Бокка-Тигриси в море, чтобы сразиться с пиратами. Пау устроил ему грандиозное побоище и одержал великолепную победу. Во время этой битвы, длившейся с утра до ночи, мандарин Кволанг-лин, сам отчаянный парень, направил пушку на Пау, который упал на палубу, когда пуля разлетелась; его удрученная команда решила, что с ним все кончено. Но Пау был

быстро соображающим. Он разглядел недружественные намерения мандарина и бросился вниз. Вскоре после этого "Великий мандарин" был захвачен вместе с пятнадцатью джонками; три из них были потоплены. Лейтенант пиратов поступил бы с ним милосердно, но свирепый старик вдруг схватил его за волосы на макушке головы и оскалился, чтобы спровоцировать его на убийство. Но даже тогда Пау говорил с ним ласково. После этого он покончил с собой, будучи семидесяти лет от роду.

После нескольких побед и поражений китайский историк рассказывает, что наши военные моряки, сопровождавшие несколько торговых судов, случайно встретили в море пиратского вождя по прозвищу "Жемчужина экипажа". Торговцы сильно испугались, но наш командир сказал: "Это не флаг вдовы Чинг-Их, мы им подходим, поэтому мы нападём и победим их". Завязалась битва; они нападали друг на друга с оружием и камнями, много людей было убито и ранено. Ближе к вечеру бой прекратился, а на следующее утро начался снова. Пираты и военные находились очень близко друг к другу и взаимно хвастались своей силой и доблестью. Торговцы держались на некотором расстоянии; они видели, как пираты подмешивали порох в свой напиток, - лицо и глаза у них мгновенно покраснели, и они стали отчаянно драться. Этот бой продолжался три дня и ночи без перерыва; наконец, уставшие с обеих сторон, они разошлись.

Чтобы понять этот бесславный вестник, читатель должен помнить, что многие из сражавшихся держали в руках только луки и стрелы и бросали камни, а китайский порох и оружие крайне плохи. Пафос заключения несколько напоминает депешу ирландца во время американской войны: "Это была кровавая битва, пока она длилась; а командир морской пехоты потерял свою картузную коробку".

Против них в море был отправлен адмирал Тинг Ривер. Он был застигнут врасплох на якоре вечно бдительными пау, для которых многие рыбаки и другие жители побережья, должно быть, служили дружественными шпионами. Видя, что бегство невозможно, а его офицеры стоят бледные и безучастные у флагштока, адмирал призвал их, заручившись поддержкой отцов и матерей, жен и детей, надеждами на блестящую награду в случае успеха и на возмездие в случае гибели, выполнить свой долг, и бой начался. Адмиралу посчастливилось с самого начала убить из одной из своих пушек капитана пиратов, "жемчужину экипажа". Но разбойники сгущались вокруг него все гуще и гуще, и когда страшный Пау положил его на борт, без помощи и надежды, Мандарин покончил с собой. Огромное количество его людей погибло в море, а двадцать пять судов были потеряны. После поражения китайское правительство решило лишить их всех запасов продовольствия и уморить голодом. Всем судам, находившимся в порту, было приказано оставаться там, а тем, что были в море или на побережье, - возвращаться со всей скоростью. Но пираты, преисполненные уверенности, решили напасть на сами гавани, подняться по рекам, судоходным на много миль вверх по стране, и грабить деревни. Китайцы были в большом смятении, когда увидели, что они осмелились подняться выше правительственных фортов.

Пираты разделились: Госпожа Чинг грабила в одном месте, Пау - в другом, О-по-тэ - в третьем и т. д.

Именно в это время мистер Гласпул имел несчастье попасть в их власть. Этому джентльмену, в то время офицеру на корабле Ост-Индской компании "Маркиз Эли", стоявшем на якоре у острова примерно в двенадцати милях от Макао, было приказано отправиться в это место с лодкой, чтобы найти лоцмана. Он покинул корабль на одном из катеров с семьёй британскими моряками, хорошо вооружёнными, 17 сентября 1809 года. Он благополучно добрался до Макао и, сделав там свои дела и наняв лоцмана, на следующий

день вернулся на корабль. Но, к несчастью, корабль бросил якорь и стоял под парусами, а из-за шквалистой погоды, сопровождавшейся густым туманом, шлюпка не смогла добраться до него, и мистер Гласспул со своими людьми и лоцманом остались в море, в открытой шлюпке. "Наше положение, - рассказывает этот джентльмен, - было поистине бедственным: быстро надвигалась ночь, надвигалась угроза, дул свежий ветер, шел сильный дождь, и море было тяжелым; наша лодка была очень дырявой, без компаса, якоря и провизии, и мы быстро дрейфовали на левом берегу, окруженном опасными скалами и населенном самыми варварскими пиратами".

Промучившись целых три дня, мистер Гласспул по совету лоцмана направился к узкому каналу, где вскоре обнаружил три больших судна на якоре, которые, увидев английскую лодку, взвесились и поплыли к ней. Лоцман сказал мистеру Гласспулу, что это ладронцы и что если они захватят судно, то непременно предадут их всех смерти! В течение шести часов они гребли изо всех сил, но на следующее утро, столкнувшись с большой флотилией пиратов, которую англичане приняли за рыбацкие лодки, попали в плен.

"Около двадцати дико выглядевших злодеев, - рассказывает мистер Гласспул, - которые были уложены на дно лодки, выпрыгнули на борт. Они были вооружены короткими мечами в каждой руке, один из которых они положили нам на шею, а другой направили на грудь, не сводя глаз со своего офицера, ожидая его сигнала рубить или отступить. Видя, что мы не в состоянии оказать никакого сопротивления, офицер убрал шпагу в ножны, и остальные немедленно последовали его примеру. Затем они затащили нас в свою лодку и перевезли на борт одной из своих джонок с самыми зверскими демонстрациями радости и, как мы предполагали, чтобы пытать и предать нас жестокой смерти".

На борту джонки они растерзали англичан и принесли тяжелые цепи, чтобы приковать их к палубе.

"В это время подошла лодка и доставила меня с одним из моих людей и переводчиком на борт судна вождя. Затем я предстал перед вождем. Он сидел на палубе в большом кресле, одетый в пурпурный шелк, с черным тюрбаном на голове. На вид ему было около тридцати лет, крепкий мужчина с властным взглядом. Он взял меня за пальто и притянул к себе; затем очень строго спросил переводчика, кто мы такие и что у нас за дело в этой части страны. Я сказал ему, что мы англичане, попавшие в беду и пробывшие четыре дня в море без провизии. Он не поверил, но сказал, что мы плохие люди и что он предаст нас всех смерти, а затем приказал нескольким людям подвергнуть переводчика пыткам, пока он не признается в правде. По этому случаю один ладронец, который однажды побывал в Англии и знал несколько слов по-английски, пришел к вождю и сказал ему, что мы действительно англичане и что у нас много денег, добавив, что пуговицы на моем пальто золотые. Затем вождь заказал нам грубого коричневого риса, из которого мы приготовили сносный обед, так как почти четыре дня ничего не ели, кроме нескольких зеленых апельсинов. Во время трапезы вокруг нас столпилось несколько ладронов, которые осматривали нашу одежду и волосы и всячески досаждали нам. Несколько из них принесли мечи и положили их нам на шею, делая знаки, что скоро вытащат нас на берег и разрубят на куски, что, к сожалению, стало судьбой нескольких сотен человек за время моего плена. Меня вызвали к вождю, который разговаривал с переводчиком: он сказал, что я должен написать своему капитану и сказать ему, что если он не пришлет сто тысяч долларов за наш выкуп, то через десять дней он предаст нас всех смерти".

После тщетных уговоров уменьшить сумму выкупа мистер Гласспул написал письмо, и небольшая лодка, приставшая к борту, доставила его в Макао.

Рано ночью флот отплыл и около часа дня следующего дня бросил якорь в бухте под островом Лантоу, где стоял на якоре главный адмирал Ладронес (наш знакомый Пау) с примерно двумя сотнями судов и захваченным ими за несколько дней до этого португальским бригом, капитана и часть команды которого они убили. Рано утром следующего дня подошла рыбацкая лодка, чтобы узнать, не захватили ли они европейское судно; они подошли к судну, на котором находились англичане.

"Один из лодочников говорил несколько слов по-английски и сказал мне, что у него есть пропуск в Ладрон и что его послал наш капитан на наши поиски; я был весьма удивлен, обнаружив, что у него нет письма. Он оказался хорошо знаком с вождем и весь день просидел в своей каюте, куря опиум и играя в карты. Вечером меня вместе с переводчиком вызвали к вождю. Он расспрашивал нас в гораздо более мягком тоне, заявив, что теперь считает нас англичанами, с которыми хотел бы поддерживать дружеские отношения, и что если наш капитан одолжит ему семьдесят тысяч долларов до возвращения из плавания вверх по реке, то он вернет ему долг и отправит нас всех в Макао. Я заверил его, что писать на таких условиях бесполезно, и, если выкуп не будет быстро улажен, английский флот отплывет и сделает наше расширение совершенно неэффективным. Он остался непреклонен и сказал, что если выкуп не будет отправлен, он удержит нас, заставит сражаться или предаст смерти. Я написал письмо и передал его человеку с упомянутой лодки. Он сказал, что не сможет ответить менее чем через пять дней. Теперь вождь отдал мне письмо, которое я написал, когда его только взяли. Я так и не смог выяснить причины, по которым он задержал его, но полагаю, что он не осмелился вступить в переговоры о нашем выкупе без приказа главного адмирала, который, как я понял, был огорчен нашим захватом. Он сказал, что английские корабли присоединятся к мандаринам и нападут на них".

Пока флот находился здесь, однажды ночью португальцы, оставшиеся на захваченном бриге, убили находившихся на его борту ладронов, перерезали тросы и, к счастью, скрылись в ночной темноте.

"На рассвете следующего утра флот, насчитывающий более пятисот парусов разных размеров, взвесился, чтобы отправиться в намеченное плавание вверх по рекам, чтобы взимать контрибуцию с городов и деревень. Невозможно описать, каковы были мои чувства в это критическое время, когда я не получал ответов на свои письма, а флот находился в пути, чтобы отплыть на сотни миль в страну, которую никогда не посещали европейцы, и оставаться там, вероятно, в течение многих месяцев, что сделает все возможности для переговоров о нашем расширении совершенно неэффективными; поскольку единственным средством сообщения являются лодки, имеющие пропуск от ладронов, а они не смеют отплывать дальше двадцати миль от Макао, будучи вынуждены приходить и уходить ночью, чтобы избежать мандаринов; и если эти лодки будут замечены в каких-либо сношениях с ладронами, их немедленно предают смерти, и все их родственники, хотя они и не участвовали в преступлении, разделяют наказание, чтобы не осталось ни одного человека из их семей, который мог бы подражать их преступлениям или отомстить за их смерть."

Ниже приводится очень трогательный случай из рассказа мистера Гласпула.

"В среду 26 сентября, с рассветом, мы прошли мимо наших кораблей, стоявших на якоре под островом Чун-По. Тогда вождь позвал меня, указал на корабли и велел переводчику сказать, чтобы мы смотрели на них, потому что мы их больше никогда не увидим! Около полудня мы вошли в реку к западу от Боге. В трех или четырех милях от входа мы миновали большой город, расположенный на склоне красивого холма, который впадает в Ладронес; жители приветствовали их песнями, когда они проходили мимо".

Совершив множество мелких грабежей, "ладроны приготовились напасть на город с грозными силами, собранными в лодках с разных судов. Они послали в город гонца, требуя дань в размере десяти тысяч долларов в год, заявив, что если эти условия не будут выполнены, они высадятся на берег, разрушат город и убьют всех жителей: они бы непременно это сделали, если бы город находился в более выгодном положении для их целей; но, оказавшись вне досягаемости их выстрелов, они позволили им договориться. Жители согласились заплатить шесть тысяч долларов, которые они должны были получить к моменту нашего возвращения вниз по реке. Эта хитрость возымела желаемый эффект, так как за время нашего отсутствия они установили несколько пушек на холме, откуда был виден проход, и дали нам вместо долларов горячий салют по возвращении.

"1 октября флот взвесился ночью, опустил по течению реки и очень тихо встал на якорь перед городом, окруженным густым лесом. Рано утром ладроны собрались в гребных лодках и высадились на берег; затем подняли крик и бросились в город с мечами в руках. Жители бежали на соседние холмы, числом явно превосходящие ладронов. Мы можем легко представить себе ужас, который охватил этих несчастных людей, вынужденных покинуть свои дома и все, что было им дорого. Было очень тоскливо видеть, как женщины в слезах сжимали на руках своих младенцев и умоляли этих жестоких грабителей пощадить их! Старики и больные, которые не могли ни бежать, ни сопротивляться, были либо взяты в плен, либо самым бесчеловечным образом зарублены! Лодки, груженные добычей, и люди, перепачканные кровью, продолжали быстро переходить от джонки к берегу! Двести пятьдесят женщин и несколько детей были взяты в плен и отправлены на борт разных судов. Они не смогли бежать вместе с мужчинами из-за отвратительной практики судорожного сжимания ног; некоторые из них не могли двигаться без посторонней помощи. Фактически можно сказать, что все они скорее шатались, чем ходили. Двадцать этих бедных женщин были отправлены на борт судна, на котором я находился; их затащили на борт за волосы и обращались с ними самым диким образом. Когда вождь поднялся на борт, он расспросил их об обстоятельствах жизни их друзей и потребовал выкуп, соответственно, от шести тысяч до шестисот долларов с каждой. Он приказал им расположиться на палубе, в задней части судна, где им нечем было укрыться от непогоды, которая в это время была очень переменчивой - дни были очень жаркими, а ночи холодными, с проливными дождями. Город, в котором было разграблено все ценное, подожгли, и к утру он превратился в пепел. Флот оставался здесь три дня, ведя переговоры о выкупе пленных и грабя рыбные баки и сады. За все это время китайцы ни разу не отважились покинуть холмы, хотя на берегу одновременно находилось не более сотни ладронов, и я уверен, что людей на холмах было в десять раз больше.

"10-го числа мы соединились с Черным эскадром и прошли много миль вверх по широкой и красивой реке, миновав несколько развалин деревень, разрушенных Черным эскадром. 17-го числа флот встал на якорь поблизости от четырех грязевых батарей, защищавших город, настолько окруженный лесом, что невозможно было составить никакого представления о его размерах. Погода была очень туманной, с сильными шквалами дождя. Ладроны оставались совершенно спокойными в течение двух дней. На третий день форты в течение нескольких часов вели ожесточенный огонь: ладронцы не сделали ни одного ответного выстрела, но ночью взвесились и спустились вниз по реке. Причины, по которым они не атаковали город и не открыли ответный огонь, заключались в том, что Джосс не обещал им успеха. Они очень суеверны и по любому поводу обращаются к своему идолу. Если его предзнаменования благоприятны, они решаются на самые смелые предприятия. Теперь флот бросил якорь напротив развалин города, где женщины были взяты в плен. Здесь мы пробыли пять или шесть дней, и за это время около ста женщин были выкуплены;

остальные были выставлены на продажу среди ладронов по сорок долларов за каждую. Женщина считается законной женой покупателя, и если он откажется от нее, то будет предан смерти. Некоторые из них прыгали за борт и топились, не желая подвергаться такому позорному унижению.

"Мэй-инь, жена Ке-чу-яна, была очень красива, и когда пират собирался схватить ее за голову, она сильно оскорбила его. Пират привязал ее к руке на верфи; но когда она стала еще больше издеваться над ним, пират потащил ее вниз и сломал ей два зуба, отчего ее рот и челюсти наполнились кровью. Пират снова поднялся, чтобы связать ее. Йинг позволила ему приблизиться, но как только он подошел к ней, она вцепилась в его одежду своим кровоточащим ртом и бросила и его, и себя в реку, где они и утонули. Остальные пленники обоих полов были освобождены через несколько месяцев, заплатив выкуп в размере пятнадцати тысяч леангов или унций серебра.

"Затем флот взвесился, - продолжает мистер Гласспул, - и отправился вниз по реке, чтобы получить выкуп из вышеупомянутого города. Когда мы проходили мимо холма, они несколько раз выстрелили в нас, но безрезультатно. Ладроны были сильно раздосадованы и решили отомстить; они опустились вне пределов досягаемости их выстрелов и встали на якорь. Каждая джонка выслала на берег около сотни человек, чтобы вырезать падди и уничтожить апельсиновые рощи, что и было сделано с наибольшим эффектом на протяжении нескольких миль вниз по реке. Во время нашего пребывания здесь они получили сведения о девяти лодках, которые лежали вверх по ручью, нагруженные рисом; за ними немедленно были посланы лодки. На следующее утро эти лодки были доставлены на флот; в них было захвачено десять или двенадцать человек. Поскольку они не оказали никакого сопротивления, вождь сказал, что разрешит им стать ладронами, если они согласятся принести обычную клятву перед Джоссом. Трое или четверо из них отказались подчиниться, за что были наказаны следующим жестоким образом: им связали руки за спиной, продели через руки веревку с мачты, подняли их на три или четыре фута от палубы, и пять или шесть человек пороли их скрученными вместе раттанами, пока они не становились мертвыми; затем подняли их на мачту и оставили висеть почти час, затем спустили вниз и повторили наказание, пока они не умерли или не выполнили клятву.

"28 октября я получил письмо от капитана Кея, привезенное рыбаком, который сказал ему, что вернет нас всех за три тысячи долларов. Он посоветовал мне предложить три тысячи, а если не примут, увеличить до четырех, но не больше, так как предлагать много вначале - плохая политика: в то же время он заверил меня, что мы будем освобождены, пусть выкуп будет таким, каким он будет. Я предложил вождю три тысячи, от которых он с презрением отказался, заявив, что с ним нельзя играть, и если они не пришлют десять тысяч долларов и две большие пушки с несколькими бочками пороха, он вскоре предаст нас смерти. Я написал капитану Кею и сообщил ему о решении вождя, попросив, если представится возможность, прислать нам смену одежды, что, как легко представить, нас очень огорчило: семь недель мы были без смены, хотя постоянно находились в непогоде и, конечно, часто мокли.

"Первого ноября флот поднялся вверх по узкой реке и ночью бросил якорь в двух милях от города под названием Литтл-Уампоа. Перед ним находился небольшой форт, а в гавани стояло несколько мандаринских судов. Вождь послал ко мне переводчика, сказав, что я должен приказать своим людям сделать патроны и почистить мушкеты, чтобы утром сойти на берег. Я заверил переводчика, что не должен отдавать людям таких приказов, что они должны сами себя обслуживать. Вскоре на борт поднялся вождь, угрожая предать нас всех жестокой смерти, если мы откажемся подчиниться его приказам. Со своей стороны я

сохранял решимость и советовал людям не подчиняться, так как считал, что, сделав себя полезными, мы станем слишком ценными. Через несколько часов после этого он снова послал ко мне, сказав, что если я и квартирмейстер поможем им у больших пушек, что если и остальные люди выйдут на берег и сумеют занять это место, то он возьмет деньги, предложенные за наш выкуп, и даст им по двадцать долларов за каждую отрубленную голову китайца. Мы с радостью согласились на эти предложения, надеясь облегчить наше спасение.

"Мандаринские корабли продолжали стрелять, заблокировав вход в гавань, чтобы не допустить туда лодки ладронов. На это ладронцы пришли в ярость, и около трехсот из них выплыли на берег с коротким мечом, зажатым под мышкой; они бежали вдоль берега реки, пока не подошли к судам, а затем снова выплыли и взяли их на абордаж. Китайцы, подвергшиеся такому нападению, прыгали за борт и пытались добраться до противоположного берега; ладроны последовали за ними и разрубили большую часть из них на куски в воде. Затем они отбуксировали суда из гавани и с еще большей яростью напали на город. Жители сражались около четверти часа, а затем отступили на соседний холм, откуда их вскоре выбили с большой резней. После этого ладроны вернулись и разграбили город, причем каждая лодка покидала его с грузом. Китайцы на холмах, заметив, что большинство лодок ушло, объединились и вернули город, убив около двухсот ладронов. Один из моих людей, к сожалению, погиб в этой ужасной резне! Ладроны высадились во второй раз, вытеснили китайцев из города, затем превратили его в пепел и предали смерти всех своих пленников, не обращая внимания ни на возраст, ни на пол! Не могу не упомянуть об одном ужасном (хотя и смехотворном) обстоятельстве, которое произошло в этом месте. Ладроны получали от своего вождя по десять долларов за каждую добытую голову китайца. Один из моих людей, свернув за угол улицы, столкнулся с ладроном, яростно бегущим за китайцем; в руке у него был меч, а две головы китайцев, которые он отрубил, были связаны за хвосты и надеты ему на шею. Я сам был свидетелем того, как некоторые из них приносили по пять или шесть голов, чтобы получить плату!

"4 ноября адмирал приказал флоту немедленно идти в Лантоу, где он лежал всего с двумя судами, а три португальских корабля и бриг постоянно досаждали ему; ежедневно ожидалось несколько рейсов мандаринских судов. Флот взвесился и направился к Лантоу. Когда мы проходили мимо острова Линтин, три корабля и бриг бросились за нами в погоню. Ладроны приготовились к высадке, но ближе к ночи мы потеряли их из виду: Я убежден, что они изменили курс и удалились от нас. Эти суда находились на жалованье у китайского правительства и называли себя Непобедимой эскадрой, курсирующей по реке Тигр с целью уничтожения ладронов!

"Пятого числа, утром, красная эскадра бросила якорь в бухте под Лантоу; черная эскадра стояла к востоку. Во второй половине дня 8 ноября четыре корабля, бриг и шхуна вышли из устья бухты. Сначала пираты сильно встревожились, решив, что это английские корабли, пришедшие спасти нас. Некоторые из них пригрозили подвесить нас к форштевню, чтобы мы стреляли в них; с большим трудом мы убедили их, что это португальцы. У ладронов было только семь джонок, пригодных к бою; они вытащили их наружу и пришвартовали к берегу бухты головой и кормой, а все лодки, принадлежащие ремонтным судам, приготовили к высадке. Португальцы, наблюдавшие за этими маневрами, причалили и переговаривались на лодках. Вскоре после этого они отчалили, и каждое судно, проходя мимо, открыло огонь по своим бортам, но безрезультатно - выстрелы были очень короткими. Ладроны не сделали ни одного ответного выстрела, но махали своими цветами и бросали ракеты, чтобы побудить их подойти ближе, что они легко могли сделать, так как внешние джонки лежали в четырех

саженях воды, что я сам и проверил: хотя португальцы в своих письмах в Макао сетовали, что воды недостаточно, чтобы подойти ближе, но что они, конечно, не допустят их бегства до прибытия мандаринского флота!

Пират Ладроне, отрезающий головы китайцам.

"20 ноября рано утром мы обнаружили огромный флот мандаринских судов, стоящих в бухте. Приблизившись к нам, они выстроились в линию и встали вплотную; каждое судно, разрядив свои пушки, отчаливало, чтобы присоединиться к задним и перезарядить их. Они вели непрерывный огонь около двух часов, когда одно из их самых больших судов было взорвано зажигательной смесью, брошенной с ладронской джонки; после этого они держались на более почтительном расстоянии, но продолжали стрелять без перерыва до 21-го числа, когда наступило затишье. Ладроны взяли на буксир семь больших судов с двумя сотнями гребных лодок, которые должны были взять их на abordаж; но поднялся бриз, они подняли парус и скрылись. Ладроны вернулись в бухту и встали на якорь. Португальцы и мандарины последовали за ними и продолжали интенсивную канонаду в течение этой ночи и следующего дня. У судна, на котором я находился, была прострелена носовая мачта, которую они очень быстро восстановили, сняв грот-мачту с меньшего судна.

23-го числа, вечером, снова наступило затишье; ладроны отбуксировали пятнадцать джонок двумя дивизионами, намереваясь окружить их, что почти удалось, подобравшись к одной из них и взяв ее на abordаж, когда внезапно поднялся бриз. На захваченном судне было установлено двадцать два орудия. Большая часть команды выпрыгнула за борт; шестьдесят или семьдесят человек были схвачены, немедленно разрублены на куски и брошены в реку. Рано утром "Ладронес" вернулся в бухту и встал на якорь в том же положении, что и раньше. Португальцы и мандарины последовали за ними, ведя непрерывный огонь. Ладроны не сделали ни одного ответного выстрела, но всегда были готовы к высадке, и португальцы старались не давать им такой возможности.

"28-го числа ночью они выслали восемь огневых судов, которые, если они были правильно построены, должны были отлично справиться с задачей, имея все преимущества, которые они могли пожелать для достижения своей цели: сильный бриз и прилив, направленный в бухту, и суда, лежащие так близко друг к другу, что их невозможно было пропустить. При их первом появлении ладроны подняли общий крик, приняв их за горящие мандаринские корабли, но очень скоро убедились в своей ошибке. Они очень регулярно подходили к центру флота, по два и по два, яростно пылая; один из них прошел рядом с судном, на котором я находился, но им удалось отбить его. Это было судно весом около тридцати тонн; его трюм был заполнен соломой и деревом, а на палубе стояло несколько небольших ящиков с горючими материалами, которые взорвались рядом с нами, не причинив никакого вреда. Ладроны, однако, отбуксировали их на берег, погасили огонь и разбили на дрова. Португальцы считают своей заслугой создание этих разрушительных машин, и на самом деле они отправили депешу губернатору Макао, в которой сообщали, что уничтожили по меньшей мере треть флота Ладрона и надеются вскоре осуществить свою цель, полностью уничтожив его!

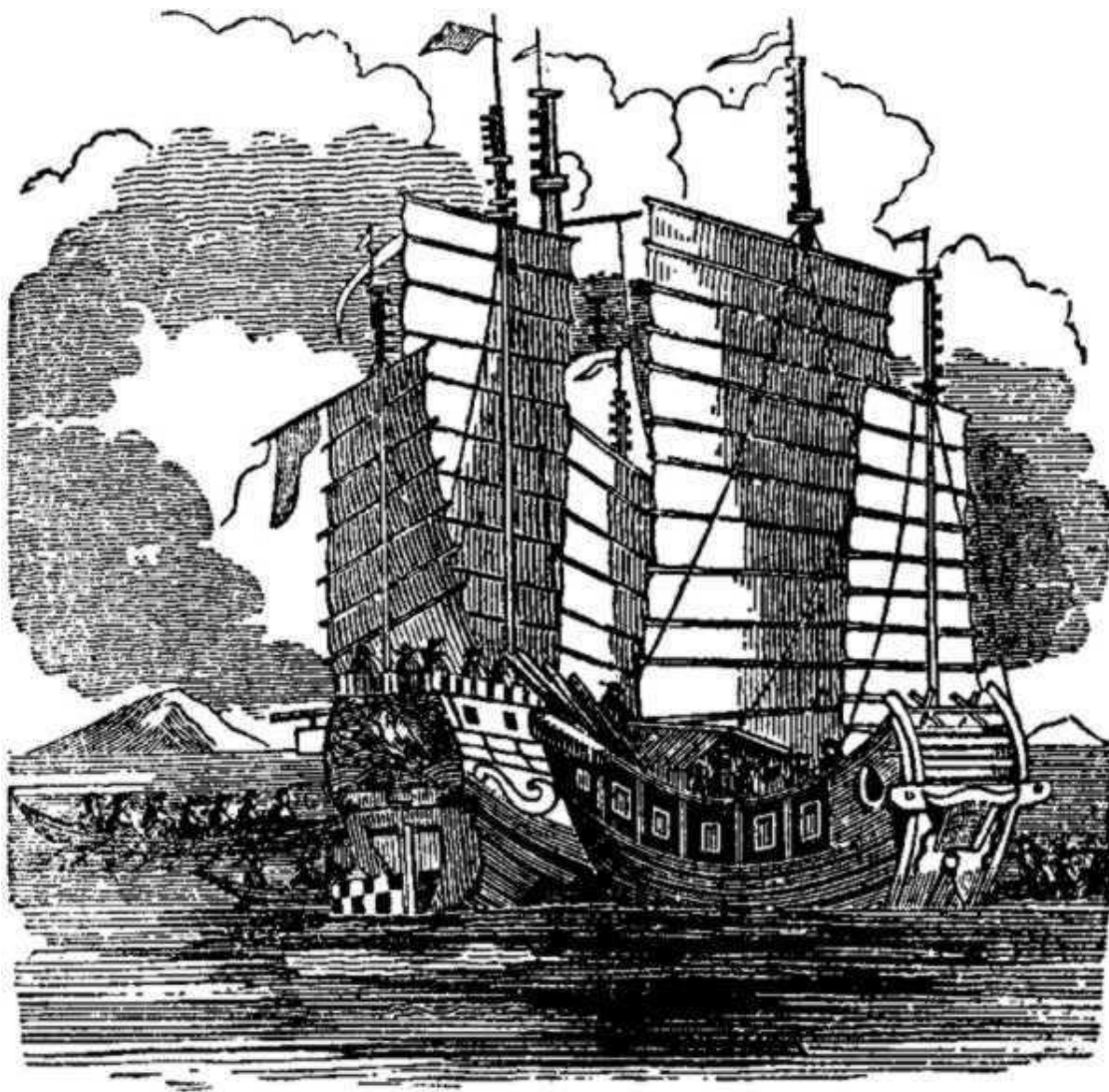
"29 ноября ладронцы были полностью готовы к выходу в море, они взвесились и смело вышли в море, бросив вызов непобедимой эскадре и императорскому флоту, состоявшему из девятина тридцати боевых кораблей, шести португальских судов, брига и шхуны. Сразу же после взвешивания ладронцы подняли все паруса. Ладроны преследовали их два или три часа, поддерживая постоянный огонь; обнаружив, что не догоняют их, они подняли ветер и встали на восток. Так закончилась хваленая блокада, продолжавшаяся девять дней, в течение которых ладроны закончили все свои ремонтные работы. В этом бою не было уничтожено ни одного ладронского судна, а их потери составили около тридцати или сорока человек. Погиб и американец, один из трех, оставшихся на шхуне из восьми человек. Мне удалось спастись дважды: первый раз двенадцатифунтовый снаряд упал в трех-четыре футах от меня; другой - выбил осколок из небольшого латунного вертлюга, на котором я стоял. Жена начальника часто окропляла меня гарлик-водой, которую они считали эффективным средством против дроби. Всю ночь флот шел под парусами, держа курс на восток. Утром они бросили якорь в большой бухте, окруженной высокими и бесплодными горами. 2 декабря я получил письмо от лейтенанта Моуна, командира крейсера "Антилопа", в котором говорилось, что выкуп у него на борту, и он уже три дня крейсирует за нами, и просил меня договориться с вождем о наиболее надежном способе его доставки. Вождь согласился отправить нас на маленькой пушечной лодке, пока мы не подойдем к "Антилопе"; затем лодка компрадора должна была привезти выкуп и принять нас. Я был так взволнован получением этой радостной новости, что с трудом смог набросать две-три строчки, чтобы сообщить лейтенанту Моуну о принятых мною мерах. Мы все были так глубоко потрясены радостной вестью, что редко закрывали глаза, но продолжали день и ночь следить за лодкой.

"6-го числа она вернулась с ответом лейтенанта Мона, в котором говорилось, что он будет уважать любую лодку, но не позволит флоту приблизиться к нему. Тогда начальник, согласно своему первому предложению, приказал взять нас на канонерскую лодку, и с немалым удовольствием мы покинули Ладронский флот около четырех часов пополудни. В час дня мы увидели "Антилопу" под всеми парусами, идущую нам навстречу. Ладронский корабль немедленно бросил якорь и отправил лодку компрадора за выкупом, сказав, что если она подойдет ближе, то они вернутся на флот; они как раз взвешивались, когда она укоротила парус и встала на якорь примерно в двух милях от нас. Лодка подошла к ней только поздно вечером, так как прилив был сильным. Она получила выкуп и покинула "Антилопу" незадолго до наступления темноты. Мандаринская лодка, затаившаяся под сушей и наблюдавшая за их

маневрами, уступила ей дорогу и была уже в нескольких саженьях от нее, когда увидела свет, на который ответили ладронцы, и "Мандарин" отчалил. Наше положение стало критическим: выкуп находился в руках ладронов, а компрадор не смел возвращаться с нами, опасаясь повторного нападения со стороны лодки Мандарина. Ладроны не хотели ждать до утра, и мы были вынуждены вернуться с ними на флот. Утром начальник осмотрел выкуп, который состоял из следующих предметов: два тюка тонкого сукна, два сундука опиума, два бочонка пороха и телескоп, остальное в долларах. Он возразил, что подозрная труба не новая, и сказал, что должен задержать одного из нас, пока не пришлют другую, или дать взамен сто долларов. Компрадор, однако, согласился с ним на сто долларов. Наконец все было улажено, и вождь приказал двум канонерским лодкам доставить нас к Антилопе; мы увидели ее перед самыми сумерками, когда лодки Ладрона покинули нас. Мы имели невыразимое удовольствие прибыть на борт "Антилопы" в семь часов вечера, где нас очень радушно приняли и сердечно поздравили с благополучным и счастливым избавлением от жалкого плена, который мы терпели одиннадцать недель и три дня.

(РИЧАРД ГЛАССПУЛ. *Китай*, 8 декабря. 1809.)

"Ладроны не имеют постоянного места жительства на берегу, но постоянно живут на своих судах. Запасная часть принадлежит капитану и его женам; обычно у него их пять или шесть. В отношении супружеских прав они религиозно строги; ни одному человеку не разрешается иметь на борту женщину, если он не женат на ней по их законам. Каждому мужчине полагается небольшой причал, около четырех футов в квадрате, где он размещается со своей женой и семьей. Судя по количеству душ, теснящихся на столь малом пространстве, естественно предположить, что они ужасно грязные, что, несомненно, так и есть, а их суда кишат всевозможными паразитами. В частности, крысами, которых они поощряют размножаться и едят как деликатесы; на самом деле, есть очень мало существ, которых они не едят. Во время нашего плена мы три недели питались гусеницами, сваренными с рисом. Они сильно пристрастились к азартным играм и проводят все свободные часы за картами и курением опиума".

Военные джонки Ладронских островов.

К моменту освобождения мистера Гласпула пираты находились в зените своего могущества; после стольких побед над мандаринскими кораблями они поставили под удар союзников императора - португальцев, и не только побережье, но и реки Поднебесной империи, казалось, были в их власти - и все же их грозное объединение не пережило этого события на много месяцев. Однако не поражение заставило его подчиниться законам. Напротив, эта необыкновенная женщина, вдова Чинг-Иха, и дерзкий Пау были победоносны и сильны как никогда, когда среди самих пиратов начались раздоры. С тех пор как благосклонность вождя возвела Пау в ранг главного командира, между ним и вождем О-по-те, командовавшим одним из флагов или подразделений флота, существовали вражда и ссоры; и только почтение и уважение, которым они оба были обязаны вдове Чинг-иха, не позволяло им долгое время обращать оружие друг против друга.

В конце концов, когда храбрый Пау был застигнут врасплох и заперт сильным отрядом императорских кораблей, О-по-тэ проявил всю свою смертельную злобу и отказался подчиниться приказам Пау и даже самой вождя, которые гласили, что он должен плыть на помощь своему сопернику.

Пау, проявив храбрость и обычную удачу, прорвался сквозь блокаду, но когда он столкнулся с О-по-тэ, его ярость была слишком сильной, чтобы ее можно было сдержать.

Поначалу О-по-тэ упирал на то, что его средств и сил недостаточно для выполнения того, что от него требовалось, но в конце концов сказал: "Я обязан прийти и присоединиться к войскам Пау?"

"Тогда ты отделишься от нас!" - вскричал Пау, разгневанный еще больше.

О-по-тэ ответил: "Я не стану отделяться".

Пау: "Почему же ты не подчиняешься приказам жены Чинг-иха и моим собственным? Что это, как не разлука, что ты не приходишь мне на помощь, когда я окружен врагом? Я поклялся, что погублю тебя, нечестивец, чтобы избавиться от этой болячки на спине".

Призыв Пау, когда его блокировали, к О-по-тае был столь же образным: "Меня донимают правительственные чиновники снаружи, в море; губы и зубы должны помогать друг другу, если отрезать губы, зубы будут чувствовать холод. Как я один смогу бороться с правительственными войсками? Поэтому вы должны идти во главе своей команды, чтобы атаковать правительственную эскадру в тылу. Я же выйду со своего поста и атакую спереди; неприятель, взятый таким образом спереди и сзади, даже если мы не сможем овладеть им, будет, конечно, приведен в беспорядок".

За гневными словами Пау последовали другие, а затем и удары. Пау, хотя в тот момент значительно уступал в силах, первым начал бой и в итоге потерпел кровопролитное поражение, потеряв шестнадцать судов. Наше отвращение к этой жестокой, отвратительной расе должно быть усилено тем фактом, что победители уничтожили всех своих пленников - триста человек!

Это был смертельный удар по конфедерации, которая так долго не поддавалась власти императора и могла привести к его свержению. О-По-Тэ, опасаясь мести Пау и его любовницы, вдовы Чинг-Иха, чьи объединенные силы в пять раз превысили бы его собственные, склонил своих людей к своим взглядам и предложил подчиниться правительству на условиях бесплатного помилования и надлежащего обеспечения для всех.

Петиция пиратов столь любопытна и столь характерна для китайцев, что заслуживает того, чтобы привести ее здесь. "По моему скромному мнению, все разбойники непреодолимой силы, независимо от того, происходят ли они от этой или какой-либо другой причины, в разное время испытывали на себе гуманность правительства. Леанг-шам, трижды грабивший город, был, тем не менее, помилован и в конце концов стал государственным министром. Ваканга, часто бросавший вызов оружию своей страны, был оставлен в живых и в конце концов стал краеугольным камнем империи. Чжу-мин семь раз помиловал Манг-хоу, а Кван-кун трижды освобождал Цау-цау. Ма-юэнь не преследовал измученных разбойников, а Йо-фэй не убивал тех, кто покорился. Можно привести множество примеров подобных сделок как в прежние, так и в недавние времена, благодаря которым страна укреплялась, а правительство увеличивало свою власть. Сейчас мы живем в очень густонаселенную эпоху; некоторые из нас не смогли договориться о своих отношениях и были изгнаны, как вредные сорняки. Некоторые, перепробовав все, что могли, и не сумев обеспечить себя, в конце концов присоединились к дурному обществу. Кто-то лишился своего имущества в результате кораблекрушения, кто-то удалился в эту водную империю, чтобы избежать наказания. Таким образом, те, кого вначале было всего три или пять человек, со временем увеличились до тысячи или десяти тысяч, и так продолжалось с каждым годом. Разве не было бы удивительно, если бы такая толпа, нуждаясь в хлебе насущном, не прибегала к грабежу и разбою, чтобы добыть себе пропитание, поскольку никаким другим способом они не могли спастись от голода? Именно из необходимости нарушались законы империи, а купцы

лишались своих товаров. Лишившись земли и родных мест, не имея ни дома, ни пристанища, полагаясь только на волю ветра и воды, даже если бы мы на мгновение забыли о своих горестях, мы могли бы столкнуться с военным кораблем, который камнями, дротиками и пушками выбил бы нам мозги! Даже если бы мы отважились плыть вверх по течению и смело идти вперед с душевным беспокойством под ветром, дождем и в штормовую погоду, мы везде должны были бы готовиться к бою. Куда бы мы ни плыли - на восток или на запад, - испытав на себе все тяготы морского пути, ночная роса была нашим единственным жилищем, а грубый ветер - пищей. Но теперь мы избежим этих опасностей, оставим наши связи и покинем наших товарищей; мы сделаем нашу покорность. Власть правительства не знает границ; она достигает островов в море, и каждый человек боится и вздыхает. О, мы должны быть уничтожены за наши преступления, никто не может спастись, кто противится законам правительства". Пусть же вы сострадаете тем, кто заслуживает смерти; пусть вы поддерживаете нас своей гуманностью!"

Правительство, которое так часто демонстрировало свою слабость, было радо устроить нереальный парад своего милосердия. Оно было слишком счастливо, чтобы мгновенно выполнить все условия, и, выражаясь языком историков, "чувствуя, что сострадание - это путь небес, что править надо по справедливости, оно искупило этих пиратов от гибели и помиловало их прежние преступления".

Однако едва О-По-Таэ поднял свой свободный флаг, а пираты оказались во власти китайцев, как многие предложили вероломно убить их всех. Губернатор оказался более благородным и гуманным, или, возможно, только более политичным, чем те, кто сделал это подлое предложение - он знал, что такое кровавое нарушение веры навсегда лишит пиратов, все еще держащих оружие, возможности добровольно подчиниться; он также хорошо знал, что, даже ослабленные дезертирством О-по-тэ, правительство не может уменьшить их силой, и он думал, что, сохраняя веру с ними, он может обратить силу тех, кто подчинился, против тех, кто все еще держался, и таким образом уничтожить пиратов вместе с пиратами. Поэтому восьми тысячам человек, которых предлагалось хладнокровно перебить, было позволено остаться невредимыми, а их предводитель О-по-тэ, сменив имя на Хо-бин, или "Блеск наставлений", был возведен в ранг императорского офицера.

Вдова Чинг-Их и ее фаворит Пау еще несколько месяцев продолжали грабить побережье, избивать китайцев, войска и корабли мандаринов и казались почти такими же сильными, как до разделения флага О-По-Тэ. Но этот пример, видимо, действовал на умы многих разбойников, и в конце концов сама незаконная героиня, которая была духом, удерживающим сложное тело вместе, видя, что О-по-тэ стал правительственным чиновником и продолжает процветать, тоже начала подумывать о том, чтобы покориться.

"Я, - сказала она, - в десять раз сильнее О-по-тэ, и, возможно, правительство, если я подчинюсь, поступит со мной так же, как с О-по-тэ".

Слух о ее намерениях достиг берега, и Мандарин отправил некоего Чоу, врача из Макао, "который, - говорит историк, - будучи уже хорошо знаком с пиратами, не нуждался в представлении", чтобы вступить с ними в предварительные переговоры.

Когда достойный врач предстал перед Пау, тот решил, что он совершил какое-то преступление и прибыл в поисках безопасности в это общее убежище - пиратский флот.

Доктор объяснил и заверил вождя, что если он покорится, то правительство склонно относиться к нему и его друзьям гораздо благосклоннее и почетнее, чем к О-по-тае. Но если

он продолжит сопротивляться, то против него будет направлено не только общее вооружение всего побережья и рек, но и О-по-тае.

В этой части своего повествования наш китайский историк снова настолько любопытен, что я приведу его слова полностью.

"Когда Фэй-хун-чау пришел к Пау, он сказал: "Друг Пау, знаешь ли ты, зачем я пришел к тебе?"

Пау: "Ты совершил какое-то преступление и пришел ко мне за защитой?"

"Чоу.-- "Ни в коем случае".

"Пау.-- "Тогда ты узнаешь, как обстоят дела с сообщением о нашей покорности, правда это или ложь?"

"Чоу": "Вы опять ошибаетесь, господин. Кто ты по сравнению с О-по-тэ?"

"Пау.-- "Кто смеет сравнивать меня с О-по-тэ?"

"Чоу": "Я хорошо знаю, что О-По-Тэ не может сравниться с вами, господин; но я хочу сказать, что раз О-По-Тэ покорился, раз он получил помилование и стал правительственным офицером, то как было бы, если бы вы со всем вашим экипажем тоже покорились, и если бы его превосходительство пожелал обращаться с вами таким же образом и дать вам такое же звание, как О-По-Тэ? Ваша покорность доставит правительству больше радости, чем покорность О-по-тэ. Вы не должны ждать мудрости, чтобы действовать мудро; вы должны принять решение подчиниться правительству со всеми своими последователями. Я окажу вам всяческое содействие, это будет средством обеспечения вашего собственного счастья и жизни всех ваших приверженцев".

Чанг-пау остался стоять как статуя, не двигаясь, а Фэй-хун Чоу продолжил: "Вы должны подумать об этом деле вовремя, а не оставаться до последнего момента. Разве не ясно, что О-по-тэ, раз уж вы не смогли договориться, присоединился к правительству. Разгневанный против вас, он, объединившись с правительственными войсками, будет бороться за ваше уничтожение; а кто может помочь вам, чтобы вы могли победить своих врагов? Если раньше О-по-тэ мог победить вас в одиночку, то насколько больше он сможет сделать это теперь, когда объединится с правительством? Тогда О-по-тэ удовлетворит свою ненависть к вам, и вы сами вскоре будете взяты либо в Вэй-чжоу, либо в Неау-чжоу. Если торговые суда Хви-чау, лодки Кван-чау и все рыболовные суда объединятся, чтобы окружить и напасть на вас в открытом море, вам, конечно, будет чем заняться. Но даже если они не будут нападать на вас, вы вскоре почувствуете нехватку провизии, чтобы прокормить себя и всех своих последователей. Мудрость всегда заключается в том, чтобы позаботиться о провизии до того, как все случится; глупость и безрассудство никогда не задумываются о будущих событиях. Когда события уже произошли, размышлять о них уже поздно; поэтому тебе следует подумать об этом вовремя!"

Пау был озадачен, но, побыв некоторое время наедине со своей хозяйкой, вдовой Чинг-Иха, которая дала ему высочайшее разрешение договориться с доктором Чоу, он заявил, что отправится со своим флотом в Бокка-Тигрис и там лично свяжется с правительственными органами.

После двух визитов к пиратским флотам двух высокопоставленных мандаринов с императорской прокламацией о помиловании, которые по приказу вдовы Чинг-Иха были

угощены Пау роскошным банкетом, генерал-губернатор провинции сам отправился на одном судне к пиратским кораблям, занимавшим линию в десяти *ли* от устья реки.

Когда губернатор приблизился, пираты подняли флаги, заиграли на своих инструментах и выстрелили из пушек, так что дым поднялся тучами, а затем наклонили паруса, чтобы встретить его. При этом густое население, которое тысячами стояло вдоль берега, чтобы наблюдать за важным примирением, сильно встревожилось, а генерал-губернатор, похоже, был склонен бежать. Но в короткий промежуток времени долгожданная вдова Чинг-Их, поддерживаемая своим лейтенантом Пау и сопровождаемая еще тремя главными командирами, взобралась на борт губернаторского корабля и сквозь дым помчалась к месту, где стоял его превосходительство; там они упали на руки и колени, проливая слезы, стуча головами по палубе перед ним, и получили его милостивое прощение и обещание на будущее доброе обращение. Затем они удалились довольные, пообещав в течение трех дней предоставить список своих кораблей и всего, чем они владеют.

Но внезапное появление нескольких больших португальских кораблей и нескольких правительственных военных судов заставило пиратов заподозрить предательство. Они немедленно отплыли, и переговоры были прерваны на несколько дней.

Наконец они были завершены благодаря смелости их предводительницы. "Если генерал-губернатор, - сказала героиня, - человек самого высокого ранга, может прийти к нам в одиночку, почему бы мне, ничтожной женщине, не обратиться к правительственным чиновникам? Если в этом есть опасность, я беру все на себя; никто из вас не должен беспокоиться обо мне - я все решила, и я поеду в Кантон!"

Пау сказал: "Если вдова Чинг-Их уедет, мы должны назначить время ее возвращения. Если же это пройдет без получения каких-либо сведений, мы должны собрать все наши силы и отправиться в Кантон: таково мое мнение о том, что следует сделать; товарищи, дайте мне услышать ваше!"

Тогда пираты, пораженные бесстрашием своей вождя и любя ее больше, чем когда-либо, ответили: "Друг Пау, мы слышали твое мнение, но мы думаем, что лучше ждать новостей здесь, на воде, чем посылать жену Чинг-Иха одну на смерть". Ей также не позволили покинуть флот.

Дела находились в таком нерешительном состоянии, когда два низших мандарина, которые ранее посетили пиратов, решились повторить свой визит. Эти офицеры заявили, что никакого вероломства не было, и пообещали, что если вдова Чинг-Их явится к губернатору, то ее примут любезно и все уладят к их сердечному удовлетворению.

При этих словах, выражаясь языком наших старых баллад, миссис Чинг взвизгнула. "Вы хорошо говорите, господа! И я сама отправлюсь в Кантон с другими нашими дамами, в сопровождении вас!" И вот она с несколькими женами пиратов и их детьми бесстрашно отправилась в Кантон, все уладила и убедилась, что их не обманули. Вскоре последовал флот. По его прибытии каждое судно было снабжено свининой и вином, и каждый человек (взамен, как можно предположить, своей доли в судах и награбленном имуществе, которое он оставил) получил в то же время вексель на определенное количество денег. Те, кто желал этого, могли присоединиться к военным силам правительства для преследования оставшихся пиратов; а те, кто возражал, рассеивались и уходили в деревню. "Вот таким образом была усмирена большая красная эскадра пиратов".

Доблестный Пау, следуя примеру своего соперника О-По-Таэ, перешел на службу правительству и выступил против тех своих бывших соратников и друзей, которые не приняли предложенного им помилования. Произошло несколько ожесточенных боев, но оба ренегата последовательно захватили главного Ши Урла, заставили сдаться грозного капитана, прозванного "Бичом Восточного океана", изгнали "Лягушачью еду", другого ужасного пирата, в Маниллу, и наконец, в течение нескольких месяцев, уничтожили или полностью рассеяли "ос океана".

Я уже отмечал стремление китайского историка обрисовать характер Пау в поэтической или эпической манере. Описывая битву с Ши-Урлом, он говорит:...

"Они сражались с семи часов утра до полудня, сожгли десять судов и убили огромное количество пиратов. Ших-Урл был настолько ослаблен, что едва ли мог оказать какое-либо сопротивление. Заметив это сквозь дым, Пау внезапно взобрался на судно пирата и воскликнул: "Я Чанг Пау, я пришел", - и в тот же миг разрубил нескольких пиратов на куски; с оставшимися же едва удалось расправиться. Пау в гневе обратился к Ши-Урлу и сказал: "Я советую тебе покориться: неужели ты не последуешь моему совету? Что ты хочешь сказать?" Ши-Урл был поражен, и мужество покинуло его. Пау выступил вперед и связал его, после чего вся команда была взята в плен".

"С этого времени, - говорит в заключение наш китайский историк, - корабли стали проходить и отплывать в спокойствии. Все стало тихо на реках и спокойно на четырех морях. Люди жили в мире и изобилии. Люди продавали оружие и покупали волов, чтобы пахать поля; они закапывали жертвоприношения, читали молитвы на вершинах холмов и радовались, распевая за ширмами в дневное время" - и (великая кульминация всего этого!) губернатору провинции, в благодарность за его ценные услуги по усмирению пиратов, было разрешено указом "Сына Неба" носить павлиньи перья с двумя глазами!

ЖИЗНЬ КАПИТАНА ЛЬЮИСА.

Капитан Льюис с ранних лет был связан с пиратами. Впервые мы видим его мальчиком в компании с пиратом Банистером, который был повешен на якорной стреле военного корабля в виду Порт-Ройала, Ямайка. Льюиса и еще одного мальчика взяли с собой и привезли на остров, повесив за середину на мизен-пике. У него была большая склонность к языкам, и он прекрасно говорил на языках индейцев москилов, французском, испанском и английском. Я упоминаю наш, потому что есть сомнения, был ли он французом или англичанином, поскольку мы не можем проследить его происхождение. Он отплыл с Ямайки, пока не стал похотливым мальчишкой, а затем был захвачен испанцами в Гаване, где пробыл некоторое время; но в конце концов он и еще шестеро убежали на маленьком каноэ и настигли испанскую периагуа, из которой к ним присоединились еще двое, так что теперь их было девять человек. С помощью этой периагуа они настигли шлюп с черепахами и заставили нескольких человек взять их с собой; остальных они отправили в периагуа.

Он играл в эту маленькую игру, удивляя и захватывая каботажные суда и черепахи, пока с подневольными людьми и добровольцами не составил роту в 40 человек. С ними он захватил большой корабль розовой постройки, направлявшийся с Ямайки в бухту Кампичи, а вслед за

ним и несколько других, направлявшихся туда же; Получив сведения, что в бухте стоит отличная бермудская бригантина из 10 пушек под командованием капитана Такера, он послал к нему капитана розового судна с письмом, суть которого сводилась к тому, что ему нужна такая бригантина, и если он согласится с ней расстаться, то заплатит ему 10 000 кусков восьмерки; если же он откажется, то позаботится о том, чтобы помешать ему, ибо он намерен, честным или нечестным путем, заполучить судно. Капитан Такер, прочитав письмо, послал за хозяевами судов, стоявших в бухте, и сказал им, показав письмо, что если они наберут ему 54 человека (а было около десяти бермудских шлюпов), то он выйдет и сразится с пиратами. Они сказали, что нет, они не будут рисковать своими людьми, они зависят от своего плавания, и каждый должен заботиться о себе, как может.

Пиратский банистер, висящий на верфи.

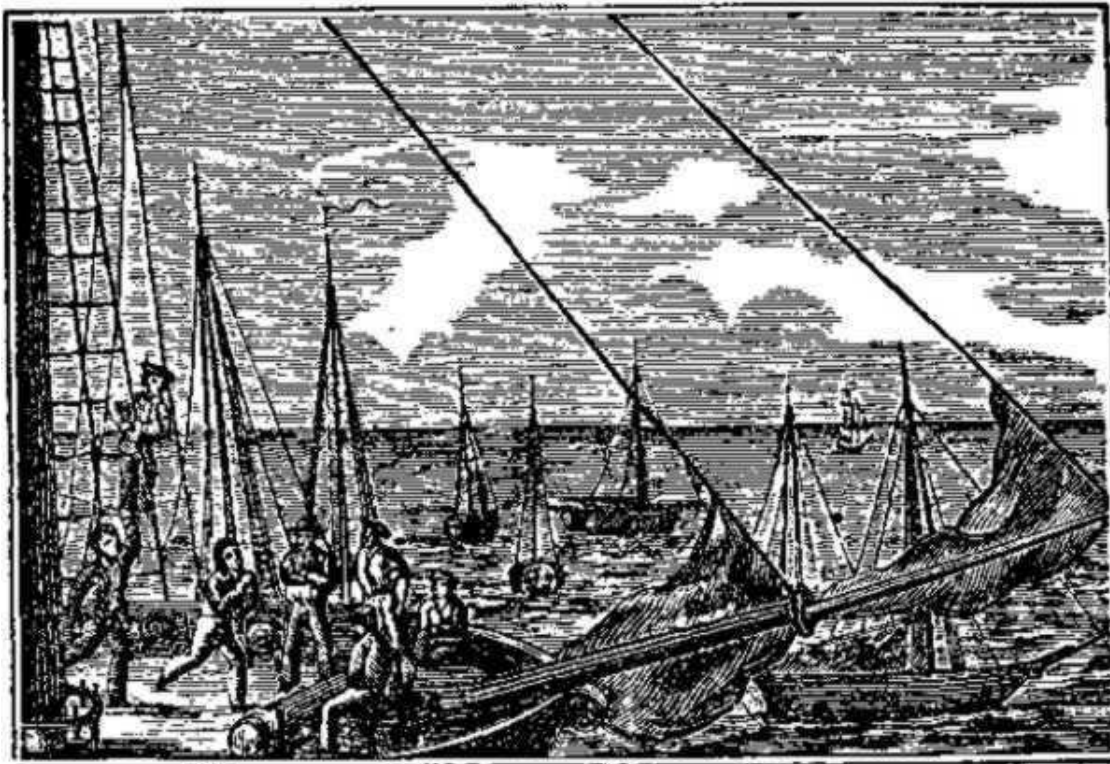
Однако они все вместе вышли в море и заметили под землей парус, на котором дул ветер, пока они лежали на мели. Одни сказали, что это черепаха, другие - пират, и так оно и оказалось, ибо это был честный капитан Льюис, который, опустив весла, оказался среди них. На некоторых шлюпах было по четыре пушки, на других - по две, на третьих - ни одной. У Джозефа Дилла было две, которые он поставил на один борт и открыл меткий огонь по пирату, но, к несчастью, одна из них раскололась и убила трех человек. Такер призвал все шлюпы прислать ему людей, чтобы он сразился с Льюисом, но безрезультатно: никто не поднялся на борт. Тем временем поднялся бриз, и Такер, убрав паруса, покинул шлюпы, которые все стали добычей пирата; в которого, однако, он выстрелил с разбегу. Один шлюп, хозяина которого я не буду называть, был очень хорошим моряком и собирался уходить, но Льюис выстрелом остановил его, и он лежал в стороне, пока все шлюпы не были посещены и закреплены. Тогда Льюис отправил его на борт и приказал хозяину сесть на свой шлюп. Как только тот оказался на борту, он спросил, почему он лежит в стороне и предает доверие, оказанное ему хозяевами, что он поступил как плут и трус, и он накажет его соответствующим образом;

ибо

сказал он,

ты мог бы удрать, будучи гораздо лучшим моряком, чем мое судно.

. После этой речи он обрушил на него конец веревки, а затем, выхватив трость, стал гонять его по палубе без всякой пощады. Хозяин, желая утихомирить его, сказал, что уже несколько месяцев торгует на этом шлюпе и имеет на борту приличное количество денег, которые спрятаны и которые, если он пошлет на борт черного, принадлежащего хозяевам, он ему откроет. Но это не возымело желаемого эффекта, а совсем наоборот: Льюис сказал ему, что он негодяй и злодей за это открытие, и он заплатит ему за предательство хозяев, и удвоил свои удары. Однако он послал и забрал деньги и негра, который оказался способным моряком. Он взял из своих призов все, что ему было нужно: сорок способных матросов-негров и белого плотника. Самый большой шлюп, весом около девяноста тонн, он забрал себе, установив на нем 12 пушек. Теперь его команда насчитывала около восьмидесяти человек, белых и черных.

Капитан Льюис отрубил хозяина.

После этих захватов он крейсировал во Флоридском заливе, подстерегая вест-индские корабли, идущие подветренным путем, и несколько из них, попав в его руки, были им разграблены и отпущены. Отсюда он отправился к побережью Каролины, где очистил свой шлюп, и множество людей, которых он заставил, сбежали от него. Однако туземцы выменяли у него ром и сахар и принесли ему все, что он хотел, причем правительство ничего о нем не знало, так как он забрался в очень укромную бухту; хотя он был очень бдителен, чтобы его не застали врасплох с берега.

Из Каролины он отправился к побережью Виргинии, где захватил и разграбил несколько торговых судов и взял в плен несколько человек, а затем вернулся к побережью Каролины, где натворил немало бед. Поскольку у него на борту было много французов, которые пришли вместе с ним, а Льюис, услышав, что англичане задумали их помародерствовать, взял тех, кого подозревал, и посадил их в лодку вместе со всеми остальными англичанами в десяти лигах от берега, взяв только десять кусков говядины, и отправил их прочь, не оставив никого, кроме французов и негров. Предполагается, что все эти люди погибли в море.

От побережья Каролины он взял курс к берегам Ньюфаундленда, где отремонтировал несколько рыболовецких судов, а затем вошел в гавань Тринити в заливе Консепшн, где стояло несколько торговых судов, и захватил 24-пушечную галеру под названием "Герман". Командир судна, капитан Бил, сказал Льюису, что если тот отправит своего квартирмейстера на берег, то он снабдит его всем необходимым. Когда его отправили на берег, между мастерами состоялся совет, в результате которого они схватили квартирмейстера и доставили к капитану Вудсу Роджерсу. Тот приковал его к шпунтовому якорю, находившемуся на берегу, и установил пушки, чтобы не дать пирату выбраться, но безрезультатно; поскольку люди на одном из этих пунктов выстрелили слишком рано, Льюис покинул корабль и, с помощью весел и благоприятной ночи, выбрался на своем шлюпе, хотя и получил много пуль в корпус. Последний выстрел, выпущенный в пирата, нанес ему значительные повреждения.

Он отплыл в гавань и, поклявшись, что получит свой квартермейстер, перехватил два рыбацких шлюпа, на борту одного из которых находился брат капитана галеры. Он задержал их и передал, что если квартермейстер не выйдет немедленно, то он предаст всех пленников смерти. Его без колебаний отправили на борт. Льюис и команда поинтересовались, как его использовали, и он ответил очень вежливо. "Это хорошо, - сказал пират, - потому что, если бы с вами плохо обращались, я бы предал всех этих негодяев мечу". Они удалились, а брат капитана собрался перелезть через борт, но квартермейстер остановил его, сказав, что он должен выпить за здоровье джентльменов на берегу, особенно капитана Роджерса, и, шепнув ему на ухо, сказал, что если бы они знали, что он всю ночь был прикован, его бы разрубили на куски вместе со всеми его людьми. После того как этот бедняга и компания его шаланды ушли, квартермейстер рассказал о том, как с ним поступили, что привело Льюиса в ярость и заставило его упрекнуть своего квартермейстера, который ответил, что не считает справедливым, чтобы невинные страдали за виновных.

Хозяева торговцев послали к капитану Тюдору Тревору, который находился в Сент-Джонсе на военном корабле "Шернесс". Он немедленно поднял парус и разминулся с пиратом всего на четыре часа. Держась вдоль побережья, корабль взял несколько призов, французских и английских, и вошел в гавань, где французский корабль ловил рыбу. Корабль был построен в конце войны для капера, был отличным моряком и имел 24 пушки. Командир окликнул его: пират ответил, что *прибыл с Ямайки с ромом и сахаром*. Француз сказал ему, что пиратский шлюп находится у берега, и он может быть разбойником; если он немедленно не отчалит, он выстрелит в него из пушки. Он ушел и пролежал две недели в море, чтобы его не заметили с берега, решив завладеть кораблем. Француз, будучи начеку, тем временем возвел на берегу батарею, с которой просматривалась гавань. Через две недели, когда его сочли ушедшим, он вернулся, взял два рыбацких шаланды, принадлежавших французам, и, укомплектовав их пиратами, вошел внутрь. Один шаланда атаковала батарею, а другой захватил, взял на abordаж и унес корабль, как раз в тот момент, когда появилась утренняя звезда, за что он и дал ей такое название. В схватке был убит сын владельца, который отправился в плавание только из любопытства. Когда корабль был захвачен, выстрелили из семи пушек, что послужило сигналом, и шлюп спустился и лег рядом с кораблем. Капитан сказал ему, что, по его мнению, ему нужно только спиртное; но Льюис ответил, что ему нужен корабль, и, соответственно, погрузил на него все свои боеприпасы и провизию. Когда француз увидел, что они хотят получить его судно, он сказал, что она надраена, и Льюис отдал ему шлюп; кроме того, что он взял для провизии, всю рыбу, которую он приготовил. Несколько французских взяли его с собой, которые вместе с другими англичанами и французами силой или добровольно составили 200 человек.

Из Ньюфаундленда он направился к побережью Гвинеи, где захватил множество кораблей, английских, голландских и португальских. Среди этих кораблей был один, принадлежавший Каролине, которым командовал капитан Смит. Когда он преследовал это судно, произошло обстоятельство, заставившее его людей поверить, что он имеет дело с дьяволом; его носовая и грот-мачта были унесены, он, Льюис, взбежав по шпангоутам на грот-мачту, сорвал горсть волос и, подбросив их в воздух, сказал: *"Добрый дьявол, возьми это, пока я не приду"*. И было замечено, что после этого он быстрее устремился в погоню, чем до потери топ-мачты.

Капитан Льюис отдает дьяволу прядь своих волос.

Когда Смита схватили, Льюис поступил с ним очень вежливо, отдал ему столько же или даже больше, чем взял, и отпустил, сказав, что придет в Каролину, когда заработает денег на побережье, и будет полагаться на его дружбу.

Пробыв на побережье некоторое время, они поссорились между собой, французами и англичанами, из которых первые были более многочисленны, и решили разойтись. Поэтому

французы выбрали большой шлюп, только что захваченный, считая, что днище корабля, которое не было обшито, повреждено червями. В соответствии с этим соглашением они взяли на борт все боеприпасы и провиант, которые сочли нужными, и отчалили, выбрав капитаном одного Ле Барра. Поскольку дул сильный ветер и палубы были загромождены, они встали на якорь под берегом, чтобы сложить боеприпасы, товары и прочее. Льюис сказал своим людям, что они - кучка негодяев, и он заставит их возместить убытки; соответственно, он подбежал к ним, его пушки были заряжены и установлены на место, и приказал им убрать мачту, иначе он потопит их. Ле Барр был вынужден подчиниться. Затем он приказал им всем сойти на берег. Они просили разрешения взять с собой оружие, вещи и т. д., но он разрешил им взять только стрелковое оружие и коробки с патронами. Затем он подвел шлюп к борту, погрузил все вещи на корабль и затопил шлюп.

Ле Барр и остальные умоляли взять их на борт. Однако, несмотря на отказ, он позволил Ле Барру и некоторым другим подняться на борт, с которыми он и его люди обильно выпили. Негры, находившиеся на борту "Льюиса", сказали ему, что французы замышляют против него заговор. Он ответил, что не может противостоять судьбе, ибо дьявол сказал ему в большой хижине, что этой ночью он будет убит.

Ночью остальные французы приплыли на каноэ, забрались в каюту и убили Льюиса. Они набросились на команду, но после полуторачасового спора французы были отбиты, и четвертьмастер Джон Корнелиус, ирландец, сменил Льюиса.

--Он был самым мягким человеком,
Который когда-либо спускал корабль или перерезал горло;
С таким истинным воспитанием джентльмена,
что никогда нельзя было понять, что он на самом деле думает.
Жаль, что он любил разнообразные приключения,
Он был такой большой потерей для хорошего общества".

ЖИЗНЬ, КАРЬЕРА И СМЕРТЬ КАПИТАНА ТОМАСА УАЙТА.

Он родился в Плимуте, где его мать содержала публичный дом. Она очень заботилась о его образовании, а когда он подрос, то, поскольку у него была склонность к морскому делу, достала ему королевскую грамоту. Прослужив несколько лет на борту военного корабля, он отправился на Барбадос, где женился, поступил на торговую службу и намеревался обосноваться на острове. Он получил в командование бригантину "Мэриголд", на которой совершил два успешных плавания в Гвинею и обратно на Барбадос. Во время третьего путешествия он имел несчастье быть захваченным французским пиратом, как и несколько других английских кораблей, хозяев и младших офицеров которых они задержали, не имея хороших артистов. Бригантину, принадлежавшую Уайту, они оставили себе и потопили судно, на котором плавали до этого; но, встретив на гвинейском побережье корабль, более подходящий для их целей, они поднялись на его борт и сожгли бригантину.

В мои планы не входит рассказывать об этих французских пиратах дальше, чем меня обязывает история капитана Уайта, хотя я прошу разрешения обратить внимание на их варварство по отношению к английским пленникам, поскольку они выставляли их в качестве приклада или метки для стрельбы; несколько из них были хладнокровно убиты таким образом, чтобы отвлечь внимание.

Уайт был намечен в жертву одним из этих злодеев, который, по неизвестной мне причине, поклялся его убить, чего он таким образом избежал. Один из членов команды, друживший с Уайтом, знал о намерении этого парня убить его ночью и поэтому посоветовал ему лечь между ним и бортом корабля, намереваясь спасти его; что он и сделал, но сам был застрелен злодеем-убийцей, принявшим его за Уайта.

После некоторого времени плавания вдоль побережья пираты обогнули мыс Доброй Надежды и взяли курс на Мадагаскар, где, будучи пьяными и безумными, разбили свой корабль наголову на южной оконечности острова, в месте, называемом туземцами Элекса. Страной в этих местах управлял король по имени Мафали.

Когда корабль упал, капитан Уайт, капитан Бореман (уроженец острова Уайт, в прошлом лейтенант военного корабля, но служил в торговом флоте, когда попал в руки пиратов), капитан Боуэн и некоторые другие пленники попали на корабль. Боуэн и еще несколько пленников сели в баркас и с помощью сломанных весел и бочковых шестов, которые они нашли на дне лодки, на веслах добрались до бухты Августин, которая находится примерно в 14 или 15 лигах от места кораблекрушения, где они высадились и были любезно приняты королем Бавау (так называется эта часть острова), который хорошо говорил по-английски.

Они пробыли здесь полтора года за счет короля, который снабдил их обильным провиантом, как это было в его обычае по отношению ко всем белым людям, с которыми случалось какое-либо несчастье на его побережье. Его гуманность не только обеспечивала таких людей, но и первое европейское судно, которое приходило, он всегда обязывал принять несчастных людей, пусть судно будет каким угодно; ведь он не имел понятия о разнице между пиратами и купцами.

По истечении указанного срока пришла пиратская бригантина, на борт которой король обязал их вступить или отправиться по суше в другое место, чего они сделать не могли; и из двух зол выбрали наименьшее - отправиться на борт пиратского судна, которым командовал некто Уильям Рид, принявший их очень вежливо.

Этот командир отправился вдоль побережья и забрал всех европейцев, которых смог встретить. Его команда, однако, не превышала 40 человек. Он был бы рад захватить некоторых из потерпевших крушение французов, если бы не варварство, с которым они обращались с английскими пленниками. Однако это было невозможно, так как французы, претендовавшие на власть над туземцами, с которыми они начали обращаться бесчеловечно, были на них натравлены, половина их числа перебита, а другая половина обращена в рабов.

Рид с этой бандой и бригантиной в 60 тонн взял курс на Персидский залив, где они встретили одномачтовое судно весом около 200 тонн, которое было взято в качестве приза. Они не нашли на борту ничего, кроме тюков с товарами, большую часть которых они выбросили за борт в поисках золота и чтобы освободить место на судне; но, как они узнали позже, они выбросили то, за чем так жадно охотились, так как в одном из тюков, которые они выбросили в море, было спрятано большое количество золота!

Во время этого плавания капитан Рид заболел и умер, а его преемником стал некто Джеймс. Бригантина была маленькой, сумасшедшей и изъеденной червями, и они взяли курс на остров Майотта, где сняли мачты с бригантины, приспособили захват и сделали из нее корабль. Здесь они набрали много свежей провизии, которой на этом острове очень много и которая очень дешева, и нашли потерянную здесь двенадцативесельную лодку, ранее принадлежавшую рубиновому "Ост-Индияману".

Они пробыли здесь все муссонное время, то есть около шести месяцев, после чего решили отправиться на Мадагаскар. Когда они приблизились к суше, то заметили парус, идущий с восточной стороны острова. Они пустились в погоню с обеих сторон, так что вскоре встретились. Они окликнули друг друга и, получив одинаковый ответ от каждого судна - *мол, из моря*, - соединились.

Это было небольшое французское судно, груженное ликерами из Мартинико, которым сначала командовал некто Фуржетт, чтобы торговать с пиратами рабами в Амбонавуле, на восточной стороне острова, на широте 17 градусов 30 минут, и было захвачено ими следующим образом.

Пираты, возглавляемые Джорджем Бутом, ныне командиром корабля, поднялись на борт (как они это часто делали) в количестве десяти человек и взяли с собой деньги под предлогом покупки того, что им было нужно. Этот Бут раньше был канониром на пиратском корабле "Дельфин". Капитан Фуржетт был начеку и обыскивал каждого, кто спускался на борт, а у голландца, который первым вошел на корабль, нашли пару карманных пистолетов. Капитан сказал ему, что *он негодяй и задумал напасть на его корабль*, а пираты притворились, что их так разозлило то, что этот парень предложил подняться на борт с оружием, что они пригрозили ударить его по голове и, грубо бросив в лодку, приказали сойти на берег, хотя перед этим они дали клятву на Библии либо унести корабль, либо умереть в этом деле.

Их всех обыскали, но им все же удалось пронести на борт четыре пистолета - все оружие, которое у них было для этого предприятия, хотя Фуржетт держал на борту 20 человек, а его стрелковое оружие лежало на тенте, чтобы быть наготове.

Капитан пригласил их в каюту ужинать, но Бут предпочел ужинать со старшиной, хотя один Джонсон, Айзек и еще один спустились вниз. Бут должен был дать вахтенный сигнал, который прозвучал как *"ура"*. Стоя у тента и будучи проворным парнем, он одним махом бросился на него, притянул к себе оружие, выстрелил из пистолета в людей, одного из которых ранил (тот, прыгнув за борт, погиб), и дал сигнал.

Трое, как я уже сказал, находились в каюте, а семеро - на палубе, которые с помощью пик и захваченного оружия обеспечили безопасность команды корабля. Капитан и два его помощника, обедавшие в каюте, услышав пистолетный выстрел, набросились на Джонсона и проткнули его в нескольких местах своими вилами, но они были серебряными и не причинили ему большого вреда. Фуржетт выхватил свой пистолет, которым несколько раз ударил Айзека в грудь, но он не выстрелил. Наконец, сочтя свое сопротивление тщетным, он покорился, и пираты вывели его и тех из его людей, кто не присоединился к ним, на берег, позволив ему забрать свои книги, бумаги и все остальное, что он считал принадлежащим себе; кроме того, они обошлись с ним очень гуманно, дали ему несколько бочек спиртного, оружие и порох, чтобы он мог купить провизию в стране.

Надеюсь, это отступление, поскольку оно было в некотором роде необходимым, будет извинено. Теперь я продолжу.

После того как они приняли компанию Дельфина, находившуюся на острове, и увеличили таким образом свою команду до 80 человек, они отплыли к острову Святой Марии, где корабль капитана Моссона стоял на якорю между островом и главной бухтой. Этот джентльмен и вся его корабельная компания были перебиты по наущению Орт-Вантиля, голландца из Нью-Йорка.

С нее они взяли бочки с водой и другие необходимые вещи; сделав это, они направились к реке Метелаге, на западной стороне Мадагаскара, на широте 16 градусов или около того, чтобы запастись провизией и отправиться в Ост-Индию, крейсировать у островов Святого Иоанна и поджидать мавританские корабли из Мокко.

На пути в Метелаж они столкнулись (как я уже говорил) с пиратом, на борту которого находился капитан Уайт. Они объединились, вместе встали на якорь в вышеупомянутой реке, где почистили, посолили и взяли провизию, и были готовы выйти в море, как вдруг в поле зрения появился большой корабль и встал в той же реке.

Пираты не знали, кто это - торговец или военный корабль. Это был последний, принадлежавший французскому королю и имевший 50 пушек; но, будучи захвачен англичанами, он был куплен лондонскими купцами и отправлен из этого порта в рабство на Мадагаскар и на Ямайку. Капитаном был молодой, неопытный человек, которого посадили с кормилицей.

Пираты послали свои лодки, чтобы поговорить с ними, но корабль открыл по ним огонь, и они решили, что это военный человек, и стали грести к берегу; "Хватка", стоявшая на месте и не державшая ветер так хорошо, как корабль французской постройки, попала в заросли мангровых деревьев, и пень, пробивший ее днище, затонул: другой корабль сел на мель, отдал якорь и не пострадал, так как прилив унес его.

Капитан "Спикера", так назывался корабль, напугавший пиратов, был не без основания горд тем, что вытеснил эти два судна на берег, хотя и не знал, пираты они или торговцы, и не мог не выразить себя такими словами: "Как зазвенит мое имя на бирже, когда станет известно, что я посадил на мель двух пиратов!" Это вызвало сатирический ответ одного из его людей, который сказал: "Господи! Как зазвенит имя нашего капитана на бирже, когда станет известно, что он спугнул два пиратских корабля с берега, а затем был захвачен двумя их лодками".

Когда "Спикер" подошел на расстояние выстрела, он несколько раз выстрелил по двум судам; А когда встала на якорь, еще несколько раз выстрелила в деревню, что встревожило негров, которые, узнав своего короля, не разрешали ему торговать, пока пираты, живущие на берегу и задумавшие напасть на его корабль, не вступились за них, сказав королю, что они их земляки, а случившееся произошло по ошибке, так как у них принято стрелять из пушек в знак уважения, а выстрел произошел из-за неосторожности канонира корабля.

Капитан "Спикера" послал своего кошевого на берег, чтобы тот отправился в деревню к королю, жившему примерно в 24 милях от побережья, и привез в качестве подарков пару небольших ружей, инкрустированных золотом, пару медных мушкетонов и пару пистолетов, а также потребовал обмена. Как только мурманчанин сошел на берег, его взял в плен некий Том Коллинз, валлиец, уроженец Пемброка, живший на берегу и принадлежавший барбадосскому судну "Очаровательная Мэри", которое вышло в море с поручением, но было переделано в пиратское. Он сказал комендору, что является его пленником и должен ответить за ущерб, причиненный двум купцам, которые были в рабстве. Комендор ответил, что он не командир; что капитан - горячий опрометчивый юноша, втянутый в дело своими друзьями, которых он не понимает; но, однако, удовлетворение должно быть получено. Коллинз доставил его на корабль Бута, где поначалу с ним разговаривали в довольно резких выражениях, но через некоторое время очень вежливо с ним обращались, а на следующее утро отправили к королю с проводником и заключили для него мир.

Король разрешил им торговать и прислал обычные подарки: пару волов, от двадцати до тридцати человек, нагруженных рисом, и еще столько же с деревенским спиртным, называемым *токе*.

Затем капитан основал факторию на берегу и начал закупать рабов и провизию. Пираты были среди них, и у них была возможность прозондировать людей и узнать, в какой позе находится корабль. Некий Хью Мэн, принадлежащий спикеру, сказал, что на борту было не более 40 человек и что они потеряли второго помощника и 20 человек в длинной шлюпке на берегу, прежде чем вошли в эту гавань, но что они хорошо следили за кораблем и держали свои пушки наготове. Однако он, за сто фунтов стерлингов, взял на себя обязательство намочить все пушки и помочь захватить корабль.

Через несколько дней капитан "Спикера" сошел на берег и был принят главами пиратов с большим радушием, предварительно договорившись об удовлетворении. Через день или два после этого они пригласили его отведать барбакуд, и он принял приглашение. После ужина капитан Боуэн, который, как я уже говорил, был пленником на борту французского пирата, но теперь стал одним из членов братства и хозяином захвата, вышел, вернулся с ящиком пистолетов в руке и сказал капитану "Спикера", имя которого я не буду называть, что он его пленник. Тот спросил, на каком основании? Боуэн ответил: "Им нужен его корабль, он был хороший, и они решили заполучить его, чтобы возместить ущерб, который он им нанес".

Хью Ман смачивает грунтовку для пушек.

Тем временем команде его судна и остальным людям на берегу другие пираты, пировавшие с ними, сказали, что они тоже пленники: некоторые из них ответили,

Ну и ну, не будем ломать голову, кто мы такие, давайте выпьем еще по чаше пунша.

Было дано слово, что ни одна лодка не будет допущена на борт корабля. Это слово, которое в эту ночь звучало как *"Ковентри"*, было им известно. В 8 часов они укомплектовали двенадцативесельную лодку и ту, что нашли в Майотте, 24 людьми и отправились к кораблю. Когда они остановились, капитан "Спикера" попросил их вернуться, так как хотел поговорить с ними. Капитан Бут спросил, что ему нужно! Тот ответил, что "они никогда не смогут захватить его корабль". "Тогда, - сказал Бут, - мы умрем на нем или рядом с ним". "Но, - ответил капитан, - если вы хотите идти в безопасности, не садитесь на правый борт, потому что в рулевой рубке есть пушка, заряженная куропаткой, которая очистит палубу". Они поблагодарили его и отправились дальше.

Когда они приблизились к кораблю, их окликнули, и ответ был: *"Ковентри"*. "Все в порядке, - сказал помощник, - зажигайте огни над бортом"; но, заметив вторую лодку, он спросил, что это за судно? Один ответил, что это плот с водой, другой - что это лодка с говядиной; такое разногласие в ответах вызвало подозрение у матроса, и он закричал - *пираты, беритесь за оружие, ребята*, - и тут же чиркнул спичкой по пушке, которая, так как грунтовка была еще не смочена вероломством Хью Мэна, только зашипела. Они мгновенно поднялись на борт и стали хозяевами судна, не потеряв ни одного человека с обеих сторон.

На следующий день они погрузили на борт построенного французами корабля необходимую провизию и отдали его капитану "Спикера" и тем людям, которые хотели уйти с ним, среди которых был и Ман, предавший свой корабль; ведь пираты и заплатили ему оговоренные 100 фунтов, и сохранили его тайну. Потеряв свой корабль, капитан отплыл на том, что дали ему пираты, в Йоханну, где заболел и умер от горя.

Здесь пираты подкрепились и отплыли в бухту Святого Августина, где взяли в плен от 70 до 80 человек, принадлежавших кораблю "Александр", которым командовал капитан Джеймс, пират. Они также забрали ее пушки и установили на "Спикере" 54 пушки, которые составили их число, и 240 человек, кроме рабов, которых у них было около 20.

Отсюда они отплыли в Ост-Индию, но остановились в Зангебаре за свежей провизией, где у португальцев когда-то было поселение, но теперь его населяют аравийцы. Некоторые из них сошли на берег вместе с капитаном, чтобы купить провизию. За капитаном послал губернатор, который отправился с четырнадцатью людьми. Они прошли через стражу, а когда вошли в дом губернатора, их всех перебили; в то же время на других, находившихся в разных домах города, напали, что заставило их бежать на берег. Длинная лодка, которая лежала без подмоги, была немедленно уложена теми, кто за ней присматривал. Среди пиратов было не более полудюжины тех, кто вынес оружие на берег, но они так хорошо им владели, так как находились в лодке, что большинство мужчин забралось в нее. Квартермейстер побежал вниз со шпагой в руке, и хотя на него напали многие, он вел себя так хорошо, что сел в маленькое каноэ, отчалил и добрался до баркаса.

В это время маленький форт, который был у аравийцев, обстрелял корабль, который очень тепло ответил на салют. Так они поднялись на борт, потеряв капитана Бута и 20 человек, и отплыли в Ост-Индию. Когда они отплыли, то принялись голосовать за нового капитана, и был выбран квартермейстер, который так хорошо вел себя в последнем деле с аравийцами; но он отказался от всего командования, и команда выбрала Боуэна капитаном, Пикеринга, сменившего его на посту капитана, Сэмюэля Эро, француза, квартермейстером, а Натаниэля Норта - капитан-квартермейстером.

Уладив все дела, они подошли к устью Красного моря и столкнулись с 13 мавританскими кораблями, с которыми держались в компании большую часть дня, но боялись на них нападать, так как принимали их за португальские военные суда. В конце концов, часть из них

пошла на абордаж и посоветовала это сделать. Капитан, хотя и говорил мало, не выглядел склонным к этому, ведь он был всего лишь молодым пиратом, хотя и старым командиром торгового судна. Те, кто настаивал на абордаже, потребовали, чтобы капитан Бореман, о котором уже говорилось, принял командование; но он сказал, что не будет узурпатором, что никто не годится для этого больше, чем тот, у кого оно есть; что, со своей стороны, он будет стоять на своем фузиле и пошел вперед на фордевинд с теми, кто хотел бы, чтобы он принял командование, чтобы быть готовым к высадке; на что капитан сказал, что если они решили вступить в бой, то их капитан (представителем которого он был) не нуждается в решении; Поэтому он приказал им взять галсы на борт (так как они уже сделали чистое судно) и приготовиться к высадке; что они и сделали, и, подойдя к самому кормовому судну, выстрелили в него, убив двух мавров, подняли его на борт и понесли; но наступила ночь, и они взяли только этот приз, который принес им по 500 фунтов стерлингов на человека. Отсюда они отплыли к побережью Малабара. Приключения пиратов на этом побережье уже описаны в житии капитана Боуэна, к которому я отсылаю читателя, и замечу лишь, что капитан Уайт все это время находился перед мачтой, будучи с самого начала подневольным человеком.

Команда Боуэна разошлась, капитан Уайт отправился в Метелаж, где жил на берегу с королем, не имея возможности покинуть остров, пока не пришел другой пиратский корабль, называвшийся "Проспероус", которым командовал некто Говард, воспитанный лихтером на реке Темзе. Этот корабль был захвачен в Августине несколькими пиратами с берега и командой их баркаса, которая присоединилась к ним по наущению некоего Рантена, помощника боцмана, пославшего за водой. Ночью они поднялись на борт судна и захватили его, хотя и не без сопротивления, в результате чего капитан и старший помощник были убиты, а несколько других ранены.

Те, кто был на берегу с капитаном Уайтом, решив отправиться на этом корабле, решили, что он тоже должен идти, а не оставаться один на один с туземцами, надеясь, что в результате какой-нибудь случайности ему представится возможность вернуться домой. Он оставался на борту этого корабля, на котором его назначили квартирмейстером, пока они не встретились и не перешли на борт Боуэна, как сказано в его житии, на котором он оставался и после того, как Боуэн покинул их. В Порт-Долфине он *отправился* на шлюпках за частью команды, оставшейся на берегу, поскольку накануне вечером корабль унесло в море. Корабль не смог подойти, и он, полагая, что она ушла к западной стороне острова, как они ранее предлагали, отправился туда на своей лодке с 26 людьми. Они причалили к Августину, ожидая корабль, но он не появился в течение недели, когда они ждали, король приказал им уходить, сказав, что они навязали ему ложь, так как он не верил, что у них есть корабль: однако он дал им свежую провизию: они набрали воды и отправились в Метелаж. Здесь, поскольку капитан Уайт был известен королю, их приняли любезно, и они простояли около двух недель в ожидании корабля, но он не появился, они подняли лодку на дыбы, посолили провизию, которую дал им король, набрали на борт воды и встали у северной оконечности острова, намереваясь обойти его, полагая, что их корабль может находиться на острове Святой Марии. Когда они подошли к северной оконечности, течение, которое восемь месяцев в году направляется к северо-западу, было настолько сильным, что обойти его не представлялось возможным. Поэтому они зашли в гавань, которых здесь много для небольших судов. Здесь они пробыли около трех недель или месяца, после чего часть команды решила сжечь лодку и отправиться по суше к знакомому черному королю, которого звали Реберимбо и который жил в местечке под названием Манангаромасиг, на широте 15 градусов или около того. Поскольку этот король неоднократно получал помощь от белых в своих войнах, он был для них большим другом. Капитан Уайт отговорил их от этой затеи и с большим трудом спас

лодку; но одна половина людей решила плыть по суше, они взяли провизию, которую сочли необходимой, и отправились в путь. Капитан Уайт и те, кто остался с ним, проводили их на день пути, а затем, вернувшись, он сел в лодку со своими спутниками и отправился обратно в Метелаге, опасаясь, что эти люди могут вернуться, взять верх над остальными и сжечь лодку.

Убийство капитана и старшего помощника.

Здесь он построил палубу на своем судне и пролежал три месяца, за это время к нему пришли три пирата с лодкой, которые ранее попали в лапы на борту кораблей Северна и Скарборо, искавших пиратов на восточной стороне; с этих кораблей они бежали в Мохилу, на маленьком каноэ в Йоханну, а из Йоханны в Майотту, где король построил им лодку, которая доставила их в Метхеладж. Когда течение с силой пошло к северо-западу, они вместе на лодке Уайта (сжигая лодку Майотты) отправились к северному краю, где течение было еще слишком сильным, чтобы обойти его, они вошли в гавань и пробыли там месяц, питаясь рыбой и дикими свиньями, которых там было великое множество. Наконец, когда установилась хорошая погода, а сила течения ослабла, они обогнули судно и, проплыв около 40 миль по восточной стороне, вошли в гавань, где нашли кусок куртки, которая, как они знали, принадлежала одному из тех людей, которые покинули их, чтобы отправиться на сушу. Он был подневольным человеком и корабельным плотником. Они предположили, что он порвал ее, чтобы обмотать вокруг ног; эта часть страны была бесплодной и скалистой. Плывая вдоль этого побережья, они каждую ночь становились на якорь в удобных гаванях, пока не добрались до Манангаромасига, где жил король Реберимбо, куда они зашли, чтобы узнать о своих людях, которые оставили их на северном конце, и набрать провизии. Последнее было им дано, но они не смогли получить никаких сведений о своих спутниках.

Отсюда они отправились к острову Святой Марии, где к ним причалило каноэ с письмом, адресованным любому белому человеку. Они поняли, что оно было написано рукой одного из их бывших товарищей по кораблю. Содержание письма сводилось к совету быть начеку и не слишком доверять неграм этого места, поскольку в прошлом они были вероломны. Они осведомились о своем корабле, и им сообщили, что компания отдала его маврам, которые

ушли с ним, а сами они обосновались в Амбонавуле, примерно в 20 лигах к югу от Святой Марии, где живут среди негров, как многие владетельные князья.

Один из негров, принесший письмо, сел на их лодку и доставил их в место, называемое Олумба, - это участок земли, образованный с одной стороны рекой, а с другой - морем, где двенадцать из них жили вместе в большом доме, который они построили и укрепили примерно двадцатью пушками.

Остальные поселились небольшими компаниями по 12 или 14 человек, больше или меньше, вверх по упомянутой реке и вдоль побережья, каждый народ сам по себе, как англичане, французы, голландцы и т. д. Они навели справки у своих спутников о различных призах, которые им принадлежали, и обнаружили, что все они очень справедливо заложены, чтобы быть отданными им, если они когда-нибудь вернутся, как и то, что принадлежало людям, которые перешли на сушу. Капитан Уайт, тоскуя по дому, предложил снова отправиться в шлюпку, так как он был против того, чтобы поселиться с ними; многие другие согласились пойти под его командованием, и если они смогут встретить корабль, который доставит их в Европу, чтобы следовать своему старому призванию. Но остальные не сочли разумным, чтобы лодка досталась ему, а выставили ее на продажу в пользу компании. Так и было сделано, капитан Уайт купил ее за 400 кусков восьмерки и с некоторыми из своих старых соратников, число которых увеличилось за счет других членов команды корабля, отправился обратно тем же путем, что и пришел, в Метелаж. Здесь он встретил французский корабль весом около 50 тонн и 6 пушек, захваченный пиратами, жившими в Маратане, на восточной стороне острова, и некоторыми из команды восточного индейца Деграва, которым хозяин корабля отказал в проезде в Европу; поскольку он сам был пиратом и квартирмейстером у Боуэна в Спикере, он опасался, что они отнимут его корабль. В то время между Англией и Францией шла война, и он полагал, что они могут сделать это, не подвергаясь сомнению как пираты. Пираты, участвовавшие в захвате корабля Эро, так его звали, ушли в глубь страны и оставили его людям с судна "Дегрейв", которые оснастили его, вычистили и вымыли, набрали провизии, намереваясь отправиться в Ост-Индию, чтобы потом сесть на какой-нибудь корабль и вернуться в свою страну.

Капитан Уайт, обнаружив этих людей, предложил присоединиться к нему и отправиться в Амбонавулу, чтобы составить компанию, на что было получено согласие, и они единогласно выбрали его командиром. Выйдя в море, они обогнули южную оконечность острова и причалили к Дон-Маскаренхасу, где он взял хирурга, а затем снова направился к Мадагаскару, пристал к Амбонавуле и набрал себе 60 человек. Отсюда он взял курс на остров Майотта, где почистил свой корабль и дождался сезона, чтобы выйти в Красное море. Запас провизии был взят, время пришло, и корабль был хорошо оснащен, он направился к Бабель-Мандебу и, войдя в гавань, дождался кораблей мочика.

Здесь он захватил два граба, груженных провизией и имевших на борту немного денег и лекарств. Он разграбил все, что ему полагалось, продержал их у себя две недели и отпустил. Вскоре после этого они заметили высокий корабль, на котором вышли в море; но, обнаружив, что он построен по-европейски и слишком силен, чтобы пытаться его взять, так как это был голландец, они отказались от погони, с радостью стряхнули их с себя и вернулись на свою станцию. Полагая, что их обнаружили здесь, у берегов Аравии, или что грабы дали о них знать, они отошли к эфиопскому берегу, внимательно следя за кораблями мокко. Через несколько дней после этого они встретили большой корабль около 1000 тонн и 600 человек, называемый "Малабар", который они преследовали, держались с ним всю ночь и взяли утром, потеряв только своего боцмана и двух или трех человек ранеными. Захватив этот корабль, они так сильно повредили свой собственный, сломав фор-мачту, унеся бушприт и

побив часть верхних конструкций, что не сочли его более пригодным для своего использования. Поэтому они наполнили ее пленниками, дали им провизию и отправили прочь.

Через несколько дней после этого они заметили португальский военный корабль с 44 пушками, который они преследовали, но уступили ему, убрав грот-мачту, так что они не разговаривали с ним, потому что португальцы не обращали на них внимания. Через четыре дня после того, как они покинули этот корабль, они столкнулись с португальским судном, которое они преследовали под английским флагом. Погонщики, приняв Уайта за английский военный корабль или восточного индейца, не сделали ни одного паруса, чтобы уйти от него, но, когда он подошел, привели и отправили на борт свою лодку с подарком в виде сладостей для английского капитана. Команда его лодки была задержана, а пираты, забравшись в лодку с оружием, поднялись на борт и открыли огонь по португальцам, которые, удивившись, спросили, не началась ли война между Англией и Португалией? Они ответили утвердительно, но капитан не мог им поверить. Однако они взяли все, что им понравилось, и оставили его при себе.

Через два дня они встретились с английским кораблем "Дороти", командиром которого был капитан Пенруддок, шедшим из Мокко. Они обменялись несколькими выстрелами во время погони, но когда они подошли к ней, то ввели своих людей и не встретили никакого сопротивления, так как она управлялась маврами, а европейцев, кроме офицеров, на борту не было. Проголосовав, они отдали капитану Пенруддoku (у которого они взяли значительную сумму денег) португальское судно и груз, а также тюки, которые он пожелает взять из своих собственных, и предложили ему заняться своими делами и сделать из нее все, что он сможет. Что касается английского корабля, то они оставили его для собственного пользования.

Вскоре после этого они разграбили малабарский корабль, с которого взяли столько денег, сколько доходило до 200 фунтов стерлингов на человека, но недосчитались 50 000 блесков, которые были спрятаны в кувшине под коровьим стойлом, хранившимся для дачи молока мавританскому суперкаргу, древнему человеку. Затем они посадили португальцев и мавританских пленников на борт "Малабара" и отправили их по своим делам. На следующий день после того, как они их отправили, в их руки попал капитан Бенджамин Стейси на кетче из 6 пушек. Они забрали все деньги, которые у него были, а также товары и провизию, которые им были нужны. Среди денег было 500 долларов, серебряная кружка и две ложки, принадлежавшие нескольким детям на борту, которые находились на попечении Стейси. Дети расплакались, и капитан спросил о причине их слез, на что Стейси ответил, что вышеупомянутая сумма и тарелка - это все, что было у детей, чтобы их содержать. Капитан Уайт обратился к своим людям с речью и сказал, что жестоко грабить невинных детей, после чего, по единодушному согласию, все было им возвращено. Кроме того, они собрались и сделали подарок помощнику Стейси и другим его младшим офицерам, а детям - около 120 долларов. Затем они выписали Стейси и его команду, и с наилучшими последствиями вышли из Красного моря.

Они зашли в бухту Дефарр, где нашли стоящий на якоре кетч, который жители сделали своим призом, захватив на берегу хозяина и команду судна. Они нашли на борту французского джентльмена, некоего месье Берже, которого взяли с собой, забрали около 2000 долларов, а кетч продали начальнику на берегу за провизию.

После этого они отплыли на Мадагаскар, но остановились в Маскаренхасе, где несколько человек сошли на берег с добычей, около 1200 фунтов стерлингов на человека. Взяв здесь

свежую провизию, Уайт отправился на Мадагаскар и сошелся с "Хоупфул Пойнт", где они разделили свои товары и поселились на берегу, где Уайт построил дом, купил скот, снял верхнюю палубу корабля и стал приводить его в порядок к следующему сезону. Когда корабль был почти готов к выходу в море, капитан Джон Хэлси, совершивший неудачное плавание, пришел с бригантиной, которая оказалась более подходящим судном для их хода, они отказались от работы на корабле, а те, кто был настроен на новые приключения, перешли на борт "Хэлси", среди которых капитан Уайт встал перед мачтой.

По возвращении на Мадагаскар Уайт заболел хворобой, которая примерно через пять или шесть месяцев закончила его дни. Понимая, что его время приближается, он составил завещание, оставил несколько наследств и назвал трех мужчин разных наций опекунами сына, который был у него от одной женщины в этой стране, с просьбой отправить его в Англию с деньгами, которые он ему оставил, на первом английском корабле, чтобы его воспитали в христианской религии, в надежде, что он будет жить лучше, чем его отец. Его похоронили с той же церемонией, что и на похоронах их товарищей, о чем упоминается в рассказе Хэлси. Через несколько лет после того, как английский корабль коснулся этого места, опекуны добросовестно выполнили свое поручение и поместили его на борт вместе с капитаном, который заботливо воспитывал мальчика, поступая с ним, как подобает честному и благородному человеку.

ЖИЗНЬ, ЗЛОДЕЯНИЯ И КРОВАВАЯ СМЕРТЬ ЧЕРНОЙ БОРОДЫ.

Эдвард Тич был уроженцем Бристоля и, отправившись на Ямайку, часто плавал из этого порта в качестве одного из членов команды капера во время французской войны. На этом посту он не раз доказывал свою смелость и личную храбрость, но ему не доверяли командование, пока капитан Бенджамин Хорниголд не передал ему командование захваченным им призом.

Весной 1717 года Хорниголд и Тич отплыли из Провиденса на американский континент и по пути захватили небольшое судно со 120 бочками муки, которую они поместили на борт своего корабля. Они также захватили два других судна; с одного они взяли несколько галлонов вина, а с другого - добычу на значительную сумму. Очистив побережье Виргинии, они взяли в качестве приза большой французский гвинейский корабль, направлявшийся на Мартинику, и Тич, получив командование над ним, отправился на остров Провиденс и сдался на милость короля.

Теперь Тич начал действовать самостоятельно. Он установил на своем судне сорок пушек и назвал его "Месть королевы Анны". Крейсируя у острова Сент-Винсент, он захватил большой корабль под названием "Великий Аллан" и, награвив на нем все, что посчитал нужным, поджег его. Через несколько дней после этого Тич столкнулся с военным кораблем "Скарборо" и несколько часов сражался с ним, но, видя его силу и решимость, она отступила, оставив Тича продолжать свои злодеяния. Следующее приключение произошло со шлюпом из десяти пушек под командованием майора Боннета, и эти два человека сотрудничали некоторое время, но Тич, обнаружив, что тот не разбирается в военно-морских делах, передал командование кораблем Боннета Ричардсу, одному из своей команды, и развлекал Боннета на борту его собственного судна. Во время стоянки в Турниффе они

обнаружили парус, и Ричардс с "Возмездия", отвязав трос, выбежал навстречу. Увидев поднятый черный флаг, судно ударилось и оказалось под кормой commodора Тича. Это было "Приключение" с Ямайки. Они взяли капитана и его людей на борт большого корабля и укомплектовали его шлюп для своей службы.

Отплыв от Терниффа, где они пробыли неделю, и направившись к заливу, они обнаружили там корабль и четыре шлюпа. Тич поднял свой флаг и начал стрелять по ним, после чего капитан и его люди покинули корабль и бежали к берегу. Тич сжег два из этих шлюпов, а трем другим позволил уйти.

После этого они отправились в разные места и, захватив два небольших судна, на несколько дней встали на якорь у берегов Чарльстона. Здесь они захватили судно, направлявшееся в Англию, когда оно выходило из гавани. Затем они захватили судно, выходящее из Чарльстона, и два пинкса, заходящих в ту же гавань, а также бригантину с четырнадцатью неграми. Дерзость этих операций, совершенных на виду у города, повергла жителей в ужас, поскольку в последнее время их уже посещали другие отъявленные пираты. Тем временем в гавани стояло восемь парусников, ни один из которых не решался выйти в море из страха попасть в руки Тича. Торговля в этом месте была полностью прервана, а жители впали в отчаяние. Их бедствие значительно усугублялось тем обстоятельством, что долгая и отчаянная война с туземцами только что закончилась, когда на них начали нападать эти разбойники.

Взяв в плен всех людей, захваченных на этих кораблях, Тич вскоре стал испытывать острую нужду в лекарствах, и у него хватило наглости потребовать у губернатора сундук. Это требование было сделано не столько дерзко, сколько нагло. Тич послал Ричардса, капитана корабля "Месть", с мистером Марксом, одним из пленников, и несколькими другими людьми, чтобы изложить свою просьбу. Ричардс сообщил губернатору, что если их требование не будет удовлетворено, а он и его спутники не вернутся в целости и сохранности, то все заключенные на борту захваченных кораблей будут немедленно убиты, а суда сожжены в пепел.

В то время, когда мистер Маркс вел переговоры с губернатором, Ричардс и его товарищи с удовольствием разгуливали по улицам, в то время как в каждом глазу пылало негодование против них, как против грабителей их собственности и ужаса их страны. Хотя оскорбление, нанесенное таким образом правительству, было большим и самым дерзким, тем не менее, чтобы сохранить жизни стольких людей, они удовлетворили их просьбу и отправили на борт сундук стоимостью в три или четыре сотни фунтов.

Тич, как только получил лекарства и своих товарищей-пиратов, разграбил корабли, отобрав золото и провизию, а затем отпустил пленников вместе с их судами. Из Чарльстона они отплыли в Северную Каролину. Теперь Тич стал размышлять, как ему лучше всего завладеть добычей вместе с некоторыми членами команды, которые были его любимцами. Под предлогом уборки он вывел свое судно на берег и сел на мель; затем приказал людям на шлюпе Хэндса прийти ему на помощь, что они и сделали, но тоже сели на мель, и оба погибли. Тогда Тич перешел на тендер с сорока людьми и на песчаном острове в лиге от берега, где не было ни птиц, ни зверей, ни травы для пропитания, оставил семнадцать человек из своей команды, которые неизбежно должны были погибнуть, если бы майор Боннет не получил сведения об их бедственном положении и не послал за ними баркас. После этого варварского поступка Тич с остатками своей команды отправился сдаваться губернатору Северной Каролины, сохранив все имущество, приобретенное его флотом.

Временное прекращение разбоев Черной Бороды, как его теперь называли, было вызвано не осуждением его прежних ошибок и не решимостью исправиться, а подготовкой к будущим и более масштабным подвигам. Поскольку губернаторы - всего лишь люди, и нередко они обладают далеко не самыми добродетельными принципами, золото Черной Бороды сделало его привлекательным в глазах губернатора, и благодаря своему влиянию он получил законное право на большой корабль под названием "Месть королевы Анны". По приказу губернатора в Бат-Тауне состоялся суд вице-адмиралтейства, и судно было осуждено как законный приз, который он захватил у испанцев, хотя было хорошо известно, что оно принадлежало английским купцам. Перед тем как пуститься в новые приключения, он женился на девушке лет шестнадцати, причем на церемонии присутствовал сам губернатор. Сообщалось, что это была всего лишь четырнадцатая его жена, из которых двенадцать еще живы; и хотя эта женщина была молода и приветлива, он вел себя с ней так жестоко, что это шокировало все приличия и благопристойность даже среди его покинутой команды пиратов.

В своем первом плавании Черная Борода направил свой курс к Бермудам и, встретив два или три английских судна, опустошил их запасы и другие необходимые вещи и позволил им продолжить путь. Он также встретил два французских судна, направлявшихся на Мартинику, одно легкое, а другое груженое сахаром и какао: он посадил людей с борта последнего на борт первого и разрешил ему отплыть. Грузовое судно он привел в Северную Каролину, где губернатор и Черная Борода разделили между собой призы. На этом их дерзость и злодейство не закончились. Тич и несколько человек из его брошенной команды явились к его превосходительству и поклялись, что захватили французский корабль в море, без единой души на борту; поэтому был созван суд, и судно было осуждено; почтенный губернатор получил шестьдесят бочонков сахара на свою долю, его секретарь - двадцать, а пираты - остальное. Но поскольку вина всегда внушает подозрения, Тич опасался, что в гавань может прибыть кто-нибудь, кто обнаружит мошенничество, поэтому под предлогом того, что судно негерметично и может затонуть, заблокировав вход в гавань, где оно лежало, они получили разрешение губернатора оттащить его в реку, где его подожгли, а когда оно сгорело до воды, его днище затопили, чтобы оно никогда не поднялось в суде против губернатора и его единомышленников.

Экипажи судов Черной Бороды и Вейна резвятся на побережье Каролины.

Черная Борода, оказавшись в провинции Дружба, провел несколько месяцев на реке, нанося и принимая визиты от плантаторов; при этом он торговал с судами, которые приходили на эту реку, иногда в рамках законной торговли, а иногда по-своему. Когда он предпочитал казаться честным человеком, он делал честные покупки по равному бартеру; но когда это не соответствовало его нуждам или его юмору, он грабил в свое удовольствие и оставлял их искать возмещения у губернатора; а чтобы лучше прикрыть свои интриги с его превосходительством, он иногда перечил ему в лицо и оказывал ему долю того презрения и наглости, которыми он так щедро одаривал остальных жителей провинции.

Но человеческой наглости и разврату есть предел. Капитаны судов, которые часто ходили по этой реке и которые так часто подвергались нападениям и грабежам Черной Бороды, тайно советовались с некоторыми плантаторами, какие меры следует предпринять, чтобы изгнать такого позорного негодяя с их берегов и подвергнуть его заслуженному наказанию. Убедившись на собственном опыте, что сам губернатор, к которому это относилось, не даст никакого возмещения, они представили дело губернатору Вирджинии и попросили послать вооруженный отряд с военных кораблей, стоящих там, чтобы захватить или уничтожить пиратов, засевших на их побережье.

После этого губернатор Виргинии посоветовался с капитанами двух кораблей о том, какие меры лучше принять. Было решено, что губернатор должен нанять два небольших судна, которые могли бы преследовать Блик-Бирда во всех его заливах и бухтах; они должны быть укомплектованы с кораблей, а командование ими поручено лейтенанту Мейнарду, опытному и решительному офицеру. Когда все было готово к отплытию, губернатор созвал собрание, на котором было решено издать прокламацию, предлагающую большую награду тому, кто в течение года захватит или уничтожит любого пирата.

17 ноября 1717 года Мейнард вышел из реки Джеймс на поиски Черной Бороды и вечером 21-го числа вышел на пирата. Эта экспедиция была организована со всей возможной оперативностью и секретностью: ни одному судну не было позволено пройти мимо, чтобы передать какие-либо сведения, и все было сделано для того, чтобы обнаружить, где скрываются пираты. Однако его превосходительство губернатор Бермудских островов и его секретарь, получив информацию о предполагаемой экспедиции, написали письмо Черной Бороде, в котором сообщили, что послали ему четырех своих людей - всех, кого он смог встретить в городе или в окрестностях, - и попросили его быть начеку. Эти люди были отправлены из Бат-Тауна к месту, где лежала Черная Борода, на расстояние около двадцати лиг.

Закаленный и влюбленный пират, которого не раз обманывали ложные сведения, был тем более внимателен к этой информации и не убедился в ее достоверности, пока не увидел шлюпы, посланные для его задержания. Хотя на его борту было всего двадцать человек, он приготовился дать бой. Лейтенант Мейнард прибыл со своими шлюпами вечером и встал на якорь, так как не мог решиться под покровом ночи подойти к месту, где лежала Черная Борода. Последний провел ночь за выпивкой с хозяином торгового судна с таким же безразличием, как если бы опасности не было. Отчаянное злодейство этого негодяя было столь велико, что, как рассказывают, во время ночных кутежей один из его людей спросил его: "Если с ним что-нибудь случится во время схватки с двумя шлюпами, готовыми напасть на него утром, знает ли его жена, где он зарыл свои деньги?", на что он нечестиво ответил: "Никто, кроме него самого и дьявола, не знает, где они лежат, и самая длинная печень должна забрать все".

Утром Мейнард взвесился и послал на звук свою лодку, которая, подойдя к пирату, получила его огонь. Тогда Мейнард поднял королевские флаги и направился прямо к Черной Бороде, используя все паруса и весла. Через некоторое время пират сел на мель, а вместе с ним и королевские суда. Мейнард освободил свое судно от балласта и воды и направился к Черной Бороде. Он окликнул его в своем грубом стиле: "Злодеи, кто вы и откуда?". Лейтенант ответил: "Вы можете видеть по нашим цветам, что мы не пираты". Черная Борода велел ему послать свою лодку на борт, чтобы он мог увидеть, кто он такой. Но Мейнард ответил: "Я не могу выделить свою лодку, но я поднимусь к вам на борт, как только смогу, на своем шлюпе". На это Черная Борода взял стакан с ликером и выпил за него, сказав: "Я не дам тебе ни четверти, ни одного шанса". Мейнард ответил: "Он не ждал от него четверти и не должен был ее давать".

Во время этого диалога корабль пирата плыл, а шлюпы гребли к нему со всей стремительностью. Приблизившись к нему, пират открыл огонь с широкой стороны, зарядив всевозможной мелкой дробью, и убил или ранил двадцать человек. Корабль Черной Бороды через некоторое время упал широкой стороной на берег; один из шлюпов, называемый "Рейнджер", также упал за кормой. Но Мейнард, обнаружив, что его собственный шлюп уже на подходе и скоро окажется на борту "Тича", приказал всем своим людям спуститься вниз, а сам и человек у руля, которому он приказал затаиться, были единственными, кто остался на палубе. В то же время он велел им взять пистолеты, тесаки и шпаги и быть готовыми к бою по его приказу, а для большей оперативности в люке были установлены две лестницы. Когда королевский шлюп поднялся на борт, пиратские ящики, наполненные порохом, мелкой дробью, пулями и кусками свинца и железа, с быстродействующими патронами в горловине, были брошены в шлюп Мейнарда. Однако, к счастью, люди находились в трюме, и в данном случае они не причинили особого вреда, хотя обычно они очень разрушительны. Черная Борода, видя, что на палубе почти нет людей, крикнул своим людям, что все они, кроме трех или четырех, получили по голове; "и поэтому, - сказал он, - давайте прыгнем на борт и разрубим на куски тех, кто остался в живых".

Смерть Черной Бороды.

После этого, во время дыма, вызванного одним из этих ящиков, Черная Борода с четырнадцатью своими людьми вошел внутрь, и их не заметили, пока дым не рассеялся. Был дан сигнал людям Мейнарда, которые мгновенно бросились наверх. Черная Борода и лейтенант обменялись выстрелами, и пират был ранен; затем они сошлись на шпагах, пока шпага лейтенанта не сломалась, но, к счастью, один из его людей в этот момент нанес Черной Бороде страшную рану в шею и горло. Последовал самый отчаянный и кровавый конфликт: Мейнард с двенадцатью людьми и Черная Борода с четырнадцатью. Море вокруг судна окрасилось кровью, и обе стороны проявили необычайную храбрость. Хотя пират был ранен первым же выстрелом Мейнарда, хотя он получил двадцать ран и столько же выстрелов, он сражался с отчаянной храбростью, но в конце концов, вскинув пистолет, упал замертво. К тому времени восемь его людей уже пали, а остальные, будучи ранеными, просили четверти, которая была дана, так как главарь был убит. Другой шлюп также атаковал

людей, оставшихся на пиратских судах, пока они тоже не стали просить о пощаде. И так отчаянно действовал Черная Борода, что, не имея надежды спастись, он поставил негра со спичкой у пороховой двери, чтобы тот взорвал корабль в тот момент, когда его возьмут на abordаж люди короля, дабы подвергнуть всех всеобщему разорению. Тот разрушительный выстрел в начале боя, который поначалу показался столь неудачным, стал, однако, средством их спасения от намеченной гибели.

Мейнард отделил голову пирата от тела, повесил ее на конец бушприта и отплыл в Бат-Таун, чтобы получить медицинскую помощь для своих раненых людей. На пиратском шлюпе было найдено несколько писем и бумаг, которые Черная Борода наверняка уничтожил бы до начала боя, если бы не решил взорвать его после захвата. Эти письма раскрывали всю подлость отношений между почтенным губернатором Бермудских островов и его честным секретарем, с одной стороны, и отъявленным пиратом - с другой, который теперь понес справедливое наказание за свои преступления.

Голова Черной Бороды на конце бушприта.

Едва Мейнард вернулся в Бат-Таун, как смело отправился туда и освободил шестьдесят бочонков сахара, находившихся у губернатора, и двадцать - у его секретаря.

После того как его люди были вылечены в Бат-Тауне, лейтенант отправился в Виргинию с головой Черной Бороды, все еще подвешенной на конце бушприта в качестве трофея своей победы, к великой радости всех жителей. Пленников судили, осудили и казнили; таким образом, вся команда этого адского злодея, Черной Бороды, была уничтожена, за исключением двух человек. Один из них был снят с торгового судна всего за день до схватки, во время которой он получил не менее семидесяти ран, от которых излечился. Другой - Израэль Хэндс, хозяин корабля "Месть королевы Анны"; он был взят в Бат-Тауне и ранен во время одного из диких приступов Черной Бороды. Однажды вечером Черная Борода, выпивая в своей каюте вместе с Руками, лоцманом и еще одним человеком, без всякого притворства взял небольшую пару пистолетов и зарядил их под столом; заметив это, он вышел на палубу, оставив капитана, Руки и лоцмана вместе. Когда пистолеты были готовы, он погасил свечу, скрестил руки и выстрелил в свою компанию. Один пистолет не причинил вреда, но другой ранил Руки в колено. На вопрос о том, что это значит, он ответил проклятием: "Если он не будет время от времени убивать кого-нибудь из них, они забудут, кто он такой". В конце концов Хэндса судили и осудили, но когда его собирались казнить, прибыло судно с прокламацией, продлевающей срок помилования его величества, и, умоляя Хэндса, он был спасен от насильственной и позорной смерти.

В содружестве пиратов на того, кто идет на самое большое злодеяние, смотрят с некоторой завистью, как на человека, обладающего необычайной галантностью; поэтому он имеет право быть отмеченным каким-либо постом, и, если у такого человека есть только мужество, он непременно должен быть великим человеком. Герой, о котором мы пишем, был доведен до совершенства, и некоторые из его злодейских выходок были столь же экстравагантны, как если бы он стремился заставить своих людей поверить в то, что он воплощение дьявола. Однажды, находясь в море и слегка раскрасневшись от выпитого, он сказал: "Давайте, - сказал он, - устроим себе ад и попробуем, как долго мы сможем его выносить". Соответственно, он с двумя или тремя другими спустился в трюм и, закрыв все люки, наполнил несколько горшков серой и другими горючими веществами; затем они подожгли их, и так продолжалось до тех пор, пока они почти не задохнулись, когда некоторые из мужчин закричали, прося воздуха; в конце концов он открыл люки, ничуть не довольный тем, что продержался дольше всех.

Те из его команды, кого удалось взять живыми, рассказали историю, которая может показаться несколько невероятной. Однажды во время плавания они обнаружили, что у них на борту есть человек больше, чем их команда; такого человека видели несколько дней среди них, то внизу, то на палубе, но ни один человек на корабле не мог сказать, кто он и откуда; но он исчез за некоторое время до того, как их отбросило на их большой корабль, и, похоже, они искренне верили, что это был дьявол.

Казалось бы, все это должно было побудить их исправить свою жизнь; но, собравшись вместе, они подбадривали и подстегивали друг друга в своих злодеяниях, чему не в малой степени способствовало постоянное пьянство. В дневнике Черной Бороды, который был взят, было несколько записей следующего характера, написанных его собственной рукой: "Такой день, ром весь вышел; наша компания немного протрезвела; среди нас царила сумасшедшая неразбериха; заговоры; большие разговоры о разлуке. Я стал искать приз - и в тот же день взял его, причем на борту было много спиртного; так что компания разгорячилась, разгорячилась, а потом все снова пошло хорошо".

Завершая рассказ о жизни этого необычного человека, мы расскажем о причине, по которой его прозвали Черной Бородой. Он получил это имя из-за своей длинной черной бороды, которая, как страшный метеор, покрывала все его лицо и наводила ужас на всю Америку больше, чем любая комета, которая когда-либо появлялась. Он имел обыкновение скручивать ее ленточками в небольшом количестве и закручивать их вокруг ушей. Во время боя он надевал на плечи перевязь с тремя пистолетами. Под шляпу он засовывал зажженные спички, которые появлялись с обеих сторон его лица, а глаза, от природы свирепые и дикие, делали его такой фигурой, что человеческое воображение не может представить себе ярость более ужасную и тревожную; и если у него была внешность и вид ярости, то и действия его соответствовали этому характеру.

ПОДВИГИ, АРЕСТ И КАЗНЬ КАПИТАНА ЧАРЛЬЗА ВЕЙНА.

Чарльз Вейн был одним из тех, кто похитил серебро, выловленное испанцами из затонувших галеонов во Флоридском заливе, и находился в Провиденсе, когда туда прибыл губернатор Роджерс с двумя военными кораблями.

Все пираты, которых тогда нашли в этой колонии разбойников, подали прошения о помиловании и получили их, кроме капитана Вейна и его команды, которые, как только увидели, что военные вошли, спустили свой трос, подожгли приз, который был у них в гавани, отплыли с развевающимися пиратскими флагами и выстрелили в один из кораблей, когда те отплывали от берега.

Через два дня после этого они встретили барбадосский шлюп, который захватили, а судно оставили себе, посадив на него пять и двадцать человек, с командиром Йитсом. Через день или два они столкнулись с небольшим заморским торговцем, на борту которого находилось восемь испанских кусков, направлявшихся в Провиденс, которые они также взяли с собой. С этими двумя шлюпами Вейн отправился на небольшой остров и очистил его; там он разделил добычу и провел некоторое время в беспорядке.

Примерно в конце мая 1718 года Вейн и его команда отплыли и, испытывая недостаток в провизии, направились к Наветренным островам. По пути они встретили испанский шлюп, направлявшийся из Порто-Рико в Гавану, который сожгли, погрузили испанцев в лодку и оставили их добираться до острова по пламени своего судна. Проплывая между островами Сент-Кристофер и Ангилья, они столкнулись с бригантиной и шлюпом, груженными таким грузом, какой им был нужен; от них они получили провизию для морского склада.

Через некоторое время после этого, стоя к северу, на пути, которым старые английские корабли ходят в американские колонии, они захватили несколько кораблей и судов, которые разграбили, что посчитали нужным, а затем пропустили их.

Примерно в конце августа Йейтс со своей супругой подошел к Южной Каролине и захватил корабль, принадлежащий Ипсвичу, груженный древесиной. Это было достаточно удобно для их собственного бизнеса, и поэтому они приказали своим пленникам работать, а весь груз выбросили за борт; но когда они очистили корабль более чем наполовину, прихоть изменилась, и они не хотели брать его; так что Коггерсхолл, капитан захваченного судна, снова получил свой корабль, и ему было позволено продолжить свое плавание домой. В этом плавании пираты захватили несколько кораблей и судов, в частности шлюп с Барбадоса,

небольшое судно с Антигуа, шлюп, принадлежащий Курасоа, и большую бригадину из Гвинеи, на борту которой находилось около девяноста негров. Пираты разграбили их всех и отпустили, а негров из бригадины переправили на борт судна Ййтса.

Капитан Вейн всегда относился к своему компаньону без особого уважения и считал себя выше его и его команды, рассматривая судно лишь как приставку к своему собственному: это вызывало у них отвращение, ибо они считали себя такими же хорошими пиратами и такими же большими мошенниками, как и лучшие из них; поэтому они собрались вместе и решили при первой же возможности покинуть компанию и принять помилование его величества или устроиться сами; любое из этих действий они считали более почетным, чем быть слугами Вейна: Помещение на борт такого количества негров, где было так мало рук, чтобы позаботиться о них, усугубляло дело, хотя в то время они считали нужным скрывать или подавлять свое негодование.

Через день или два, когда пираты встали на якорь, Ййтс вечером спустил свой трос и поставил судно под паруса, упершись в берег; увидев это, Вейн сильно разволновался и пустил свой шлюп под паруса, чтобы преследовать своего спутника. Бригадина Вейна шла лучше всех, он оторвался от Йейтса и, конечно, догнал бы их, будь у него чуть больше хода; но как только он перебрался через бар, когда Вейн подошел к нему на расстояние пушечного выстрела, он выстрелил в своего старого друга и удалился.

Йейтс вошел в реку Норт-Эддисто, примерно в десяти лигах к югу от Чарльстона, и послал губернатору экспресс с просьбой узнать, может ли он и его товарищи воспользоваться помилованием его величества; пообещав, что, если да, они сдадутся на его милость вместе со шлюпами и неграми. Их просьба была удовлетворена, все они явились и получили свидетельства, а капитан Томпсон, у которого были отобраны негры, вернул их ему для использования его владельцами.

Вейн некоторое время крейсировал у берега, надеясь застать Ййтса во время его нового выхода, но его постигло разочарование; однако он захватил два корабля из Чарльстона, которые направлялись домой в Англию. Как раз в это время два шлюпа, хорошо укомплектованные и вооруженные, были снаряжены для преследования пирата, который, как сообщили губернатору Южной Каролины, находился в то время в очистке реки Кейп-Фир: Но полковник Рет, командовавший шлюпами, встретившись с одним из кораблей, разграбленных Вейном, вернулся через бар за предметами первой необходимости, которые были у нее отобраны, и она рассказала полковнику, что была захвачена пиратом Вейном, а также, что некоторые из ее людей, пока они были пленниками на его борту, услышали, что пираты говорят, что они должны убраться в одной из рек к югу, он изменил свой первый замысел и вместо того, чтобы встать к северу, преследуя пирата на реке Кейп-Фир, повернул к югу за Вейном, который приказал передавать такие сообщения, чтобы навести на ложный след все силы, которые придут за ним; Ибо он отошел к северу, так что преследование оказалось безрезультатным. Разговор полковника Рета с этим кораблем был самым неудачным, что могло случиться, потому что он свернул с пути, который, по всей вероятности, привел бы его в компанию Вейна, а также пирата, за которым он отправился, и таким образом они оба могли быть уничтожены; Тогда как, пойдя другим путем, полковник не только потерял возможность встретиться с одним из них, но если бы другой не был увлечен и не пролежал шесть недель вместе на мысе Страха, он бы и его упустил; однако полковник, безуспешно обыскивая реки и бухты в течение нескольких дней, наконец отплыл во исполнение своего первого замысла и встретился с пиратом, с которым сразился и взял его.

Капитан Вейн зашел в бухту к северу, где встретился с капитаном Тичем, иначе Черной Бородой, которого он приветствовал (когда узнал, кто он) из своих больших пушек, заряженных дробью: таков обычай у пиратов, когда они встречаются, делать это, хотя они находятся далеко друг от друга: Черная Борода ответил на приветствие тем же способом, и взаимные любезности продолжались между ними несколько дней, когда, примерно в начале октября, Вейн взял отпуск и отплыл дальше на север.

23 октября у Лонг-Айленда он захватил небольшую бригантину, направлявшуюся с Ямайки в Салем в Новой Англии, а также маленький шлюп: они разграбили бригантину и отправили ее прочь. Оттуда они отправились в плавание между мысами Мейз и Николас, где провели некоторое время, не видя и не разговаривая ни с одним судном, до конца ноября; затем они столкнулись с кораблем, который, как ожидалось, должен был ударить, как только были подняты их черные флаги; но вместо этого он выстрелил в пирата широким бортом и поднял французские флаги, которые показали, что это французский военный корабль. Вейн не захотел больше ничего говорить с ней, убрал паруса и отошел от француза; однако месье, решив лучше узнать, кто он такой, поставил все паруса и устремился за ним. Во время этой погони пираты разделились в своем решении, что делать. Вейн, капитан, был за то, чтобы удрать как можно быстрее, утверждая, что корабль слишком силен, чтобы с ним справиться; но Джон Рэкэм, их квартирмейстер, который был своего рода опорой капитана, встал на защиту противоположного мнения, заявив, "что, хотя на корабле больше пушек и больше металла, они могут взять его на abordage, и тогда лучшие парни одержат верх". Рэкэм поддержал его, и большинство высказалось за abordage; но Вейн заявил, "что это слишком опрометчивое и отчаянное предприятие, так как корабль вдвое превосходит их по силе, и что их бригантина может быть потоплена прежде, чем они успеют взять ее на abordage". С Вейном был согласен и помощник капитана, некто Роберт Дил, и еще около пятнадцати человек, а все остальные присоединились к мнению квартирмейстера Рэкэма. В конце концов капитан воспользовался своей властью, чтобы решить этот спор, которая в таких случаях абсолютна и неподконтрольна, по их собственным законам, а именно: абсолютное право капитана решать все вопросы, касающиеся драки, погони или преследования; во всех остальных вопросах капитан руководствуется большинством голосов; так что бригантина, получив пятки, как они это называют, от француза, ушла.

Но на следующий день поведение капитана пришлось подвергнуть испытанию голосованием, и против его чести и достоинства была принята резолюция, которая клеймила его именем труса, отстранила от командования и выгнала из компании с позором; вместе с ним ушли и все те, кто не голосовал за abordage французского корабля. С собой у них был небольшой шлюп, захваченный ими некоторое время назад, который они отдали Вейну и отставным членам; а чтобы они могли сами обеспечивать себя честными усилиями, им было отпущено достаточное количество провизии и боеприпасов.

Джон Рэкэм был назначен капитаном бригантины в комнате Вейна и направился к островам Карриби, где мы и должны его оставить, пока не закончим нашу историю Чарльза Вейна.

Шлюп отплыл в Гондурасский залив, и Вейн со своей командой привел его в такое хорошее состояние, какое только было возможно, чтобы они могли заниматься своим прежним ремеслом. Они крейсировали два или три дня у северо-западной части Ямайки и взяли шлюп и два перриауга, все люди которых вошли с ними: шлюп они оставили себе, а Роберт Дил был назначен капитаном.

16 декабря оба шлюпа вошли в бухту, где нашли только одно судно на якоре. Она называлась "Жемчужина Ямайки" и при виде их встала под паруса; но пиратские шлюпы подошли к

Роуланду и не показали цветов, он дал им пару пушек, после чего они подняли черный флаг и выстрелили из трех пушек каждый в "Жемчужину". Она разбилась, пираты завладели ею и отвели к небольшому острову под названием Барначо, где и очистили. По пути они встретили шлюп с Ямайки, спускавшийся в залив, который также захватили.

В феврале Вейн отплыл из Барначо, чтобы отправиться в плавание; но через несколько дней после отплытия его настиг сильный смерч, который разлучил его с супругой и, после двух дней бедствия, бросил шлюп на небольшой необитаемый остров, недалеко от залива Гондураса, где он разлетелся на куски, а большинство его людей утонуло: Сам Вейн спасся, но оказался в крайне затруднительном положении из-за отсутствия предметов первой необходимости, не имея возможности получить что-либо с затонувшего судна. Он прожил здесь несколько недель, и его поддерживали в основном рыбаки, которые часто посещали остров на небольших судах, приплывавших с материка, чтобы ловить черепах и другую рыбу.

Вейн арестован капитаном Холфордом.

Пока Вейн находился на этом острове, с Ямайки за водой прибыло судно, капитан которого, некто Холфорд, старый буканьер, оказался знакомым Вейна. Он решил, что это хорошая возможность удрать, и обратился к своему старому другу, но Холфорд категорически отказал ему, сказав: "Чарльз, я не могу доверять тебе борт моего корабля, если только не возьму тебя в плен, потому что ты будешь драться с моими людьми, бить меня по голове и убегать с моим кораблем, пиратствуя". Вейн сделал все возможное для него, но, похоже, капитан Холфорд

был слишком близко знаком с ним, чтобы доверять его словам и клятвам. Он сказал ему: "Он легко найдет способ сбежать, если у него будет на то желание: "Я отправляюсь вниз по заливу, - сказал он, - и вернусь сюда примерно через месяц, и если я найду вас на острове, когда вернусь, я отвезу вас на Ямайку и там повешу". "Как же мне спастись?" - ответил Вейн. "Разве на берегу нет рыбацких лодок? Разве вы не можете взять одну из них?" - ответил Холфорд. "Что! - сказал Вейн, - вы хотите, чтобы я украл лодку?" "Тебя мучает совесть, - ответил Холфорд, - украсть лодку, когда ты был обычным разбойником и пиратом, воровал корабли и грузы и грабил всех, кто попадался тебе на пути! Оставайтесь здесь, если вы такой брезгливый?" - и он оставил его обдумывать это дело.

После отъезда капитана Холфорда другой корабль зашел на тот же остров по пути домой за водой; никто из компании не знал Вейна, его легко приняли за другого человека и отправили в плавание. Можно было бы подумать, что теперь Вейн в полной безопасности и, скорее всего, избежит участи, которую заслужили его преступления; но тут произошел несчастный случай, который все испортил. Холфорд, возвращавшийся из залива, был встречен этим кораблем, и капитаны, будучи очень хорошо знакомы друг с другом, пригласили Холфорда отобедать на борту, что он и сделал. Проходя в каюту, он случайно бросил взгляд в трюм и увидел там Чарльза Вейна за работой: он немедленно обратился к капитану со словами: "Знаете ли вы, кого вы взяли на борт?" "Да, - ответил тот, - я отправил на такой остров человека, которого выбросило на торговом шлюпе, и он, похоже, не промах". "Говорю вам, - ответил капитан Холфорд, - это Вейн, отъявленный пират". "Если это он", - воскликнул другой, - "я не стану его удерживать". "Тогда, - сказал Холфорд, - я пошлю взять его на борт и сдам на Ямайке". Договорившись об этом, капитан Холфорд, как только вернулся на корабль, послал шлюпку с вооруженным помощником, который, подойдя к Вейну, показал ему пистолет и сказал, что он его пленник. Никто не посмел возразить, его подняли на борт и заковали в кандалы; когда капитан Холфорд прибыл на Ямайку, он отдал своего старого знакомого в руки правосудия, где его судили, осудили и казнили, как и некоторое время назад супруга Вейна, Роберта Дила, которого доставил туда один из военных людей. Отсюда ясно, как мало поможет древняя дружба великому злодею, когда он лишается власти, которая прежде поддерживала и делала его грозным.

ПИРАТЫ ЗАПАДНОЙ ИНДИИ

Содержит рассказы об их зверствах, манерах жизни и т. д., о действиях эскадры под командованием коммодора Портера в тех морях, о победе и смерти лейтенанта Аллена, интересный рассказ капитана Линкольна и т. д.

Эти бесчисленные группы островов, ключей и песчаных отмелей, известные как Вест-Индия, особенно приспособлены к тому, чтобы быть излюбленным местом отдыха пиратов; многие из них состоят из коралловых скал, на которых несколько деревьев какао поднимают свои высокие головы; там, где есть достаточно земли для растительности между промежутками скал, растет чахлый кустарник. Но главной особенностью некоторых островов, которая делает их подходящими для тех, кто часто посещает их в качестве пиратов, являются

многочисленные пещеры, которыми пронизаны скалы; некоторые из них находятся выше отметки уровня воды, но большинство с морской водой, текущей в них и из них, в некоторых случаях просто врываясь в них во время прилива, заполняя глубокие бассейны, которые отделяются друг от друга, когда прилив отступает, в других с достаточной глубиной воды, чтобы позволить большой лодке плыть в них. Вряд ли стоит говорить о том, насколько удобны высокие и сухие пещеры в качестве вместилищ для предметов, которые предполагается спрятать, пока не представится возможность ими распорядиться. Багамские острова представляют собой необычную группу островов, рифов и причалов, состоящую из нескольких сотен, и были главным местом отдыха пиратов в старые времена, но теперь все они ушли от них; они низкие и не возвышенные, протяженностью более 600 миль, изрезаны многочисленными запутанными проходами и каналами, полными затонувших скал и коралловых рифов. Они служат надежным убежищем для отчаянных преступников. Другие острова изобилуют горными ущельями, где можно скрыться от преследования. Многие низкие берега окаймлены, а острова покрыты мангровыми деревьями - необычными деревьями, пускающими свежие корни по мере своего роста, которые, когда дерево достигает своего полного возраста, можно найти в шести или восьми футах от земли, к которым постепенно стремятся побеги в правильной последовательности; листья очень толстые и жесткие, около восьми дюймов в длину и девяти в ширину, промежутки между корнями служат надежным укрытием для тех, кого внезапно преследуют. Еще одно обстоятельство помогает пирату при преследовании: поскольку острова принадлежат нескольким разным государствам, при преследовании с одного острова он может перейти на тот, который находится под юрисдикцией другой державы. А поскольку преследующие его люди должны получить разрешение от властей острова на высадку и захват, у него появляется время, чтобы скрыться. Тропический климат располагает к бродячей жизни, а спиртное и распутные женщины в большом количестве, чтобы удовлетворить его в часы отдыха, делают этот регион благоприятным для беззаконников.

Пиратское судно, уничтожающее торговый корабль.

Экипажи пиратских судов в этих морях состоят в основном из испанцев, португальцев, французов, мулатов, негров и нескольких уроженцев других стран. В настоящее время остров Куба является большим гнездом пиратов, а в Гаване к пиратству относятся так же терпимо, как и к любой другой профессии. Поскольку число пиратов, совершенных в этих морях за один год, превысило пятьдесят, мы приведем лишь несколько рассказов о самых интересных.

В ноябре 1821 года бриг "Коббсеконти" капитана Джексона утром 8-го числа отплыл из Гаваны в Бостон, а вечером того же дня, примерно в четырех милях от Моро, был настигнут пиратским шлюпом, на котором было около 30 человек. Лодка с него с 10 мужчинами подошла к борту, и вскоре после того, как они поднялись на борт, приступили к грабежу. Они забрали почти всю одежду у капитана и помощника, всю кухонную утварь и запасной такелаж, отрезали часть бегучего такелажа, перерезали небольшой трос, сломали компасы, разрезали на куски шканцы мачты, забрали у капитана часы и четыре коробки сигар, а из груза - три тюка кохинее и шесть коробок сигар. Они жестоко избили помощника и повесили его за шею под грот-мачтой. Они также жестоко избили капитана - разбили ему спину большим широким мечом и проткнули бедро длинным ножом, так что он чуть не истек кровью. Капитан Джексон видел шлюп в Регле накануне.

Капитан Джексон сообщил нам, а также другие лица из Гаваны, что эта система пиратства открыто поддерживается некоторыми жителями этого места - они говорят, что это месть американцам за вмешательство в работорговлю.

Примерно в это время корабль "Ливерпульский пакетбот" Рикера из Портсмута, штат Северная Ирландия, был взят на абордаж у мыса Святого Антонио, Куба, двумя пиратскими шхунами; две баржи, в которых было тридцать или сорок человек, ограбили судно, забрав все движимое, даже *флаги*, такелаж и случайно оказавшуюся на плаву лодку с мальчиком, который принадлежал кораблю. Они совещались, убивать ли им команду, как они это делали раньше, или нет, а тем временем поставили корабль на якорь. Когда корабль встал на якорь, команда увидела рядом бриг, сгоревший дотла, и три трупа, плавающие рядом с ним. Пираты сказали, что сожгли бриг накануне и *убили весь экипаж*, и собирались сделать то же самое с ними. Они сказали: "Посмотрите на черепах (имея в виду трупы), и вы скоро станете такими же". По их словам, судно было балтиморским бригом, который они ограбили и сожгли, а команду убили, как уже говорилось, и в этом они почти не сомневались. Капитану Рикеру они нанесли множество ужасных увечий. Коллегу повесили, пока он не умер, но он пришел в себя и сейчас жив. Они сказали капитану, что принадлежат Регле и должны убить их всех, чтобы предотвратить обнаружение.

В 1822 году Соединенные Штаты направили несколько крейсеров к западноиндийским островам, чтобы сдерживать пиратов. Многие удалось сделать, но все же многие суда были ограблены и уничтожены вместе с экипажами. В этом году от руки пиратов пал храбрый лейтенант Аллен; он находился на шхуне Соединенных Штатов "Аллигатор" и получил в Матанзасе сведения, что несколько судов, вышедших из этого порта, захвачены пиратами и находятся в бухте Лежуапо. Он поспешил к ним на помощь. Он прибыл как раз вовремя, чтобы спасти пять парусных судов, которыми, как он обнаружил, владела банда пиратов численностью 300 человек, обосновавшаяся в бухте Лежуапо, примерно в 15 лигах к востоку от этого места. Он упал, пронзенный двумя мушкетными шарами, в авангарде дивизиона лодок, атаковавших их главное судно, прекрасную шхуну весом около восьмидесяти тонн, с длинной восемнадцатифунтовой пушкой на шарнире и четырьмя пушками поменьше, с *кровавым флагом, прибитым к мачте*. Сам капитан морской пехоты Фримен с двенадцатью людьми находился в шлюпке, намного опередив другие лодки, и даже овладел шхуной после отчаянного сопротивления, которое не могло преодолеть ничто, кроме почти бесстрашной храбрости. Пираты, все, кроме одного, спаслись, сев в свои лодки и прыгнув за борт, прежде чем их настигла лодка Аллигатора. Две другие шхуны спаслись с помощью весел, так как ветер был слабый.

Капитан Аллен продержался около четырех часов, в течение которых его беседа свидетельствовала о самообладании, твердости духа и правильности чувств, столь же достойных его характера и более утешительных для его друзей, чем даже бесстрашная храбрость, которую он проявлял прежде.

Хирург "Аллигатора" в письме к другу пишет: "Он продолжал отдавать приказы и разговаривать с мистером Дейлом и остальными до нескольких минут перед смертью с той степенью жизнерадостности, которую мало кто ожидал от человека в его состоянии. Он сказал, что хочет, чтобы его родственники и страна знали, что он хорошо сражался, и добавил, что умер в мире и доброй воле ко всему миру и надеется на свою награду в следующем".

У лейтенанта Аллена было мало равных на службе. Он был горячо предан интересам своей страны, храбр, умен и искусен в своей профессии. Он проявлял, живя и умирая, великодушие, которое проливает свет на его родственников, друзей и страну.

Ужасное пиратство и убийство мексиканским "капером".

Примерно в это время капитан Линкольн попал в руки пиратов, и поскольку его обращение с ними показывает особые привычки и практику этих несчастных, мы приводим очень интересный рассказ капитана.

Шхуна "Упорство" капитана Линкольна отплыла из Бостона в Тринидад-де-Куба 13 ноября 1821 года со следующим экипажем: Джошуа Бреккет, помощник; Дэвид Уоррен, кок; Томас Янг, Фрэнсис де Сюз и Джордж Рид, матросы.

Груз состоял из муки, говядины, свинины, сала, масла, рыбы, бобов, лука, картофеля, яблок, окороков, мебели, сахарных ящиков и т. д., на сумму около восьми тысяч долларов. Во время плавания не произошло ничего примечательного, кроме сильной непогоды, вплоть до моего захвата, который произошел следующим образом:...

Понедельник, 17 декабря 1821 года, начался с прекрасного бриза с востока. На рассвете мы увидели несколько островов к северу от мыса Круз, называемых Ключами, и прошли вдоль северо-запада; все теперь казалось благоприятным для счастливого окончания нашего плавания. В 3 часа пополудни увидели парус, огибающий один из Ключей, в канале, называемом по карте Бока-де-Каволон, почти в 20°55' северной широты, 79°55' западной долготы; он направился прямо к нам со всеми парусами, загребая с обеих сторон (ветер был легкий), и вскоре оказался достаточно близко, чтобы мы обнаружили на его палубе около сорока человек, вооруженных мушкетами, мушкетонами, тесаками, длинными ножами, кортиками и т. д., Две карронады, одна двенадцати-, другая шестифунтовая; это была шхуна, на которой развевался патриотический флаг (синий, белый и голубой) Мексиканской Республики. Я счел неосмотрительным сопротивляться им, если они пираты, с командой из семи человек и всего пятью мушкетами; поэтому приказал немедленно спрятать оружие и боеприпасы в как можно более укромном месте и предоставить ей говорить с нами, надеясь

и веря, что республиканский флаг свидетельствует о чести и дружбе тех, кто его носит, и что мы можем ожидать даже от испанцев. Но каково же было мое изумление, когда шхуна, приблизившись к нам вплотную, окликнула нас по-английски и приказала мне немедленно вытащить мою лодку и подняться на ее борт с моими документами. Затем мне приказали отдать галс и ждать, пока пиратская лодка возьмет меня на абордаж; это сделал Болидар, их первый лейтенант, с шестью или восемью испанцами, вооруженными таким количеством вышеупомянутого оружия, какое они только могли прикрепить к своему телу. Они загнали меня в лодку, и двое из них гребли к их каперу (так они называли свое судно), где я пожал руку их командиру, капитану Йонниа, испанцу, который, не взглянув на мои бумаги, приказал Болидару, своему лейтенанту, следовать за мексиканцем внутрь, назад к оставленному ими ключу, что и было сделано. В шесть часов вечера "Экзертион" стоял на якоре в одиннадцати футах воды, рядом с этим судном и островом, который они называли Двенадцать Лиг Ки (на карте он называется Ки Ларго), примерно в тридцати или тридцати пяти лигах от Тринидада. После этого странного поступка они начали проверять мои бумаги у шотландца по имени Никола, их парусного мастера... Он хорошо говорил по-английски, имел довольно приятное лицо, хотя его борода и усы имели устрашающий вид... Его лицо, очевидно полное беспокойства, указывало на что-то в мою пользу; он отдал мне мои бумаги, сказав: "Берегите их, ибо я боюсь, что вы попали в плохие руки". Затем пиратская лодка была отправлена на "Экзертицию" с большим количеством людей и оружия; часть из них осталась на ее борту; остальные вернулись с тремя членами моей команды на свое судно, а именно: Томасом Янгом, Томасом Гудаллом и Джорджем Ридом; они угостили их чем-то питьевым и предложили им равные доли с собой и немного денег, если они завербуются, но они не смогли их уговорить. Тогда я попросил разрешения подняться на борт моего судна, которое было получено, и еще попросил, чтобы Никола пошел со мной, но получил отказ от капитана, который в резкой форме прокричал: "Нет, нет, нет", сопровождая его сильным ударом о палубу. Когда я поднялся на борт, меня пригласил вниз Болидар, где я обнаружил, что они опустошили ящик со спиртным, а сыр разломали на куски и разбросали по столу и полу каюты; пираты, довольные своим призом (как они его называли), выпили столько, что довели себя до отчаянного расстройства. Мне разрешили лечь на койку, но, читатель, если вас когда-нибудь будила банда вооруженных отчаянных пиратов, завладевших вашим жилищем в полночный час, вы можете представить себе мои чувства: сон был мне чужд, а беспокойство - гость. Болидар, однако, притворялся дружелюбным и льстил мне перспективой скорого освобождения. Но, как я и предполагал, он оказался отъявленным лицемером; впрочем, об этом говорила сама его внешность. Это был крепкий и хорошо сложенный мужчина, смуглый, с острыми, свирепыми глазами, огромными усами, бородой под подбородком и на губах длиной в четыре или пять дюймов; по происхождению он был португальцем, но стал натурализованным французом, имел во Франции жену, если не детей (как мне сказали), и был хорошо известен там как командир первоклассного капера. Внешность его была поистине потрясающей; он немного говорил по-английски и обладал голосом, как у льва.

Вторник, 18-е. -- Рано утром капитан пиратов поднялся на борт "Экзерсиона", осмотрел кают-компанию и груз в казенных помещениях, а затем приказал мне вернуться с ним на судно, где он со своей командой некоторое время совещался по поводу груза. После этого переводчик Никола сообщил мне, что "капитан имеет или делает вид, что имеет, поручение генерала Траспеласкуса, главнокомандующего Мексиканской республики, уполномочивающее его брать все грузы провизии, направляющиеся в любой роялистский испанский порт, и что мой груз, направляющийся во вражеский порт, должен быть осужден; но что судно должно быть сдано и направлено честным путем в Тринидад, куда я направлялся". Я попросил его тщательно изучить бумаги, и, возможно, он убедится в

обратном, и сказал ему, что мой груз - это американская собственность, полученная в Бостоне и переданная американскому джентльмену, агенту в Тринидаде. Но капитан не стал утруждать себя, а приказал обоим судам немедленно отправиться в путь, и они начали биться среди ключей почти весь день, благо ветер был очень слабый. Теперь они послали свои лодки на борт "Упорства" за запасами и принялись грабить ее, забирая хлеб, масло, сало, лук, картофель, рыбу, бобы и т. д., подняли несколько ящиков с сахаром, которые стояли на палубе, и нашли бочки с яблоками; выбрали лучшие из них, а остальные выбросили за борт. Они спросили, есть ли спиртные напитки, вино, сидр и т. д., и им ответили, что "уже забрали все, что было на борту". Но, не удовлетворившись этим, они принялись обыскивать казенные комнаты и форкастл, разодрали пол и нашли несколько ящиков с бутылками сидра, которые отнесли на свое судно, трижды ликующе поприветствовали меня, а затем начали пить его с такой свободой, что между офицерами и людьми возникла бурная ссора, которая едва не закончилась кровопролитием. Меня обвинили в лживости, сказав, что они забрали все спиртные напитки, которые были на борту, а я думал, что так и было; правда заключалась в том, что у меня никогда не было коносамента на сидр, и, следовательно, я не помнил, чтобы он был на борту; тем не менее это послужило им оправданием для наглости. Вечером мир был восстановлен, и они пели песни. Мне разрешили спуститься на ночь под воду, а ко мне приставили караул, который расположился у компаньонки.

Среда, 19-е число, началась с умеренного восточного ветра, дующего на северо-восток, пиратские лодки часто поднимались на борт "Усердия" за картофелем, рыбой, бобами, маслом и т. д., которые использовались с большой расточительностью и неумеренностью. Они давали мне еду и питье, но плохого качества, в особенности провизию, которая была ужасно приготовлена. Место, отведенное мне для еды, было покрыто грязью и паразитами. Казалось, их главной целью было задеть мои чувства угрозами и замечаниями и сделать мое положение настолько неприятным, насколько позволяли обстоятельства. Мы бросили якорь возле ключа, названного ими Бригантиной, где мне и помощнику было разрешено сойти на берег, но их охраняли несколько вооруженных пиратов. Вскоре я вернулся на "Мексиканец", а мой помощник - на "Экзертион", вместе с Джорджем Ридом, одним из членов моей команды; двое других остались на борту "Мексиканца". В течение этого дня я много беседовал с Николой, который, как оказалось, был настроен ко мне хорошо. Он очень сожалел о своем положении, так как был одним из тех людей, чьи ранние хорошие впечатления не были полностью изглажены, хотя и были соединены с виной. Он сказал мне, что "те, кто меня схватил, ничем не лучше пиратов, и их концом будет дыба; но, - добавил он с особым чувством, - меня никогда не повесят как пирата", показав мне флакон лауданума, который он нашел в моей аптечке, и сказал: "Если нас схватят, это обманет палача, прежде чем нас приговорят". Я попытался отнять у него бутылку, но не преуспел. Затем я спросил его, как он оказался в такой компании, поскольку он выглядел недовольным. Он рассказал, что прошлым летом был в Новом Орлеане без работы и познакомился с капитаном Августом Оргамаром, французом, который купил небольшую шхуну около пятнадцати тонн и собирался спуститься в Мексиканский залив, чтобы получить комиссию у генерала Траспеласка, дабы заняться каперством под флагом патриотов. Капитан Оргамар сделал ему либеральные предложения относительно акций и пообещал место капитана, которое он принял и взошел на борт шхуны, не задумываясь в достаточной степени об опасности такого предприятия. Вскоре шхуна отплыла из Мексики, где они получили заказ, и судно назвали "Мексиканец". Они набрали двадцать человек и, оказав генералу небольшую услугу по доставке его войск в место под названием ----, отправились в плавание; взяли несколько небольших призов у Кампеачи; затем подошли к южному побережью Кубы, где взяли другие небольшие призы и тот, на борту которого мы сейчас находились. К этому времени экипаж

увеличился примерно до сорока человек, почти половина из которых были испанцами, а остальные - французами и португальцами. Некоторые из них выходили из портов Соединенных Штатов с американскими протекциями; но, как я уверен, ни один из них не является уроженцем, особенно северных штатов. Я внимательно осматривал людей, желая узнать, нет ли среди этой несчастной команды моих соотечественников; но я уверен, что их нет, и мой шотландский друг согласен с этим мнением. И вот с новым судном, которое было призом этих грабителей, они поплыли вверх по Манганейльскому заливу; предварительно, однако, они столкнулись с американской шхуной, у которой купили четыре бочки говядины и расплатились табаком. В бухте стоял английский бриг, принадлежащий Ямайке и принадлежащий мистеру Джону Лаудену из этого места. На борту этого судна испанская часть команды начала свои грабежи как пираты, хотя капитан Оргамар и Никола протестовали против этого и отказывались от всякого участия; но они упорствовали и, как множество свирепых ищеек, взяли на abordаж бриг, разграбили каюту, магазины, мебель, капитанский сундук и т. д., взяли бочку рома, одну двенадцатифунтовую карронаду, несколько такелажей и парусов. Один из них разграбил сундук матроса, который оказал некоторое сопротивление, так что испанец выхватил у него тесак, избил и ранил его без всякой пощады. Никола спросил его: "Зачем он это сделал?" Тот ответил: "Я тебе скажу", - и, взяв поварской топор, нанес ему удар по голове, который едва не лишил его жизни. Затем они приказали капитану Оргамару покинуть судно, выдали ему сундук и отправили на берег, чтобы он искал себя сам. Никола умолял их отпустить его вместе с капитаном, но нет, нет, - был ответ, ибо кроме него у них не было ни одного толкового штурмана. После того как капитан Оргамар ушел, они поставили вместо него нынешнего храброго (или, как я бы назвал его, трусливого) капитана Жонниа, который возглавил разграбление упомянутого брига, и назначили Болидара своим первым лейтенантом, а затем двинулись вниз среди тех ключей или островов, где я был захвачен. Вот в общих чертах то, что рассказал мне мой друг Никола об их истории.

Суббота, 22-е. - Оба судна шли на восток, они посадили "Экзертион" на мель, но, выбросив за борт большую часть палубного груза, она всплыла; к ней послали лоцмана, и ее завели в узкую бухту между двумя ключами, где пришвартовали к мангровым деревьям, опустили верфи и топмачты, а головы мачт и обтекатели прикрыли кустами, чтобы ее не заметили суда, которые могут пройти этим путем. Затем мне разрешили подняться на борт моего собственного судна, и я обнаружил, что оно находится в очень грязном состоянии: паруса порваны, такелаж разорван в клочья, а все вещи в каюте в беспорядке и запустении. Рои москитов и песчаных мух не давали ни сна, ни отдыха. Большая лодка пиратов была вооружена и укомплектована под началом Болидара и отправлена с письмами к купцу (как они его называли) по имени Доминико, проживающему в городе Принсипе на главном острове Куба. Один из них, говоривший по-английски, сказал мне, что Принсипе - очень большой и многолюдный город, расположенный в верховьях острова Святой Марии, который находится примерно в двадцати милях к северо-востоку от того места, где мы лежали, а ключи, лежащие вокруг нас, называются Коттон-Кис. Капитан заставил Франсиса де Сюзе, одного из членов моей команды, сказать, что он один из его соотечественников. Фрэнсис очень неохотно пошел и сказал мне со слезами на глазах: "Я не буду делать ничего, кроме того, что обязан, и не окажу ни малейшей помощи, чтобы причинить вред вам или судну; мне очень жаль покидать вас". Его немедленно поставили на вахту, а Томаса Гудолла отправили обратно на "Экзертион".

Воскресенье, 23-е. - Рано утром на борт "Экзертиона" поднялось большое количество пиратов, они выбросили длинную шлюпку, открыли люки и вытащили значительную часть груза в поисках рома, джина и т. д., при этом они говорили мне: "У меня есть немного, и они

найдут его", произнося самые ужасные ругательства. Во второй половине дня вернулась их лодка, на борту которой находились капитан, его первый лейтенант и семь человек с патриотического или пиратского судна, которое преследовал у мыса Круз испанский вооруженный бриг. Эти семь человек сбежали в указанной лодке, а через четыре дня нашли наших пиратов и присоединились к ним; остальные члены команды были убиты или взяты в плен.

Понедельник, 24-е. - Их лодка была укомплектована и отправлена в вышеупомянутый город... Мне сообщили из Николы, что у пиратов на борту был человек, уроженец Принсипи, который, переодевшись в матроса, был партнером Доминико, но я не смог его разглядеть. Это позволяет нам немного узнать о планах, с помощью которых осуществлялась эта жестокая система пиратства. Купцы имеют партнеров на борту этих пиратов! Таким образом, пираты на море и грабители на суше объединяются, чтобы уничтожить мирного торговца. Готовность, проявленная семью вышеупомянутыми людьми, присоединиться к нашей банде пиратов, выглядит как общее понимание между ними; и поскольку на берегу есть купцы, которые поощряют грабежи и торгуют товарами, я убежден, что существует систематическая конфедерация со стороны этих беспринципных десперадо под прикрытием патриотического флага; и те, кто на суше, не лучше, чем те, кто на море. Если правительства, к которым они принадлежат, знают о совершенных зверствах (а я почти не сомневаюсь в этом), они заслуживают презрения всего человечества.

Четверг, 27-е. - Пришла банда пиратов и ободрала наши мачты с зелеными кустами, сказав, что "она больше похожа на парус, чем на деревья" - забрали одну бочку хлеба и одну картофелину, используя примерно по одной штуке в день. Как я понял, они ждали лодок, чтобы забрать груз; ведь главный купец уехал в Тринидад.

Воскресенье, 30-е. - Начало неприятностей! Этот день, который особенно напоминает христианам о высоких обязанностях сострадания и благожелательности, пираты никогда не отмечали. Этого, конечно, можно было ожидать, ведь они не часто знали, когда наступает этот день, а если и знали, то проводили его в азартных играх. Старая поговорка моряков: "Воскресенье вне эхолота" - не принималась во внимание; и даже эта слабая просьба не была им по силам, поскольку они находились на эхолоте и часто стояли на якоре... Рано утром купец, как они его называли, пришел с большой лодкой за грузом. Меня с моей командой немедленно усадили в лодку, не дали позавтракать, отвезли за три мили на маленький островок, находящийся вне поля зрения "Экзерции", и оставили там на берегу небольшого пруда с густой, мутной водой, которая оказалась очень солоноватой, не дав ничего съестного, кроме нескольких бисквитов. Один из людей на судне сказал нам, что купец боится, что его узнают, и когда он уйдет, судно вернется за нами; но у нас были серьезные основания предполагать, что они нас обманут, и поэтому день прошел в крайней тревоге. Ночью, однако, пришли лодки и снова доставили нас на борт "Экзерции"; к нашему удивлению и изумлению, мы обнаружили, что они вскрыли сундуки и сундучки и забрали всю нашу одежду, не оставив даже рубашки или пары панталон и не пощадив маленькую миниатюру моей жены, которая лежала в моем сундуке. Деньги, которые были у меня и моего товарища, а также некоторые вещи, принадлежавшие хозяевам, мой товарищ разложил по каюте в три или четыре посылки, пока я находился на борту пирата, ибо мы не смели держать их при себе; одну посылку в горшке с маслом они не обнаружили... Среди спешки, с которой я должен был отправиться на упомянутый остров, я удачно выхватил судовые бумаги и спрятал их в своей груди, что, как читатель найдет, было для меня счастливым обстоятельством. Мой письменный стол с бумагами, счетами и т. д., все письма мистера Лорда (джентльмена, которому был передан мой груз) и некоторые другие были

похищены и злонамеренно уничтожены. Мой сундучок с лекарствами, который был мне так нужен, оставили для собственного пользования. Что могло побудить их взять мои бумаги, я не могу себе представить, разве что они надеялись найти коносаменты на некоторых испанцев, чтобы избавить их от пиратства. У мистера Брекета было несколько важных для него заметок и бумаг, которые постигла та же участь. Мой квадрант, карты, книги и постельные принадлежности еще не были похищены, но я не нашел возможности спрятать их, и вскоре они исчезли из поля моего зрения.

Пещера в группе Кайкос Вест-Индских островов.

Вторник, 1 января 1822 г. - Печальный день Нового года. Перед завтраком мне приказали срубить перила и фальшборты "Экзертиона" с одной стороны, чтобы их судно могло выгрести и очистить днище. Когда я немного замешкался, они со злостью заметили: "Хорошо, капитан, если вы не сделаете это быстро, мы сделаем это за вас". Сразу после этого к нам подплыла другая лодка, полная вооруженных людей; они выскочили на палубу с мечами наизготовку и приказали всем нам немедленно сесть в нее; я спустился вниз, надеясь достать что-нибудь, что могло бы нам пригодиться, но капитан прокричал: "Идите прямо в лодку, или я буду стрелять по вам". Вынужденные повиноваться, мы вместе с четырьмя испанскими пленниками были доставлены на небольшой низкий остров или ключ из песка в форме полумесяца, частично покрытый мангровыми деревьями; он находился примерно в одной миле от моего судна и в пределах видимости. Там они оставили девятерых из нас с небольшим количеством хлеба, муки, рыбы, сала, немного кофе и патоки; два или три бочонка воды, которая была солоноватой; старый парус для покрытия, а также котелок и некоторые другие предметы, никак не пригодные для приготовления пищи. Оставив нам все это, которое было гораздо меньше, чем указано в перечне, они ушли, сказав: "Мы придем к вам через день или два". Выбрав лучшее место, мы расстелили старый парус в качестве тента; но ни одно место не было свободно от мух, москитов, змей, ядовитого скорпиона и еще более ядовитого сантипея. Иногда они заползали внутрь наших панталон, но, к счастью, не причиняли вреда. Сегодня днем пираты вывели свое судно за борт "Экзерсиона" и

очистили один борт, используя для этого краски, масло и т. д. Видеть свое судно в таком положении и думать о наших перспективах было источником глубочайшей тревоги. Ночью мы улеглись в палатке, но, не имея ничего, кроме холодной сырой земли в качестве постели, и тяжелая ночная роса проникала сквозь старые полотнища - положение острова было в пятидесяти милях от обычного пути дружественных судов и в ста тридцати пяти от Тринидада - видя собственность моего владельца, так несправедливо и безрассудно уничтоженную - учитывая мое состояние, руки, по милости которых я находился, и лишенный всех надежд, сон или отдых были для меня чуждыми.

Пятница, 4-е. - Началось с легкого ветра и жаркого солнца, увидели лодку, идущую от Экзерсиона, очевидно, груженую; она прошла между двумя маленькими ключами к северу, предположительно направляясь на Кубу. На закате подошла лодка и спросила, не хотим ли мы чего-нибудь, но вместо того, чтобы добавить нам провизии, забрала нашу патоку и отчала. Мы нашли одну из бочек с водой на "Экзерсионе" и несколько кусков досок, которые мы аккуратно сложили, надеясь получить достаточно, чтобы сделать плот.

Суббота, 5-е. - Снова появились пираты, идущие с востока; они пристали к своему призу и приступили к погрузке. После полудня к нам пришел Никола, приведя с собой еще двух пленников, которых они захватили в маленькой парусной лодке, идущей из Тринидада в Манганейл: одного француза, другого шотландца и двух испанцев, которые остались на борту пирата, а потом присоединились к ним. Спина одного из этих бедолаг сильно болела: он только что перенес жестокую взбучку от Болидара широкой стороной тесака. Оказалось, что когда офицер спросил его, "где их деньги и сколько", он ответил, что не уверен, но считает, что у них всего две унции золота, - Болидар яростно поклялся, что сказал "десять", и, не найдя больше, избил его. Никола рассказал мне один необычный факт: испанцы решили застрелить его, привязали к мачте и назначили для этого человека, но тут вмешался француз Лев, его близкий друг, и сказал, что если они застрелят его, то должны застрелить еще нескольких; некоторые испанцы встали на его сторону, и его отпустили. Никола сказал мне, что причиной такого обращения было то, что он постоянно возражал против их поведения по отношению ко мне, а также их мнение, что если он сбежит, то их обнаружат, так как он заявил, что не возьмет никаких призовых денег. Находясь с нами, он передал мне письмо, написанное в большой спешке, в котором содержатся некоторые сведения о грузе, а именно:...

4 января 1822 года.

Сэр, мы прибыли сюда сегодня утром, и прежде чем мы встали на якорь, пять каноэ были готовы принять ваш груз, часть которого мы приняли; и поскольку я слышал, что вы выразили желание узнать, что они взяли из нее, до этого момента, вы можете положиться на этот отчет Джеймисона о качестве и количестве; если у меня будет такая же возможность, вы получите отчет обо всем. Негодяй, купивший ваш груз, родом из города Принсипи, его зовут Доминико, и это все, что я могу узнать; они взяли ваши карты на борт шхуны "Мексиканец" и, полагаю, собираются оставить их у себя, поскольку другой капитан согласился сыграть ту же бесславную роль в трагедии своей жизни. Ваша одежда здесь, на борту, но не позволяйте мне льстить вам, что вы получите ее обратно; это может быть так, а может и нет. Возможно, в старости, когда вы будете спокойно отдыхать в уголке своего коттеджа, у вас хватит благородства уронить слезу удовольствия в память о нем, чьей высшей целью должно было быть подписаться, хотя и преданным виселице, вашим другом,

Простите за поспешность. НИКОЛА МОНАКР.

Воскресенье, 6-е. - Пираты вышли в путь на рассвете с полным грузом "Экзерсиона" и снова отправились в Принсипи, чтобы продать второй груз, что и было сделано с готовностью за наличные. Впоследствии я узнал, что мука стоила всего пять долларов за баррель, тогда как в Тринидаде она стоила тринадцать; так что негодяй, купивший мой груз в Принсипе, получил на этом очень большую прибыль.

Вторник, 8-е. - Рано утром пираты снова появились в поле зрения, с передним верхним и верхним галтовым парусами; они пристали к борту "Экзерсиона" и начали погрузку; как я предполагал, они продали и выгрузили его последний груз среди жителей Кубы. Похоже, они грузились с большой поспешностью, и мы отчетливо слышали песню "О, о, о", которая эхом перелетала с одного судна на другое. Как это ранило меня! Насколько отличался этот звук от того, каким он мог бы быть, если бы мне позволили пройти без помех мимо этих незаконных грабителей и благополучно прибыть в порт назначения, где мой груз нашел бы отличную продажу. Тогда бы "О, о, о" при его разгрузке было для меня восхитительным звуком. Во второй половине дня корабль отплыл с "Пероу" на буксире, оба с полным грузом, со ступлями, которые были частью груза, сложенными в каюте.

Понедельник, 14-е. - Они снова появились в поле зрения и, как обычно, пристали к своему призу. Проходя мимо нашего одинокого острова, они смеялись над нашими страданиями, которые были почти невыносимы - смотрели на нас так, будто мы совершили какое-то ужасное преступление, и они недостаточно наказали нас; они приветствовали нас, крича "капитан, капитан", сопровождая это непристойными движениями и словами, которыми я не стану чернить эти страницы - однако я не слышал никаких указаний на такое поведение, да и не мог ожидать его среди такой банды, у которой нет понятия о подчинении на борту, разве что во время погони за судами, да и то очень мало. Меня охватило негодование по поводу столь злобного оскорбления, и я почувствовал желание отомстить, если фортуна когда-нибудь предоставит мне такую возможность. Было выше человеческой природы не чувствовать и не выражать негодования по поводу такого обращения... Вскоре к нам подошел Болидар с пятью хорошо вооруженными людьми; у него были мушкетон, тесак, длинный нож и пара пистолетов - но с какой целью он пришел? Он взял меня за руку и сказал: "Капитан, я хочу поговорить с вами, идите сюда". Я повиновался, и когда на некотором расстоянии от моих товарищей по плену (его люди шли следом) он сказал: "Капитан прислал меня *помыться*", я притворился, что не понимаю, что он имеет в виду, и ответил: "У меня нет ни одежды, ни мыла, чтобы помыться - вы все забрали", потому что я держал часы при себе, надеясь, что они не обнаружат их. Он снова потребовал их, как и прежде, и получил ответ: "Мне нечем мыться"; это привело его в ярость, и, подняв мушкетон, он прорычал: "Как вы называете тех, кто делает часы? Отдайте их мне". Я счел неосмотрительным спорить дальше и подчинился его незаконному требованию. Уходя, он протянул мне небольшой сверток, в котором лежала пара льняных кальсон, присланных мне Николой, а также "Семейный молитвенник" преподобного мистера Брукса. Это доставило мне большое удовольствие. Вскоре после этого он вернулся со своим капитаном, у которого одна рука была засунута вверх, но в ней было столько орудий войны, сколько мог удобно нести его миниатюрный злой человек; он рассказал мне (через переводчика, который был его пленником.), что во время крейсерства он столкнулся с двумя испанскими каперами и отбил их, но трое его людей были убиты, а сам он ранен в руку" - Болидар повернулся ко мне и сказал: "Это чертова ложь" - и эти слова оказались верными, так как рука его не была ранена, а когда я увидел его снова, что случилось вскоре после этого, он забыл ее перевязать. Далее

он сказал мне: "После завтрашнего дня вы отправитесь на своем судне, а мы будем сопровождать вас до Тринидада". Это вселило в меня новые надежды, но почему, я сказать не могу. Затем они покинули нас, не оказав никакой помощи... Этой ночью мы немного отдохнули.

Вторник, 15-е. Наши испанские товарищи по плену говорили "идите в завтра", как будто это счастливое завтра никогда не наступит - а каким образом оно наступило, мы скоро узнаем.

Пятница, 18-е, началась с более радужными перспективами свободы, чем когда-либо. Пираты занимались тем, что устанавливали обтекатели, шпангоуты и т. д. нашей преданной шхуны. Мое состояние напоминало мне голодного человека, прикованного в одном углу комнаты, в то время как в другой части стоял стол, уставленный вкуснейшими яствами и фруктами, запах и вид которых он должен был постоянно ощущать, но, увы, его цепи никогда не должны были быть ослаблены, чтобы он мог пойти и отведать... Почти в тот же момент, когда они были заняты этим, топор был применен с величайшей ловкостью к обоим мачтам, и я увидел, как они упали за борт! Тут рухнули мои надежды - я посмотрел на свое состояние, а потом подумал о доме... Наши испанские товарищи по плену были так разочарованы и встревожены, что посоветовали спрятаться, если возможно, среди мангровых деревьев, полагая, как они говорили, что теперь нас непременно предадут смерти или, что еще хуже, заставят служить на борту "Мексиканца" в качестве пиратов. Правда, нам мало что оставалось; однако днем мы внимательно следили за ними, а ночью "стояли на якоре", как мы это называли, решив, если обнаружим их лодки, идущие к нам, спрятаться, хотя голод был нам грозен, но мы предпочли это мгновенной смерти. Эта ночь прошла в достаточной тревоге - я заступил на первую вахту.

Суббота, 19-е. - За нами пришла самая большая лодка пиратов - было светло, и, полагая, что они нас видят, мы решили стоять на своем и ждать результата. Они приказали нам всем сесть в лодку, а все остальное оставили; они гребли в сторону "Экзерсиона". Я заметил уныние духа у одного из пиратов и спросил его, куда они собираются нас везти? Он покачал головой и ответил: "Не знаю". Теперь у меня появилась надежда снова увидеть свое судно, но пираты подняли парус, спустились вниз, взяли нас на буксир и вывели из гавани. После этого Болидар взял меня, моего помощника и двух моих людей на борт и напоил нас кофе. При осмотре я обнаружил, что у них есть несколько дополнительных легких парусов, сделанных из парусов "Экзерсиона". Почти каждый мужчина имел пару холщовых штанов, а мои цвета разрезали и сделали из них пояса для ношения денег. Моя весельная лодка была на палубе, и мне сообщили, что весь мой такелаж был утилизирован. На нескольких пиратах была моя одежда, а на капитане - одна из моих лучших рубашек, более чистая, чем я когда-либо видел на нем раньше... Он держался от меня на значительном расстоянии и запретил моему другу Николе говорить со мной. В капитанской каюте я увидел с борта компаса мой квадрант, подозрную трубу и другие вещи, принадлежавшие нам, и заметил по компасу, что курс был примерно запад на юг, - расстояние почти двадцать миль, что привело их к скоплению островов, называемых некоторыми "Каймановыми ключами". Здесь они бросили якорь и поймали несколько рыб (одна из них была названа *"рыба-сторож"*), которых мы попробовали. Я заметил, что мой друг мистер Брекет был несколько удручен, и спросил его низким голосом, каково его мнение о нашей судьбе? Он ответил: "Не могу вам сказать, но мне кажется, что худшее еще впереди". Я сказал ему, что не надеюсь на это, а думаю, что они отдадут нам нашу маленькую лодку и освободят пленных. Но милосердие даже в такой форме не оставляло нас. Вскоре после этого я увидел, как капитан и офицеры некоторое время шептались наедине. Когда все закончилось, их лодка под командованием Болидара отправилась к одному из тех островов или ключей, о которых говорилось выше. По

возвращении состоялось еще одно совещание - было ли это жюри по поводу наших жизней, мы не можем сказать. Я не думал, что совесть может быть полностью уничтожена в человеческой груди или что люди могут стать извергами. После полудня, пока мы не знали, какая участь нам уготована, капитан вместе с несколькими своими людьми играл в азартные игры, надеясь вернуть часть пятисот долларов, которые, по их словам, он проиграл за несколько ночей до этого; это сделало его необычайно вспыльчивым. Немного раньше захода солнца он приказал посадить всех пленников в большую лодку с запасом провизии и воды и отправить на берег. Пока мы садились в нее, один из моих товарищей по плену, испанец, со слезами на глазах попытался заговорить с капитаном, но получил отказ. "Мне нечего сказать любому заключенному, идите в лодку". Тем временем Никола сказал мне: "Друг мой, я отдам тебе твою книгу (это были "Проповеди" мистера Колмана), это единственное, что у меня есть из твоего; я не смею больше ничего пытаться сделать". Но капитан запретил мне отдавать ее, и я шагнул в лодку - в этот момент Никола негромко сказал: "Неважно, может быть, я еще увижу вас перед смертью". Маленькая лодка была хорошо вооружена и укомплектована, и мы вместе отправились на остров, где они договорились оставить нас на верную гибель! Сцена для нас была траурной. В лодке пленников не было оружия, и, конечно же, все попытки облегчить свое положение означали бы лишение жизни, так как рядом с нами находился Болидар, хорошо вооруженный. Мы отплыли от пиратов примерно на две мили к северо-востоку, к небольшому низкому острову, одинокому и безлюдному. Мы прибыли туда около захода солнца, и для поддержания нас, одиннадцати пленников, они оставили только десятигаллонный бочонок воды и, возможно, несколько кварт в другом маленьком судне, которое было очень бедным; часть бочки муки, небольшой бочонок сала, один окорок и немного соленой рыбы; маленький чайник и старый разбитый горшок; старый парус для покрытия, а также небольшой матрас и одеяло, которые были выброшены, когда лодки поспешили прочь. У одного из пленников в кармане оказалось немного кофе, и это были все наши средства для поддержания жизни, а на какой срок - мы не знали. Теперь мы почувствовали потребность в воде, а ее у нас было сравнительно немного. Человек может прожить без пищи почти вдвое дольше, чем без воды. Посмотрите на нас, друзья мои, оставленных без присмотра на маленьком песочке посреди океана, вдали от обычного пути следования судов, при всех признаках сильной грозовой бури и бурной ночи. Судите о моих чувствах и обстоятельствах, свидетелями которых стала наша группа страдальцев. Возможно, вы можете нас пожалеть и уже пожалели. Уверяю вас, мы были очень несчастны, и описать эту сцену мне не под силу. Когда лодки отчалили от берега, немного придя в себя, я спросил Болидара: "Неужели он собирается нас так оставить?" Он ответил: "Нет, только на два дня - мы сходим за водой и дровами, а потом вернемся и заберем вас". Я попросил его дать нам хлеба и других запасов, так как в лодке их было много, а в мексиканской - не менее ста бочек муки. "Нет, нет, предположим, завтра утром я приду, дам вам хлеба", - и поспешил на судно. Это был последний раз, когда я его видел. Затем мы занялись поисками места, наиболее удобного для нашего комфорта, и вскоре обнаружили небольшую крышу, поддерживаемую кольями, вбитыми в песок; она была покрыта листьями орехового дерева какао, значительная часть которых была сорвана или сдута. Расстелив на этой крыше старый парус, мы разместили под ним наш небольшой запас провизии. Вскоре начался сильный ливень, который пропитал парусину и сделал ее почти такой же неудобной внутри, как и снаружи. Мы не были готовы ловить воду, так как нам не во что было ее набрать. Следующей нашей задачей было добыть огонь, и, собрав немного самого сухого топлива, которое только можно было найти, и взяв небольшой кусок хлопчатобумажной пряжи с кремнем и сталью, мы разожгли костер, который впоследствии так и не смогли потушить. Ночь была очень темной, но мы нашли кусок старой веревки, который при хорошем освещении служил свечой. Осмотрев землю под крышей, мы

обнаружили тысячи ползающих насекомых, скорпионов, ящериц, сверчков и т. д. Выскоблив их, как могли, большинство из нас, не имея ничего, кроме сырой земли в качестве постели, улеглись в надежде немного отдохнуть; но от сырости многие из нас сильно простудились, а один из испанцев проболел несколько дней.

Воскресенье, 20-е - Как только рассвело, мы отправились осмотреть наш маленький остров и обнаружили, что он занимает всего один акр, покрыт крупным белым песком, примерно на два, а в некоторых местах, возможно, на три фута выше поверхности океана. На самой высокой части росло несколько кустов и небольших мангровых деревьев (сухая часть которых служила нам топливом), а также дикие бобы касторового масла. Мы были очень разочарованы, не найдя последних подходящей пищи; также несколько кустов колючей груши, которые дали нам только несколько груш размером с нашу маленькую пуговичную грушу; снаружи у них шипы, которые, если их приложить к пальцам или губам, остаются там и вызывают сильное жжение, похожее на крапиву; внутри - клейкое вещество, полное сока и семян, красных и немного терпких - если бы они были здесь в изобилии, мы бы не страдали так сильно от недостатка воды - но, увы! даже этот заменитель нам не подходил. На северной стороне острова была впадина, где прилив проникал в песок, оставляя застойную воду. Мы предположили, что во время ураганов остров почти переполняется. По самым точным расчетам, которые я мог сделать, мы находились в тридцати пяти милях от Кубы, в ста от Тринидада и в сорока от обычного пути американских судов или других, которые могут пройти этим путем. Ни одно судно значительных размеров не может безопасно пройти среди этих Ключей (или "Садов Королевы", как их называют испанцы), которых великое множество, простирающихся от мыса Круз до Тринидада, на расстоянии ста пятидесяти миль; и их гораздо больше, чем указано на картах, большинство из них очень низкие, а некоторые покрыты водой в половодье, что делает их очень опасными для мореплавателей без искусного лоцмана. После такого обзора нашего состояния, которое было очень мрачным, мы начали подозревать, что были оставлены на этом пустынном острове этими безжалостными грабителями, чтобы погибнуть. В этом я теперь полностью убежден; все же мы с тревогой ждали, что пиратская лодка придет, как обещали, с водой и провизией, но тщетно. Вскоре после этого мы увидели, как они спустили все паруса и понеслись прямо от нас, пока не скрылись из виду, и *больше мы их не видели!* Можно отчасти представить себе наши чувства, но их невозможно выразить словами. Прежде чем они совсем скрылись из виду, мы подняли на шесте белое покрывало и стали размахивать им в воздухе, надеясь, что на расстоянии двух миль они увидят его и сжалются. Но жалости у таких чудовищ не было. Не в их интересах было спасать нас от томительной смерти, которую мы теперь видели перед собой. Мы постарались успокоиться, уповая на то, что Бог, ставший свидетелем наших страданий, еще воспользуется кем-то из них как орудием своего милосердия по отношению к нам. Следующей нашей заботой было найти воду. Мы вырыли несколько ям в песке и нашли ее, но слишком соленую для использования. Вероятно, прилив проникает через остров. Теперь нам не хватало воды. Не имея возможности запереть то, что у нас было, на ключ, кто-нибудь ночью хитростью выпивал, и вода вскоре заканчивалась. Следующим делом было испечь хлеб, что мы и сделали, смешав муку с соленой водой и поджарив ее на сале, получив для начала восемь совсем маленьких блинчиков. Ветчина была припасена для какого-нибудь более важного случая, а соленая рыба пропала за неимением свежей воды. Остаток этого дня прошел в самых серьезных разговорах и размышлениях. На ночь я читал молитвы из уже упомянутого "Молитвенника", который я тщательно прятал, когда в последний раз был на борту пиратов. Этого плана я придерживался утром и вечером во время нашего пребывания там. Затем я удалился, чтобы отдохнуть и поспать, но почти ничего не понял.

Понедельник, 21-е... Утром мы обошли пляж в надежде найти что-нибудь полезное. По пути мы выбрали весло длиной около трех футов, очень похожее на индейское весло для каное, за исключением рукоятки, которая была похожа на лопату, верхняя часть которой была отколота; мы отложили его на время. Мы также нашли несколько кончаков и зажарили их; это была довольно вкусная моллюсковая рыба, хотя и довольно жесткая. При низкой воде мы обнаружили песчаную косу или бар, тянущуюся от нас на северо-восток на расстоянии около трех миль до скопления ключей, поросших мангровыми деревьями, высотой, пожалуй, с наше айвовое дерево. Мой друг мистер Брекет и Джордж попытались перебраться вброд, будучи в это время прилива только до подмышек; но их преследовала акула, и они вернулись без успеха. Прилив поднимается примерно на четыре фута.

Вторник, 22-е. - Мы нашли несколько кусков пальметто или капустного дерева и несколько кусков досок, сложили их вместе в виде плота и попытались переправиться, но это оказалось безрезультатным. Разочаровавшись, мы сели, чтобы обдумать другие способы спасения, намереваясь сделать все, что в наших силах, для безопасности, пока сохраняются силы. Когда мы садились здесь, солнце было таким сильным и гнетущим, отражая свои лучи на море, которое тогда было спокойным, а белый песок, ослеплявший глаз, был таким болезненным, что мы удалились под тент; там мошки и мухи были так многочисленны, что хорошего отдыха не удалось найти. Однако мы немного приободрились, когда, выскребая верхнюю часть земли, чтобы очистить ее от, можно сказать, тысяч сверчков и жуков, мы нашли топор, который нам особенно пригодился. Ночью из-за сильного северо-восточного ветра, который преобладает здесь во все времена года, было так холодно, что день становился таким же неудобным. Так день за днем, наши страдания и опасения умножались, и в целом мы были очень встревожены.

Четверг, 24-е. - Сегодня утром, приняв немного кофе, приготовленного из воды, которая, как нам казалось, была наименее соленой, и две-три маленькие лепешки, мы почувствовали себя несколько освеженными и решили нанести еще один визит в эти Ключи в надежде найти что-нибудь еще, что могло бы послужить нам плотом, чтобы спастись от пиратов и избежать гибели от жажды. Соответственно, семеро из нас отправились в путь, перешли вброд через бар и обследовали все близлежащие ключи. В одном из них мы нашли несколько ящиков для сахара, две доски для крепления и несколько кусков старых лонжеронов, которые были частью палубного груза "Экзертiona", выброшенного за борт, когда он сел на мель, о чем говорилось в первой части повествования. Похоже, они дрейфовали на расстоянии пятнадцати миль и случайно опустились на эти самые ключи в пределах нашей досягаемости. Если бы пираты знали об этом, они, несомненно, направили бы нас в другую сторону. Они, несомненно, считали, что худшего места им не найти. Ветер в это время дул на берег так сильно, что не позволял сплавить наши вещи к острову, и мы вынуждены были пока тащить их на берег; затем выкопали воду в самом высоком месте, но нашли ее такой же соленой, как и всегда, и вернулись к своему жилищу. Но голод и жажда начали одолевать нас, и наши утешения были столь же скудны, как и наши надежды.

Пятница, 25-е. - Снова перешли к Ключам с наветренной стороны, чтобы сплавить вещи на наш остров, так как он наиболее удобен для строительства. Но прибой на берегу был таким бурным, что мы снова были вынуждены отложить это дело. Однако наше мужество не покидало нас там, где была хоть малейшая надежда на жизнь. Возвращаясь без нее, мы нашли по дороге старую верхнюю часть какого-то судна; на ней было несколько шипов, которые впоследствии нам оченьгодились. В дупле старого дерева мы нашли двух гуарн небольшого размера, одного самца, другую самку. Поймать удалось только одного. Сняв кожу, мы определили, что она весит полтора фунта. Из муки и сала (единственное, что у нас

было, кроме соленой воды) получилась отличная каша. Мы решили, что это редкое блюдо, хотя и небольшое для одиннадцати полуголодных людей. В это время в поле зрения появилось небольшое судно; мы подали ему сигнал одеялом, привязанным к шесту, и повесили его на самое высокое дерево. Некоторые сняли с себя белые одежды и махали ими в воздухе, надеясь, что они придут к нам; если это будут пираты, они не смогут сделать ничего другого, кроме как убить нас, и, возможно, дадут нам немного воды, за что мы начали страдать, но, несмотря на все наши усилия, она не обратила на нас никакого внимания.

Суббота, 26-е. - Этот день начался с умеренной погоды и гладкого моря; во время отлива нашли несколько петухов; сварили и съели их, но они оказались очень болезненными для желудка. У Дэвида Уоррена был приступ удушья с вздутием кишечника, но вскоре он пришел в себя и сказал, что "что-то вроде соли поднялось у него в горле и задушило его". Затем большинство из нас отправилось в Ключи, где доски и шуги были собраны в плот, который мы с помощью кусков досок переправили на наш остров; тогда мы посоветовались, как лучше поступить: построить плот, достаточно большой, чтобы мы все могли на нем плыть, или лодку; но шуги имели по три или четыре гвоздя в каждой, и, имея кусок большого тростника или бамбука, найденный ранее, из которого мы сделали штыри, мы решили сделать лодку.

Воскресенье, 27... Мы приступили к работе, за которую, как я знаю, не нужно извиняться. Мы взяли две доски длиной около четырнадцати футов и шириной два с половиной фута и скрепили их вместе для днища лодки; затем с помощью форм из коры пальметто, обрезков древесины и колен из мангровых деревьев, которые раздвинулись настолько, что ширина лодки составила четыре фута в верхней части, установили их на расстоянии, равном расстоянию между коробками гаванского сахара... Корма была квадратной, а носы сужались к вершине, что делало ее форму похожей на плоский утюг. Мы проделали этот путь и вернулись на ночлег, но мистер Брекет был слишком плох, чтобы выспаться.

Понедельник, 28... Продолжали работать как можно быстрее. У некоторых испанцев были с собой длинные ножи, которые оказались очень полезными при подгонке бревен, а мой обрез, случайно найденный на борту пирата, позволил нам использовать деревянные штыри. И вот теперь наше настроение стало оживать, хотя в мыслях постоянно крутилась *вода, вода, вода*. Мы опасались, что пираты придут, узнают о нашем плане и предадут нас смерти (хотя раньше мы хотели их увидеть, так сильно нуждаясь в воде). Наш труд был очень обременительным, а испанцы заметно злились, но часто говорили мне: "Не бери в голову, капитан, скоро их поймает Американа или Спаньола, я пойду и посмотрю, как их повесят". Мы оставили работу на день, приготовили несколько пирогов, но обнаружили, что их количество нужно снова уменьшить, как бы мало оно ни было. На наветренном ключе мы нашли траву, которую испанцы называют испанским чаем: хорошо заваренная, она показалась нам несколько вкусной, хотя вода была очень соленой. По виду и вкусу эта трава напоминает пеннироял, но не такая резкая. Вечером, когда мы сидели у костра, чтобы уберечься от меченосцев, я заметил, что глаза Дэвида Уоррена блестят как стекло. Матрос сказал ему: "Дэвид, я думаю, ты умрешь до утра - мне кажется, ты сейчас поражен смертью". Я тоже так думал и сказал ему: "Я думал, что, скорее всего, мы все здесь скоро умрем; но поскольку кто-то из нас может выжить, чтобы передать весть нашим друзьям, если у тебя есть что сказать о своей семье, сейчас самое время"... Он сказал: "У меня есть мать в Сако, где я живу, она уже второй раз вдова... Завтра, если вы сможете выделить клочок бумаги и карандаш, я напишу что-нибудь". Но никакого завтра не наступило... Ночью с ним случился еще один приступ удушья, и вскоре он скончался, без сильной боли и стонов. Ему было около двадцати шести лет... Как торжественна была для нас эта сцена! Здесь мы видели, как

на нас надвигается смерть. Не один из нас считал смерть счастливым избавлением. Сам я думал о жене и детях и желал жить, если Бог так распорядится, хотя сильная жажда, голод и истощение почти уничтожили мои самые смелые надежды.

Вторник, 29-е. - Часть из нас возобновила работу на лодке, а я и мистер Бреккет пошли и выбрали самое высокое чистое место на песке на северной стороне острова, где вырыли могилу Уоррена и закрыли ее крюками, решив, что это будет самое подходящее место для остальных - чья очередь наступит следующей, мы не знали. Около десяти часов А.М. отнес труп в могилу, за ним последовали мы, оставшиеся в живых, - сцена, ужасную торжественность которой невозможно передать. Мы встали вокруг могилы, и я прочитал заупокойную молитву из семейного молитвенника преподобного мистера Брукса, предал тело земле, накрыл его несколькими кусками доски и песка и вернулся к нашим трудам. Один из испанцев, старик по имени Мануэль, который был равнодушен ко мне, а я к нему, сделал крест и поставил его у изголовья могилы со словами: "Иисус Христос взял его сейчас". Хотя я не верил ни в какое таинственное влияние этого креста, но был совершенно согласен с тем, чтобы он стоял там. В середине дня было очень жарко, у нас пересохло во рту от жажды, а настроение было настолько подавленным, что за оставшуюся часть дня мы почти ничего не сделали, но вечером занимались тем, что собирали паклю из веревки от болта, снятого со старого паруса.

Среда, 30-е...Вернулись к работе на судне с такой энергией, какую только позволяло наше слабое и ослабленное состояние, но это был день испытаний для всех нас; ибо испанцы и мы, американцы, не могли хорошо понять планы друг друга, и они, будучи от природы капризными, не работали и не слушали с терпением Джозефа, нашего английского товарища по плену, чтобы объяснить наши взгляды - они иногда отменяли сделанное, а через несколько минут заменяли его снова; Однако перед ночью мы начали конопатить ее швы с помощью кусков твердого мангрового дерева, сделанных в форме конопатки, и получили удовлетворение от того, что увидели ее в форме, похожей на лодку.

Четверг, 31-е. - Продолжали работу: одни конопатили, другие заделывали швы полосками холста и кусками сосны, прибитыми для удержания пакли. Найдя подходящий шест для мачты, остальные занялись изготовлением паруса из того, что мы использовали для обшивки, а также приладили весла из коротких кусков досок, в виде гребков, привязанных к шесту, у нас был кусок лески, принесенный одним из заключенных. Таким образом, в три часа дня лодка была закончена и спущена на воду... Мы все это время надеялись, что она будет достаточно большой и крепкой, чтобы выдержать всех нас... Мы провели испытание и были разочарованы! Это было действительно серьезное испытание, и эмоции, которые оно вызвало, было нелегко подавить. Она оказалась негерметичной, потому что у нас не было ни плотницкого двора, ни кузницы, куда можно было бы сходить... И теперь встал вопрос: "Кто и сколько должен идти?" Я решил, что нужно шестеро: четверо гребцов, один рулевой и один тюковщик. Трое испанцев и француз претендовали на это право, так как были лучше всех знакомы с ближайшими жителями; кроме того, у них были две лодки, оставленные в Сент-Марии (примерно в сорока милях отсюда), которые они были уверены найти. Они обещали вернуться в течение двух-трех дней за остальными - я решил, что лучше согласиться - мистер Бреккет, как было решено, должен идти вместо меня, потому что мои бумаги должны сопровождать меня как необходимая защита, а мои люди опасались опасности, если они потеряются. Джозеф Бакстер (кажется, так его звали), по их мнению, должен был отправиться в путь, поскольку он мог говорить на обоих языках, оставив Мануэля, Джорджа, Томаса и меня дожидаться их возвращения. Сделав все приготовления и поставив бочонок с

наименее соленой водой и несколько блинов из соленой рыбы, они отправились в путь немного раньше захода солнца с нашими наилучшими пожеланиями и молитвами об их безопасности и возвращении к нашему облегчению... Вы скажете, что пускаться в широкий океан, почти лишившись сил, да еще в такой хлипкой лодке, как эта, было очень опасно, и это действительно так; но что еще нам оставалось? Они намеревались причалить к ключу, где стояла "Экзертион", и, если там не окажется лодки, отправиться в Сент-Марию, а если и там ее не окажется, пойти в Тринидад и послать нам помощь... Но, увы, это был последний раз, когда я их видел... Наши страдания в этот день были самыми острыми.

Вторник, 5-е. - Около десяти часов утра А.М. обнаружил лодку, дрейфующую у юго-восточной стороны острова на расстоянии около мили. Я счел это провидением и предложил Томасу и Джорджу попытаться найти ее на плоту. Они неохотно согласились и отправились в путь, но было уже почти три часа пополудни, когда они подошли к ней - это была та самая лодка, которую мы построили! Где же был мой друг Брекет и те, кто отправился с ним? Я надеялся, что доброе Провидение еще сохранило его... Двое мужчин, отправившихся за лодкой, нашли ее полной воды, без весел, гребков и паруса; находясь в таком состоянии и примерно в трех милях к подветренной стороне, мужчины сочли невозможным отбуксировать ее, поэтому оставили ее и до одиннадцати часов вечера добирались обратно с плотом. Они были настолько измотаны, что если бы не штиль, они бы никогда не смогли вернуться.

Среда, 6-е. - Это утро было самым мрачным из всех, что я когда-либо пережил. Едва ли был хоть какой-то луч надежды, что мой друг Брекет сможет вернуться, как лодка была потеряна. Наша провизия почти закончилась, во рту пересохло от жажды, силы были на исходе, дух сломлен, а надежды заключены в пределах этого пустынного острова посреди безбрежного океана; все это придавало окружавшей нас сцене оттенок смерти. В разгар этого страшного уныния в поле зрения появился парус с белым флагом! Наши надежды, конечно, возросли - но не успели они возродиться, как раздался выстрел. Здесь была еще одна банда пиратов. Вскоре, однако, она подошла достаточно близко, чтобы бросить якорь, и ее лодка с тремя мужчинами в ней отчалила к нам... Подумав, что умереть от меча не хуже, чем от голода, я немедленно вышел им навстречу. За мгновение до того, как лодка коснулась земли, с ее носа прыгнул человек и подхватил меня на руки! *Это был Никола!* Он сказал: "Теперь ты веришь, что Никола - твой друг? Да, - ответил он, - *Джеймисон* еще докажет это"... Нет слов, чтобы выразить мои эмоции в этот момент. Это был действительно друг. Причиной того, что я не узнал их раньше, было то, что они подстригли бороды и усы. Повернувшись к моим товарищам по несчастью, Никола спросил: "Это все, что от вас осталось? А где остальные?" - и в этот момент увидел могилу Дэвида: "Значит, они мертвы? А! Я подозревал это, я знаю, за что тебя сюда посадили". Как только я смог прийти в себя, я рассказал ему о мистере Брекете и остальных... "Как жаль, - сказал он, - они, должно быть, потерялись, или их захватили пираты"... "Но, - продолжал он, - нам нельзя терять времени; вам лучше сразу же отправиться с нами, и идите куда хотите, мы к вашим услугам". Двое других в лодке были французами, одного звали Лион, другого Паррикет. Они ласково обняли каждого из нас, а затем, поднеся к моему рту носик чайника, наполненного вином, сказали: "Пейте побольше, вам не повредит". Я выпил столько, сколько посчитал нужным. Затем они раздали вино моим товарищам - я почувствовал почти мгновенное облегчение, не ощущая его в голове; они также принесли в лодку блюдо соленой говядины и картофеля, из которого мы взяли немного. Затем они послали лодку на борт за двумя другими людьми, всего их было пять; они сошли на берег, и я очень обрадовался, увидев среди них Томаса Янга, одного из моей команды, который был задержан на борту "Мексиканца", но сбежал с помощью Николы; другого француза, по имени Джон Кадедт. Теперь я снова и снова с тревожным чувством думал о судьбе моего дорогого друга Брекета. Я взял последний лист бумаги, который у меня

был, и написал карандашом несколько слов, сообщая ему (если он придет), что "я и остальные в безопасности; что я не ошибся в друге, которому так доверял, что он оправдал мои самые смелые ожидания; что я должен немедленно отправиться в Тринидад и прошу его также отправиться туда и обратиться за помощью к мистеру Исааку В. Лорду, моему грузополучателю". Я положил бумагу в бутылку из-под мусора, найденную на берегу, вставил пробку и оставил ее вместе с тем небольшим количеством муки, бочонком воды, принесенным с судна Николы, и еще несколькими вещами, которые, как мне казалось, могли бы ему пригодиться. Затем мы вместе с нашими друзьями поднялись на борт, где с нами любезно обошлись. Это был шлюп с Ямайки, около двенадцати тонн, с грузом рома и вина, направлявшийся в Тринидад. Я спросил, в какую сторону они намерены плыть? Они ответили: "На Ямайку, если меня устроит". Поскольку я предпочитал Тринидад, я сказал им: "Если они дадут мне на лодку Exertion, которая стояла рядом (рядом с их собственной), немного воды и провизии, мы рискнем на ней". "Возможно, - сказал я, - вам будет лучше на Ямайке, чем в Тринидаде". Посоветовавшись несколько минут, они сказали: "Вы слишком истощены, чтобы грести на протяжении ста миль, поэтому мы пойдем и понесем вас - мы считаем себя в вашем распоряжении". Я выразил желание взглянуть на "Экзертион", возможно, мы услышим что-нибудь о мистере Брекете. Никола сказал: "Очень хорошо", - и мы отправились в путь при легком западном ветре. Затем он рассказал мне о том, как они ушли от пиратов; насколько я могу вспомнить его слова, он сказал: "Несколько дней назад пираты захватили четыре небольших судна, я полагаю, испанских; у них было только два офицера на двух первых, третье досталось мне в качестве призового мастера, и, договорившись с тремя французами и Томасом, я выбрал их в свою команду и пошел на борт с приказом следовать за мексиканцем; я послушался. На четвертый пираты забрали всех, кроме одного человека, и велели ему также следовать за своим судном. Наша шхуна так сильно протекла, что мы оставили ее и вместо нее согласились взять этот маленький шлюп (на котором мы сейчас находимся) вместе с одним человеком. Ночь была очень темной, мы согласились покинуть пиратов, изменили курс и причалили к острову Святой Марии, где высадили одного человека, не увидели там никаких лодок, ничего не слышали о вас и согласились все вместе, рискуя жизнью, прийти и освободить вас, если вы живы; зная, как мы это делали, что вы были посажены на этот ключ, чтобы погибнуть. По пути мы поднялись на борт "Экзерсиона", думая, что, возможно, вы там. На ее борту мы нашли парус и весло. Мы взяли одну из пиратских лодок, которую они оставили рядом с кораблем, что доказывает, как мы оказались на двух лодках. Друг мой, обстоятельство, о котором я сейчас расскажу, несколько удивит вас. Когда 19 января пиратская лодка с Болидаром была отправлена к упомянутому Ключу, у них было намерение оставить вас там пленниками, где нет ничего, кроме соленой воды и мангровых зарослей, и нет никакой возможности сбежать. Таков был план Балтизара, их брошенного лоцмана; но сердце Болидара подвело его, и он возразил против этого; тогда, после совещания, капитан Джонния приказал поместить вас на маленький остров, откуда мы вас сейчас забрали. Но после того как это было сделано, в ту же ночь французы и португальцы, составлявшие команду мексиканца, запротестовали против этого, и тогда капитан Джонния, чтобы удовлетворить их, послал свою большую лодку, чтобы отвезти вас и ваших товарищей по плену обратно, позаботившись о том, чтобы выбрать для этого поручения своих доверенных испанцев. И вы поверите мне, что они отплыли от Мексики и, потратив примерно столько же времени, сколько потребовалось бы им, чтобы добраться до вас, вернулись и сообщили, что были на вашем острове, высадились и что никого из вас там нет, кто-то вас увез! Все мои спутники здесь знают, что это правда... Я знал, что вас невозможно освободить, и поэтому мы решили между собой, что если представится возможность, мы придем и спасем ваши жизни, как мы это сделали сейчас". Затем он, как и прежде (и, полагаю, искренне), выразил отвращение к дурной компании, в

которой находился, и с тревогой ожидал дня, когда сможет вернуться в родную страну. Я посоветовал ему сесть на американское судно, как только представится возможность, и приехать в Соединенные Штаты; а по прибытии направить мне письмо, в котором выразить искреннее желание отплатить за бескорыстную дружбу, которую он проявил по отношению ко мне. С французом я почти не разговаривал, так как не знал его языка.

На этом рассказ Николя закончился. "А теперь, - сказал француз, - наши сердца легки". Никола заметил, что он бросил все и нашел нас. Я выразил им самую горячую благодарность, сказав, что считаю их под Богом хранителями наших жизней, и пообещал им всю помощь, которую могло бы оказать мое положение,

Вечером в четверг, 7-го числа, в одиннадцать часов мы бросили якорь в устье ручья, рядом с "Экзертионом". Мне очень хотелось подняться на борт; поэтому я взял с собой Николю, Томаса, Джорджа и еще двоих, хорошо вооруженных, у каждого был мушкет и тесак. Я вскочил на палубу, увидел огонь в камбузе, но никого не было: Я несколько раз громко назвал имя мистера Брекета, сказав: "Это капитан Линкольн, не бойтесь, покажитесь", но ответа не последовало. На судне не было ни мачт, ни лонжеронов, ни такелажа, ни мебели, ни провизии, кроме бушприта и нескольких бочек с солью, составлявших его груз. В ее потолке были прорезаны дыры, несомненно, в их глупых поисках денег. Я покинул ее с особыми чувствами, каких, надеюсь, больше никогда не испытаю, и вернулся на маленький шлюп, где мы оставались до...

Пятница, 8-е... Когда мне вздумалось посетить остров, на котором нас впервые посадили в тюрьму.---- Ничего там не нашел - видел лодку среди мангровых зарослей, неподалеку от "Экзерсиона". Вернулся и сразу же взял курс на Тринидад. Ночью, под полным парусом, сели на мель у затонувшего ключа, над водой были скалы, похожие на старые пни деревьев; мы, однако, вскоре снялись и встали на якорь. Большинство этих ключей имеют подобные скалы, от которых мореплаватели должны тщательно оберегаться.

Понедельник, 11-е... Отправились в путь, увидели бриг, стоящий на якоре в пяти милях ниже устья гавани; мы надеялись, что он не будет говорить с нами; но когда мы открыли на него глаза, обнаружили лодку, направляющуюся к нам, с несколькими вооруженными людьми в ней. Это встревожило моих друзей, и так как мы не видели поднятого мичмана брига, они объявили, что лодка пиратская, и, посмотрев в подзорную трубу, узнали, что некоторые из них - люди мексиканца! Такое положение дел не могло не насторожить. Они сказали: "Живыми они нас не возьмут". Тут же с лодки выстрелили из мушкета; шар прошел сквозь наш грот. Мои друзья настаивали на том, чтобы отбить их: Я попытался отговорить их, полагая, что бриг - это испанский военный корабль, который послал свою лодку, чтобы выяснить, кто мы такие. Я решил, что нам лучше отплыть. Тут же раздался еще один выстрел. Тогда они стали настаивать на сражении и заявили, что "если я не помогу им, то я им не друг". Я неохотно согласился и поднял ружья - начал стрелять по ним, а они по нам. Мы получили несколько выстрелов в паруса, но никто не пострадал ни с той, ни с другой стороны. Наши лодки были брошены на дрейф, чтобы мы шли быстрее, и мы настигли их - продолжали стрелять, пока они не отвернули от нас и не пошли на наши лодки, которые взяли на буксир к бригу. Вскоре после этого наступило затишье, и я увидел, что бриг держит нас в своих силах... Она укомплектовала и вооружила для нас еще две лодки. Мы решили, поскольку у нас почти не было боеприпасов, сдаться; нас отбуксировали к борту брига, и капитан, говоривший по-английски, спросил: "Зачем вы стреляли по лодке?". Я сказал ему, что "мы считаем ее пиратом и не хотели бы снова попасться им на глаза, поскольку и так уже слишком много пострадали"; я показал свои документы. Он сказал: "Капитан Американа, не берите в голову, идите и поужинайте - кто ваши люди?". Я указал ему на них, и он приказал

освободить палубу; но моего друга Николу и трех его товарищей немедленно посадили в кандалы. Однако потом их вывели из-под кандалов и осмотрели; как я понял, французы согласились записаться в армию, поскольку считали это самым верным способом улучшить свое положение. Записался ли Никола в армию, я не знаю, но думаю, что да, поскольку, как я понял, ему было сделано такое предложение: Однако я постарался более доходчиво объяснить капитану благотельные усилия этих четырех человек, благодаря которым была спасена моя жизнь, и использовал все возможные аргументы, чтобы добиться их увольнения. Я также обратился к губернатору и проявил особый интерес, продиктованный, как я полагаю, искренней благодарностью... И я очень надеюсь, что Никола уже на пути в эту страну, где у меня будет возможность убедить его в том, что такой акт благодеяния не останется неоцененным. Перед отъездом из Тринидада я сделал все возможное, чтобы договориться с моими влиятельными друзьями, и не сомневаюсь, что их похвальные усилия будут выполнены. Груз шлюпа был доставлен на борт брига, после чего капитан потребовал свидетельство о том, что со мной вежливо обошлись, сказав, что его зовут капитан Кандама с каперского брига "Прюденти", вооруженного восемнадцатью пушками. Эту просьбу я выполнил. Его первый лейтенант сказал мне, что он отплыл из Бостона, будучи командиром Т. К. Амори, эскайра, во время последней войны. В течение вечера моих друзей вывели из кандалов и осмотрели по отдельности, а затем вернули на место. Капитан пригласил меня поужинать в его каюте и занять койку на ночь, что было действительно приемлемо. На следующее утро после завтрака меня с моими людьми отправили на берег с теми немногими вещами, которые у нас были, пообещав, что через день или два мне пришлют маленькую лодку с "Экзертиона", но ее так и не прислали - причину пусть читатель представляет себе сам. Высадившись на пристани Касильдар, мы были немедленно отведены солдатами в караульное помещение, которое было очень грязным местом; я полагаю, что они думали и даже называли нас пиратами. Вскоре ко мне пришли друзья. Мистер Коттон, проживающий там, принес нам немного супа. Мистер Айзек У. Лорд из Бостона, мой купец, пришел с капитаном Тейтом, который сразу же послал меня к губернатору, так как я не хотел показывать свои бумаги никому другому. Он пришел около заката и, осмотрев Мануэля, моего испанского товарища по плену, и мои бумаги, сказал, отдавая мне бумаги: "Капитан, вы на свободе". Капитан Мэтью Райс со шхуны "Гэлакси" из Бостона любезно пригласил меня подняться на борт его судна и жить у него во время моего пребывания там. Это щедрое предложение я принял, и он отнесся ко мне с величайшим гостеприимством; я был голоден, и он дал мне мяса, я был жажен, и он дал мне пить, я был наг, и он одел меня, я был чужаком, и он принял меня. Он также принял Мануэля и трех моих людей на эту ночь. На следующий день мистер Лорд оказал мне всю необходимую помощь в выражении моего протеста. До моего приезда он ничего не слышал от меня. Я был очень разочарован, не найдя мистера Брекета, и просил мистера Лорда оказать ему всю необходимую помощь, если он приедет туда. Капитану Карнесу со шхуны "Ханна" из Бостона я выражаю искреннюю благодарность за его любезность, оказанную мне в связи с проездом в Бостон, который я с радостью принял. Джентльменам из Тринидада и многим капитанам американских судов, которые предоставили мне морскую одежду и т. д., я выражаю свою сердечную благодарность.

Я полностью убежден, что эти свирепые пираты связаны со многими жителями Кубы; и правительство во многих отношениях, похоже, скрыто поощряет их.

С искренней радостью я узнал, что со времени написания этого рассказа мистер Брекет и его спутники находятся в безопасности; он прибыл в Порт-д'Эсприт, примерно в сорока лигах к востоку от Тринидада. От него получено письмо, в котором говорится, что при первой же возможности он должен отправиться в Тринидад... Похоже, что, добравшись до затонувшего судна, они нашли на берегу лодку, взявшую на борт часть груза "Экзерсиона", на которой и

отправились в указанное место. Почему он не смог прийти нам на помощь, несомненно, будет выяснено, когда ему посчастливится вновь вернуться к родным и близким.

Мне очень хотелось узнать, что стало с Джеймисоном, который, как помнят мои читатели, был задержан на борту испанского брига "Пруденти" недалеко от Тринидада. Я ничего не слышал о нем до тех пор, пока, кажется, через восемнадцать месяцев после моего возвращения домой я не получил от него письмо из Монтего-Бей на Ямайке, в котором он сообщал, что в настоящее время проживает на этом острове. Я немедленно написал ему и пригласил приехать в Соединенные Штаты. Он прибыл на пассажирском судне вместе с капитаном Уилсоном из Кохассета и прибыл в Бостон в августе 1824 года. Наша встреча была очень трогательной. Перед нами пронеслись волнующие сцены; сцены, ушедшие навсегда, через которые мы прошли вместе, где завязалось наше знакомство, и с тех пор мы никогда не встречались. Я снова увидел хранителя моей жизни, оружие, с помощью которого Провидение вернуло меня в мой дом, к моей семье и моим друзьям, и я отнесся к нему с обычным чувством. Моя семья была рада его видеть и сердечно присоединилась к нему, устроив ему теплый прием. Он рассказал мне, что после того, как мы расстались в Тринидаде, он остался на борту испанского брига. Командир спросил его и его товарищей, не хотят ли они записаться в армию; французы ответили, что да, но он ничего не сказал, решив сбежать при первой же возможности, которая представится. После этого испанский бриг столкнулся с колумбийским "Патриотом", вооруженным восемнадцатью пушками. Будучи примерно равными по силе, они дали бой, и сражались от трех до четырех часов. Обе стороны получили значительные повреждения, и, не получив существенного преимущества ни с одной стороны, оба отступили, чтобы произвести ремонт. Испанский бриг "Пруденти" зашел в Сант-Яго-де-Куба. Во время боя Джеймисон был ранен мушкетным шаром в руку и вместе с другими ранеными был доставлен на берег и помещен в госпиталь Сант-Яго. Здесь он пробыл значительное время, пока почти не поправился, и тогда ему представилась возможность бежать и отправиться на Ямайку. Он благополучно добрался до Кингстона, а оттуда, путешествуя босиком по горам, до полного изнеможения, добрался до Монтего-Бей, где у него были друзья и где один из его братьев владел некоторой собственностью. Из этого места он впоследствии написал мне. Он рассказал мне, что перед тем, как попасть на сайт Массачусетса, он видел, как злодейского лоцмана мексиканцев, печально известного Балтизара, и еще нескольких пиратов привезли в Монтего-Бей, откуда их должны были доставить в Кингстон для казни. Были ли они частью экипажа "Мексиканца" или нет, я не знаю. Балтизар был старым человеком, и, как сказал Джеймисон, это было меланхоличное и душераздирающее зрелище - видеть, как его несут на казнь с этими седыми волосами, которые могли бы быть почтенными в добродетельной старости, а теперь стали позором и укором этому хриплому злодею, ибо он был полон лет и стар в беззаконии. Когда Джеймисон получил письмо, которое я ему написал, он немедленно отправился с капитаном Уилсоном и прибыл в Бостон, как я уже отмечал.

По его собственному рассказу, он происходил из очень уважаемой семьи в Гриноке, Шотландия. Его отец при жизни был богатым торговцем тканями, но и отец, и мать уже много лет как умерли. Он был младшим из тринадцати детей и, будучи, по его словам, бродячим, всегда путешествовал по морям. Он получил вежливое образование и отличался весьма джентльменским поведением. Он говорил на нескольких живых языках и был искусен в рисовании и живописи. Он много путешествовал по разным странам и, как следствие, приобрел прекрасное знание их нравов и обычаев. Его разнообразная информация (ведь от него не ускользала ни одна тема) делала его очень интересным собеседником. Его наблюдения над характером разных народов были очень либеральными; он отмечал их

различные черты, их добродетели и пороки с игривым юмором, совершенно свободным от фанатизма или узких предрассудков.

В то время, когда он приехал в Массачусетс, я занимался торговлей между Бостоном и Филадельфией, и он несколько раз плавал со мной в качестве помощника. После этого он отправился на Кубу, а затем занимался промыслом макрели из порта Хингем в теплое время года, а зимой часто преподавал навигацию молодым людям, для чего обладал прекрасной квалификацией. Он оставался с нами до самой своей смерти, которая произошла в 1829 году. В это время он пробыл в море два или три дня, когда заболел и был доставлен на Кейп-Код, где и скончался в первый день мая 1829 года, и там же покоятся его останки. Мир его праху! Они покоятся в чужой земле, вдали от родных и близких.

После его смерти я встречался с мистером Стюартом из Филадельфии, который был торговым агентом в Тринидаде во время моего захвата. Он сообщил мне, что пиратская шхуна "Мексиканец" впоследствии была преследована английским правительственным судном с Ямайки, которое отправилось на ее поиски. Пираты бросили свое судно и скрылись в мангровых зарослях на острове, похожем на тот, на котором они посадили меня и мою команду умирать. Англичане окружили их, и таким образом они лишились всякой надежды на спасение. Они оставались там, я думаю, четырнадцать дней, когда, будучи почти полностью покоренными голодом, одиннадцать сдались и были взяты. Остальные, вероятно, погибли в мангровых зарослях. Те немногие, кого удалось захватить, были доставлены на правительственном судне в Тринидад. Мистер Стюарт сказал, что видел их сам, и таких жалких объектов, обладающих жизнью, он никогда прежде не видел. Они находились в состоянии голода, их бороды выросли до ужасающей длины, тела были покрыты грязью и паразитами, а лица были отвратительны. Из Тринидада их отвезли в Кингстон, Ямайка, и там повесили в пятницу, 7 февраля 1823 года.

Примерно за четверть часа до рассвета несчастных преступников вывели из тюрьмы под охраной солдат 50-го полка и городской стражи. По прибытии на пристань военные удалились, а заключенных вместе с городской стражей посадили на две шлюпки, на которых они отправились в Порт-Ройал-Пойнт, обычное место казни в подобных случаях. Там их встретил сильный отряд военных, состоящий из 50 человек под командованием офицера. Они выстроились в квадрат вокруг места казни, а шериф и его офицеры с заключенными в центре. Виселица была значительной длины и устроена с перепадом, чтобы предотвратить неприятные обстоятельства, которые часто случаются.

Несчастные находились в непрерывной молитве с момента пробуждения от глубокого сна и до прибытия в это место, где им предстояло закончить свое существование.

Все они выразили благодарность за внимание, оказанное им шерифом и низшими офицерами. Многие прижимали руки ключника к губам, другие - к сердцу и, стоя на коленях, молились, чтобы Бог, Иисус Христос и Дева Мария благословили его и других тюремщиков за их доброту. Затем все они горячо присоединились к молитве. К всеобщему удивлению, среди них не было ни одного священнослужителя, какого бы то ни было вероисповедания. Они неоднократно восклицали: "Adonde esta el padre" (Где святой отец).

Казнь десяти пиратов.

Хуан Эрнандес призвал всех присутствующих выслушать его: он невиновен; то, что говорили о том, что он признал себя виновным, было неправдой. Он признал себя виновным, потому что надеялся на помилование; но теперь, когда ему предстоит умереть, он призывает Бога, Иисуса Христа, Святого Духа, Деву Марию и святых в свидетели того, что говорит правду - что он не пират и не убийца - его заставили. Лейтенант пиратов был негодяем, который не боялся Бога и вынудил его действовать.

Хуан Гуттерез и Франсиско де Сайас громко заявляли о своей невиновности.

Мануэль Лима сказал, что ему самому все равно; он сочувствует старику (Мигелю Хосе). Как он мог быть пиратом, который не мог помочь себе? Если бы это была христианская страна, они бы помиловали его за седину. Он был невиновен - их обоих заставили. Пусть никто из его друзей и родственников никогда не выходит в море - он надеялся, что его смерть станет для них предупреждением, что невиновные могут пострадать за виновных. Язык этого молодого человека говорил о том, что он превосходит всех своих товарищей по несчастью. Моряки судна "Уим" утверждали, что он был очень добр к ним, когда пленников на борту пиратского судна. Перед самым отплытием он обратился к старику: "Adios viejo, para siempre adios" (Прощай, старик, прощай навсегда).

Несколько заключенных взывали о пощаде, о помиловании, о помиловании.

Тогда к ним обратился чернокожий Доминго Эукалла. "Не ищите здесь пощады, а молитесь Богу; мы все приведены сюда, чтобы умереть. Это место построено не зря, здесь мы должны закончить свою жизнь. Вы знаете, что я невиновен, но я должен умереть так же, как и вы все. Здесь нет никого, кто мог бы сделать нам что-нибудь хорошее, поэтому давайте думать только о Всемогущем Боге. Мы не дети, а мужчины, и вы знаете, что все должны умереть; и через несколько лет те, кто нас убивает, тоже должны умереть. Когда я родился, Бог предначертал мне смерть; я никого не виню. Меня захватили пираты, и они заставили меня помогать им; они не позволяли мне бездельничать. Я не мог доказать, что это правда, и поэтому они судили меня по тем людям, с которыми меня нашли. Меня предали смерти несправедливо, но я никого не виню. Это было мое несчастье. Давайте помолимся. Если мы

невиновны, то тем более должны каяться. Я пришел сюда не для того, чтобы кого-то обвинять. Смерть рано или поздно придет; лучше невиновный, чем виновный". Затем он присоединился к молитве вместе с остальными. Похоже, его очень почитали товарищи по заключению. Он выбирал те молитвы, которые считал наиболее подходящими для данного случая. Сотни людей были свидетелями мужественной стойкости этого негра. Заметив случайного прохожего, который внимательно слушал жалобы одного из своих товарищей по несчастью, он перевел сказанное на английский. Уверенным шагом, с решительным и покорным лицом он взошел на роковой эшафот. Заметив, что палач не может развязать узел на воротнике одного из узников, он зубами развязал его. Затем он горячо молился, пока не упала капля.

Мигель Хосе заявил о своей невиновности: "Я никого не грабил, никого не убивал, я невиновен" (Я никого не грабил, никого не убивал, я умру невиновным. Я старый человек, но моя семья будет переживать мою позорную смерть".)

Франциско Мигуль молился набожно, но невнятно - казалось, его душа покинула тело перед казнью.

Брети Гуллимиллит призвал всех засвидетельствовать его невиновность; ему не было смысла говорить неправду, ведь он шел перед лицом Бога.

Август Эрнандес неоднократно заявлял о своей невиновности и просил, чтобы никто не говорил, что он сделал признание; ему нечего было делать.

Хуан Эрнандес был весьма упрям, когда во время казни ему надвинули на глаза колпак. Он довольно страстно сказал: "Уберите его с моих глаз". Затем он стал тереться им об один из столбов виселицы.

Мигель Хосе подал ту же жалобу и снял покров с глаз, потираясь головой о товарища по несчастью.

Педро Нондре громко взывал к милосердию. Он горько плакал. Он был покрыт следами глубоких ран.

Все десять человек, включенных в смертный приговор, были помещены на эшафот, веревки подвешены, и падение было спущено. Нондре, будучи очень тяжелым человеком, оборвал веревку и упал на землю живым. Хуан Эрнандес долго боролся. Лима бился в сильных конвульсиях. Старик Гуллимиллит и Мигуль, по-видимому, были мертвы еще до падения. Эукалла (чернокожий) сделал одну судорожную попытку, и все было кончено.

Когда Нондре оправился от падения и увидел девять своих безжизненных товарищей, распростертых в смерти, он издал мучительный вопль; он сжимал руки и кричал: "Favor, favor, me matan sin causa. O! buenos Christianos, me amparen, ampara me, ampara me, no hay Christiano en asta, tiara?"

(Милосердие, милосердие, они убивают меня без причины... О, добрые христиане, защитите меня. О, защитите меня. Неужели в этой земле нет ни одного христианина?)

Затем он поднял глаза к небу и долго и громко молился. Когда его снова отстранили, он долго бился в конвульсиях. Он был огромным сильным человеком и умер тяжело.

Пиратскую станцию на острове Куба заняли американские военные шхуны "Грейхаунд" и "Бигл". Они покинули остров Томпсона 7 июня 1823 года под командованием лейтенантов. Кирни и Ньютона, и крейсировали в пределах Ки на южной стороне Кубы до мыса Круз,

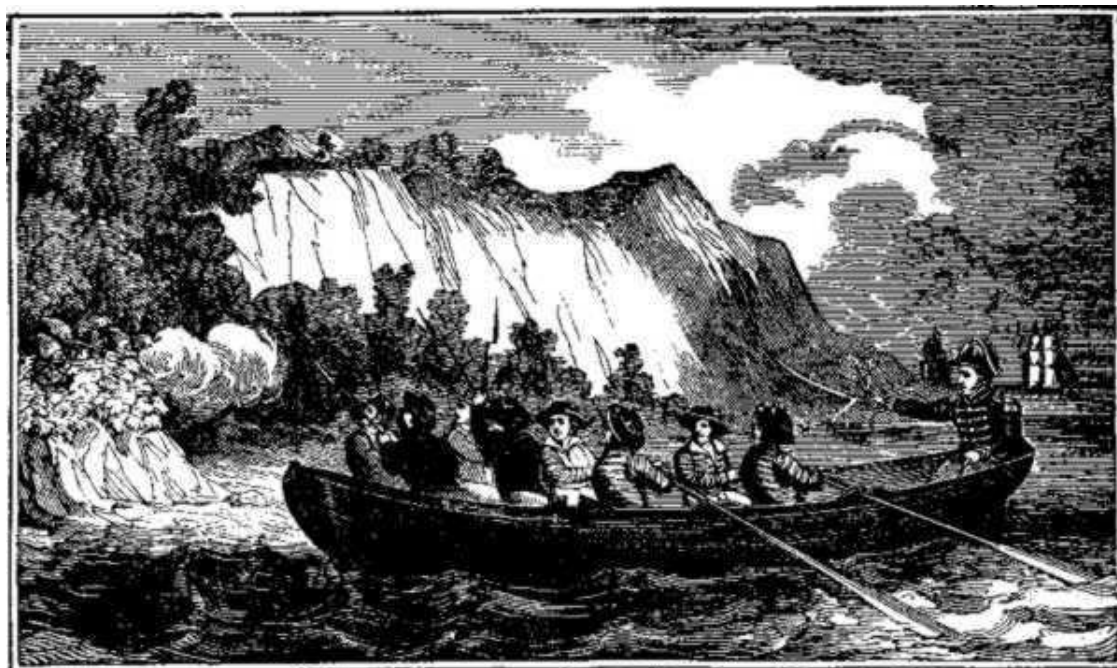
заходя во все промежуточные порты острова, чтобы перехватить пиратов. 21 июля они встали на якорь у мыса Круз, и лейтенант Керни отправился в своей лодке на разведку берега, когда его обстреляла группа пиратов, затаившихся в кустах. Также был открыт огонь из нескольких пушек, установленных на холме на небольшом расстоянии. Шлюпка вернулась, а пять или шесть других были укомплектованы людьми с кораблей и отплыли к берегу, но из-за сильной канонады, которую вели пираты на высотах, а также с лодок, были вынуждены отступить. После этого две шхуны причалили к берегу и, выпустив несколько широких залпов, прикрыли высадку лодок. Через некоторое время пираты отступили к холму, который был хорошо укреплен. Небольшая деревушка, в которой жили пираты, была подожжена и уничтожена. Были захвачены три пушки, одна четырехфунтовая, две большие вертлюжные, несколько пистолетов, тесаки и восемь больших лодок. Недалеко от домов была обнаружена пещера глубиной около 150 футов, и после значительных трудностей партия моряков добралась до дна, где было найдено огромное количество добычи, состоящей из широких тканей, сухих товаров, женских платьев, седельных принадлежностей и т. д. В пещере также находилось множество человеческих костей, предположительно принадлежавших несчастным, которых схватили и предали смерти. Многие вещи были вывезены, а остальные уничтожены. Около сорока пиратов спаслись на высотах, но многие из них погибли от огня шхун, а также от людей, высадившихся на берег. Кусты были настолько густыми, что преследовать их было невозможно. Поблизости есть еще несколько пещер, в которых, как предполагается, они иногда укрываются.

В 1823 году коммодор Портер командовал эскадрой Соединенных Штатов в этих морях; было сделано много хорошего для предотвращения новых актов пиратства; но эти несчастные держались в стороне и не выходили в море, как раньше, но некоторые были захвачены.

Почти каждый день поступали сообщения, свидетельствующие о деятельности коммодора Портера, офицеров и людей под его командованием; но в течение долгого времени их старания и усердие проявлялись скорее в *подавлении* пиратства, чем в *наказании* за него. Однако в конце концов представилась возможность применить последнее, о чем подробно говорится в следующем письме, датированном Матанзасом 10 июля 1823 года.

"Имею удовольствие сообщить вам о блестящем успехе, достигнутом в борьбе с пиратами 5-го числа двумя баржами, приписанными к эскадре коммодора Портера: "Галлиниппер", лейтенант Уотсон, 18 человек, и "Мошето", лейтенант Инман, 10 человек. Баржи возвращались из плавания на подветренную сторону; когда они оказались в бухте Джигуапа, в 13 лигах к ветру от Матанзаса, они вошли в нее - это было место встречи пиратов. Они сразу же обнаружили большую шхуну, которая, по их мнению, была капером "Патриот"; поскольку их запасы были почти исчерпаны, они надеялись получить от нее немного припасов. Поэтому они пустились в погоню. Когда они оказались на расстоянии пушечного выстрела, судно развернулось и выстрелило из своего длинного орудия, одновременно подняв кровавый флаг, направив свой курс к берегу, и продолжая стрелять безрезультатно. Когда она приблизилась к берегу на небольшое расстояние, она подошла к нему на пружинах, продолжая стрелять; когда баржи были в 30 ярдах, они выстрелили из своих мушкетов, не тронув ни лодки, ни людей; наши люди дали три аплодисмента и приготовились высадиться; пираты, узнав о своем намерении, прыгнули в воду, и тогда баржисты, призвав имя "Аллен", начали уничтожающую резню, убивая их в воде и при высадке. Наши люди были настолько взбешены, что офицеры не могли их сдержать, и многие были убиты после того, как был отдан приказ дать четверть. Насчитали 27 убитых, некоторые утонули, пятерых взяли в плен баржисты, а восьмерых - группа испанцев на берегу. По подсчетам офицеров, погибло от 30 до 35 человек. Шхуна имела длинную девятифунтовую пушку на шарнире и четыре

четырефунтовки, а также все остальное необходимое вооружение и команду из 50-60 человек, и должна была разнести баржи на атомы. Командовал им небезызвестный Даблето, или Маленький Дьявол. Это заявление я получил от самого лейтенанта Уотсона, и это, несомненно, самая решительная операция, которая была проведена против этих убийц английскими или американскими войсками".

Пираты обстреливают лодку лейтенанта Кирни во время разведки берега.

"Этот случай произошел на том же месте, где год назад пал храбрый Аллен. Приз был отправлен на остров Томпсона".

Примерно в это же время британский военный шлюп захватил у острова Сен-Доминго пиратскую шхуну с командой из 60 человек. На ее борту было 200 000 долларов в специях и другие ценные вещи. Бриг "Вестал" отправил другую пиратскую шхуну в Нью-Провиденс.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗНЬ КАПИТАНА ДЖОНА РЭКЭМА.

Этот Джон Рэкэм, как уже сообщалось на предыдущих страницах, был квартирмейстером в компании Вейна, пока команда не разделилась, а Вейн не был изгнан из нее за отказ на борт французского военного корабля, и Рэкэм был назначен капитаном той части, которая осталась на бригантине. 24 ноября 1718 года стало первым днем его командования; его первый поход был среди островов Карриби, где он захватил и разграбил несколько судов.

Мы уже отмечали, что когда капитан Вудс Роджерс отправился на остров Провиденс с королевской милостью к тем пиратам, которые сдадутся, эта бригантина, которой командовал Рэкэм, сбежала через другой проход, бросив вызов предложенной милости.

Наветренное Ямайки на пути пиратов попала мадейра, которую они продержали два или три дня, пока не получили от нее свой рынок, а затем вернули ее хозяину и разрешили одному Хосе Тидселу, трактирщику на Ямайке, которого взяли на одном из их призов, уплыть на ней, поскольку она направлялась на этот остров.

После этого плавания они зашли на небольшой остров, очистились, провели на берегу Рождество, пили и веселились до тех пор, пока у них оставалось хоть немного спиртного, а затем снова вышли в море за добавкой. Они преуспели в этом, хотя за два месяца не взяли ни одного необычного приза, кроме корабля с осужденными из Ньюгейта, направлявшегося на плантации, который через несколько дней был захвачен со всем грузом английским военным кораблем, находившимся в тех морях.

Рэкэм направился к Бермудским островам и захватил корабль, направлявшийся в Англию из Каролины, и небольшой пинк из Новой Англии; оба корабля он привел к Багамским островам, где вместе с смолой, дегтем и магазинами они снова очистили и переоборудовали свое судно; но, пробыв в том районе слишком долго, капитан Роджерс, который был губернатором Провиденса, услышав о захвате этих кораблей, выслал шлюп, хорошо укомплектованный и вооруженный, который забрал оба приза, хотя тем временем пирату посчастливилось бежать.

Отсюда они отплыли к задней части Кубы, где Рэкэм содержал небольшое подобие семьи; там они пробыли значительное время, живя на берегу со своими "Делайлами", пока их деньги и провизия не были израсходованы, и они решили, что пора искать новые. Они отремонтировали свое судно и готовились выйти в море, когда к ним подошел сторожевой корабль с небольшим английским шлюпом, который они захватили как нарушителя порядка на побережье. Испанский сторожевой корабль атаковал пирата, но Рэкэм, находясь за небольшим островом, не смог ничего сделать, и донцы вечером вошли в канал, чтобы на следующее утро быть уверенными, что пират уйдет. Рэкэм, видя, что положение его отчаянное, а возможности спастись почти нет, решил предпринять следующее предприятие. Испанский приз лежал для большей безопасности недалеко от суши, между маленьким островом и Майном, и наш десперадо взял свою команду в лодку с их тесаками, обогнул маленький остров и тихо взошел на борт своего приза глубокой ночью, не будучи обнаруженным, сказав испанцам, которые были на его борту, что если они произнесут хоть слово или сделают хоть малейший шум, то все они покойники; так они стали его хозяевами. Когда это было сделано, он отвязал трос и вышел в море. Испанские военные так увлеклись ожидаемым призом, что не обращали внимания ни на что другое, и как только наступил день, они открыли яростный огонь по пустому шлюпу; но прошло совсем немного времени, прежде чем они правильно поняли, в чем дело, и прокляли себя за компанию дураков, что лишились хорошего богатого приза, каким она оказалась, и получили в придачу лишь старый сумасшедший корпус.

У Рэкэма и его команды не было повода для недовольства обменом, поскольку он позволил им еще некоторое время вести образ жизни, который соответствовал их развращенному сознанию. В августе 1720 года он снова вышел в море, обшаривая гавани и заливы на севере и западе Ямайки, где захватил несколько небольших судов, которые не стали большой добычей для бродяг; но у них было мало людей, и поэтому они были вынуждены действовать на малом ходу, пока не увеличили свою компанию и силы.

В начале сентября они захватили семь или восемь рыбацких лодок на острове Харбор, украли их сети и другие снасти, а затем отправились во французскую часть острова Испаньола, где высадились и увезли скот, а также двух или трех французов, которых они нашли у берега воды, охотившихся вечером на диких свиней. Французы поднялись на борт, по согласию или по принуждению, точно неизвестно. После этого они разграбили два шлюпа и вернулись на Ямайку, на северном побережье которой, у залива Порто-Мария, взяли шхуну, хозяином которой был Томас Спенлоу; это было 19 октября. На следующий день Рэкэм, увидев шлюп в бухте Драй-Харбор, встал и выстрелил из пушки; все люди сбежали на

берег, и он забрал шлюп и груз; но когда те, кто был на берегу, узнали, что это пираты, они окликнули шлюп и дали понять, что готовы подняться к ним на борт.

Рэкэм обогнул остров таким образом, что оказалось для него роковым; весть о его экспедиции дошла до губернатора на каноэ, которое он застал на берегу в бухте Очо; после этого был немедленно снаряжен шлюп и отправлен вокруг острова на его поиски под командованием капитана Барнета, укомплектованный большим количеством людей. Рэкэм, обогнув остров и приблизившись к западной точке, называемой Пойнт-Негрил, увидел небольшую петтиагу, которая при виде шлюпа выбежала на берег и высадила своих людей, когда один из них окликнул ее. Они ответили, что являются англичанами, и попросили людей петтиаги подняться на борт и выпить чашу пунша, что и было им предложено сделать. Соответственно, компания в недобрый час поднялась на борт пирата в количестве девяти человек; они были вооружены мушкетами и тесаками, но каков был их истинный замысел, мы не беремся сказать. Не успели они сложить оружие и взять в руки трубки, как в поле зрения появился шлюп Барнета, преследовавший шлюп Рэкэма.

Пираты, увидев, что она идет прямо на них, испугались, подняли якорь, который они совсем недавно отпустили, и отчалили. Капитан Барнет пустился за ними в погоню и, пользуясь небольшими порывами ветра, дувшего с суши, догнал корабль и привел его в Порт-Ройал на Ямайке.

Примерно через две недели после того, как пленники были доставлены на берег, а именно 16 ноября 1720 года, капитан Рэкэм и восемь его людей были осуждены и казнены. Капитан Рэкэм и двое других были повешены в цепях.

Но что было очень удивительно, так это осуждение девяти человек, которые поднялись на борт шлюпа в тот же день, когда он был захвачен. Их судили в перерыве между заседаниями суда 24 января; предполагается, что все это время магистрат ждал доказательств пиратского намерения подняться на борт шлюпа; ведь, похоже, никакого пиратства они не совершали, как показали свидетели против них, два француза, взятые Рэкэмом у острова Испаньола, которые лишь утверждали, что заключенные поднялись на борт без всякого принуждения.

Суд рассмотрел дела заключенных, и большинство членов комиссии пришло к мнению, что все они виновны в пиратстве и преступлении, в котором их обвиняли, а именно: в том, что с пиратскими намерениями перешли к Джону Рэкэму и т. д., которые были известными пиратами и о которых им было известно, и все они получили смертный приговор и были казнены 17 февраля на Виселице в Порт-Ройале.

Ни святого колокола, ни пастырского блеяния,
В былые дни в долине
В бухте развевалась пиратская простыня,
Проклинал шторм;
Богатые товары лежали на песке, и убитые люди,
Пираты и губители там веселились.

БУКАНЬЕР.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ АННЫ БОННИ.

Эта женщина-пират была родом из Корка. Ее отец был адвокатом и, занимаясь бизнесом, достиг значительной респектабельности в этом месте. Энн была плодом незаконной связи с его служанкой, с которой он сбежал в Америку, оставив свою любимую и законную жену. Он поселился в Каролине и некоторое время занимался своим ремеслом, но вскоре стал торговцем и преуспел настолько, что приобрел значительную плантацию. Там он жил со своей служанкой в качестве жены; но она умерла, и его дочь Анна управляла домашними делами отца.

Во время проживания с родителем предполагалось, что она обладает значительным состоянием, и, соответственно, к ней обращались молодые люди, занимающие солидное положение в жизни. Однако с Анной, как и со многими другими людьми ее молодости и пола, случилось так, что выбор мужа определили ее чувства, а не интересы. Она вышла замуж за молодого моряка без единого шиллинга. Скупой отец был так разгневан, что, не вняв родительским чувствам, выставил собственное дитя за дверь. После такого жестокого обращения и разочарования в судьбе Анна вместе с мужем отплыла на остров Провиденс в надежде найти работу.

Вскоре капитан Рэкэм разлучил Энн с ее мужем, и она, сбежав от него, вышла в море в мужской одежде, сыграв совсем другую роль, чем Мэри Рид. Оказавшись с ребенком, капитан высадил ее на берег и поручил заботам друзей до ее выздоровления, после чего она снова стала сопровождать его в походах.

После того как король объявил о помиловании всех пиратов, он сдался и занялся каперством, о чем мы уже рассказывали: однако вскоре он воспользовался возможностью вернуться к своему любимому занятию. Анна сопровождала его во всех пиратских подвигах и, как мы уже писали, проявила такое мужество и смелость, что она, а также Мэри Рид и моряк были последними тремя, кто остался на борту, когда судно было захвачено.

Анну знали многие плантаторы на Ямайке, которые помнили, что видели ее в доме отца, и были склонны ходатайствовать за нее. Однако ее беспринципное поведение, когда она оставила собственного мужа и вступила в незаконную связь с Рэкэмом, привело к тому, что ее друзья стали менее активными. По особой милости Рэкэму разрешили навестить ее за день до казни; но вместо того, чтобы соболезновать ему по поводу его печальной участи, она лишь заметила, что ей жаль видеть его там, но если бы он сражался как мужчина, его не нужно было бы вешать как собаку. Будучи беременной, она оставалась в тюрьме до своего выздоровления, время от времени ее освобождали, и хотя мы не можем сообщить нашим читателям никаких подробностей о ее дальнейшей жизни или о том, как она умерла, все же можно с уверенностью сказать, что она не была казнена.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ГЕРОИЗМ МЭРИ РИД.

Теперь мы обратим внимание наших читателей на историю двух женщин-пиратов - историю, которая примечательна прежде всего тем, что представительницы слабого пола обладают особым характером, отличающимся всеми пороками, способными обесчестить человечество, и в то же время проявляют самую смелую, хотя и жестокую отвагу.

Мэри Рид была уроженкой Англии, но в каком месте она родилась, не сообщается. В юности ее мать вышла замуж за моряка, который вскоре после их свадьбы ушел в море и больше не вернулся. Плодом этого брака стал крепкий мальчик. Когда муж не вернулся, она снова оказалась с ребенком, и, чтобы скрыть свой позор, ушла от родственников мужа и уехала жить в деревню, взяв с собой мальчика. Через некоторое время сын умер, и она была освобождена от бремени его содержания и воспитания. Мать недолго прожила в деревне, прежде чем родилась Мэри Рид, о которой пойдет речь в данном повествовании.

После рождения Мэри мать прожила в деревне три или четыре года, пока все ее деньги не закончились, и она не стала придумывать, как добыть пропитание. Она знала, что мать ее мужа живет в хороших условиях и может легко содержать своего ребенка, если только сможет выдать ее за мальчика и ребенка своего сына. Но навязываться старой опытной матери казалось невозможным. Однако она представила Мэри в образе своего внука. Старуха предложила взять мальчика к себе, но мать ни за что не хотела расставаться с ним, поэтому бабушка выделила на его содержание крону в неделю.

Изобретательность матери увенчалась успехом, и она стала воспитывать дочь как мальчика. Но когда та подросла, она сообщила ей тайну своего рождения, чтобы та могла скрыть свой пол. Однако, когда бабушка умерла, поддержка со стороны матери прекратилась, и она была вынуждена отдать ее в услужение французской даме в качестве лакея. Сила и мужественный нрав этого предполагаемого мальчика росли с годами, и, оставив эту подневольную работу, она устроилась на борт военного корабля.

Непостоянный нрав юноши не позволил ей долго оставаться на этом месте, и она отправилась во Фландрию, где поступила кадетом в пехотный полк. Хотя во всех действиях она проявляла величайшую храбрость, ей не удалось получить комиссарство, так как они, как правило, покупались и продавались. Поэтому она оставила эту службу и поступила в конный полк; там она вела себя так доблестно, что заслужила уважение всех своих офицеров. Однако случилось так, что ее товарищем оказался красивый молодой Флеминг, и она страстно влюбилась в него. Бурные чувства заставили ее пренебречь своим долгом и привели к такой перемене в ее поведении, что она привлекла всеобщее внимание. И ее товарищ, и остальные члены полка сочли ее сумасшедшей. Однако любовь изобретательна, и, поскольку они спали в одной палатке, она нашла способ узнать свой пол без всякого видимого умысла. Он был удивлен и обрадован, полагая, что у него будет любовница; но он сильно ошибался и пришел к выводу, что ее нужно было сватать в жены. Взаимная привязанность возникла, и, как только это было удобно, для нее приготовили женскую одежду, и они публично обвенчались.

Необычность брака двух солдат вызвала всеобщее обсуждение, многие офицеры почтили церемонию своим присутствием и решили сделать невесте подарки, чтобы обеспечить ее всем необходимым. После свадьбы они пожелали оставить службу, и, легко получив увольнение, открыли обычное заведение под вывеской "Три башмака" и вскоре приобрели значительный оборот.

Но счастье Мэри Рид было недолгим: муж умер, и после заключения мира ее дела пошли на убыль. В этих обстоятельствах она снова переделалась в мужское платье и, отправившись в Голландию, поступила на службу в пехотный полк, расквартированный в одном из пограничных городов. Но, не имея перспектив получить место в мирное время, она отправилась на борт судна, направлявшегося в Вест-Индию.

Во время плаванья судно захватили английские пираты, а поскольку Мэри была единственной англичанкой на борту, они задержали ее и, разграбив судно по своему

усмотрению, позволили ему отплыть. Некоторое время "Мария" продолжала заниматься этой незаконной торговлей, но, когда королевское помилование было предложено всем тем в Вест-Индии, кто должен до определенного дня сдаться, команда, к которой она была прикреплена, воспользовалась этим и спокойно жила на берегу, наслаждаясь плодами своих приключений. Но за неимением обычных припасов их деньги истощились, и, получив известие, что капитан Роджерс на острове Провиденс снаряжает несколько судов для каперства, Мэри вместе с другими отправилась на этот остров, чтобы служить на борту его каперов. Мы уже слышали, что едва корабли отплыли, как некоторые из их команды взбунтовались и сбежали с кораблей, чтобы продолжить свой прежний образ жизни. Среди них была и Мэри Рид. Она, правда, часто заявляла, что жизнь пирата ей отвратительна, и что она была вынуждена к ней как в прошлом, так и в нынешнем случае. Однако было достаточно установлено, что и Мэри Рид, и Анна Бонни были самыми храбрыми и решительными бойцами из всей команды; что когда судно было захвачено, эти две героини вместе с еще одним пиратом были последними тремя на палубе; и что Мэри, тщетно пытаясь пробудить мужество команды, которая бежала вниз, выстрелила в них из пистолета, убив одного и ранив другого.

Мэри была не столько скромна, сколько храбра; хотя она много лет оставалась в образе матроса, никто не открывал ее пола, пока она не была вынуждена сделать это Anne Бонни. Причина этого заключалась в том, что Анна, считая ее красивым парнем, сильно увлеклась ею и открыла ее пол и желания Мэри, которая таким образом была вынуждена открыть Anne свою тайну. Рэкэм, будучи любовником Бонни и заметив ее пристрастие к Мэри, пригрозил застрелить ее возлюбленного; чтобы предотвратить беду, Анна также сообщила капитану пол своей спутницы.

Рэкэму было предписано хранить тайну, и здесь он повел себя благородно; но любовь снова напала на покоренную Мэри. У пиратов было принято оставлять у себя всех артистов, захваченных на торговых судах; среди них был очень красивый молодой человек с обворожительными манерами, который покорила сердце Марии. За короткое время ее любовь стала настолько сильной, что она пользовалась любой возможностью насладиться его обществом и общением, а после того, как завоевала его дружбу, открыла свой пол. Чувства и дружба быстро переросли в самую пылкую привязанность, и в сердцах двух влюбленных запылал взаимный огонь. Вскоре произошло событие, которое подвергло привязанность Марии суровому испытанию. Ее возлюбленный поссорился с одним из членов экипажа, и они договорились сразиться на дуэли на берегу. Мэри тревожилась за судьбу своего возлюбленного и беспокоилась о сохранении его жизни больше, чем своей собственной, но она не могла допустить мысли, что он может отказаться от поединка и прослыть трусом. Поэтому она поссорилась с человеком, бросившим вызов ее возлюбленному, вызвала его на поле боя за два часа до назначенной встречи с возлюбленным, сразила его мечом и пистолетом и положила мертвым к своим ногам.

И хотя раньше между ними не было ни любви, ни почтения, этого поступка было достаточно, чтобы разжечь самое сильное пламя. Но в этом не было необходимости, поскольку привязанность любовника была равна, если не сильнее ее собственной; они поклялись в своей вере, что считалось столь же обязательным, как если бы церемонию совершал священнослужитель.

Однажды капитан Рэкэм, еще не зная, что она женщина, спросил ее, почему она придерживается такого образа жизни, который подвергает ее стольким опасностям, а в конце концов и повешению. Она ответила: "Что касается повешения, она считает, что это не так уж трудно, ведь если бы не это, каждый трусливый парень превратился бы в пирата и

заполнил моря, а мужественные люди умерли бы с голоду. Если бы выбор пал на нее, она бы не согласилась на наказание меньшее, чем смерть, страх перед которой держит некоторых подлых мошенников в честности; что многие из тех, кто сейчас обманывает вдов и сирот и притесняет своих бедных соседей, у которых нет денег, чтобы добиться справедливости, будут тогда грабить на море, и океан будет так же переполнен мошенниками, как и суша; так что ни один купец не решится выйти в море, и торговля через некоторое время не будет стоять на месте".

Поскольку во время суда она была беременна, ее казнь отложили, и вполне вероятно, что она обрела бы благосклонность, но в это время она заболела и умерла.

Мэри Рид отличалась крепким и выносливым телосложением, способным выдерживать большие нагрузки и усталость. Она была тщеславна и дерзка по своему нраву, но восприимчива к самым нежным чувствам и самым трепетным привязанностям. В ее поведении, как правило, присутствовали добродетельные принципы, но в то же время она была жестока в своих привязанностях. Несмотря на то, что по неосторожности она была вовлечена в тот бесчестный образ жизни, который запятнал ее характер и дал ей место среди преступников, отмеченных в этой работе, она обладала прямою принципов и поведения, намного превосходящей многих, кто не подвергался подобным искушениям, чтобы свернуть с пути женской добродетели и чести.

Мэри Рид убивает своего антагониста.

АЛЬГЕРИНСКИЕ ПИРАТЫ.

Содержит рассказы о жестокостях и зверствах барбарийских корсаров, повествования об экспедициях, направленных против них, и об окончательном взятии Алжира французами в

1830.

Бывшее логово пиратов, город Алжир расположен на берегу довольно глубокого залива, которым изрезано северное побережье Африки, и, можно сказать, образует неправильную треугольную фигуру, основание которой упирается в море, а вершину образует Кассауба, или цитадель, которая выполняла двойную функцию - форта для защиты и устрашения города, а также дворца для проживания дея и его двора. Холм, на котором построен город, довольно быстро склоняется вверх, так что каждый дом виден с моря, из-за чего он всегда сильно страдал от бомбардировок. Вершина холма возвышается почти на пятьсот футов, и именно в этом месте построена цитадель; весь город лежит между ней и морем. Дома в Алжире не имеют крыш, но все заканчиваются террасами, которые постоянно белят; а поскольку внешние стены, форт, батареи и стены украшены аналогичным образом, весь город издали выглядит не иначе как огромный меловой карьер, открытый на склоне холма.

Укрепления со стороны моря поражают своей мощью, а с учетом дополнений, сделанных после нападения лорда Эксмута, могут считаться практически неприступными. Они занимают весь небольшой остров, лежащий на небольшом расстоянии перед городом, с которым он соединен с одного конца великолепным молотом из прочной каменной кладки, а с другого, со стороны входа в порт, увенчан батареей, ошестившейся пушками огромного калибра, которые мгновенно потопят любое судно, которое попытается занять место, занятое "Королевой Шарлоттой" в тот памятный случай.

С сухопутной стороны оборонительные сооружения отнюдь не одинаковы по силе, поскольку они всегда рассматривались скорее как укрытие от мятежных движений туземцев, чем как предназначенные для отражения регулярных атак дисциплинированной армии. На самом деле оборона с этой стороны была бы малоэффективной, так как город полностью окружен различными холмами, особенно тем, на котором построен императорский форт, который был вынужден немедленно капитулировать, как только этот форт попал в руки французов в 1830 году.

В городе четверо ворот: одни выходят на мол и называются морскими, вторые - возле цитадели и называются новыми, а третьи - на северной и южной сторонах города, между которыми проходит главная улица. Все эти ворота сильно укреплены, а за тремя сухопутными воротами проходят остатки рва, который когда-то окружал город, но теперь засыпан, за исключением этих мест. Все улицы Алжира кривые и узкие. Самые лучшие из них едва достигают двенадцати футов в ширину, и даже половина этой ширины занята выступами магазинов или подпорками для поддержки первых этажей домов, которые обычно выступают за пределы нижних, так что во многих местах едва ли может пройти груженный мул. Из общественных зданий наиболее примечательным является Кассауба, или цитадель, о расположении которой мы уже упоминали. Это огромное, тяжелое на вид кирпичное здание квадратной формы, окруженное высокими и массивными стенами и защищенное пятьюдесятью пушками и несколькими мортирами, расположенными так, чтобы в равной степени устрашать город и страну. Апартаменты, отведенные для проживания дея и дам его гарема, описаны как чрезвычайно великолепные и обильно снабженные мраморными колоннами, фонтанами, зеркалами, коврами, оттоманками, подушками и другими

предметами восточной роскоши; Но есть и другие, не менее ценные и любопытные, такие как оружейная палата, обставленная оружием всех видов, тончайшей работы и в величайшем изобилии, сокровищница, содержащая не только множество драгоценных металлов, отчеканенных или в слитках, но и алмазы, жемчуг, рубины и другие драгоценные камни большой ценности; и, наконец, кладовые огромного размера, в которых хранились богатейшие шелковые ткани, бархат, парча, а также шерсть, воск, сахар, железо, свинец, сабельные ножи, ружейные стволы и всевозможные товары алжирских территорий; ведь дей был не только первым грабителем, но и первым купцом в своих владениях.

Рядом с Кассаубой, мол с морскими фортами представлял собой самую красивую и внушительную громаду зданий. Длина мола составляет не менее тысячи трехсот футов, он образует красивую террасу, поддерживаемую арками, под которыми находятся великолепные магазины, которые французы нашли заполненными лонжеронами, пенькой, кордажем, тросами и всевозможными морскими товарами. На оконечности мола располагались казармы янычар, которым поручалась защита морских фортов, состоящие из нескольких небольших отдельных комнат, в которых они спали на овчинных ковриках, а в центре находилась красивая кофейня. Банио - это здания, к которым европейцы долгое время испытывали наибольший интерес, поскольку именно в них содержались рабы-христиане, захваченные корсарами. Однако за многие годы до французского вторжения число пленников было столь незначительным, что многие из этих потрясающих зданий пришли в упадок и к моменту вступления французской армии в Алжир представляли собой лишь груды заплесневелых развалин. В Банио, когда его захватили французы, находились экипажи двух французских бригад, которые незадолго до этого потерпели крушение у мыса Бингут, несколько французских военнопленных, взятых во время их продвижения, и около двадцати греческих и генуэзских моряков, которые находились там в течение двух лет; всего около ста двадцати человек. Они описывали свое состояние как плохое, хотя отнюдь не столь плачевное, как в прежние времена. Поначалу тюрьма была настолько тесной, что существовала некоторая опасность задохнуться, во избежание чего турки проделали в стенах отверстия; но поскольку они не позаботились снабдить их окнами или ставнями, не было никаких средств для защиты от ветра или дождя, от которых они, следовательно, часто страдали.

На борту алжирского корсара.

Мы проследим историю этих пиратов только до 1500 года, когда Селим, король Алжира, подвергшийся нашествию испанцев, наконец обратился за помощью к знаменитому корсару Оруджу Рейсу, более известному под своим европейским именем Барбаросса, состоящим из двух итальянских слов, означающих

рыжая борода

. Ничто не могло быть более приятным, чем количество и выносливость его морских подвигов, если бы такое приглашение было сделано этому честолюбивому разбойнику, который некоторое время размышлял о том, как ему лучше всего установить свою власть на суше. В сопровождении пяти тысяч отборных людей он вошел в Алжир, стал хозяином города, убил Селима и провозгласил себя королем вместо него; так было основано это пиратское гнездо, свежие стаи из которого не переставали досаждал христианской торговле и порабощать христианских мореплавателей, вплоть до его окончательного уничтожения французской экспедицией в 1830 году.

За многовековую пиратскую карьеру бесчисленные тысячи людей, захваченных, порабощенных и погибших в рабстве у этих чудовищ, уже давно должны были навлечь на себя объединенную месть всего христианства. Многие молодые люди из семьи и состояния, с нежной конституцией были захвачены и проданы на невольничьем рынке. Долгие жаркие дни он трудился на очистке грязного дна какого-нибудь большого пустого водоема, где его заставляли раздеваться и, спускаясь в пруд, поднимать на руках черную вонючую грязь, налипшую и прижатую к груди; или на вытаскивании огромных каменных блоков для строительства мола; или на строительстве и ремонте укреплений, а также на множестве других мучительных и отвратительных работ. Единственной пищей был скудный запас черного хлеба, изредка несколько подгнивших оливок или овцы, умершие от какого-нибудь расстройства. По ночам их загоняли в самую ужасную из тюрем - Банью, чтобы они спали на грязной соломе среди отвратительного смрада. Конечности их были скованы цепями, и часто их били плетью. Иногда за человека удавалось получить выкуп, и тогда его история

вызывала слезы жалости у всех, кто ее слышал. Эти чудовища часто похищали дам и обращались с ними самым бесчеловечным образом. А иногда в рабство попадали целые семьи. Можно привести множество самых душераздирающих фактов, но мы вынуждены быть краткими.

Испанская дама, жена офицера, с сыном, четырнадцатилетним юношей, и дочерью шести лет, была захвачена алжирцами на испанском судне. Варвары обошлись с ней и ее детьми с величайшей бесчеловечностью. Старшего они держали в цепях, а с беззащитной малышкой обращались так жестоко, что несчастная мать часто почти лишалась рассудка от ударов, которые получала от этих несчастных, отнимавших у них все вещи. Они много дней держали их в море на тяжелом и скудном пайке, прикрывая лишь несколькими испачканными тряпками, и в таком состоянии привезли их в Алжир. Их долго держали в ужасной темнице в Банио, где содержатся рабы, когда к аге, или капитану Банио, послали гонца за женщиной-рабыней. По счастливой случайности она попала к испанке, но в тот момент, когда она обнимала своего сына, который с изможденным и беспорядочным видом отрывался от матери, чтобы пойти к своим властным погонщикам, и в отчаянии смотрела на своего маленького изможденного младенца, она услышала, что ее вызывают в тюрьму к семье, которая прислала рабыню. Она попросила разрешения взять с собой маленькую дочь. Она боялась, что ей откажут и отправят обратно в ужасную темницу, которую она покидала, где не было разницы в рангах, а рабыни всех состояний теснились вместе. Поэтому она была готова согласиться на что угодно, лишь бы не на эти страдания. Ей было отказано, поскольку она во всех отношениях не соответствовала описанию человека, за которым послали. В конце концов ее мольбы и слезы взяли верх; сострадание преодолело все препятствия, и она с маленькой девочкой была принята. Но оставалась еще одна трудность: она оставила своего сына закованным в цепи посреди той темницы, из которой только что была спасена. Ее добрые покровители вскоре узнали причину ее беды; но чтобы послать за юношей и обойтись с ним по-доброму или как-то иначе, чем с обычным рабом, нужно было потребовать за него и его мать такой большой выкуп, который навсегда исключал бы надежду на свободу. За ним, однако, послали, и те обязанности, которые они оба должны были выполнять, были лишь номинальными. С осторожностью вся семья была укрыта таким образом в течение трех лет; когда война с испанцами стала более ожесточенной, алжирцы потребовали вернуть юношу в Банию, чтобы он вместе с другими рабами работал на восстановлении разрушений, нанесенных крепости испанскими пушками. Теперь он был вынужден идти, нагруженный тяжелыми камнями, через весь город; почти на каждом шагу он получал страшные удары, не в силах ускорить шаг из-за огромного веса.

Окончательно измотанный дурным обращением, он не выдержал непосильного труда, и однажды утром отказался от приказа хозяина или погонщика подняться с соломы, на которой он лежал, заявив, что они могут убить его по своему усмотрению, так как он даже не попытается нести еще один груз камней. Из дома венецианского консула, где были укрыты его мать и сестра, неоднократно посылались сообщения Ага с просьбой вернуть его; когда алжирцы обнаружили, что они совсем приблизили его к смерти, они решили, что лучше сохранить ему жизнь ради будущего выкупа. Поэтому они согласились отпустить его к христианам. Некоторое время его жизнь была под угрозой; но благодаря доброму вниманию к нему, он был спасен от грозившей ему гибели. Его выздоровление скрывали, опасаясь, что его снова потребуют к работе; а через несколько месяцев после этого, когда был заключен испанский мир 1784 года, алжирцы приняли выкуп за эту страдающую семью, и они были отпущены на свободу.

В былые времена эти пираты проникали в Атлантику вплоть до Британского канала. Они кишмя кишели в Средиземном море, не только в Алжире, но и в Тунисе, и в других портах на побережье Барбары. Их корсары спускались на берега тех стран, которые граничат со Средиземноморьем, грабили деревни и уводили жителей в рабство. Корсары были судами разных типов: одни - большие вооруженные корабли, а впоследствии фрегаты; другие - гребные галеры и различные суда, используемые народами, которые плавают по этому морю, и были захвачены ими и добавлены к их флоту. Когда рабов высаживали в Алжире, их вели во дворец дея или башау, где он отбирал то количество, которое по закону принадлежало ему, а остальных продавали на невольничьем рынке тому, кто больше заплатит. Часть захваченной добычи, грузов и судов также принадлежала дею. Иногда человек, притворившись, что отказывается от своей религии и переходит в магометанство, получал облегчение своих страданий.

Иногда предпринимались самые отчаянные попытки спастись от этих безжалостных чудовищ, которые время от времени увенчивались успехом.

В 1644 году Уильям Окли с четырьмя спутниками самым чудесным образом спасся из Алжира в холщовой лодке. В это время в плену находился английский священнослужитель мистер Спрат, и несчастные рабы имели привилегию собираться в подвале, где он молился вместе с ними. Оукли вошел в доверие к своему хозяину, и ему разрешили работать, давая два доллара в месяц. Он торговал табаком и несколькими пустяками, так что за его передвижениями не следили. Он задумал сделать парусиновую лодку. По его словам, я открыл свой замысел товарищам, сообщив, что придумал модель лодки, которая, будучи по частям, а затем собранной вместе, может стать средством нашего спасения. Они с жадностью ухватились за эту перспективу; но более холодное размышление указало на бесчисленные трудности: некоторые из них выдвинули возражения, которые они считали непреодолимыми, и я постарался их преодолеть.

Мы начали работу в подвале, который служил нам для молитв, хотя к такому выбору нас побудила не святость места, а его уединенность. Сначала мы подготовили кусок дерева длиной двенадцать футов, и, чтобы он не был замечен, его разрезали на две части, соединив посередине. Затем мы раздобыли бревна с ребрами, которые, чтобы избежать той же опасности, были сделаны из трех кусков каждый и соединены в двух местах. Плоская сторона одного из двух кусков была наложена на другой, и в каждом соединении были просверлены два отверстия для гвоздей; таким образом, при соединении каждый кусок образовывал тупой угол и приближался к полукруглой фигуре, как нам и требовалось. При изготовлении внешнего покрытия мы должны были избегать забивания молотков и гвоздей, которые производили бы в подвале такой шум, что привлекли бы внимание алжирцев, которые нетерпимо относятся к своим женам и рабам. Поэтому мы взяли столько парусины, чтобы покрыть лодку вдвое больше, и столько смолы, дегтя и талового масла, чтобы сделать из них нечто вроде брезента, а также глиняные горшки, в которых можно было плавить наши материалы. Два плотника и я были назначены для этой работы в подвале. Мы заделали все щели и отверстия, чтобы испарения этих веществ не выдали нас. Но не успели мы поработать, как запах плавящихся веществ одолел меня и заставил выйти на улицу, задыхаясь, где, встретившись с прохладным воздухом, я упал в обморок и разбил себе лицо при падении. Мои спутники, обнаружив меня в таком положении, понесли меня обратно, крайне больного и непригодного к использованию. Вскоре я услышал, что один из них жалуется на недомогание и не может идти дальше; поэтому я решил, что если мы оставим наш проект этой ночью, то его уже нельзя будет возобновить, и решил открыть дверь в погреб, а сам встал на страже, чтобы предупредить о приближающейся опасности. Таким

образом мы закончили все дела и отнесли их в мою мастерскую, находившуюся на расстоянии около фурта.

В подвале все было подогнано: бревна к килю, полотно к бревнам, сиденья к целому, а затем все было разобрано на части. Вывезти все из города было непросто, но Уильям Адамс унес киль и спрятал его у подножия живой изгороди, а остальное унесли с такими же предосторожностями. Когда я нес кусок холста, который мы купили для паруса, я оглянулся и обнаружил, что тот самый шпион, который раньше доставлял нам много хлопот, идет позади. Это меня не на шутку встревожило, но, заметив англичанина, который стирал одежду на берегу моря, я попросил его помочь выстирать холст. Как раз когда мы этим занимались, шпион подошел и встал на скале прямо над нашими головами, чтобы наблюдать за нами. Чтобы обмануть его, я взял холст и расстелил его перед его лицом на вершине скалы, чтобы он высох; он выждал свое время, а затем ушел. Я все же ревновал его к его намерениям, что побудило меня нести холст, когда он высох, прямо в город, и этот случай сильно обескуражил моих товарищей. Мы также раздобыли небольшое количество провизии и две козьи шкуры, полные свежей воды.

Тем временем я наносил своему покровителю обычные визиты, вел честную переписку и должным образом удовлетворял его требования; в то же время я тайно превращал все свои товары в готовые деньги так быстро, как только мог, и, положив их в сундук с ложным дном, передавал на хранение мистеру Спрату, который верно хранил их для меня.

Место, которое мы выбрали для соединения лодки вместе, находилось на холме примерно в полумиле от города, полагая, что таким образом можно лучше заметить приближение опасности. Когда части были соединены, а полотно натянуто, четверо из нас спустили лодку к морю, где, раздевшись догола и положив внутрь одежду, мы понесли ее, насколько могли перейти вброд, чтобы не повредить ее о камни или скалы у берега. Но вскоре мы обнаружили, что наши расчеты были ошибочными, так как не успели мы высадиться, как вода хлынула через борта, и корабль был готов затонуть, так что потребовалось какое-то новое приспособление. Наконец, тот, чье сердце больше всего не выдержало, согласился на исключение и пожелал скорее подвергнуться неопределенным мучениям на суше, чем уверенности в том, что утонет в море. Однако лодка была еще так сильно нагружена, что все мы пришли к выводу, что выходить в море нельзя. Наконец на берег вышла еще одна лодка, она стойко держала голову и казалась вполне способной к нашему путешествию.

Торжественно попрощавшись с двумя нашими спутниками, оставшимися позади, и пожелав им столько счастья, сколько можно надеяться получить в рабстве, а нам - такой долгой жизни, какой только можно ожидать от людей, идущих на могилу, мы отчалили 30 июня 1644 года, в ночь, которая запомнится нам навсегда. Наша компания состояла из Джона Энтони, Уильяма Адамса, Джона Джефса, Джона-плотника и меня. Мы вышли в море без руля, снастей и компаса. Четверо из нас постоянно работали на веслах, а пятый занимался тем, что выгребал воду, просачивавшуюся сквозь парусину. Первую ночь мы упорно пытались выбраться из пределов досягаемости наших старых хозяев, но когда наступил день, мы все еще находились в пределах видимости их кораблей в гавани и на рейде. Однако, поскольку лодка была небольшой и лежала в море близко и уютно, ее либо вообще не обнаружили, либо она казалась чем-то таким, чем не стоит заниматься.

Во всех случаях мы обнаруживали свою непредусмотрительность: теперь хлеб, пролежавший в соленой воде, был совершенно испорчен, а дубленые шкуры придавали

пресной воде тошнотворный вкус. Пока хлеб был хлебом, мы не жаловались; при тщательной экономии его хватило на три дня, но затем бледный голод, который является самой ужасной формой, в которой может быть изображена смерть, начал смотреть нам в лицо. Средства, к которым мы прибегали, чтобы утолить жажду, скорее усиливали ее, и несколько вещей усугубляли наше бедственное положение. Некоторое время ветер дул прямо против нас; труд наш был непрерывным, ибо, хотя долгая гребля не продвигала нас вперед, прекращение ее отбрасывало нас назад; к тому же в это время года стояла неистовая жара, что делало наш труд невыносимым. Одно небольшое облегчение нам принес человек, в чьи обязанности входило выливать воду из лодки; он выливал ее на наши тела, чтобы охладить их. Однако от палящего солнца и охлаждающей воды наша кожа покрылась волдырями. Днем мы были совершенно голые, а ночью - в рубашках или свободных пальто, потому что мы оставили свою одежду на берегу, чтобы облегчить лодку.

У одного из нас был карманный циферблат, который заменял компас и, по правде говоря, не плохо подходил такому судну и таким мореплавателям. С его помощью мы держали курс днем, а ночью ориентиром служили звезды; если же они затуманивались, мы угадывали свой путь по движению облаков. В таком бедственном положении мы находились четыре дня и ночи. На пятый день мы были на грани отчаяния и оставили все надежды на спасение. Тогда мы прекратили наши труды и отложили весла, ибо либо у нас не осталось сил, чтобы их использовать, либо мы не хотели тратить без толку то немного, что у нас было. И все же мы продолжали опорожнять лодку, не желая утонуть, не желая умереть, но не зная, как избежать смерти.

Кто меньше всего действует, тот больше всего желает; и, оставив полезный труд, мы прибегли к бесплодным желаниям - чтобы нас подобрал какой-нибудь корабль, если это будет корабль, неважно какой страны.

Пока мы лежали, переваливаясь с ноги на ногу, и надежды наши были так малы, мы обнаружили неподалеку от нас черепаху, которая спала в море. Если бы великий Дрейк обнаружил флот испанских тарелок, он не мог бы так радоваться. Мы снова вспомнили о веслах и, бесшумно подплыв к добыче, с великим триумфом затащили ее в лодку. Отрубив ей голову и пустив кровь в сосуд, мы выпили кровь, съели печень и обсосали плоть. Наши силы и дух чудесно оживились, и мы энергично принялись за работу. Оставив страхи позади, мы стали надеяться и около полудня обнаружили - или нам показалось, что обнаружили, - землю. Невозможно описать нашу радость и триумф по этому поводу. Это была новая жизнь для нас; она влила свежую кровь в наши жилы и придала бодрость нашим бледным щекам: мы были похожи на людей, воскресших из мертвых. После дальнейших усилий, становясь все более уверенными, мы, наконец, полностью убедились, что это земля. Теперь, как растерянные, мы все прыгнули в море и, будучи хорошими пловцами, охладили свои иссохшие тела, не думая о том, что можем стать готовой добычей для акул. Но вскоре мы вернулись в лодку и, утомившись от напряжения и немного охлажденные морем, легли спать так же спокойно, как если бы это было в наших постелях. К счастью, он был таким коротким, что течь лодки не представляла никакой опасности.

Освеженные сном, мы нашли в себе новые силы для работы и изо всех сил налегали на весла, надеясь до ночи достичь более стабильной стихии. Но мы продвигались очень медленно. Ближе к вечеру был обнаружен остров, который оказался Фроментерой, уже виденной Майоркой; по крайней мере, некоторые из нашей компании, побывавшие в этих морях, утверждали, что это так. Мы долго спорили, к какому из этих двух островов направить наш курс; и, поскольку, обнаруженный последним, был сильно кишит ядовитыми змеями, мы решили направиться к Майорке. Всю эту ночь мы гребли очень усердно, а также и

следующую, которая была шестой с момента выхода в море. Остров был виден весь день, а около десяти вечера мы подошли к суше, но она состояла из скал, настолько крутых и обрывистых, что мы не могли на них подняться.

Когда мы находились под этими скалами, к нам очень близко подошло судно. Пусть читатель представит себе наши опасения, что после всех наших трудов и забот нас схватит какой-нибудь турецкий капер, каких никогда не бывает за морем. Поэтому мы были вынуждены лечь поближе; а когда судно прошло, мы осторожно поползли вдоль берега, как можно ближе к берегу, пока не нашли подходящее место, чтобы принять нашу побитую непогодой лодку.

Выбравшись на сушу, мы не остались равнодушными к своему избавлению, хотя, подобно людям, только что пробудившимся ото сна, не могли в должной мере оценить его величие. Не имея еды с тех пор, как мы поймали черепаху, Джон Энтони и я отправились на поиски пресной воды, а трое остались в лодке. Не пройдя далеко, мы оказались в лесу, что привело нас в большое замешательство. Мой товарищ хотел идти в одну сторону, а я - в другую. Как хрупко и бессильно существо человек! Мы, которых объединяла общая опасность на море, теперь должны расходиться во мнениях на суше. И все же мы так поступили. Он бросил мне укоризненные слова, и хорошо, что мы не стали ссориться, но я пошел своей дорогой, а он, видя мою решимость, последовал за мной. Дорога вела к одной из тех сторожевых башен, которые испанцы ставят на побережье, чтобы вовремя предупредить о приближении каперов. Опасаясь обстрела, мы окликнули часового, сообщили ему, кто мы, и убедительно попросили направить нас к пресной воде и дать немного хлеба. Он очень любезно бросил нам старую заплесневелую лепешку и направил нас к колодцу, находившемуся неподалеку. Мы выпили немного воды и съели по кусочку лепешки, которую с трудом проглотили, а затем поспешили вернуться к нашим спутникам в лодке, чтобы сообщить им о нашем успехе.

Хотя теперь нам пришлось покинуть лодку, мы сделали это не без сожаления; но оно было утишено настойчивыми жаждами и голодом; поэтому, причалив к берегу, мы отчалили. Продвигаясь, а вернее, ползя к колодцу, среди нас разгорелась еще одна ссора, воспоминание о которой столь неблагодарно, что я похороню ее в тишине, лучшей могиле для разногласий. Один из нашей компании, Уильям Адамс, пытаясь напиться, не смог проглотить воду и опустился на землю, слабо воскликнув: "Я мертвец!" После долгих усилий и принуждений он, наконец, немного пришел в себя, и когда все мы освежились лепешкой и водой, мы легли у колодца, чтобы дождаться утра.

Когда рассвело, мы снова обратились к часовому, чтобы он указал нам дорогу к ближайшему дому или городу, что он и сделал, направив нас к дому на расстоянии около двух миль; но наши ноги были настолько сырыми и мозолистыми от солнца, что мы долго не могли преодолеть этот короткий путь; и тогда хозяева дома, решив по нашему одеянию, что мы пришли с целью грабежа, подали нам стреляющую пушку, приказав стоять. Первый из нас, говоривший на языке этой страны, мягко попытался обмануть его, сказав, что мы - компания бедных существ, которых чудесное Божье провидение спасло от рабства в Алжире, и выразил надежду, что он проявит милосердие к нашим страданиям. Честный фермер, тронутый нашим отношением, послал хлеб, воду и оливки. Освежившись ими, мы прилегли и отдохнули три или четыре часа в поле; и, поблагодарив его за милосердие, приготовились уползти. Обрадованный нашей благодарностью, он позвал нас в свой дом и угостил теплой фасолевой похлебкой, которая показалась мне лучшей из всех, что я когда-либо ел. Снова взяв отпуск, мы двинулись в сторону Майорки, до которой было около десяти миль.

На следующее утро мы прибыли в пригород, где необычность нашего одеяния: мы были босиком и без ног, и на нас не было ничего, кроме свободных рубашек, натянутых поверх

пальто, - привлекла толпу расспрашивающих. Мы подробно рассказали о своем избавлении, и, поскольку они были готовы помочь нам, они снабдили нас едой, вином, крепкой водой и всем, что могло бы восстановить наш измученный дух. Однако они сказали, что мы должны оставаться в пригороде до тех пор, пока вице-король не получит извещение о нашем прибытии. Нас вызвали к нему, и, выслушав рассказ о нашем побеге и опасностях, он приказал содержать нас за свой счет, пока мы не получим проезд в свою страну; а тем временем люди собрали деньги, чтобы купить одежду и обувь.

С Майорки они отправились в Кадис, а оттуда в Англию, куда добрались в целости и сохранности.

В разные периоды разными европейскими государствами было снаряжено несколько экспедиций для борьбы с пиратами. Император Карл V., находясь в расцвете сил, в 1541 году отплыл с грозным вооружением и высадился на берег. Без сомнения, он взял бы город, если бы не поднялся страшный шторм, который уничтожил большую часть его флота и заставил его вновь высадиться со своими разбитыми силами в величайшей спешке. Ликованию алжирцев не было предела; теперь они считали себя особыми любимцами небес; самая мощная армия, когда-либо пытавшаяся их подчинить, вернулась, потеряв треть своего состава и большую часть кораблей и транспортов. Пленных брали в таком количестве, что, чтобы показать их никчемность, их публично продавали на рынке в Алжире по луку за голову.

В течение почти столетия после этого в истории Алжира мало что происходило, кроме постоянной системы пиратства. В 1655 году британский адмирал Блейк устроил им грандиозное побоище.

Следующими на этих общих врагов Европы напали французы. Командовал экспедицией адмирал Дюгесне, и после непродолжительной бомбардировки этого места сам дей вскоре начал приходить в ужас от разрушений, которые производили эти новые двигатели морской войны, когда возникший неблагоприятный ветер заставил флот отплыть в Тулон.

Избавившись от страха перед скорым уничтожением, алжирцы вернулись к своим прежним делам и отправились на побережье Прованса, где совершали самые ужасные опустошения, убивая, сжигая и уничтожая все, что попадалось им на пути. Дею также вернули не только мужество, но и юмор; узнав, в какую крупную сумму обошлась экспедиция против его города, он послал сказать, "что если Людовик даст ему половину денег, он возьмет на себя обязательство сжечь весь город, чтобы доставить ему удовольствие". На следующий год французы отправили новую экспедицию с теми же офицерами. Дюгесн снова отплыл, и перед городом к нему присоединился маркиз д'Аффранвиль во главе пяти других крепких кораблей. Был проведен военный совет и принято решение о немедленной атаке, в результате которой, когда суда заняли свои позиции, в город было сброшено сто бомб в течение этого дня и еще столько же в следующую ночь, когда было замечено, что город горит в нескольких местах; дворец дея и другие общественные здания были в руинах; некоторые батареи были разобраны, а несколько судов затонули в форте. Столь быстрое разрушение вскоре заставило дея и янычар запросить мира, и соответствующее послание было отправлено Дюгесне, который согласился прекратить огонь, но отказался обсуждать условия, пока в качестве предварительного шага не будут выданы все пленные, взятые в бою под французским флагом. С этим согласились, и сто сорок два пленника были немедленно отправлены. Тем временем солдаты, придя в ярость, убили дея и избрали нового, который приказал водрузить флаг на городских стенах. Военные действия возобновились с еще большей яростью, чем прежде, и французский адмирал обрушил на город такие залпы бомб, что менее чем за три дня большая его часть превратилась в пепел; огонь полыхал с такой

силой, что залив был освещен на расстояние двух или трех лиг. Придя в отчаяние от царившей вокруг резни, новый деи приказал жестоко убить всех французских пленников, собранных в городе, и, связав отца Вакера, французского резидента, по рукам и ногам, привязал его к мортире и выстрелил из нее, как из бомбы, по французскому флоту. Это бесчеловечное злодеяние настолько возмутило Дюгесна, что, расположив свой флот как можно ближе к суше, он продолжал канонаду, пока не уничтожил все их суда, укрепления, здания, короче говоря, почти весь нижний город и около двух третей верхнего; не найдя ничего другого, что могли бы сделать морские силы, и не имея средств для сухопутной экспедиции, он не спеша вышел в море, оставив алжирцев размышлять о печальных последствиях их упрямства. В течение нескольких лет после этого они продолжали заниматься пиратством, а когда британские консулы обратились к дею с жалобой по поводу захвата судна одним из его корсаров, он открыто ответил: "Все это правда, но что с вас взять? Алжирцы - это компания разбойников, а я их капитан".

Для таких людей сила была аргументом; и в 1700 году капитан Бич, столкнувшись с семью их фрегатами, атаковал их, загнал на берег и сжег. В разное время против них посылались экспедиции, но без особых результатов, и большинство морских народов платили им дань. Но суждено было возникнуть новой державе, от которой эти пираты должны были получить свой первый отпор; этой державой были Соединенные Штаты Америки.

В 1792 году его корсары за один поход разделились с десятью американскими судами, а их экипажи отправили в Баньо, так что в рабстве оказалось сто пятнадцать.

Сразу же начались переговоры; требования дея, разумеется, росли пропорционально количеству пленников, и американцы должны были не только заплатить выкуп по высокой ставке, подарки, морские товары и ежегодную дань, но и построить и подарить дею в качестве умиловительной жертвы тридцатипушечный фрегат; Таким образом, все расходы составили не более миллиона долларов, в обмен на которые они получили свободу для своих пленников, защиту для своих торговых судов и право свободной торговли с Алжиром. Договор был подписан 5 сентября 1795 года; и с тех пор, вплоть до 1812 года, дей оставался в сносных отношениях с Конгрессом; более того, в 1800 году он был так доволен ими, что сообщил консулу о своем намерении отправить посла в Порту с обычными подарками на "Вашингтоне", небольшом американском фрегате, в то время стоявшем в гавани Алжира. Напрасно консул и капитан упирались и утверждали, что у них нет полномочий отправлять судно с такой миссией; их заставили замолчать, заверив, что это особая честь, оказанная им, которую деи отказался оказать любому из английских судов, находившихся тогда в гавани, так как он был весьма зол на эту нацию. Вашингтон пришлось подготовить к службе; корсарский флаг с головой Али, покрытой тюрбаном, был поднят на его грот-мачте под салют из семи пушек; в таком приличном виде он проплыл по Средиземному морю, бросил якорь перед семью башнями, где, выгрузив груз, получил разрешение вернуть свои собственные цвета и стал первым судном, поднявшим Американский союз во фракийском Босфоре.

Алжирцы в момент обстрела французского консула из мортиры по французскому флоту.

Однако в 1812 году, обнаружив, что его средства на исходе, и получив со всех сторон сообщения о том, что на плаву находится богатая американская торговля, дей решил испытать их новой войной. Ему особенно не повезло с выбором времени, так как Штаты, объявив за месяц до этого войну Великобритании, фактически вывели из моря большую часть торговых судов, так что единственным призом, попавшим в руки крейсеров Дея, был небольшой бриг с командой из одиннадцати человек. В конце концов пришло время положить конец этим незаконным грабёжам, и после заключения мира с Англией президент Мэдисон в 1815 году отправил американскую эскадру под командованием коммодоров Бейнбриджа и Декатура, а также посланника мистера Шалера. Шалер, посланником, на борту, чтобы потребовать полного удовлетворения за все обиды, нанесенные американским подданным, немедленного освобождения тех, кто был в плену, возвращения их имущества, с заверением, что в будущем не будет предложено никакого насилия, а также обсудить предварительные условия договора на условиях полного равенства, не допуская никаких предложений о дани. Эскадра достигла места назначения в начале июня и, захватив алжирские фрегат и бриг, внезапно появилась перед Алжиром в тот момент, когда все крейсера были в море, и передала на рассмотрение Дивана условия, на которых им было поручено заключить мир, вместе с письмом президента к дею. Сбитые с толку внезапным и совершенно неожиданным появлением этой силы, алжирцы 30 июня почти без обсуждения согласились на предложения о заключении договора.

Великобритания, владычица морей, уже давно упрекала себя в том, что она безропотно терпела, когда варварская держава совершала столь жестокие опустошения флотов и берегов малых государств Средиземноморья. В конце концов нашлась веская причина, чтобы наказать их.

В Бона, в нескольких милях к востоку от Алжира, находилось заведение для кораллового промысла под защитой британского флага, которое в сезон посещало большое количество судов из корсиканских, неаполитанских и других итальянских портов. 23 мая, в праздник Вознесения, когда экипажи всех лодок готовились слушать мессу, из замка выстрелили из пушки, и в это время появилось около двух тысяч, по другим данным - четыре тысячи, пехоты и кавалерии, состоящей из турок, левантийцев и мавров. Часть этих войск направилась в

деревню, а другая группа двинулась к реке, где на разном расстоянии от моря лежали рыбацкие лодки, и, открыв огонь по несчастным рыбакам, которые были частично на борту, а частично на суше, перебили почти всех. Затем они схватили английские флаги, разорвали их в клочья и, топча ногами, с триумфом протащили по земле. Люди, оказавшиеся в стране, спаслись бегством и заявили, что видели, как солдаты разграбили дом британского вице-консула, магазины с провизией и кораллы, которые были выловлены. Несколько лодок спаслись и принесли новость в Геную, откуда она была передана агентом Ллойда в депеше от 6 июня.

Не успело известие об этой жестокой расправе достичь Англии, как все круги воспылали желанием наказать этого варварского принца, которого не сдерживали ни чувства гуманности, ни договоры. Поэтому экспедиция была со всей быстротой снаряжена в Портсмуте, а командование поручено лорду Эксмуту, который, после некоторых задержек из-за встречных ветров, наконец отплыл 28 июля с полным во всех отношениях флотом, состоящим из его собственного корабля "Королева Шарлотта", сто двадцать пушек; "Неприступный", контр-адмирал, сэр Дэвид Милн; девяносто пушек; "Минден", "Суперб", "Альбион", каждый по семьдесят четыре пушки; "Леандер" - пятьдесят пушек, еще четыре фрегата и брига, бомбарды, пожарные корабли и несколько мелких судов, хорошо снабженных, помимо обычных средств ведения войны, ракетами Конгрива и снарядами Шрапнеля, разрушительная сила которых в последнее время была в изобилии доказана на континенте. 9 августа флот бросил якорь у Гибралтара, и к нему присоединился голландский адмирал Ван Каппилен, командовавший пятью фрегатами и корветом, который уже был в Алжире, пытаясь доставить рабов, но, получив отказ и сочтя свои силы недостаточными, решил присоединиться к английской эскадре, которая, как было понятно, находилась на весу. Тем временем "Прометей" капитана Дэшвуда был послан в Алжир, чтобы вывезти британского консула с семьей; но ему удалось взять только жену и дочь, которые были вынуждены бежать, переодевшись в форму мичманов; так как дей, узнав через французские газеты о британской экспедиции, схватил консула, г-на Макдоннела, и посадил его в тюрьму. Макдоннел и посадил его в кандалы, а узнав о побеге его жены, немедленно приказал задержать две шлюпки "Прометея", оказавшиеся на берегу, и сделал из их экипажей рабов, всего восемнадцать человек. Об этом новом возмущении было сообщено лорду Эксмуту вскоре после выхода из Гибралтара, и, конечно, это ничуть не прибавило ему желания добраться до Алжира. Он прибыл в Алжир утром 27 августа и отправил своего переводчика, мистера Саламе, с лейтенантом Берджессом под флагом перемирия с письмом к дею, требующим возмещения ущерба.

В это время поднялся легкий бриз, и флот вошел в бухту и лег в миле от Алжира. "Было уже, - пишет г-н Саламе в своем увлекательном повествовании, - половина второго, а ответа все не было, хотя мы простояли на полчаса дольше, чем было предписано, и флот находился почти напротив города, и дул легкий бриз, мы сочли нужным, выполнив свой долг, не терять времени, а подняться на борт и сообщить его светлости о случившемся.

"Мистер Берджесс, флаг-лейтенант, согласился со мной, мы подняли сигнал, *что ответа не последовало*, и стали грести в сторону "Королевы Шарлотты". После того как я доложил адмиралу о нашей встрече с капитаном порта, о нашем ожидании там и т. д., я был весьма удивлен, увидев, как изменился его светлость по сравнению с тем, каким я оставил его на утром; ибо я знал, что его манеры в целом очень мягкие, а теперь он показался мне *всепобеждающим*, как свирепый лев, которого заковали в клетку и выпустили на свободу. При всем том его светлость ответил мне: *"Неважно, сейчас увидим"*; в то же время он

повернулся к офицерам и сказал: "*Будьте готовы*", - и тут я увидел, что каждый из них держит в руке спичку или струну от замка, с тревогой ожидая слова "*Огонь*"!

Не успел Саламе вернуться, как его светлость подал сигнал, чтобы узнать, все ли корабли готовы, и, получив утвердительный ответ, он прямо повернул "Королеву Шарлотту" к берегу и, к полному изумлению алжирцев, прошел через все батареи, не сделав ни одного выстрела и не получив ни одного выстрела, пока не подошел на восемьдесят ярдов к южной оконечности мола, где привязал ее к грот-мачте алжирского брига, который он взял за ориентир, и затем имел удовольствие наблюдать, как весь остальной флот, включая голландские фрегаты, занял свои посты с той же точностью и регулярностью. Позиция, в которой находилась "Королева Шарлотта", была настолько восхитительной, что она подвергалась огню только трех или четырех фланговых орудий, в то время как ее широкая сторона охватывала всю батарею и полностью контролировала мол и морскую часть, каждая часть которой была отчетливо видна с ее квартердека. До этого момента не было сделано ни одного выстрела, и все батареи были заполнены зрителями, которые с изумлением смотрели на тишину и порядок, царившие на всех британских кораблях, и на опасную близость, в которой они находились к столь грозным средствам обороны. Лорд Эксмут начал надеяться, что его требования будут удовлетворены; но задержка, как оказалось, была вызвана тем, что алжирцы оказались совершенно не готовы к столь внезапному приближению, так как их пушки не были пристреляны в тот момент, когда "Королева Шарлотта" пронеслась мимо них, и было хорошо видно, как они заряжали их, когда остальные корабли выстраивались в линию. Желая, по возможности, избежать лишней крови, его светлость, стоя на квартердеке, неоднократно взмахивал шляпой, предупреждая собравшихся на молу людей об отходе, но его сигнал не был услышан, и в четверть третьего пополудни с восточной батареи по "Королеве Шарлотте" был сделан первый выстрел, а еще два - по "Альбиону" и "Супербу", которые шли следом. Тогда лорд Эксмут, увидев лишь *дым от выстрела*, прежде чем до него донесся звук, с величайшей готовностью сказал: "*Так держать; стреляйте, мои славные друзья!*" И я уверен, что не успел его светлость закончить эти слова, как с радостными криками был подан наш борт, который выстрелил три раза в течение пяти или шести минут; в то же самое время и другие корабли сделали то же самое. Этот первый выстрел был настолько ужасен, что, как говорят, более пятисот человек были убиты и ранены им. И я верю этому, потому что во всех частях была огромная толпа людей, многие из которых после первого выстрела, как я видел, убегали под стены, как собаки, идя по ногам и рукам".

"После того как с обеих сторон произошла эта ужасная атака, сразу же небо потемнело от дыма, солнце полностью затмилось, и горизонт стал мрачным. Изнемогая от жара этого мощного солнца, под которым я находился целый день, и оглушенный грохотом орудий, и находясь в страшной опасности такого ужасного боя, в котором я никогда не был прежде, я был в полной растерянности, как изумленный или глупый человек, и сам не знал, где я нахожусь. Наконец его светлость, поняв мое положение, сказал: "Вы исполнили свой долг, теперь спускайтесь вниз". После чего я начал спускаться с квартердека, совершенно сбитый с толку и напуганный, не уверенный, что доберусь до кубрика живым; ибо было ужасно слышать грохот выстрелов, видеть раненых, которых приносили с одной стороны, и убитых с другой; и особенно в такое время оказаться среди *английских моряков*! И наблюдать их манеры, их активность, их мужество и их жизнерадостность во время сражения!... Это действительно очень сильно и невообразимо".

Битва продолжалась, и разрушения с обеих сторон были очень велики. Было несколько ужасных моментов, особенно когда алжирские суда, находившиеся так близко от нашей линии, были подожжены. Офицеры, окружавшие лорда Эксмута, просили разрешения

попытаться атаковать внешний фрегат, находившийся на расстоянии около ста ярдов. В конце концов он согласился, и майор Госсет из корпуса морской пехоты горячо попросил и получил разрешение сопровождать лейтенанта Ричардса на корабельном баркасе. Фрегат был мгновенно взят на абордаж, и уже через десять минут на нем полыхало страшное пламя. Галантный молодой мичман, хотя ему и запретили, под влиянием своего слишком пылкого духа последовал за баржей, в результате чего был тяжело ранен, убит его брат-офицер и девять человек из команды. Баржа, гребя быстрее, спаслась лучше, и на ней был только один убитый.

Около заката адмирал получил сообщение от контр-адмирала Милна, в котором тот сообщал о своих тяжелых потерях в убитых и раненых, составивших сто пятьдесят человек, и просил, если возможно, прислать ему фрегат, чтобы отвести часть огня противника. Соответственно, "Глазго" получил приказ встать на весла, но из-за канонады ветер стих, и он был вынужден снова встать на якорь, заняв более выгодную позицию. Флотилия мортирных, орудийных и ракетных катеров, под руководством соответствующих артиллерийских офицеров, в меру своих сил разделила почести и труды этого славного дня. Именно от их огня все корабли в порту (за исключением уже упомянутого внешнего фрегата) были объаты пламенем, которое, быстро распространяясь по всему арсеналу, канонерским лодкам и складам, представляло собой зрелище ужасающего величия и интереса, которое не в силах описать ни одно перо. Военные шлюпы, выделенные для помощи линейным кораблям и подготовки к их отступлению, не только хорошо выполняли эту обязанность, но и использовали любую возможность для стрельбы через промежутки времени, постоянно находясь в движении. Снаряды, выпущенные королевской морской артиллерией, были превосходно метаемы и, хотя были направлены вверх и поперек наших военных кораблей, не привели ни к одному несчастному случаю. Чтобы окончательно сбить противника с толку, адмирал приказал подвести к молу заряженное для этого случая взрывное судно; но по представлению сэра Дэвида Милна, что оно окажет ему существенную услугу, если будет действовать на батарею, расположенную впереди, оно было отбуксировано к этому месту и взорвано с огромным эффектом.

Это был почти последний удар; огонь противника в течение некоторого времени был очень слабым, а теперь почти полностью прекратился, за исключением того, что время от времени несколько выстрелов и снарядов раздавалось с более высокой цитадели, по которой не могли стрелять орудия флота. Адмирал, который с самого начала находился в самом горячем положении и стрелял до тех пор, пока его орудия не раскалились настолько, что некоторые из них уже не могли быть использованы; теперь, видя, что он выполнил самую важную часть своих инструкций, отдал приказ отвести флот. Это было начато в отличном порядке около десяти часов вечера, и обычный бриз, отойдя от берега, благоприятствовал их маневру, так что, все руки были заняты на перекосах и буксировке, суда были благополучно выведены в бухту и поставлены на якорь, вне досягаемости выстрелов, около двух часов следующего утра.

Столь значимая и хорошо оспариваемая победа не могла быть одержана без значительных потерь и страданий. В английском флоте они составили сто двадцать восемь человек убитыми и шестьсот девяносто ранеными; в голландской эскадре - тринадцать убитых и пятьдесят два раненых; общее число - восемьсот восемьдесят три человека. Но противник пострадал гораздо сильнее; по подсчетам, он потерял убитыми и ранеными не менее шести-семи тысяч человек. Потери, понесенные алжирцами в результате разрушения мола, составили четыре больших фрегата с сорока четырьмя орудиями. Пять больших корветов, от двадцати четырех до тридцати орудий. Все канонерские и мортирные лодки, кроме семи;

тридцать уничтожены. Несколько торговых бригав и шхун. Большое количество мелких судов различного назначения. Все понтоны, лихтеры и т.д., склады и арсенал со всем лесом и различными морскими принадлежностями уничтожены частично. Большое количество орудийных лафетов, мортир, бочек и корабельных складов всех видов.

Немедленно были открыты переговоры по форме; и 30 августа адмирал опубликовал уведомление флоту, что все требования были выполнены, британскому консулу возмещены убытки, а дей, в присутствии всех своих офицеров, принес публичные извинения за нанесенные ему оскорбления. 1 сентября лорд Эксмут имел удовольствие сообщить секретарю Адмиралтейства, что все рабы в городе Алжире и его ближайших окрестностях были вывезены на берег; также 357 000 долларов для Неаполя и 25 000 долларов для Сардинии.

Число освобожденных таким образом рабов составило тысячу восемьдесят три человека, из которых четыреста семьдесят один был неаполитанцем, двести тридцать шесть сицилийцев, сто семьдесят три римлянина, шесть тосканцев, сто шестьдесят один испанец, один португалец, семь греков, двадцать восемь голландцев и ни *одного англичанина*. Если бы англичанин охотнее других рисковал славой и честью своей нации, то это было бы нападение на Алжир, которое, предпринятое исключительно на свой страх и риск и заработанное исключительно за счет собственной крови и собственных ресурсов, не спасло от тирана ни одного его подданного, в то время как освободило более тысячи, принадлежавших другим европейским державам.

В августе 1816 года сила Алжира казалась уничтоженной; его стены лежали в руинах, его надменный флаг был повержен в прах; его ворота были открыты для враждебной державы, а условия диктовались во дворце ее принцев. Прошел год, вражеская эскадра покинула ее порты, по ее улицам раздался стук молотка рабочего, гул занятых людей, поднялись новые стены, появились новые, более грозные батареи; она снова заняла прежнее положение, бросила вызов своим врагам и объявила войну цивилизации: -опять ее запятнанные кровью корсары бороздили моря, жаждущие грабежа, готовые к бою; -христианская торговля вновь оказалась скованной ее предприятиями, а христианские пленники вновь поднимали крик об освобождении. В 1819 году ее пиратство стало настолько многочисленным, что конгресс в Экс-ла-Шапель уведомил дею, что требуется прекратить его, и это будет обеспечено объединенной французской и английской эскадрой. Его ответ был краток и высокомерен, и адмиралы были вынуждены уйти, не получив ни малейшего удовлетворения. Однако угрозами, сопровождаемыми присутствием нескольких крейсеров, Англия, Франция и Соединенные Штаты заставили уважать свои флаги.

Али, преемник Амара, умер в 1818 году, и его сменил Хассейн-паша, который с самого начала своего правления проявлял сильнейшую антипатию к французской власти. В 1824 году он ввел во всех своих провинциях произвольный налог на французские товары и мануфактуру; в дом консула часто врывались и обыскивали, вопреки прямым положениям договоров; И, наконец, в апреле 1827 года, сам консул, отправившийся на праздник Байрам засвидетельствовать свое почтение, был, по незначительному разногласию, возникшему во время их разговора, ударен по губам мухобойкой, которую дей держал в руке, и вследствие этого вскоре покинул Алжир, а дей приказал уничтожить все французские заведения на побережье в направлении Боны и всячески притеснял французских жителей в своих владениях. Французы немедленно начали блокаду и поддерживали ее почти три года, пока не выяснилось, что они страдают от нее гораздо больше, чем Дей, - расходы достигли почти 800 000 фунтов стерлингов, в то время как он, казалось, нисколько не пострадал от их усилий и даже отнесся к ним с таким презрением, что приказал своим фортам открыть огонь по

судну адмирала Ле да Бретонньера, который в 1829 году отправился туда под флагом перемирия, чтобы сделать окончательное предложение об условиях размещения. Столь явное нарушение законов наций не могло остаться незамеченным даже имбецильной администрацией Карла X. Вся Франция была в волнении; национальный флаг был опозорен, а ее посол оскорблен; крик о войне стал громким и всеобщим; были проведены конференции по этому вопросу; самые старые и опытные мореплаватели были приглашены военным министром для помощи в обсуждении; И наконец, в феврале 1830 года было принято решение об экспедиции, состоящей из тридцати семи тысяч человек, что, по расчетам, было бы не только достаточно для преодоления всех возможных препятствий, но и позволило бы французам превратить королевство в провинцию и удерживать его в подчинении в течение любого срока, который будет сочтен целесообразным. Не успело это решение быть обнародовано, как все необходимые приготовления были начаты с величайшим усердием. Сейчас был февраль, а экспедиция должна была отправиться в путь к концу апреля, так что нельзя было терять времени. Арсеналы, морские и военные верфи были задействованы по полной программе. Полевые и проломные батареи были установлены по новому принципу, принятому недавно; габионы, земляные мешки, *chevaux-de-frise* и снаряды изготавливались в величайшем изобилии. Карты, записки и вся информация, которую можно было получить о Барбарии, передавались в военное министерство, где их содержимое сравнивалось и переваривалось, и разрабатывался план операций. Комиссариат был занят сбором провизии, вагонов и оснащением эффективного госпитального поезда; заместитель комиссара был отправлен на разведку побережья Испании и Балеарских островов, чтобы выяснить, какие ресурсы можно оттуда извлечь, и договориться с королем о разрешении на создание военных госпиталей в Порт-Маоне. Восемнадцать линейных полков, три эскадрона кавалерии и различные корпуса артиллерии и инженеров получили приказ держать себя в готовности; четыреста транспортов были собраны и зафрахтованы правительством в порту Марселя, а военные суда, которые должны были составить конвой, были назначены к месту встречи в окрестностях Тулона. После некоторых колебаний относительно того, кто должен командовать этой важной экспедицией, граф де Бурмон, тогдашний военный министр, счел нужным назначить себя; и вскоре его *etat-major* был завершен, Депрез действовал в качестве начальника, а Толозе - в качестве второго командира. Мобер де Нейи был выбран провиантмаршалом, де Бартилья (который впоследствии написал интересный рассказ об экспедиции) - генерал-квартирмейстером, а де Карне - генеральным комиссаром войск. Кроме них, в штабе было около двадцати адъютантов, санитаров и молодых людей в чинах, а также испанский генерал, английский полковник, русские полковник и лейтенант и два саксонских офицера, командированные своими правительствами. Кроме того, была группа инженеров-географов, в обязанности которых входило обследование и составление карт страны по мере ее завоевания, "и, - пишет М. Роже, который сам был занят на службе, о которой мы только что упоминали, и чьим превосходным трудом, написанным в этом качестве, мы так обязаны, - двадцать четыре переводчика, половина из которых не знала ни французского, ни арабского, были прикреплены к различным корпусам армии, чтобы облегчить их общение с жителями". Поскольку министр решил рискнуть своей репутацией в этой экспедиции, все припасы, разумеется, были самого высокого качества и в самом большом изобилии. Провизии было заказано на три месяца; такое же количество должно было быть отправлено, как только армия высадится в Африке; Кроме того, среди прочих предметов снабжения мы видим тридцать деревянных ног и двести костылей для помощи несчастным героям, буровой аппарат для погружения насосов, если не хватит воды, и воздушный шар с двумя аэронавтами для разведки позиций противника, если, как предполагалось, он укроется под живыми изгородями и кустарником.

Французы высадились у Сиди-эль-Феррух, небольшого мыса, расположенного примерно в пяти лигах к западу от Алжира и в полулиге к востоку от реки Массифлан, где она впадает в залив. 14 июня все они высадились без сопротивления.

После продолжительных стычек и перестрелок армия подошла на пушечный выстрел к Алжиру, где разрыла землю и начала укреплять позиции; французские укрепления были завершены, и все тяжелые проломные пушки были установлены; На рассвете 4 июля генерал Лахит, лично убедившись, что все готово, приказал бросить сигнальную ракету, и в тот же миг все французские батареи открыли огонь в упор, от которого содрогнулся весь Алжир, а гарнизон, не ожидавший столь быстрой атаки, прибежал на свои посты. Артиллерия действовала великолепно, а с одной батареи, которая прикрывала форт, шары сметали сразу целый ряд алжирских канониров с их орудий. Турки проявили самое неустрашимое мужество; они отвечали выстрелом на выстрел, пополняли свежими людьми места убитых, затыкали шерстяными мешками проломы, проделанные шарами, заменяли пушки, которые французский огонь вывел из строя, и ни на минуту не ослабляли своих усилий. Но природа их сооружений была плохо просчитана, чтобы противостоять научной точности, с которой осаждающие вели свою атаку. Каждый шар теперь говорил - башня в центре была полностью изрешечена выстрелами и снарядами, разрывы которых вывели из строя большое количество гарнизона. К семи часам осажденные начали отходить от наиболее поврежденной части своих укреплений; к половине восьмого вся внешняя линия обороны была оставлена, а к девяти огонь форта угас. Турецкий генерал, сочтя сопротивление безнадежным, обратился к дею за приказаниями; в ответ получил приказ отступить со всеми оставшимися силами к Кассаубе и оставить трех негров для подрыва форта. Спокойствие, с которым они выполнили эту смертельную задачу, заслуживает упоминания. Французы, обнаружив, что огонь противника не действует, направили все свои силы на то, чтобы пробить брешь. Форт казался покинутым: два красных флага по-прежнему развевались на внешней линии обороны, а третий - под углом к городу. Три негра спокойно ходили по валам и время от времени оглядывались, как бы проверяя, как продвигается прорыв. Один из них, пораженный пушечным ядром, упал, а остальные, словно желая отомстить за его смерть, подбежали к пушке, навели ее и сделали три выстрела. На третьем выстреле пушка перевернулась, и они не смогли ее заменить. Они попробовали другую, и когда они уже поднимали ее, выстрел выбил ноги из-под одного из них. Оставшийся негр на мгновение взглянул на своего товарища, отвлек его немного назад, оставил и еще раз осмотрел пролом. Затем он схватил один из флагов и удалился в глубь башни; через несколько минут он появился снова, взял второй и спустился вниз. Французы продолжали канонаду, и пролом казался почти готовым, как вдруг их поразил страшный взрыв, от которого вся земля содрогнулась, как от землетрясения; из центра крепости вырвался огромный столб дыма, смешанный с полосами пламени, массы цельной кладки были подняты в воздух на удивительную высоту, а пушки, камни, бревна, снаряды и трупы были разбросаны во все стороны - негр выполнил свой долг - форт был взорван.

Уже через полчаса французские саперы и шахтеры восстанавливали дымящиеся руины, их передовые дозоры провели рекогносцировку вдоль склона холма в направлении форта Бабазуна, а их инженеры заложили новые укрепления в семистах ярдах от Кассаубы. Но эти приготовления были излишни; дей отказался от всякого дальнейшего намерения сопротивляться, и в два часа был объявлен флаг перемирия, который оказался Сиди Мустафой, личным секретарем дея, с предложением оплатить все расходы кампании, отказаться от всех своих требований к Франции и выплатить любые репарации, которые может потребовать французский генерал, при условии, что войска не войдут в Алжир. Эти предложения встретили мгновенный отказ: Бурмон почувствовал, что Алжир находится в его

власти, и заявил, что не предоставит иных условий, кроме гарантии жизни дею и жителям, добавив, что если ворота не будут открыты, он возобновит обстрел. Едва Мустафа ушел, как появились еще два депутата, посланные горожанами, чтобы заступиться за них. Это были турок по имени Омар и мавр по имени Бударба, который, прожив некоторое время в Марселе, прекрасно говорил по-французски. Они получили почти такой же ответ, как и Мустафа; но они оказались лучшими дипломатами, так как так много говорили генералу об опасности, которая может возникнуть при отказе янычарам во всех условиях, и о вероятности того, что, доведенные до отчаяния, они могут оказать убийственное сопротивление, а затем уничтожить все богатства и взорвать все крепости, прежде чем сдадутся, что Бурмон, уступив их представлениям, стал менее суров в своих требованиях; И Мустафа, вернувшись примерно в то же время с английским вице-консулом в качестве посредника, окончательно зафиксировал на бумаге следующие условия и отправил их дею через переводчика.

"1. Форт Кассауба со всеми другими фортами, зависящими от Алжира, и гавань должны быть переданы в руки французских войск 5 июля, в 10 часов утра.

"2. Главнокомандующий французской армией гарантирует дею Алжира личную свободу и всю его частную собственность.

"3. Дей будет волен удалиться со своей семьей и богатствами, куда пожелает. Пока он остается в Алжире, он и его семья будут находиться под защитой главнокомандующего. Гвардия будет обеспечивать его безопасность и безопасность его семьи.

"4. Те же преимущества и та же защита гарантируются всем солдатам ополчения.

"5. Исповедание магометанской религии остается свободным; свобода жителей всех сословий, их религия, собственность, торговля и промышленность не должны пострадать; их женщины должны быть уважаемы: генерал берет это на свою ответственность".

"6. Ратификация этой конвенции должна быть произведена до 10 часов утра 5 июля, и французские войска немедленно после этого должны овладеть Кассаубой и другими крепостями".

Эти условия были настолько выгоднее, чем мог ожидать дей, что, разумеется, он не терял ни минуты, чтобы выразить свое согласие: он лишь просил дать ему еще два часа, чтобы вывезти себя и свои вещи из Кассаубы, и они были с готовностью предоставлены. Можно, конечно, удивляться, что ему и его янычарам позволили оставить себе всю добычу под именем частной собственности; но граф де Бурмон, хоть и не лишенный талантов, был по сути своей слабым человеком, и в данном случае хитрый мавр переиграл его. Все следующее утро из Алжира, еще до вступления французской армии, выбегало огромное количество людей, унося с собой все свои товары, ценности и деньги. Они бежали мимо форта Баб-азуна, по дорогам в сторону Константины и Бледы; около сотни конных арабов были замечены на берегу с караколлами, как бы прикрывая их отступление. Однако ни французские войска, ни их флот, который теперь снова появился в поле зрения, не оказали никакого сопротивления.

В двенадцать часов генерал со своим штабом, артиллерией и сильной охраной вошел в Кассаубу, и в тот же момент все остальные форты были заняты французскими войсками. Никто не явился, чтобы официально сдаться, и никто не явился со стороны жителей, чтобы поинтересоваться, какую защиту они получают, но в целом мы считаем, что войска вели себя, по крайней мере, в этом случае, очень терпеливо; и что из грабежей, которые имели место,

большее число было совершено маврами и евреями. Одно из них было весьма изобретательным. Министр финансов передал государственные сокровища в руки комиссаров, регулярно назначаемых для этой цели. Среди прочего, был посещен монетный двор, выдана расписка о том, что он содержит слитки на сумму 25 000 или 30 000 франков, дверь опечатана, и поставлен часовой. На следующее утро печать была на месте, часовой на посту, но слиток исчез через небольшое отверстие в задней стене.

Количество государственного имущества, найденного в Алжире и присвоенного французами, было очень значительным и с лихвой окупало расходы на экспедицию. Блокада последних трех лет, прервав торговлю, привела к накоплению товаров, которыми алжирцы обычно платили дань, так что склады в Кассаубе были в изобилии заполнены шерстью, шкурами, кожей, воском, свинцом и медью. Были найдены также зерно, шелка, муслины, золотые и серебряные ткани, а также соль, на которую дей сохранил за собой монополию и, покупая ее по дешевке на Балеарских островах, продавал своим подданным по завышенным ценам. Только сокровища составили около пятидесяти миллионов франков, а пушки, снаряды, пороховые склады и военные магазины, вместе с общественными зданиями, литейными мастерскими, верфями и судами в гавани, оценивались в еще большую сумму; В то время как все расходы на экспедицию, включая сухопутную и морскую службу, вместе с содержанием оккупационной армии до января 1831 года, по подсчетам, не превышали 48 500 000 франков; таким образом, Франция должна была получить за свою первую связь с Алжиром сумму, не намного меньшую, чем 3 000 000 фунтов стерлингов - большая сумма, рискнем сказать, чем та, которая может быть получена ею снова, даже после многих лет колонизации.

Через несколько дней дей отплыл в Неаполь, который он избрал своим будущим местом жительства; янычары были отправлены на французских судах в Константинополь; беи Типпери сделали свои представления и поклялись в верности французскому королю; были изданы приказы и приняты законы от его имени; Арабы и калылы, как обычно, приезжали на рынок со своей птицей и дичью; французский солдат был в полной безопасности, если только он не отходил далеко за пределы аванпостов; и в целом воинственный Алжир приобрел вид французской колонии.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, СУД И КАЗНЬ КАПИТАНА ГОУ.

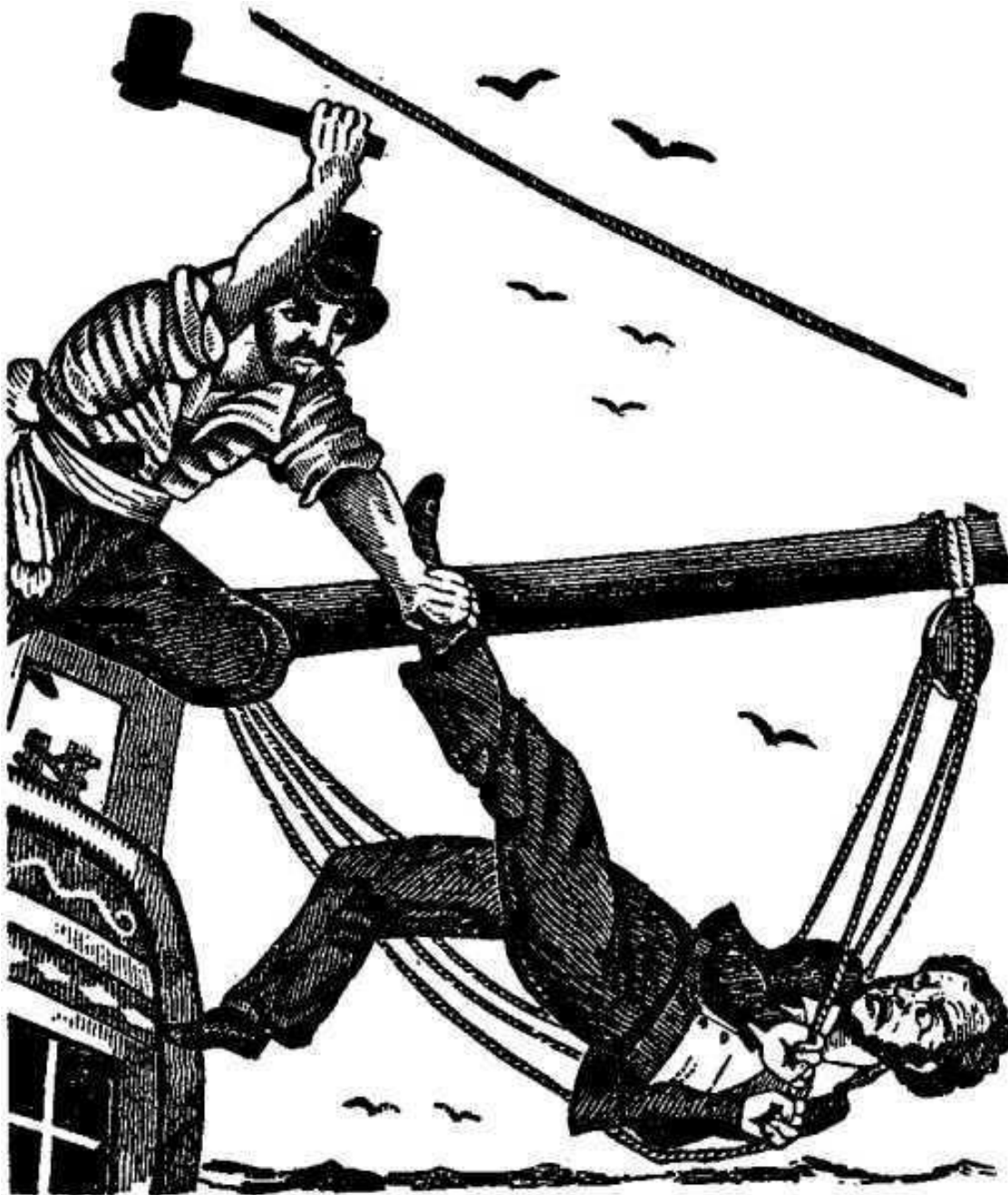
Капитан Гоу отплыл из Амстердама в июле 1724 года на борту галеры "Джордж" в Санта-Крус, где они взяли пчелиный воск. Едва они отплыли от этого места, как Гоу и еще несколько человек, составивших заговор, захватили судно. Один из заговорщиков крикнул: "За бортом человек". Капитан мгновенно бросился к борту судна, но его схватили двое мужчин, которые попытались перебросить его через борт; однако он так сопротивлялся, что вырвался из их рук. Один из Винтеров, вооружившись ножом, попытался перерезать ему горло, но, не попав в цель, капитан все же спасся. Но Гоу, подойдя к корме, ранил его в тело и, перекинув через поручни, вцепился в грот-лист; но Гоу, взяв топор, двумя ударами так искалечил его, что он упал в море и утонул. Заговорщики принялись убивать всех, кто не участвовал в их ужасном заговоре, и тогда Джеймс Уильямс вышел на палубу и, ударив своей тесаком по одной из пушек, отсалютовал Гоу следующими словами: "Капитан Гоу, добро пожаловать, добро пожаловать под ваше командование". Уильямс был провозглашен лейтенантом, а когда были назначены остальные офицеры, капитан обратился к ним, сказав: "Если впредь я увижу, что

кто-то из вас шепчется между собой, или если кто-то из вас откажется подчиняться моим приказам, пусть каждый такой человек будет уверен, что он непременно отправится той же дорогой, что и те, кто только что ушел".

Их первым призом стала бристольская яхта "Сара Сноу". Разграбив судно и взяв с него одного человека, они позволили ему продолжить плавание. Следующим судном, попавшим в их руки, был "Восторг" из Пула, но вскоре они захватили еще два, с одного из которых получили много рыбы, а с другого - хлеб, говядину и свинину. С последнего судна они также взяли в плен двух человек. Вскоре после этого французский корабль снабдил их вином, маслом, фигами, апельсинами и лимонами на сумму 500 л. Через некоторое время после этого они захватили свой последний приз, и, поскольку он не оказал сопротивления, они разграбили его и уволокли.

Затем они отплыли к Оркнейским островам, чтобы убраться, но были задержаны джентльменом из этой страны, доставлены в Лондон и предстали перед судом Адмиралтейства в мае 1725 года. Когда было зачитано первое обвинение, Гоу упорно отказывался признать свою вину, за что суд приказал связать ему большие пальцы рук шнуром от кнута. Это наказание несколько раз повторяли палач и другой офицер, каждый раз перетягивая шнур, пока он не порвался. Но он все еще упрямылся и отказывался подчиниться суду, и тогда над ним был произнесен приговор, который закон предписывает в таких случаях: "Отвести его обратно в тюрьму и там удавить до смерти". Тогда тюремщику было приказано отвести его обратно и проследить, чтобы приговор был исполнен на следующее утро; тем временем суд над заключенными, его товарищами, продолжался.

Но на следующее утро, когда был приготовлен пресс, согласно постановлению суда, принятому накануне, он был так напуган опасением умереть таким образом, что направил в суд свое смиренное прошение, моля о том, чтобы ему разрешили выступить в суде. Просьба была удовлетворена, его снова привели к адвокату и предъявили обвинение по первому пункту, в котором он признал себя невиновным. Затем были повторены показания, данные против других заключенных, на основании которых он был признан виновным и приговорен к смертной казни, которую он перенес вместе с капитаном Уивером и Уильямом Ингхэмом.

Гоу убивает капитана.

Истории этих двух мужчин настолько переплелись с другими, что невозможно выделить многие из их конкретных действий. Однако доказано, что они были если не главными действующими лицами, то причастны к следующим пиратствам: во-первых, захват голландского корабля в августе 1722 года и взятие с него ста голландских монет стоимостью 800

/

.; тысяча восемь кусков стоимостью 250

/

. Во-вторых, проникновение и разграбление лондонского судна "Дельфин" Уильяма Хэддока, с которого они взяли триста кусков восьмерика, стоимостью 75

/

.; сорок галлонов рома и другие вещи, двадцатого ноября того же года. В-третьих, кража с корабля под названием "Дон Карлос", хозяин Лот Никинс, четырехсот унций серебра, стоимостью 100

/

. пятидесяти галлонов рома, стоимостью 30

s

. тысячи восьмерок, ста пистолей и других ценных вещей. И в-четвертых, взятие с корабля под названием "Англия" десяти труб вина, стоимостью 250

/

. Оба последних обвинения были предъявлены в 1721 году. Уивер вернулся домой и пришел к мистеру Томасу Смит в Бристоле в весьма потрепанном виде; притворившись, что его ограбили пираты, Смит, который был знаком с ним восемь или девять лет назад, снабдил его всем необходимым, и он некоторое время ходил без охраны. Но однажды капитан Джозеф Смит, знавший его еще пиратом, встретил его и попросил пойти и выпить с ним бутылку; когда они были в таверне, он сказал ему, что сильно пострадал от того, что сел на его судно, "поэтому, - сказал он, - поскольку я понимаю, что вы находитесь в хороших обстоятельствах, я ожидаю, что вы возместите мне ущерб; если вы это сделаете, я не трону ни одного волоса на вашей голове, потому что вы были очень вежливы со мной, когда я был в ваших руках". Но так как это возмещение так и не было получено. Уивер был задержан и казнен.

ПЕСНЯ ПИРАТА.

На мачте нашего флага темно, как в могиле,
Или смерть, которую он несет, вздымаясь над волной;
Пусть наша палуба будет чиста для боя, наши пушки будут готовы;
Пусть абордажный топор будет наточен, пусть сциметар будет наготове:
Приготовьте канистры, а потом принесите мне,
Ключ от пороховой комнаты - последняя из моих обязанностей.
Он никогда не будет спущен, черный флаг, который мы несем;
Если море нам не дано, мы пронесемся по воздуху.
Неразделенной осталась добыча нашей последней победы;
Разделить ее - мое дело, а твое - повиноваться:
Здесь есть шали, которые подойдут для белой шеи фаворитки,
И жемчуга, что прекрасны, как руки, которые они украсят;
Есть фляги, которые, открой их, воздух откроет.
Прекрасное лето Диаметты, дом розы.
Я не требую ни доли: Я прошу только свое...
Выпить за нашу победу - один кубок красного вина.
Кто-то сражается за богатство, кто-то - за славу:

Первых я презираю, а последним даю имя.
Я сражаюсь, чтобы отомстить! Я люблю смотреть на потоки,
жизнь моего врага от удара моей сабли.
Я бьюсь за память давно ушедших лет;
Я проливаю кровь лишь там, где другой проливал слезы,
Я прихожу, как молния красная сверху,
Иду, как молния красная с высоты, На битву, которую я люблю.

ФИНИС.
